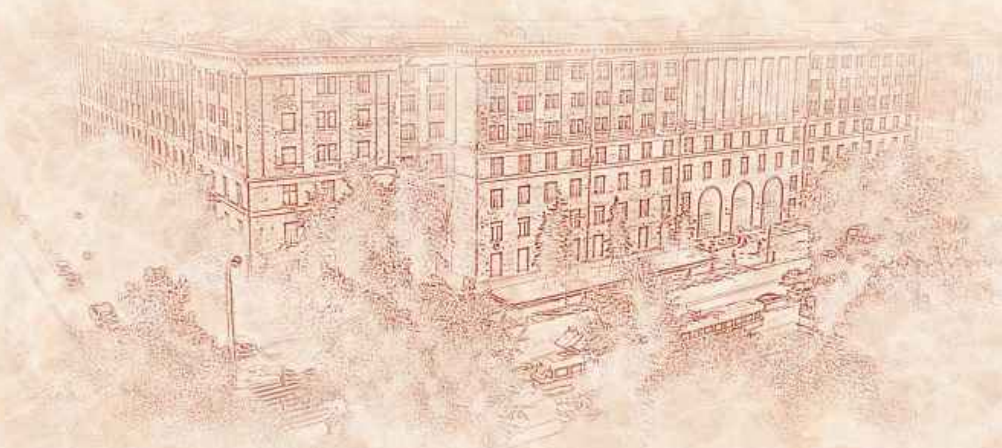

АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ

**УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ
(ПАМЯТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КАФЕДРЫ УГОЛОВНОЙ
ПОЛИТИКИ АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ –
УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)
(24 октября 2025 г.)**

Сборник статей

**Москва
2025**

Академия управления МВД России

**УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ
(ПАМЯТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КАФЕДРЫ УГОЛОВНОЙ
ПОЛИТИКИ АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ –
УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)
(24 октября 2025 г.)**

Сборник статей

**Москва
2025**

УДК 343.21
ББК 67.408
У 26

*Одобрено редакционно-издательским советом
Академии управления МВД России*

Рецензенты: *Д. Ф. Флоря*, кандидат юридических наук, доцент (Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова); *И. В. Калашиников*, кандидат юридических наук, доцент (Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя).

У 26

Уголовная политика на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы (памяти преподавателей кафедры уголовной политики Академии управления МВД России – участников Великой Отечественной войны) : сборник статей по материалам международной конференции (24 октября 2025 г.). М. : Академия управления МВД России, 2025. – 380 с.

ISBN 978-5-908091-17-6

В сборнике представлены научные статьи по материалам международной конференции, прошедшей в Академии управления МВД России 24 октября 2015 г., посвященные актуальным вопросам уголовной политики, а также проблемам ее реализации в деятельности правоохранительных органов. Сборник предназначен для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, докторантов, соискателей, магистрантов и слушателей Академии управления МВД России и других образовательных и научных организаций, а также практических работников правоприменительных органов.

В авторской редакции.

УДК 343.21
ББК 67.408

ISBN 978-5-908091-17-6

© Академия управления МВД России, 2025

Содержание

Меньшов Н. П. Сороковые, роковые...» в биографии Н. А. Стручкова	11
Босхолов С. С. Уголовная политика в области противодействия коррупции	19
Гаврилов Б. Я. Стадия возбуждения уголовного дела как правовое препятствие доступа граждан к правосудию: в цифрах и фактах.....	24
Мартыненко Н. Э. Наука уголовного права в годы Великой Отечественной войны.....	32
Мелихов А. И., Капитанец Ю. В. Уголовная политика как борьба за право	35
Пинкевич Т. В. Деятельность Интерпола и Европола в противодействии неправомерному использованию виртуальной валюты	42
Победкин А. В. Личный обыск и освидетельствование: аналогия как ключ к решению нравственных проблем.....	52
Сизова В. Н. К вопросу о системе наказаний российского уголовного законодательства.....	62
Тепляшин П. В. Стратегия государственной политики Российской Федерации по предупреждению рецидивной преступности: постановка проблемы и обуславливающие факторы.....	67
Фильченко А. П. Криминологическая характеристика и меры повышения эффективности противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	72
Чудаков А. Ю., Вертаев А. В. Нормативно-правовое обеспечение судебно- медицинской экспертизы: фундамент для укрепления доказательной базы в деятельности органов внутренних дел РФ	76
Чудаков А. Ю., Вертаев А. В. Судебно-медицинская экспертиза и ее роль в борьбе с преступностью в годы Великой Отечественной войны.....	89
Алиев М. М., Гаспарян Г. З. Использование возможностей информационно-телекоммуникационных технологий при расследование дорожно-транспортных преступлений.....	96
Аманкулов А. М. Опыт Республики Казахстан по предупреждению преступлений, совершаемых с использованием информационно- коммуникационных технологий	102
Аносов А. В. Использование методов проектного управления в системе противодействия коррупции в органах внутренних дел	110
Баркаев Г. Р. Превентивный потенциал ст. 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации	117
Бойцова Ж. А., Хакимова Э. Р. Уголовно-правовая дифференциация незаконного оборота персональных данных (ст. 272.1 УК РФ) и сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ)	125
Боровиков В. Б. Проблемы укрепления российского государства и их влияние на уголовно-правовую политику.....	129

Боровикова В. В. О некоторых вопросах наказания за преступления в сфере экономической деятельности	136
Бунова И. И. Уголовно-правовая охрана приватности личности в условиях цифровой трансформации.....	140
Дворецкий М. Ю. Эффективная реализация уголовной ответственности: состояние, тенденции, перспективы.....	146
Денисов Н. Л. Проблема защиты неимущественных денежных вложений граждан в образованиях цифрового мира, не являющихся цифровыми правами, уголовно-правовыми средствами	152
Ищук Я. Г. Криминологические основы прогнозирования преступности органами внутренних дел	156
Кирова Т. А. Современное состояние уголовно-правового обеспечения интересов правосудия (на примере гл. 31 УК РФ).....	162
Конев Д. А. Цифровая криминология и искусственный интеллект: переход от предиктивного контроля к социальной превенции.....	168
Корниленко А. В. Политико-правовые аспекты обеспечения внутренней безопасности общества в эпоху цифровизации	176
Кузнецова Н. И. Концепция уголовной политики в сфере обеспечения экологической безопасности	182
Курилов С. И. Современное состояние и актуальные проблемы возмещения органами внутренних дел вреда, причиненного преступлениями в Российской Федерации	188
Мамаев М. И. Трансформация терминологии и содержания феномена незаконного «обналичивания»	195
Марсаков И. С. Некоторые аспекты организации оперативно-розыскной деятельности подразделений собственной безопасности органов внутренних дел по выявлению преступлений коррупционной направленности, совершаемых сотрудниками (работниками) органов внутренних дел, связанных с незаконным распространением служебной информации в сеть «Интернет»	202
Никитин К. И. Виктимологическая характеристика потерпевших от незаконных действий коллекторов (ст. 172.4 УК РФ)	208
Сатдинов Л. В., Давыдовская М. В. Участие понятых в современном уголовном судопроизводстве: насущная потребность или дань традиции? .	213
Силаев А. Д. Материалы РГВА и РГВИА о военной биографии преподавателя Высшей школы МВД СССР В.И. Куфаева.....	220
Стрельченко В. В. О возможности использования опыта налоговых органов для разработки критериев и методики риск-ориентированного подхода в организации информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации	222

Суиндигов Н. М. Теоретико-прикладные проблемы противодействия коррупции и перспективы их разрешения	234
Тарабрина К. С. Личность преступника, совершившего сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних с использованием цифровых технологий	241
Титушкина Е. Ю. Некоторые тенденции современной преступности	247
Филиппов А. М. Перспективы применения цифровых технологий в биометрических учётах органов внутренних дел Российской Федерации ...	250
Шишкин Р. В. Потребительский рынок и его криминализация в современных условиях.....	259
Шкаплеров Ю. П. Трансформация стадии предварительного расследования в уголовном процессе Беларуси в XXI веке	263
Акинжала В. И. Современные тенденции цифровой преступности в сфере банковской деятельности: уголовно-правовые и технологические .	270
Бакасов Р. Р. Задачи криминологической безопасности в обеспечении национального рынка финансовых услуг мерами защиты	278
Бероев М. Т. Современные криминальные угрозы экономической безопасности Российской Федерации в продовольственной сфере	284
Будко Д. В. Современные вызовы, возникающие в результате развития нейросетевых технологий.....	292
Ванеева М. А. Особенности предупреждения преступлений иностранных мигрантов в субъектах Северо-Кавказского федерального округа	298
Григорьева М. Л. Соотношение понятий цели и назначения уголовного судопроизводства в контексте эффективности уголовно-процессуальной деятельности	303
Довлатов А. Н. Современная уголовная политика в сфере противодействия преступлениям, связанным с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией	308
Егорова О. В. Проблемы правового регулирования информационной безопасности и пути их решения.....	313
Еникеева Э. Р. Ятрогенные преступления: понятие, сущность, квалификация и проблемы доказывания.....	318
Исаева А. Д. К вопросу о понятии уголовно-правовой-охраны и соотношении с предупреждением	326
Круглова М. А. Особенности вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность с помощью современных технологий.....	331
Лёксин М. Р. Социальная обусловленность и правовая необходимость криминализации деяний в сфере незаконного обращения цифровых финансовых активов	336
Намсараев А. Ч. Борьба с кражами из жилищ с помощью беспилотных летательных аппаратов (БПЛА): новые возможности и вызовы.....	342

Небогатикова Е. И. Прекращение гражданства Российской Федерации как иная мера уголовно-правового характера: теоретико-правовое обоснование	347
Реброва В. С. Эволюция упрощенных процедур досудебного производства: от протокольной формы к дознанию в сокращенной форме .	355
Соболева А. Е. Целесообразность в уголовном судопроизводстве: эволюция взглядов.....	361
Тишина А. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, как уголовно-правовые гарантии деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации	365
Чернова А. М. Предупреждение преступлений, предусмотренных статьями 264.1; 264.2; 264.3 УК РФ: особенности и современное состояние.....	368
Эйсмонт Я. А. Значение дифференциации уголовной ответственности для современной уголовно-правовой политики Российской Федерации	374

Введение

24 октября в Академии управления МВД России состоялась международная конференция «Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы», посвященная памяти преподавателей ВШ МВД СССР-Академии МВД СССР – участников в Великой Отечественной войне и 80-летию Победы в ней.

Конференцию открыл начальник Академии управления МВД России доктор юридических наук, доцент генерал-лейтенант полиции С. А. Синенко, который отметил значимость Великой Победы для нашей страны и мира. Выразил глубокое уважение к памяти всех защитников нашей Родины. Обратил внимание на тот факт, что в их рядах находились и те, кто впоследствии продолжил службу в НКВД, в его учебных заведениях, в том числе в ВШ МВД СССР – Академии МВД СССР. Примечательно, что уже в то время зародились идеи, связанные с осмыслением такого важного элемента социальной жизни, как уголовная политика. Активная работа в этом направлении способствовала формированию основ теории уголовной политики, а затем и её школы. Задача современных исследователей состоит в том, чтобы глубоко осознать суть этой школы, что позволит обеспечить её дальнейшее развитие и совершенствование.

С приветственными словами к участникам обратились:

Москалькова Татьяна Николаевна – Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, генерал-майор милиции в отставке. Приветствие огласила Слюсарь Наталья Борисовна – заместитель руководителя рабочего аппарата Уполномоченного по правам человека Российской Федерации, действительный государственный советник 2 класса, кандидат юридических наук.

С видеоприветствиями выступили: Энхтур Дорж – начальник отдела адъюнктуры и магистратуры Университета внутренних дел Монголии, кандидат юридических наук, майор полиции; Рахмаджонзада Рифат Рахмаджон – заместитель начальника Академии МВД Республики Таджикистан по науке, доктор юридических наук, доцент, подполковник милиции, почетный сотрудник МВД Республики Таджикистан, отличник образования и науки Таджикистана, член Международной Ассоциации содействия правосудию, действительный член Всемирной Академии Наук Комплексной Безопасности; Демидова-Петрова Елизавета Викторовна – директор Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, заслуженный юрист Республики Татарстан.

В ходе конференции дана оценка вклада преподавателей кафедры уголовной политики – участников Великой Отечественной войны в развитие теории уголовной политики, рассмотрены вопросы научной деятельности в условиях военного времени. Кроме того, состоялось обсуждение проблем современной уголовной политики и ее составных частей: уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, оперативно-розыскной и уголовно-исполнительной политики. Уделено внимание вопросам развития учения о предупреждении преступлений и основным направлениям реализации уголовной политики.

В ходе пленарного заседания профессором кафедры уголовной политики Академии управления МВД России доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом Российской Федерации, Почетным сотрудником МВД России Ларисой Ивановной Беляевой был представлен доклад на тему «Вклад преподавателей Высшей школы МВД СССР – Академии МВД СССР в формирование основ теории уголовной политики»; доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) Валерий Филиппович Цепелев выступил на тему «Вклад профессора П. Ф. Гришанина в развитие кафедральной концепции уголовной политики».

С докладами выступили:

доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, Советник Министра внутренних дел Российской Федерации Владимир Семенович Овчинский;

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник института государства и права РАН, заведующий сектором конституционного права и конституционной юстиции Алексей Иванович Александров на тему «Уголовная политика. Новый взгляд»;

доктор юридических наук, Руководитель Аппарата Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по безопасности и противодействию коррупции генерал-лейтенант полиции в отставке Юрий Николаевич Демидов на тему «Законодательное обеспечение уголовной политики для достижения целей специальной военной операции»;

доктор юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права Российского государственного социального университета Вера Ивановна Коваленко на тему «Современные тенденции транснациональной организованной преступности и проблемы ее предупреждения»;

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России Борис Яковлевич Гаврилов на тему «Стадия возбуждения уголовного дела как правовое препятствие доступа граждан к правосудию: в цифрах и фактах»;

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России Александр Владимирович Борисов на тему «Органы НКВД в реализации уголовной политики в годы Великой Отечественной войны».

В ходе секционных заседаний большой интерес вызвали научные сообщения доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации, профессора кафедры уголовного права и криминологии Института юстиции Байкальского государственного университета С. С. Босхолова; доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Кубани, почетного сотрудника МВД России, профессора кафедры уголовного права Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина – А. Н. Ильяшенко; доктора юридических наук, профессора, начальника кафедры уголовной политики Академии управления МВД России А. Н. Победкина; доктора юридических наук, профессора кафедры уголовной политики Академии управления МВД России Н. Э. Мартыненко; доктора юридических наук, профессора кафедры уголовной политики Академии управления МВД России Т. В. Пинкевич; доктора юридических наук, профессора кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, заслуженного деятеля науки, заслуженного юриста Российской Федерации Б. Я. Гаврилова; доктора юридических наук, доцента, заслуженного юриста Российской Федерации, главного научного сотрудника научно-исследовательского центра № 5 по исследованию проблем расследования преступлений Всероссийского научно-исследовательского института МВД России Л. В. Яковлевой; доктора медицинских наук, профессора, академика МАНЭБ, академика МАИСУ, академика АЭСТ, профессора кафедры управления повседневной деятельностью Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации А. Ю. Чудакова; кандидата педагогических наук профессора кафедры управления повседневной деятельностью Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации А. В. Вертаева; кандидата юридических наук старшего преподавателя кафедры права Чеченского государственного педагогического университета А. И. Байханова и др.

В ходе конференции состоялось конструктивное обсуждение широкого спектра проблем уголовной политики, предложены некоторые

направления ее совершенствования и развития, научных идей основоположников академической научной школы уголовной политики.

Большое количество участников конференции, ее широкая география, активная научная дискуссия, развернувшаяся в процессе работы, а также множество поступивших вопросов являются свидетельством актуальности обсуждаемой проблематики и устойчивого интереса к потребности практической реализации выработанных идей.

В завершение конференции отмечено, что она явилась свидетельством глубокой памяти и уважения к воинам – победителям, к преподавателям ВШ МВД СССР – Академии МВД СССР, заложившим основы теории уголовной политики и ставшим примером и образцом исследователя и педагога.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ МЕНЬШОВ,
младший научный сотрудник
4 отдела Центра архивной информации
(Центральный архив МВД России)
ФКУ «ГИАЦ МВД России»
E-mail: nikolai.menshov@mail.ru

«Сороковые, роковые...» в биографии Н. А. Стручкова

Аннотация

Статья посвящена фронтовой биографии выдающегося отечественного правоведа, одного из основоположников отечественной пенитенциаристики, генерал-майора внутренней службы, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР и заслуженного работника МООП СССР Николая Алексеевича Стручкова (13.02.1922 — 15.11.1989). На основании документов Центрального архива МВД России и Центрального архива Министерства обороны России, а также личного архива ученого предпринята попытка осветить участие гвардии лейтенанта Николая Стручкова в сражениях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в составе 16-й Воздушной Краснознамённой армии 1-го Белорусского фронта под командованием Героя Советского Союза генерал-полковника авиации С. И. Руденко.

Ключевые слова и словосочетания: Великая Отечественная война; Сталинградская битва; Курская битва; штурм Берлина; штурмовая авиация; партийная работа; комсомол.

*Таков закон безжалостной игры.
Не люди умирают, а миры.
Людей мы помним, грешных и земных.
А что мы знали, в сущности, о них?*¹

Человечество не зря чествует памятные даты и юбилеи: они являются связующим элементом между прошлым, настоящим и будущим. Именно эта преемственность служит движущей силой, стимулирующей развитие гармоничного и ценностно ориентированного общества. Имена и события, с ними связанные, — это нить Ариадны, позволяющая двигаться от тьмы незнания к свету знания, от простого к сложному, от обшечного к нормативному, от банального к оригинальному и от профанного к

¹ Евтушенко Е. Людей неинтересных в мире нет... 1961. / Евтушенко Е. Собрание сочинений: в 3-х т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. 1952—1964. М.: Художественная литература. 559 с.

сакральному.

Уходящий год ознаменован 80-летием со дня, когда окончилась Великая Отечественная война и в активную, творческую жизнь вошло поколение фронтовиков. Думается, что ужасные последствия Второй мировой войны, Нюрнбергский и Токийский процессы, а также открытые судебные процессы в отношении иностранных военных преступников в РСФСР, Белорусской ССР, Латвийской ССР, Молдавской ССР и Украинской ССР, Всеобщая декларация прав человека сформировали у поколения учёных-фронтовиков неуклонное стремление к обретению познаний, в т. ч. и в области юридических наук.

Одним из представителей этого поколения был будущий заместитель начальника Высшей школы МВД СССР и начальника ВНИИ МВД СССР по научной работе, профессор, генерал-майор внутренней службы, доктор юридических наук, Заслуженный деятель науки РСФСР и Заслуженный работник МООП СССР Николай Алексеевич Стручков (13.02.1922 — 15.11.1989).

Николай Алексеевич Стручков родился 13 февраля 1922 г. в Москве в семье служащих — потомственных русских интеллигентов, его отец Алексей Иванович Стручков (1894-1937) — воспитанник Императорского Высшего технического училища¹ и Московского института инженеров путей сообщения² после принятия военной присяги прослужил Отечеству с июня 1916 г. по июль 1937 г. занимаясь подготовкой военных специалистов в области электротехники и её применения в авиации³, мать — Елена Владимировна Струčkова (урождённая Чибисова) работала заведующей учебной частью и библиотекой Московского электромеханического техникума.

Он рано лишился отца и оказался под опекой и моральным влиянием своих дядёв по материнской линии, профессоров военно-инженерных академий имени Н.Е. Жуковского и В.В. Куйбышева — Константина и Сергея Чибисовых, от которых унаследовал интерес к художественной литературе, истории, философии, религиозным ценностям и обычаям русской старины, под их воздействием формировались его взгляды, мировоззрение и отношение к таким понятиям как долг перед обществом, честь, Родина. Вырастая в семейном окружении патриотически воспитанных старших офицеров, он мыслил себя военным.

В 1940 г. Николай Стручков с отличием оканчивает 10 классов

¹ Центральный государственный архив Москвы. Отдел хранения документов до 1917 года. Ф. 372 Оп. 3 Ед.хр.4 013 Лл.1-13; Там же. Ед.хр. 5889 Лл.1-30.

² Центральный государственный архив города Москвы. Отдел хранения документов до 1917 года. Ф. 231 Оп.1 Ед.хр.1699.

³ Подробнее см.: Меньшов Н.П. О биографии отца Николая Алексеевича Струčkова — Алексея Ивановича Струčkова (1894-1937). // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: Сборник научных трудов по материалам международной конференции (к 100-летию со дня рождения Н.А. Струčkова). М.: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2002. С.146-148.

средней школы № 556 Москворецкого района г. Москвы и 13 октября 1940 г. поступает в Московское Краснознамённое военное авиационное училище связи, где ранее преподавал его отец. Многолетним начальником училища был генерал-майор авиации Б.Я. Машенджинов (1897-1941). Однако заканчивать это училище ему не пришлось в связи с тем, что в феврале 1941 г. он был переведён¹ во 2-ю Московскую школу механиков спецслужб Военно-воздушных сил Красной Армии² дислоцировавшуюся до 15 октября 1941 г. в подмосковном городе Тушино и сформированную 27 декабря 1940 г. согласно Приказу НКО СССР №0323 от 19 сентября 1940 г. на базе Московского технического училища Гражданского воздушного флота. Школа под началом генерал-майора авиации И.Е. Соколова готовила механиков по авиационным приборам и электромехаников для обслуживания приборного, кислородного и электрического оборудования самолётов истребительной и бомбардировочной авиации³. В ходе обучения в школе механиков спецслужб ВВС Красной Армии Николай Алексеевич изучал материальную часть самолётов различного применения: разведчики И-15бис, И-16, И-153, Р-5 и бомбардировщик СБ. Ему, как электромеханику приходилось менять кабельную сеть, электрооборудование, аккумуляторы, генераторы и другие бортовые приборы, осуществлять пробные зарядки аккумуляторов и пуски генераторов. 23 февраля 1941 г. Николай Алексеевич Стручков принял воинскую присягу в Красногорском районном военном комиссариате⁴, а 2 июля 1941 г. он окончил эту школу с отличием⁵ и ему было присвоено первичное воинское звание «сержант технической службы»⁶.

Он прошёл бои по обороне Калинина (Тверь) и Сталинграда, Курскую дугу, Украину, Восточную Белоруссию, участвовал в боях за Балаклею, Чернигов, Гомель, прошёл по территории Польши, форсировал Вислу, освобождал Варшаву и Берлин. За время войны получил два тяжелейших ранения в голову: в 1943 г. под Речицей и 2 мая 1945 г. в Германии.

В период с 7 июля 1941 г. по июнь 1943 г. авиационный механик по электроспецоборудованию авиаэскадрильи 243-го штурмового авиационного полка (с 18 марта 1943 г. — 78-й гвардейский штурмовой авиационный Волжский полк) 2-й гвардейской штурмовой авиационной дивизии 16-й воздушной Краснознамённой армии Донского, Центрального

¹ ЦА МО РФ Ф.60408 Оп.35860 Ед.хр.17 Лл.43,46,49,117-117 об.

² Стоит отметить нелепую ошибку машинистки, из-за которой во всех публикациях о Н.А. Стручкове имеется упоминание никогда не существовавшей 29-й Московской авиационной школы авиамехаников ВВС РККА. Однако же в многотиражной газете Академии МВД СССР точно указан номер этой военной школы (За кадры: газета Академии МВД СССР. 1988. №8 (788). С.2).

³ Подробнее см. ЦА МО РФ Ф.60408 Оп.35862 Ед.хр.1 Л.1.

⁴ ЦА МО РФ Ф.60408 Оп.35860 Ед.хр.24 Лл. 15-17.

⁵ ЦА МО РФ Ф.60408 Оп.35860 Ед.хр.1 Лл. 66-67, 71-74.

⁶ ЦА МО РФ Ф.60408 Оп.35860 Ед.хр.12, 16 и 17.

и 1-го Белорусского фронтов.

Распоряжением командующего ВВС Красной Армии 25 августа 1942 г. полк вылетел в распоряжение командира 291-й штурмовой авиационной дивизии на Донской фронт и в период с 27 августа 1942 г. по 5 февраля 1943 г. принимал участие в обороне г. Сталинград, выполняя боевую работу с аэродромов Ново-Лебяжий, Новогеоргиевка, Кудиновский, Фролово и Пичуга. За период боевой работы 243-го штурмового авиационного полка на Донском фронте с 27 августа 1942 г. по 5 февраля 1943 г. полк выполнил 514 боевых вылетов и уничтожил: автомашин — 732, повозок — 165, танков — 126, разных орудий — 106, самолётов — 45, зенитно-пулемётных точек — 50, пулемётных огневых точек — 38, бронемашин — 26, миномётов — 16, автоцистерн с горюче-смазочными материалами — 12, складов с боеприпасами — 4¹. 7 февраля 1943 г. полк представлен к гвардейскому званию, а 18 марта 1943 г. приказом НКО СССР №128 он преобразован в 78-й гвардейский штурмовой авиационный полк.

Начальник Высшей школы МВД СССР в 1967-1974 гг. Заслуженный деятель науки РСФСР, профессор, генерал-лейтенант внутренней службы Николай Иванович Загородников (1918-1991) так писал о Николае Алексеевиче Стручкове — фронтовике: «Во время войны каждый патриот стремился сделать как можно больше, лучше, надёжнее и быстрее то дело, которое ему поручалось на том или ином участке работы. Это в полной мере можно отнести и к фронтовой службе Николая Алексеевича. Он не ограничивал свою службу только тем, что обеспечивал надёжность электрооборудования самолётов. Под артобстрелом и бомбёжкой, в зной и в холод, ночью и днём, не считаясь с недоеданием и недосыпанием, он неоднократно занимал место (хотя это и не входило в его обязанности) стрелка-радиста на штурмовике и отправлялся на выполнение боевого задания. Однако это было подвигом. Свидетельством тому — боевые награды»². Более развёрнуто суть этого подвига раскрыл профессор кафедры уголовного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Герой Советского Союза Юрий Матвеевич Ткачевский (1920-2016): «Но вот в чём заключалась сложность работы штурмовой авиации — лётчик сидит в бронированном колпаке, у него мощная бронезащита, которую даже пуля крупнокалиберного пулемёта не пробивает. У него под сидением бронь, а

¹ ЦА МО РФ Ф.22192 Оп.143514 Ед.хр.1; Ф.20051 Оп.1 Ед.хр.7.

² Загородников Н.И. Генерал в науке, генерал в строю (Николай Алексеевич Стручков: воспоминания о настоящем) // Правовые и организационные основы исполнения уголовных наказаний: труды Академии МВД СССР. М., 1991. С.4-16. С.5.

стрелок-радист не защищён¹, поэтому истребительная авиация наносила очень большой урон, стрелков-радигов постоянно не хватало в авиационных штурмовых полках. На одного погибшего лётчика приходилось четыре погибших стрелка-радиста. Вот примерно такая статистика существовала. Летать без стрелка-радиста было нельзя. Самолёт готов ко взлёту, а стрелка-радиста нет. Тогда обращались к добровольцам, техническому составу: «Есть желающие?». И иногда таковые обнаруживались, и вот характерно то, что очень часто изъявлял такое желание Н.А. Стручков. Итак, техник по профессии, он практически выполнял функции и техника, и стрелка самолёта. Он совершил немало таких вылетов. Это уникальный случай, который свидетельствует не только о его гражданской доблести, но и о великом мужестве. Великий был человек...»².

Таким образом, Николай Алексеевич в первые годы войны работал за троих — он был и воздушным стрелком, и механиком по авиационному спецоборудованию штурмовых бомбардировщиков и радистом, знал радиотехнику и умел ею пользоваться, овладел практикой воздушной стрельбы. В боевых условиях он оборонял экипажи бомбардировщика от атак вражеских истребителей, поэтому надо было хорошо знать теорию и практику воздушной стрельбы, тактику воздушного боя и вооружение самолёта. Прежде всего Николаю Алексеевичу приходилось орудовать пулемётом ШКАС, который не имел аналогов в мировой практике.

¹ Вот как об этом вспоминает соратник Николая Алексеевича, стрелок-радист авиации Северного флота, будущий профессор и президент географического общества Казахстана, почётный член Географического общества СССР, Заслуженный деятель науки Республики Казахстан геоморфолог Мукатай Жандаев (1916 - 1998): «Кабина воздушного стрелка-радиста всегда была открыта. Точнее, она закрывалась передвижным колпаком. Но в этом положении нельзя было стрелять из пулемёта, ухудшался обзор, сам колпак трудно открывался и закрывался. Поэтому мы его никогда не закрывали. Кроме того, в кабине была вмонтирована турельная установка с пулемётом, которая вращалась с помощью ручки. Здесь же были патронный ящик, кислородные баллоны. Всё это стесняло движения, создавало неудобство в работе. Радиоаппаратура находилась внизу, в фюзеляже самолёта, чтобы передать или принять радиogramму, надо спуститься вниз, выключиться с внутренней связи, перейти на радиосвязь, только тогда можно было начать работать.

В полёте радист обычно стоя смотрел назад, наблюдая заднюю сферу самолёта, на нём висел парашют. В кабине было очень шумно, тесно. Из-за сильных завихрений воздуха нельзя было оставлять ничего без присмотра, воздушным потоком все предметы уносило в хвостовую часть самолёта, они могли заклинить рули управления. Поэтому приходилось всё держать на привязи — карандаш, перчатки, планшет, карту... Первый вылет в котором я участвовал, был в зону пилотажа. Лётчик начал выделять глубокие виражи, боевые развороты. Я ничего не мог понять, не мог определить положение самолёта, часто терял землю. То она казалась сбоку, мы как бы лезли на вертикальную стену, то чуть ли не сверху, потом крутились в обратную сторону. Возникало впечатление, что сам земной шар вращается вокруг нас. Временами так прижимало к сиденью, что ноги невозможно было оторвать от пола, голова становилась тяжёлой, в глазах темнело. Вслед за этим — совсем отрывался от сиденья и висел в воздухе в состоянии полной невесомости... Зимой в открытой кабине было очень холодно, надевали на себя меховые носки и унты, двойные перчатки, на лицо — меховую маску, очки». Жандаев М.Ж. В небе войны: [Воспоминания лётчика] - Алма-Ата: Казахстан, 1991. - 144 с., с.16 — 21, 63.

² Ткачевский Ю.М. Прогрессивная система исполнения наказания в новом уголовном и уголовно — исполнительном законодательстве. // Проблемы теории наказания и его исполнения в новых Уголовном и Уголовно-исполнительном кодексах (к 75-летию Н.А. Стручкова): материалы научно-практической конференции. / Отв. ред. В.И. Селивёрстов. М., 1997. С.28-30. С. 28-29.

Скорострельность его 1800 выстрелов в минуту и 30 — в секунду. Вот как вспоминает об этом пулемёте Юрий Матвеевич Ткачевский: «Скорострельность его была феноменальна, но нам говорили, что из него нельзя было давать очереди больше десяти-пятнадцати патронов, а то взорвётся»¹. Основная ответственность за воздушный бой ложилась на воздушного стрелка-радиста, поскольку у него был лучший обзор. Но вместе с тем радисту чрезвычайно сложно было вести прицельный огонь, особенно ночью или в облаках, так как на немецких истребителях стояли локаторы. Враг неожиданно мог появиться из облаков на близком расстоянии, почти в упор расстрелять стрелка. Сложно было вести бой также в ослепляющих лучах прожекторов зенитной артиллерии, кроме того, командир, маневрируя, невольно сбивал прицел пулемёта, наведённый на врага.

В период с июня 1943 г. по январь 1945 г. Н.А. Стручков — комсорг 78-го гвардейского штурмового авиационного Волжского Краснознамённого полка 2-й гвардейской штурмовой авиационной Черниговско-Речицкой Краснознамённой ордена Суворова II степени дивизии 16-й Воздушной Краснознамённой армии 1-го Белорусского фронта. В ходе работы он осуществлял систематический контроль над работой низовых комсомольских организаций, оказывал им практическую помощь в работе, сделал доклад для личного состава полка на тему «Провал немецкой морской стратегии». В составе полка Николай Стручков принимал участие в Курской битве, а также наступательных операциях Центрального и 1-го Белорусского фронтов, обеспечивших продвижение советских войск от Днепра до Вислы и освобождение Белоруссии и восточной Польши.

В период с января 1945 г. по сентябрь 1946 г. Николай Алексеевич — помощник начальника политического отдела по работе среди комсомольцев 11-й гвардейской штурмовой авиационной Нежинской Краснознамённой ордена Суворова II степени дивизии 16-й Воздушной Краснознамённой армии 1-го Белорусского фронта и Группы советских оккупационных войск в Германии. За время Берлинской наступательной операции он сделал 12 докладов, провёл 18 бесед, насыщая их примерами героических подвигов личного состава дивизии. Организовал в частях популяризацию отличившихся в боях лётчиков и воздушных стрелков через наглядную агитацию, силами комсомольцев на передовых аэродромах и в частях созданы образцовые очаги культурного досуга и отдыха личного состава. В наглядной агитации успешно использовались специальные щиты-плакаты с разделами: «Сегодня отличились в бою...», «Итоги боевого дня» и т. п., где сообщалось о боевых делах лётно-технического состава. Он разработал такую форму наглядной агитации как

¹ Ткачевский Ю.М. Дальняя разведка. Книга воспоминаний / [редакторы-составители Е.Г. Афанасьева, Т.Ю. Орешкина, А.В. Шаронов]. М.: Издательство Московского университета, 2018. 112 с.

интервьюирование лётчиков после посадки самолёта на аэродроме с целью узнавания результатов вылета, затем условия боя наносились на схемы, и на стоянках самолётов агитаторы рассказывали, пользуясь схемами, о мастерстве лётчиков, отлично выполнивших боевые задачи. Знакомил личный состав дивизии со сводками Совинформбюро. Проводил агитационную работу, в результате которой за время пребывания на территории Германии в частях дивизии не было ни единого случая аморальных происшествий и мародёрства. Стручков добился того, что комсомольцы в частях являлись действенными помощниками командиров в укреплении воинской дисциплины, порядка, организованности и образцового выполнения боевых заданий. Во время Берлинской наступательной операции в комсомол было принято 17 человек, а за успешное выполнение боевых заданий командования награждено государственными наградами — 40 комсомольцев, в т.ч. 2 присвоено звание Героя Советского Союза.

Николай Алексеевич был на фронтах Великой Отечественной войны, а его мать и её братья в разных уголках страны молились за него, чтобы он вернулся с боевых дорог. Ученик профессоров Ю.М. Ткачевского и Н.А. Струčkова профессор В.И. Селивёрстов свидетельствует о том, что Николай Алексеевич говорил ему, что «вера жила в нём в годы войны» и «помогала остаться живым в эти боевые времена»¹. А во время обороны Сталинграда Николай Алексеевич, как и все воины видел явление Казанской иконы Божией Матери в небе над Заволжьем во время перестрелки - «Божья Матерь была в небе! В рост и с маленьким Христом! ... Видение Божьей Матери в рост в осеннем небе Сталинграда как щит пронёс сквозь всю свою жизнь на фронте»².

За четыре года Великой Отечественной войны Николай Алексеевич последовательно прошёл путь от сержанта технической службы (02.07.1941) до Гвардии лейтенанта (04.02.1945). Первое офицерское звание — Гвардии младший лейтенант ему было присвоено 31 марта 1944 г. в 1014 день войны, когда войска 1-го Украинского фронта под командованием маршала Георгия Константиновича Жукова последовательно в ходе Проскуровско-Черновицкой наступательной операции отвоёвывали захваченные фашистом территории Молдавии и Украины.

За образцовое выполнение боевых заданий на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество награждён орденами Отечественной войны II степени (19.05.1945) и Красной Звезды (26.03.1944), а также медалями «За оборону Сталинграда» (22.12.1942), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне

¹ Селиверстов В.И. Учёный, воин, педагог: к 100-летию со дня рождения профессора Николая Алексеевича Струčkова (13.02.1922-15.11.1989) // Вестник Самарского юридического института. 2002. № 1. С. 4-16.

² Подробнее см.: Шамбаров В.Е. Сталинградская Богородица. М.: Алгоритм, 2014. 575 с.

1941—1945 гг.» (09.05.1945), «За взятие Берлина» (09.06.1945) и «За освобождение Варшавы» (09.06.1945). Впоследствии к орденам Отечественной войны 2 степени и Красной Звезды прибавились медаль «За боевые заслуги» (15.11.1950), второй орден Красной Звезды (30.12.1956) и орден Отечественной войны I степени (06.04.1985).

Молодой офицер Стручков покончил счёты с войной в Берлине. В соответствии с Законом «О демобилизации старших возрастов личного состава из действующей армии» от 23 июня 1945 г. Николай Стручков был демобилизован, его ждала дорога домой, описанная поэтом Львом Ошаниным: *ехал я из Берлина. По дороге прямой, на попутных машинах ехал с фронта домой. Ехал мимо Варшавы, ехал мимо Орла. Там, где русская слава. Все тропинки прошла*¹. Сразу после демобилизации Николай Алексеевич Стручков пройдя конкурс 20 человек на место и вступительные испытания был зачислен слушателем Военно-юридической Академии².

Впереди его ждала новая, полная и яркая жизнь, на протяжении которой им было опубликовано более 300 научных работ, заложивших по слову Н.И. Загородникова фундамент, на котором строилось в последующем научное осмысление уголовной политики и «каждое начинание Николая Алексеевича... всегда останется нужным для науки, полезным для людей и на них не скажется бег времени... Всё им сделанное... относится не к прошлому, а к настоящему»³. Думается, что одним из этих начинаний явилось создание образовательных учреждений для сотрудников пенитенциарной системы, в частности он стоял у истоков становления и организации «таких учебных заведений, как Рязанская и Уфимская высшие школы, Домодедовский институт и др.»⁴. Изучение его разносторонней биографии просто необходимо, дабы из неё получать уроки жизни, пропитанные опытом войны и мудростью мира.

¹ Ошанин Л.И. Лирика; баллады; песни. М.: Художественная литература, 1983. 399 с.

² Ефремов И.И. Военный университет: очерки истории. М., 2002; Военный университет. Страницы истории. 1919—2009 / под общ. ред. В.И. Марченко. М., 2009. с.15-18, 177-180.

³ Загородников Н.И. Генерал в науке, генерал в строю (Николай Алексеевич Стручков: воспоминания о настоящем). // Правовые и организационные основы исполнения уголовных наказаний: труды Академии МВД СССР. М., 1991.

⁴ Стручков Н.А. и проблемы совершенствования деятельности органов, исполняющих наказания. // Материалы научно-теоретической конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук профессора Стручкова Н.А. Уфа, 1993. 186 с. Названия учебных заведений даны по состоянию на 1992 г., ныне они носят следующие названия: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации и Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации.

СЕРГЕЙ СЕМЕНОВИЧ БОСХОЛОВ,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Институт юстиции;
главный научный сотрудник
института правовых исследований
Байкальский государственный университет
E-mail: sboskholov@yandex.ru

Уголовная политика в области противодействия коррупции

Аннотация

В ряду наиболее опасных угроз национальной безопасности России особое место занимает коррупция. Все усилия по модернизации экономики и других важнейших сфер жизнедеятельности государства и общества, реальное обеспечение безопасности граждан и общества от преступных посягательств окажутся безнадежными, если не будет начата крупномасштабная, системная и настойчивая работа по противодействию этому крайне опасному явлению, не будет сформирована на государственном уровне антикоррупционная уголовная политика. В статье рассматриваются состояние коррупции и проблемы противодействия этому явлению, в том числе провалы и просчеты в законодательном обеспечении уголовно-правовой борьбы с коррупцией, определяются пути развития уголовной политики в данной области.

Ключевые слова и словосочетания: коррупция; уголовная политика; система противодействия коррупции.

Коррупция есть всюду: в России и США, Китае и Сингапуре, Иране и Турции, Германии и Финляндии. Но в тех странах, где власть и общество стремятся выжить и развиваться, идет непрекращающаяся и системная борьба с этим крайне опасным негативным явлением, начиная от ужесточения соответствующих законодательных актов и заканчивая публичными расстрелами виновных лиц. Если постоянно не сдерживать и не ограничивать коррупцию, следует ожидать ее дальнейшего расширения, проникновения во сферы государства и общества, превращения в системное и господствующее зло, которое А.Г. Савицкий метко назвал «антисистемой К» [1, с.21]. Итогом может стать гибель общественного организма. Например, такой исход вполне вероятен на Украине, где над коррупцией полностью утрачен контроль.

В Российской Федерации в 90-х годах «антисистема К» превратилась в настолько мощную силу, что уже начала представлять серьезную угрозу существованию государства. В те годы никакой реальной борьбы с коррупцией не велось, что способствовало ее перерастанию в хроническую проблему с печальными перспективами, власть оказалась бессильной перед ней. Коррупция проникла во все этажи государственной власти, пронизала ее сверху до низа, стала контролировать кадровую политику, в стране появился рынок купли-продажи должностей. Народ перестал верить в способность государства навести порядок в борьбе с коррупцией. Серьезный удар был нанесен судебной власти из-за выборочного характера отправления правосудия в отношении представителей высших эшелонов государственной власти. Коррупционный пример их незаконного обогащения и фактической безнаказанности за это оказался заразительным не только для низших чинов власти, но и многих людей.

Не способной адекватно реагировать на угрозы коррупции оказалась и законодательная власть. Проект федерального закона «О борьбе с коррупцией», подготовленный Комитетом по безопасности, с большим трудом 12 октября 1994 г. был принят Государственной Думой¹, но не прошел процедуру одобрения в Совете Федерации. Следующая попытка была осуществлена 14 ноября 1997 г., и оказалась удачной – Совет Федерации одобрил принятый Госдумой закон «О борьбе с коррупцией». Однако президент Ельцин наложил на него вето. Причина оказалась банальной – власть боялась принятия этого закона и пустилась во все тяжкие, чтобы торпедировать его.

В итоге Федеральный закон «О противодействии коррупции» № 273-ФЗ был принят только 25 декабря 2008 г., т.е. с очень большим запозданием. За 14-летний период отсутствия базовых законодательных актов в этой области коррупция только усилила свои позиции. Так, например, весьма отрицательно юридической общественностью и населением страны было воспринято исключение из УК РФ такого вида наказания, как конфискация имущества (ФЗ от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ). Никакими логическими доводами объяснить этот позорный акт невозможно, это был настоящий провал в уголовно-правовой политике борьбы с коррупцией, являющейся составной частью уголовной политики в целом, куда также относятся уголовно-процессуальная, пенитенциарная, оперативно-розыскная и криминологическая (политика предупреждения преступности не карательными средствами).

Уважаемый профессор Э.Ф. Побегайло, славно потрудившийся на нашей кафедре уголовной политики и уголовного права, которого в связи с темой данной конференции по праву можно назвать дитем Великой Отечественной войны, по этому поводу написал так: «Не вдаваясь в детали

¹ Автор статьи в те годы был депутатом Госдумы, заместителем председателя Комитета по безопасности и участвовал в подготовке этого законопроекта.

(поскольку об этом уже достаточно много написано), хочу присоединиться к мнению специалистов, полагающих, что исключение конфискации имущества из числа уголовных наказаний, по-видимому, носит заказной характер. Не исключено, что оно вообще пролоббировано криминалитетом, воротилами большого бизнеса и коррумпированными чиновниками. Современного корыстного преступника больше всего страшит не угроза привлечения к уголовной ответственности и осуждения, а именно конфискация имущества, потеря неправомерно нажитых материальных благ. Все это повлечет серьезные последствия, несомненно, будет способствовать дальнейшему разграблению страны» [2, с.114]. Сказано смело и честно, в те годы не каждый мог решиться на такое. Кстати, его прогноз о последствиях оказался верным.

На мой взгляд, причина заключается в деградации рационального сознания у власти, как законодательной, так и исполнительной, которые не справились с вызовами и задачами, поставленными перед ней и обществом натиском коррупции. «Антисистема К» породила вокруг себя ряд аномальных зон, где принимались очень плохие и ошибочные решения, в том числе законодательного и правоприменительного характера. Одним из таковых и явилось исключение конфискации из УК РФ.

Ошибочным решением в уголовно-правовой политике в области противодействия коррупции, на мой взгляд, является внесение изменений и дополнений в статьи 290 и 291 УК РФ о получении и даче взятки, осуществленное в 2011 г. ФЗ от 07 декабря 2011 года № 420 ФЗ. Как известно, ими были установлены в альтернативу лишению свободы новые виды основных наказаний – кратные штрафы. Между тем в уголовном праве еще со времен Цезаре Беккариа стало аксиомой правило о том, что наказание должно по возможности быть сходным с самой природой преступления. Это правило знаменитый ученый считал замечательным средством, укрепляющим связь между преступлением и наказанием. «Это сходство, писал Беккариа, замечательно помогает противопоставить побуждению совершить преступление устрашающее воздействие наказания. Таким образом, это сходство отдаляет ум от преступления и направляет его к цели, противоположной той, к которой его увлекла соблазнительная идея нарушить закон» [3, с.116].

По-видимому, наши законодатели не знают этого правила. Никакого сходства между самыми тяжкими преступлениями коррупционной направленности, как получение и дача взятки, с основным наказанием в виде кратного штрафа и в помине нет, и быть не может. Эти преступления невозможно отнести к преступлениям экономической направленности, за которые можно, а в целом ряде случаев нужно назначать кратные штрафы, в том числе в качестве основного наказания. Отсюда следует, что попытка противодействовать взяточничеству одними экономическими мерами заведомо обречена на неудачу. Надежда коррупционера в том, что он

может избежать уголовного наказания в виде длительного лишения свободы путем уплаты кратного штрафа, пусть даже очень большого, как раз и двигает его на нарушение закона. И эту надежду, как это ни парадоксально, дает ему сам закон. Иными словами, само наказание в виде кратного штрафа за взяточничество порождает и подпитывает это явление.

Негативное влияние на развитие уголовной политики в целом и уголовно-правовой политики в области противодействия коррупции, в особенности, оказали такие факторы, как: противоречивость и нестабильность антикриминального и антикоррупционного законодательства, а также практики его применения; преувеличение роли уголовного закона в борьбе с преступностью и коррупцией в одних случаях, и приуменьшение этой же роли – в других; неготовность власти и общества к неприятию (отрицанию) коррупционных способов поведения.

Однако главным недостатком было и остается отсутствие научно обоснованной концепции уголовной политики в области противодействия коррупции. К слову сказать, такой концепции нет применительно к самой уголовной политике в целом.

Уголовная политика в области противодействия коррупции должна соответствовать криминологическим реалиям, сложившимся в обществе на данном этапе его развития. В условиях нынешнего состояния коррупционной преступности, которая продолжает реально угрожать национальной безопасности страны, о чем убедительно, свидетельствует глубокое проникновение коррупции в Министерство обороны Российской Федерации в период проведения Специальной военной операции (СВО), уголовная политика в ее отношении должна носить активный и жесткий наступательный характер. Любое проявление слабости, необоснованного либерализма в отношении коррупции может привести к негативным последствиям.

Обращаясь к вопросу о путях развития уголовной политики в области противодействия коррупции, прежде всего необходимо воплотить в жизнь идею системного подхода, который, как представляется, должен реализовываться по следующим основным направлениям: разработка и принятие концепции уголовной политики в области противодействия коррупции; дальнейшее совершенствование уголовного и профилактического законодательства в области противодействия коррупции; совершенствование правоприменительной практики.

В этой связи перед уголовно-правовыми науками, в широком их понимании (уголовным правом, уголовно-процессуальным правом, уголовно-исполнительным правом, криминологией, теорией уголовной политики, теорией оперативно-розыскной деятельности) возникает задача актуализации основных теоретических положений уголовной политики в области противодействия коррупции, в том числе касающихся понятия

этого вида политики, ее целей и задач, основных направлений, средств и методов реализации.

Предложенные в литературе подходы нуждаются в переосмыслении и адаптации к особенностям социально-политической, экономической, духовно-нравственной и криминальной ситуации современной России. Их решение требует нового интеллектуального обеспечения уголовной политики в области противодействия коррупции. Между тем работ, ориентированных на их научную разработку, практически нет. К сожалению, можно привести единственный пример, когда на повестку дня вынесен вопрос об интеллектуальном обеспечении уголовной политики, в солидной монографии М.М. Бабаева и Ю.Е. Пудовочкина «Проблемы российской уголовной политики», где авторы высказывают мнение о том, что «самая главная и насущная проблема интеллектуального обеспечения уголовной политики состоит в том, что она (политика) у нас до сих пор не осознана как проблема. Ни теоретически, ни тем более как прикладная» [4, с.65-66].

Думается, что и с уголовной политикой в области противодействия коррупции ситуация ничуть ни лучше.

Список литературы:

1. *Савицкий А. Г.* Национальная безопасность. Россия в мире: Учебник для студентов вузов М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 463 с.
2. *Побегайло Э. Ф.* Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право, 2004. № 4.
3. *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2004. 184 с.
4. *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Проблемы российской уголовной политики / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин. М. : Проспект, 2017. 296 с.

БОРИС ЯКОВЛЕВИЧ ГАВРИЛОВ,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры управления органами расследования преступлений
Академия управления МВД России
E-mail: profgavrilov@yandex.ru

Стадия возбуждения уголовного дела как правовое препятствие доступа граждан к правосудию: в цифрах и фактах

Аннотация

Статья посвящена вопросу влияния стадии возбуждения уголовного дела на обеспечение конституционного права граждан на доступ к правосудию. Рассматривается также вопрос зарождения института возбуждения уголовного дела и проблема так называемых отказных материалов и ее негативное влияние на состояние учетно-регистрационной дисциплины, определяющей в свою очередь уровень преступности.

***Ключевые слова и словосочетания:** возбуждение уголовного дела; отказ в возбуждении уголовного дела; статистика преступности; доступ к правосудию.*

Вопросы о необходимости и целесообразности наличия института возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе обсуждаются на протяжении более пяти десятилетий. Основными точками зрения являются как сохранение данного института и соответственно стадии возбуждения уголовного дела [1; 7, с. 371], так и достаточно категоричные высказывания представителей научной общественности [5; 9; 11], так и правоприменителей [6; 8] о необходимости его исключения. Более же осторожную позицию в этом вопросе занимают В.Ф. Васюков и Е.В. Марковичева [10], а также А.В. Федоров [12].

Особенно критически на высказывания в адрес института возбуждения уголовного дела и процессуальных правил начала производства расследования уголовного дела стали высказывания в связи с принятием законодателем формулировки ст. 146 УПК РФ о необходимости дачи согласия прокурором на возбуждение следователем, дознавателем, органом дознания уголовного дела, пролоббированное лично Генеральным прокурором Российской Федерации В.В. Устиновым, несмотря на то, что будучи приглашенным и на заседание созданной при Комитете по законодательству Государственной Думы Российской Федерации рабочей

группы по подготовке проекта УПК РФ ко второму чтению* С.Г. Кехлеров – заместитель Генерального прокурора и Ю.С. Бирюков – первый заместитель Генерального прокурора Российской Федерации (в тот период времени) согласились в отсутствии необходимости дачи согласия прокурора на возбуждение уголовного дела. Негативные последствия такого решения законодателя непосредственно сказались на сроках начала расследования и повлекли ряд других факторов, о чем автором публикации неоднократно отмечалось [3, с. 18-19]. И только через 5 лет с принятием Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ¹ согласие прокурора на возбуждение уголовного дела из УПК РФ было исключено.

Неким аналогом позиции о необходимости дачи прокурором согласия на возбуждение уголовного дела представляется установленный Циркуляром Генерального прокурора СССР от 5 июня 1937 г. № 41/26 порядок, согласно которому следователь, начиная расследование уголовного дела, обязан был вынести постановление о возбуждении уголовного дела и получить согласие прокурора². Но подобное ограничительное правило было обусловлено имевшими место в 30-х гг. XX века репрессиями, результатом которых было необоснованное привлечение к уголовной ответственности и осуждение сотен тысяч граждан, часть из которых была приговорена к высшей мере наказания – расстрелу.

Тем не менее законодатель до принятия УПК РСФСР 1960 г. изменений в процессуальные правила начала расследования в действовавший УПК РСФСР 1923 г. не вносил. На это вероятно влияло и то обстоятельство, что Устав уголовного судопроизводства 1864 г.³ не содержал процессуальных правил о необходимости вынесения указанного постановления для начала расследования уголовного дела.

С принятием УПК РСФСР 1960 г.⁴, содержащего процессуальную норму о возбуждении уголовного дела (ст. 108-109), в уголовно-процессуальном законе появилась соответственно и процессуальная норма (ст. 113), предусматривающая возможность вынесения следователем, органом дознания процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела.

«Оправдывая» необходимость сохранения сегодня института возбуждения уголовного дела, представители научного сообщества

* Автор публикации входил в эту рабочую группу с 1997 г. после принятия УПК РФ в первом чтении.

¹ Федеральный закон от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/25628> (дата обращения: 19.08.2025).

² Возбуждение уголовного дела: понятие и значение. URL: https://sdo.academy-skrf.ru/extbook/up_uch/public_html/page87.html (дата обращения: 19.08.2025).

³ Устав уголовного судопроизводства 1864 г. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustavugolsud1864> (дата обращения: 19.08.2025).

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/15_ugproc_kodeks (дата обращения: 19.08.2025).

утверждают, что процессуальные правила о порядке возбуждения уголовного дела являются неким «фильтром», который направлен на предупреждение фактов необоснованного уголовного преследования. В какой-то мере с этим тезисом можно было бы и согласиться, учитывая, например, что в 1992 г. органами предварительного следствия и органами дознания было вынесено всего 1,3 млн процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, однако в 2007-2008 гг. эта цифра достигла 6,8 млн так называемых «отказных» материалов. Встает вполне резонный вопрос к нашим оппонентам: «Во что превратился этот «фильтр» и вообще существовал ли он с момента принятия УПК РСФСР 1960 г.?».

Как практический сотрудник органов внутренних дел с 1973 г. хорошо помню наставление моих старших коллег-сотрудников: при поступлении заявления о преступлении следует в ходе беседы с заявителем предложить ему забрать свое заявление. При его отказе обращение нередко перенаправлялось в другой регион с уточнением у заявителя, что он точно не может указать место, где ему нанесли телесные повреждения или подвергли ограблению. Если же заявитель настаивает на регистрации его заявления по месту его обращения, то в этом случае следует по результатам проверки принять процессуальное решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Но это явление не носило характера столь распространенного, как это имеет место в настоящее время.

На данное негативное явление обращалось внимание правоохранительными органами еще в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 июля 1966 г. № 571 «О мерах по усилению борьбы с преступностью». Так, в п. 18 от Прокуратуры СССР требовалось усилить надзор «за своевременным и внимательным реагированием на сигналы от населения о нарушении законности и прав советских граждан»¹.

Сегодня же наличие стадии возбуждения уголовного дела – это яркий пример одиозности данного уголовно-процессуального института, о негативных последствиях которого не пишет «только ленивый», но воз и ныне там.

В подтверждение необходимости исключения из УПК РФ института возбуждения уголовного дела особенно наглядно свидетельствуют статистические данные как о соотношении количества возбужденных уголовных дел и процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, так и о количестве выявленных прокурорами нарушений законности в данной стадии уголовного судопроизводства, а также о негативном влиянии на показатели преступности за последние два десятилетия.

¹ О мерах по усилению борьбы с преступностью: Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 июля 1966 г. № 571. URL: <https://docs.cntd.ru/dokument/765711497> (дата обращения: 25.08.2025).

Так, количество ежегодно выявленных прокурором нарушений законности при принятии, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении составляет порядка 3,5 млн. (Таблица № 1).

Таблица № 1

Сведения о нарушениях закона, выявленных прокурорами на стадии возбуждения уголовного дела¹

Период	Всего выявлено	Из них при приеме и регистрации сообщения о преступлении
2016	5 067 850	3 778 553
2019	5 139 782	3 627 927
2020	5 086 896	3 491 902
2021	5 172 609	3 464 543
2023	5 331 275	3 446 813
2024	5 436 999	3 477 520

Негативные последствия стадии возбуждения уголовного дела весьма наглядно отражаются и в статистических данных о количестве зарегистрированных заявлений, сообщений о преступлениях и принятых по ним процессуальных решений. Так, за период 2006-2024 гг. в органы внутренних дел поступило сообщений о преступлениях больше на 13%, однако количество возбужденных из них уголовных дел сократилось более, чем в два раза (с 3,3 млн. до 1,5 млн.) или на 1,8 млн. Задав себе «грубый» вопрос куда же это число «исчезло», то из таблицы № 2 наглядно видно, что указанное количество зарегистрированных сообщений о преступлениях «плавно перетекло» в «отказные материалы», число которых увеличилось за этот временной период с 4,5 млн. до 6,4 млн. (Таблица № 2).

Таблица № 2

Статистические данные о количестве возбужденных уголовных дел и «отказных» материалов

	2006	2022	2023	2024
Всего зарегистрировано сообщений о преступлениях (млн.)	10,7	11,7	11,8	12,1
Возбуждено уголовных дел (млн.)	3,3	1,6	1,6	1,5
В т.ч. удельный вес к числу сообщений о преступлениях	30,8%	13,6%	13,6%	12,4
Количество (без повторных) «отказных» материалов (млн.)	4,5	6,0	6,2	6,4

На взгляд автора, которого в этой части поддерживают многие ученые и практикующие юристы, возразить что-то представляется весьма затруднительным. Наглядно это проявляется в так называемом «тренде» преступности за последние 25 лет.

¹ Сведения о результатах надзора за исполнением законов на досудебных стадиях уголовного судопроизводства за 2016-2024 гг. // Сведения Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Из приведенных ниже в таблице № 3 статистических данных о состоянии преступности наглядно усматривается, что каждое десятилетие количество зарегистрированных преступлений увеличивалось примерно на 1 млн. преступлений. И так это продолжалось до 2006 г., когда был зарегистрирован максимальный показатель – 3 853 тыс. преступлений, который на 1 января 2025 г. сократился до 1 911 тыс. преступлений.

Таблица № 3

Состояние преступности за 1980-2024 гг.

Временной период	1980	1991	1999	2006	2010	2016	2018	2023	2024
Количество зарег. преступ. (млн.)	1,028	2,168	3,002	3,853	4,4 прогноз	2,160	1,991	1,967	1,911

И это еще при том, что за последние 5 лет количество преступлений, совершенных с применением информационно-телекоммуникационных технологий увеличилось с 66 тыс. до 765 тыс. (Таблица № 4).

Таблица № 4

Сведения о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации¹

Период	Количество
2016	65 949
2020	294 409
2021	517 722
2023	676 951
2024	765 365

Ведя речь о законности принимаемых следователями, дознавателями, органом дознания процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела следует отметить, что в последние годы прокурорами ежегодно каждое пятое такое решение или более 1 млн. признавались незаконными, необоснованными и отменялись, а в предшествующие годы доля отмененных прокурорами «отказных» материалов достигало до 40%. А это означает, что ежегодно миллионы российских граждан ограничиваются в реализации своего конституционного права на доступ к правосудию (ст. 52 Конституции Российской Федерации).

Наиболее распространенными видами противоправных деяний, по которым должностные лица правоохранительных органов принимают процессуальные решения об отказе в возбуждении уголовного дела, в 2024 г. являлись кражи чужого имущества (более 900 тыс.), факты

¹ Статистика и аналитика. URL: <https://мвд.пф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 22.08.2025).

причинения телесных повреждений (около 700 тыс.) и мошенничества (1,3 млн.). При этом следует отметить исключительно негативную ситуацию по фактам мошеннических действий и в основном с гражданами пожилого возраста, количество которых резко увеличивается за последние годы, что отражено в таблице № 5.

Таблица № 5

Сведения о количестве зарегистрированных сообщений о преступлениях об отдельных видах противоправных действий и принятых по ним решений¹

Вид преступления	Всего поступило сообщений о преступлениях	Возбуждено уголовных дел	Отказано в возбуждении уголовного дела
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ)	40 636	10 555	8096
Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ)	124 360	12 937	73390
Побои (ст. 116 УК РФ)	901 489	2 141	595294
Кража (ст. 158 УК РФ)	2 039 946	448 925	906891
Мошенничество (ст. 159 УК РФ)	2 490 567	387 011	1 294 987

И это далеко не самая негативная статистическая составляющая, поскольку в 2024 г. из 2,5 млн зарегистрированных мошенничеств возбуждено всего 387 тыс. уголовных дел, по 1,3 млн таких заявлений вынесены так называемые «отказные» материалы, и соответственно возникает вопрос «А где еще более 800 тыс. заявлений о мошеннических действиях?». Чтобы совсем не испортить статистику, часть из них, как понимает автор статьи, изучающий проблему статистических данных о состоянии преступности почти 50 лет, перенесли в следующий отчетный период, а значительную часть направили в другие органы внутренних дел по так называемой территориальности, где они в своем большинстве надо понимать «канули в вечность».

В связи с этим хотелось бы отметить, что МВД России как федеральный правоохранительный орган самостоятельно, так и совместно с органами прокуратуры принимали меры как по обеспечению законности по регистрации и учету преступлений [2], так и по совершенствованию

¹ Форма 2-Е.Сводный отчет по России о рассмотрении сообщений о преступлениях (сформирован с учетом требований приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 03.07.2023 № 429).

правовых правил начала расследования. В частности, в Дорожной карте дальнейшего реформирования органов внутренних дел 2012 г. в п. 4.5 было предложено пересмотреть процессуальный порядок начала производства по уголовному делу. В 2017 г. МВД России был разработан и представлен на обсуждение научной общественности и практикующих юристов законопроект «О доступе потерпевшего к правосудию», который предусматривал исключение из УПК РФ института «отказных» материалов (ст. 148 УПК РФ) и начало расследования уголовного дела (ст. 146 УПК РФ) непосредственно после регистрации заявления, сообщения о преступлении, как это сегодня имеет место в большинстве стран бывшего СССР и в государствах дальнего зарубежья, и как это предусматривалось в Концепции судебной реформы РСФСР 1991 г.¹. Однако против реализации данных предложений высказалась Генеральная прокуратура и Министерство юстиции Российской Федерации. Тем самым законопроект, хотя его и поддержало абсолютное большинство членов экспертного совета МВД России и принимавшие участие в его обсуждении представители всех правоохранительных органов, адвокатуры и широкого круга научной общественности, своего дальнейшего развития не получил.

Таким образом, вопрос об исключении стадии возбуждения уголовного дела остается «открытым», в том числе и по причине многочисленных нарушений прав граждан на этапе проверки сообщения о преступлении по причине отсутствия правового статуса как у потерпевшего от совершенного преступления, так и у лица, заподозренного в его совершении. Тем более, что Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ² законодателем сделан существенный шаг в этом направлении путем предоставления правоприменителю права на производство порядка 10 следственных и иных процессуальных действий, допускаемых до возбуждения уголовного дела. Однако это обстоятельство – тема для отдельного обсуждения, на что автор уже обращал внимание, например, при изложении проблемы обеспечения прав и законных интересов граждан при назначении и производстве судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела [4, с. 418].

Дело за законодателем!

Список литературы:

1. *Волеводз А. Г.* Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса // Уголовный процесс. 2014. № 1.

¹ Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 года № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР». URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=60173> (дата обращения: 19.08.2025).

² Федеральный закон от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36860> (дата обращения: 19.08.2025).

2. *Гаврилов Б. Я.* Латентная преступность: понятие, структура, факторы латентности и меры по обеспечению достоверности уголовной статистики: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, ВНИИ МВД России, 2007. 120 с.
3. *Гаврилов Б. Я.* Современная уголовная политика России: цифры и факты. М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. 208 с.
4. *Гаврилов Б. Я.* Проблемы совершенствования законодательства о производстве судебных экспертиз // Юридическая техника. 2022. № 16.
5. *Гаврилов Б. Я.* К вопросу о стадии возбуждения уголовного дела: законодателью пора расставить точки // Лоббирование в законодательстве. 2023. Т. 2. № 2.
6. *Гордиенко В. В.* Законодательные новеллы и их роль в повышении эффективности борьбы с преступностью // Российский следователь. 2011. № 16.
7. *Григорьев В. Н.* Уголовный процесс / В.Н. Григорьев, А.В. Победкин, В.Н. Яшин. М. : Эксмо, 2023. 960 с.
8. *Кожокар В. В.* Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 301 с.
9. *Крымов В. А.* Стадия возбуждения уголовного дела и факторы, оказывающие влияние на ее оценку и роль в реализации назначения уголовного судопроизводства // Публичное и частное право. 2025. № 1 (47).
10. *Марковичева Е. В., Васюков В. Ф.* Проблемные вопросы возбуждения уголовных дел на современном этапе: монография. М. : Проспект, 2016. 72 с.
11. *Тучков Я. В.* Процессуальная форма начала производства по уголовным делам в условиях цифровизации общественных отношений // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2025. № 2 (26).
12. *Федоров А. В.* Нужна ли по делам о наркопреступлениях стадия возбуждения уголовного дела? // Наркоконтроль. 2017. № 1.

НАТАЛИЯ ЭДУАРДОВНА МАРТЫНЕНКО,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовной политики

Академия управления МВД России

E-mail: kafedra_up_au@mail.ru

Наука уголовного права в годы Великой Отечественной войны

Аннотация

В статье рассматриваются научные исследования периода Великой Отечественной войны. В Союзе Советских Социалистических Республик не только ковалась победа над гитлеровской Германией, но и продолжала развиваться наука, в том числе уголовного права, издавались учебники, монографии, писались научные статьи, много внимания уделялось рассмотрению проблем уголовной ответственности гитлеровских преступников и необходимости возмещения ими причиненного вреда. Причем эти проблемные вопросы поднимались за долгие полтора-два года до окончания Великой Отечественной войны

***Ключевые слова и словосочетания:** Великая Отечественная война; уголовное право; научные исследования; учебники уголовного права времен Великой Отечественной войны; возмещение вреда гитлеровскими преступниками.*

В 1941 гг. выходит монография А.Н. Трайнина «Учение о соучастии»¹. Он первым в СССР разработал учение о соучастии.

О великой Отечественной войне написаны сотни книг, боевым сражениям посвятили свои картины известные художники, тысячи километров пленки запечатлели сражения Великой Отечественной войны. Благодаря этому, мы знаем историю великих сражений Великой Отечественной войны, ее героев. Труженики тыла на заводах и фабриках также ковали победу над врагом. Но в тылу шла работа не только для нужд фронта. В стране продолжали работу учебные заведения, в том числе, по подготовке юристов, выходили учебники, научные статьи, монографии. В разгар Курской битвы, Смоленской операции, освобождения Орла и Белгорода в Москве во Всесоюзном институте юридических наук НКЮ СССР выходит учебник «Уголовное право. Общая часть»². Учебник предназначен для лиц, получающих высшее юридическое образование.

¹ Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР. 1941. 160 с.

² Уголовное право. Общая часть. Всесоюзный институт юридических наук НКЮ СССР. Юридическое издательство НКЮ СССР. М., 1943. 284 с.

В 1944 году в разгар проведения операции «Багратион», Львовско-Сандомирской, Ясско-Кишиневской и Прибалтийской, освобождения Крыма, снятия блокады Ленинграда в Москве выходят научные публикации А.Н. Трайнина Уголовная ответственность гитлеровцев, А.А. Герцензона Курс уголовного права¹, А.А. Герцензона Ближайшие задачи изучения преступности², Исаева М.М. Материалы по Общей части уголовного права³, А. Трайнина, В. Меньшагина, З. Вышинской Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий под ред. и с предисл. Г. Голякова⁴. А.Н. Трайнина Об уголовной ответственности гитлеровских преступников // Война и рабочий класс. 1944. № 4. С.19-21, А.Н. Трайнина Стратегия «милосердия» // Война и рабочий класс. 1944. № 19. С.14-17, И.П. Трайнина Ответственность гитлеровской германии за злодеяния и ущерб, нанесенный агрессией // Вестник Академии наук СССР. 1944. №1-2. С. 31-49.

В монографии А.Н. Трайнина «Уголовная ответственность гитлеровцев»⁵, подготовленной в 1944 г. автор поднимает вопрос об уголовной ответственности гитлеровцев за совершенные ими злодеяния. Автор говорит о не разработанности проблем международного уголовного права, о необходимости разработки понятия международного преступления. А ведь до окончания Великой Отечественной войны оставался еще целый год. Насколько же мудр был А.Н. Трайнин, насколько верил в нашу победу.

В 1945 году Великая Отечественная война вступила в свою завершающую стадию. Проведены Висло-Одерская, Сандомирско-Силезская Варшавско-Познанская наступательные операции, взят Берлин. В год победоносного завершения войны наука уголовного права продолжала развиваться. В журнале Социалистическая законность⁶ выходит критическая рецензия профессора М.Д. Шаргородского. Прежде всего автор рецензии подчеркивает, что несмотря на военные годы государство уделяет большое внимание развитию науки уголовного права. В целом положительно оценивая учебник, М.Д. Шаргородский критикует его за: стиль написания, который более присущ комментариям; чрезмерное увлечение перечислением представителей немецкой классической школы уголовного права, о переоценке роли немецкой философии в развитии уголовного права; отсутствие фамилий представителей русской школы

¹ Герцензон А.А. Курс уголовного права. Вып.1. М., Воен. Юрид. Академия РККА. 1944. 34с.

² Герцензон А. Ближайшие задачи изучения преступности // Социалистическая законность. 1944. № 2.

³ Исаев М. М. Материалы по Общей части уголовного права / под ред. И. Т. Голякова. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1943. 32 с.

⁴ Трайнин А.Н., Меньшагин В.Д., Вышинская З. А. Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий под ред. и с предисл. Г. Голякова. Изд. 2-е. М.: Юриздат. 1944. 340 с.

⁵ Трайнин А.Н. Уголовная ответственность гитлеровцев. М.: Юриздат НКЮ СССР. 1944.107 с.

⁶ Шаргородский М.Д. Рецензия на учебник «Уголовное право. Общая часть. Всесоюзный институт юридических наук НКЮ СССР. Юридическое издательство НКЮ СССР. М.,1943. 284 с. // Социалистическая законность. 1945. № 1-2.

уголовного права (О.И. Горегляд, А.М. Гуляев, С.И. Барышев, В.Д. Спасович, А.Ф. Кистяковский, И.Я. Фойницкий, Н.А. Неклюдов, М.П. Чубинский, А.А. Пионтковский, Д.А. Дриль, А.К. Вульферт, А.А. Жижеленко, что приведет к тому, что у студентов сложится впечатление, что в нет русской школы уголовного права. Отрадно, что М.Д. Шаргородский в рецензии поименно перечисляет эти фамилии. Позволю себе, отдавая дано памяти этим людям, тоже перечислить их фамилии: М.Н. Гернет, А.А. Герцензон, М.М. Исаев, А.А. Пионтковский, А.Н.Траинин.

В заключение хотелось бы сделать только один вывод – несмотря на военное время, голод, разруху в стране всегда оставались люди, верные раз и навсегда выбранному направлению деятельности – науке уголовного права. Именно благодаря им мы свободно можем рассуждать о проблемных вопросах, которые они пытались разрешить. Именно благодаря этим людям наука уголовного права и сейчас движется вперед. Вечная им память.

Список литературы:

1. *Герцензон А. А.* Курс уголовного права. Вып.1. М., Воен. Юрид. Академия РККА. 1944. 34 с.
2. *Герцензон А. А.* Ближайшие задачи изучения преступности // Социалистическая законность. 1944. № 2.
3. *Исаев М. М.* Материалы по Общей части уголовного права / под ред. И.Т. Голякова. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1943. 32 с.
4. *Траинин А. Н.* Учение о соучастии. М. : Юридическое издательство НКЮ СССР. 1941. 160 с.
5. *Траинин А. Н., Меньшагин В. Д., Вышинская З. А.* Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий под ред. и с предисл. Г. Голякова. Изд.2-е. М., Юриздат. 1944. 340 с.
6. *Траинин А. Н.* Уголовная ответственность гитлеровцев. М. : Юриздат НКЮ СССР. 1944. 107с.
7. Уголовное право. Общая часть. Всесоюзный институт юридических наук НКЮ СССР. Юридическое издательство НКЮ СССР. М.,1943. 284 с.
8. *Шаргородский М. Д.* Рецензия на учебник «Уголовное право. Общая часть. Всесоюзный институт юридических наук НКЮ СССР. Юридическое издательство НКЮ СССР. М.,1943. 284 с. // Социалистическая законность. 1945. № 1-2.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ МЕЛИХОВ,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории и методологии
государственного управления
Академия управления МВД России
E-mail: m-13913@ya.ru

ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА КАПИТАНЕЦ,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой государственного
и муниципального управления
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова
E-mail: gmu@rea.ru

Уголовная политика как борьба за право

Аннотация

Статья посвящена теоретико-правовому осмыслению понятия правовой политики через призму сопоставления традиционного нормативного и конфликтологического подходов, включая концепцию Р. фон Иеринга о политике как «борьбе за право». Особое внимание уделяется уголовной политике как компоненту государственной правовой стратегии, в том числе в контексте конкуренции интересов и влияния корпоративных структур. Авторы выделяют различия между «борьбой за содержание» и «борьбой за реализацию права», анализируя их значение для таких сфер, как национальная безопасность и уголовное правотворчество. На основе примеров из отечественной законодательной практики рассматриваются механизмы неинституционализированного лоббизма в уголовной политике, включая влияние бизнес-структур на содержание норм уголовного права. Делается вывод о необходимости нормативной легализации лоббистской деятельности для обеспечения транспарентности и правовой устойчивости уголовной политики.

Ключевые слова и словосочетания: правовая политика; борьба за право; конфликтология; уголовная политика; нормативный подход; корпоративное влияние; лоббизм.

Понятие правовой политики остаётся одной из фундаментальных категорий в правоведении. Его интерпретации варьируются от прагматических, управленческих определений до концептуальных,

основанных на социологическом или философском понимании права. В данной работе проводится сопоставление двух подходов: традиционного нормативного и конфликтологического, предложенного Р. фон Иерингом и актуализированного в современной российской доктрине.

Правовая политика в «позитивном» подходе представляет собой целенаправленную и организованную деятельность государства и общества, направленную на формирование, развитие, реализацию и совершенствование правовой системы. Она охватывает весь комплекс правовых мер, принимаемых для регулирования общественных отношений в целях достижения справедливости, законности и защиты прав и свобод человека и гражданина.

Основу правовой политики составляет выработка стратегических ориентиров и механизмов правового регулирования, соответствующих социальным и экономическим условиям развития общества. Она реализуется как в нормативно-правовой, так и в институциональной плоскости, охватывая как нормотворческую, так и правоприменительную и правоохранительную деятельность.

К числу характерных признаков правовой политики следует отнести ее целенаправленность, системность, динамизм и ориентированность на приоритет прав человека и принцип законности. Правовая политика не является разовой акцией — она представляет собой непрерывный процесс адаптации правовой системы к меняющимся реалиям.

В рамках правовой политики выделяются следующие основные направления: законодательная политика, направленная на создание и модернизацию нормативно-правовой базы; правоприменительная политика, обеспечивающая реализацию правовых норм; правоохранительная политика, ориентированная на защиту общественного порядка и правопорядка; а также правовоспитательная политика, способствующая формированию высокого уровня правосознания и правовой культуры населения.

Следует отметить, что правовая политика может осуществляться на различных уровнях: государственном (федеральном), региональном (субъекты федерации) и муниципальном (местное самоуправление). Кроме того, она подразделяется на общую и отраслевую, например, уголовно-правовую, административно-правовую, экологическую и другие виды политики, ориентированные на конкретные сферы общественных отношений.

Таким образом, правовая политика представляет собой важнейший механизм реализации государственной власти в правовой форме, обеспечивая упорядочивание общественных отношений и установление справедливого и стабильного правопорядка.

Можно выделить и условно «негативный» подход к политике как «борьбе за право» раскрытой Р. фон Иерингом [1]. В отечественной

юриспруденции данный термин был уточнен применительно к современным реалиям В.А. Толстиком и Н.А. Трусовым, предложившим категории «борьба за содержание права» и «борьба за реализацию права» [2].

В правовой доктрине Р. фон Иеринга политика предстает не как отвлечённая управленческая деятельность, а как борьба за право — процесс, в ходе которого право формируется под влиянием конфликта интересов социальных классов, сословий и групп. Право, по его утверждению, никогда не было выражением отвлечённой справедливости, но стало результатом ожесточённой борьбы, требующей напряжения воли и разума. «Все великие приобретения в истории права – уничтожение рабства, крепостничества, свобода собственности, совести и др. – все они были завоеваны путем ожесточенной, нередко вековой борьбы. Развитие права, жизнь права – это, прежде всего, борьба, длительная, упорная, изнурительная, требующая огромных умственных усилий и громадного напряжения воли» [1, С.19,67]. Это высказывание как нельзя актуально для современной России [3].

Этот тезис становится особенно значимым в контексте современной России, где борьба за содержание права, то есть за его формулировку и легализацию в нормативных актах, является ареной столкновения гласных и негласных интересов властных группировок. Политика в таком понимании — это процесс определения и закрепления тех или иных правовых норм в результате конкуренции интересов субъектов.

Однако, по нашему мнению, в сфере национальной безопасности допустимость подобной борьбы ограничена. Национальная безопасность должна базироваться не на компромиссах различных элит, а на витальных интересах одного субъекта — многонационального народа Российской Федерации. Эти интересы не могут быть сведены к простой сумме частных или групповых требований, они представляют собой системообразующую основу существования государства, общества и человека. Именно поэтому политика национальной безопасности, в отличие от уголовной политики, должна быть освобождена от состязательности интересов и сосредоточена на сохранении и воспроизводстве безопасности как базового условия существования нации.

В отечественной юриспруденции понятие «борьбы за право» было переосмыслено через категории, предложенные В.А. Толстиком и Н.А. Трусовым: «борьба за содержание права» и «борьба за реализацию права» [2, с. 7-28]. Если первая категория применима, прежде всего, к сфере уголовной политики, то вторая — к процессу исполнения уже установленных норм, обеспечению устойчивости системы. Борьба за реализацию права предполагает участие в этом процессе судебных органов, других ветвей власти и гражданского общества.

Таким образом, политика в широком юридическом смысле — это

механизм согласования, закрепления и практического проведения в жизнь интересов общества. При этом чёткое различие между борьбой за содержание и за реализацию права приобретает фундаментальное значение для определения границ допустимого политического соперничества. Национальная безопасность как сфера политики требует исключительного приоритета интересов народа над фрагментарными интересами субъектов. Любая подмена этих приоритетов или вовлечение «недееспособных» субъектов в борьбу за содержание права в данной области может стать прямой угрозой национальной безопасности.

Следовательно, подход к политике, предложенный Иерингом и развитый в современной отечественной теории, позволяет не только понять истоки и природу права, но и провести границу между конкуренцией интересов и защитой фундаментальных общественных ценностей. Вопрос о праве — это всегда вопрос о власти, но в сфере национальной безопасности — это ещё и вопрос об общенациональном выживании.

Согласно первому «позитивного» подхода уголовная политика занимает особое место в системе государственной правовой политики, поскольку она непосредственно связана с ограничением прав личности и применением принудительных мер. В юридической науке сложилось несколько подходов к её пониманию. Наиболее распространённым является традиционный нормативно-институциональный подход, в рамках которого уголовная политика рассматривается как деятельность государства по борьбе с преступностью. Согласно традиционному пониманию, уголовная политика представляет собой систему организационно-правовых мер, направленных на предупреждение, выявление, пресечение и наказание преступлений. Её предмет включает:

- разработку и применение норм уголовного законодательства;
- формирование системы наказаний и уголовно-правовых санкций;
- деятельность правоохранительных и судебных органов;
- обеспечение законности и справедливости в уголовном судопроизводстве.

В этом подходе уголовное право трактуется как рациональный продукт государственной воли, направленной на защиту общественных интересов. Например, ужесточение уголовной ответственности за коррупционные преступления (10 марта 2025 г. зарегистрирован и в дальнейшем направлен в Комитет Госдумы по государственному строительству и законодательству законопроект № 859650-8. Проектом поправок в Уголовный кодекс РФ предлагается, в частности, исключить возможность применения к осужденным по ч. 4–6 ст. 290 УК наказания

в виде штрафа в качестве основного вида наказания¹⁾ рассматривается как часть последовательной политики государства по борьбе с подрывом общественного доверия к власти.

Также в рамках традиционного подхода принимаются стратегические документы, такие как Концепция уголовной политики Российской Федерации (в проекте), где декларируются цели гуманизации, дифференциации наказаний, эффективности профилактики и защиты прав граждан.

Альтернативную точку зрения развивает конфликтологический подход, исходящий из социологической трактовки права. Современное законодательное регулирование в уголовно-правовой сфере всё чаще рассматривается не только как продукт институциональной воли государства, но и как результат сложного взаимодействия социальных, экономических и политических акторов, включая бизнес-сообщество. Вопрос о степени участия корпораций в формировании уголовной политики приобретает особую актуальность в условиях отсутствия в российском праве нормативной базы, регулирующей лоббизм, что резко контрастирует с зарубежной практикой (например, Великобритания [5], Италия [6]).

Несмотря на широкое присутствие представителей бизнеса в консультативных органах при федеральных органах власти, лоббизм в России не имеет правового статуса, а его формы носят закрытый характер. В этой связи вопрос о корпоративном влиянии на уголовную политику рассматривается преимущественно в рамках правовой конфликтологии и политико-правового анализа.

Корпорации, как крупные системные участники рынка, могут оказывать давление на законодателя через бизнес-объединения, экспертные советы, а также через формальные и неформальные механизмы, включая аффилированных представителей во власти.

Сфера налоговых, предпринимательских и финансовых правонарушений традиционно является объектом пристального интереса корпоративного сектора. В ряде случаев законодательные изменения в этой области трактуются экспертами как отражение лоббистских инициатив [7].

К примеру, возможность освобождения от уголовной ответственности по налоговым статьям (например, ст. 199 УК РФ) при добровольном возмещении ущерба интерпретировалась представителями федеральной налоговой службы России как гуманизация, однако правозащитные организации отметили, что она фактически создаёт льготы

¹ Законопроект № 859650-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за преступления, связанные с получением взятки)»// <https://sozd.duma.gov.ru/bill/859650-8>.

для крупного бизнеса, имеющего ресурсы на быструю компенсацию ущерба.

30 июля 2012 года Федеральным законом от 28.07.2012 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» была возвращена уголовная ответственность за клевету в 2012 году, а затем ужесточены санкции по данной статье, что сопровождалось активными дискуссиями в медийном и экспертном поле [8,9], поскольку юридические лица, включая крупные медиа-холдинги и госкорпорации, нередко используют ст. 128.1 УК РФ для защиты коммерческих интересов, подавляя общественные расследования. Это позволяет предположить, что актуализация этой нормы отражает баланс интересов между свободой слова и корпоративной стабильностью, склоняющийся в пользу последнего.

Несмотря на формальное наличие уголовных норм, защищающих окружающую среду, их эффективность низка, а санкции — мягкие. Представители научного сообщества и экологических НКО утверждают, что это результат давления сырьевых корпораций, заинтересованных в минимизации правовых рисков. Статья 246 УК РФ («Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ») крайне редко применяется в судебной практике, даже при наличии массовых загрязнений. Наказания не соразмерны экологическим и социальным последствиям, что свидетельствует о правовом дисбалансе в пользу корпоративных интересов.

В отличие от стран с легализованным и регулируемым лоббизмом, в России невозможно достоверно установить, сколько статей УК РФ пролоббировано корпорациями. Отсутствие института обязательного раскрытия интересов участников правотворческого процесса делает невозможным количественный анализ лоббистского воздействия. Единственным источником является контентный анализ законодательства, экспертные заключения и судебные прецеденты.

Корпоративное влияние на уголовную политику России, хотя и не институционализировано в правовом смысле, но оказывает существенное влияние на содержание и динамику уголовного законодательства. Особенно это заметно в сферах, связанных с экономикой, информацией и природопользованием. Необходимость создания прозрачного механизма мониторинга и учёта интересов при законотворчестве, включая легализацию института лоббизма, становится ключевым условием обеспечения юридической легитимности уголовной политики и предотвращения её инструментализации в интересах ограниченного круга субъектов.

Список литературы:

1. *Иеринг Р.* Борьба за право. СПб., 1895.
2. Толстик В. А., Трусов Н. А. Борьба за содержание права: монография. Н. Новгород, 2008.
3. *Клишас А. А.* Суверенитет. От борьбы за право к борьбе за суверенитет / А.А. Клишас. Москва: Международные отношения, 2018.
4. *Толстик В. А., Трусов Н. А.* Борьба за содержание права: Монография. Н.Новгород, 2008.
5. *Каневский П. С.* Тенденции развития лоббизма в Британии // Современная Европа. 2019. № 2 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-lobbizma-v-britanii> (дата обращения: 02.07.2025).
6. *Каневский П. С.* Векторы взаимодействия групп интересов и органов власти в Италии // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2021. №63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vektory-vzaimodeystviya-grupp-interesov-i-organov-vlasti-v-italii> (дата обращения: 02.07.2025).
7. *Головко Л. В.* Концептуальные основы уголовной политики в сфере экономики // Закон. 2011. № 9. EDN OBGOQN.
8. *Волеводз А. Г.* Нужно ли восстановление уголовной ответственности за клевету? // Информационный портал Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России: Эксперты МГИМО. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document225916.phtml>; (дата обращения: 10.05.2025).
9. *Дайиутов М. М., Кадников Ф. Н.* К вопросу об уголовной ответственности за клевету // Евразийская адвокатура. 2021. №1 (50). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-klevetu> (дата обращения: 02.07.2025).

ТАТЬЯНА ВАЛЕНТИНОВНА ПИНКЕВИЧ,

доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовной политики
Академия управления МВД России
E-mail: pinkevich@yandex.ru

**Деятельность Интерпола и Европола в противодействии
неправомерному использованию виртуальной валюты**

Аннотация

В статье представлены результаты краткого анализа деятельности Интерпола и Европола по противодействию неправомерному использованию виртуальной валюты (криптовалюты). Особое внимание уделено вопросам создания и использования цифровых технологий в деятельности по предупреждению, выявлению и раскрытию преступлений, совершаемых с использованием названного цифрового актива. В ходе исследования автор приходит к выводу о том, что противодействие цифровой преступности требует разработки и внедрения передовых технологий наблюдения, анализа данных, инструментов раннего реагирования, мониторинга сложных преступных схем, а также тесного партнерства между государствами, финансовыми институтами и цифровым сектором.

Ключевые слова и словосочетания: виртуальная валюта; противодействие; цифровые технологии; преступность; Интерпол; Европол.

В последние годы наблюдаем рост цифровых технологий, которые радикально меняют привычные сферы деятельности человека. Особенно этот процесс заметен в экономике: электронная коммерция трансформируется в один из ключевых секторов, обеспечивающих приток средств и развитие национальных экономик. Интернет-платформы, развитая система онлайн-оплаты, дистанционные сервисы стали неотъемлемой частью инфраструктуры практически любого современного государства. Нельзя забывать, что электронная коммерция – это не просто удобный способ покупки и продажи товаров и услуг через сеть Интернет, но и сложная экосистема, включающая электронные платежные системы, цифровые финансовые активы и, все чаще, виртуальные валюты. Их применение позволяет компаниям и частным лицам более гибко, быстро и удобно осуществлять финансовые операции, выходить на новые рынки и экономить ресурсы. Однако наряду с преимуществами цифровизации

появились и новые криминогенные риски, связанные с безопасностью электронных расчетов, а также с возможностью осуществления преступных действий с использованием новых финансовых технологий. Параллельно с ростом электронных платежных сервисов и цифровых валют, включая виртуальные валюты, увеличивается и число преступлений, связанных с их использованием. Так, результаты, полученные в ходе проведенного комплексного исследования преступности, свидетельствуют о том, что количественные и качественные показатели использования виртуальной валюты в преступных целях, свидетельствуют о высоком уровне распространения уголовно-правовых деяний, совершаемых как в отношении виртуальной валюты, так и с ее использованием. К таким преступлениям следует отнести прежде всего легализацию криминальных доходов, финансирование терроризма с использованием анонимных цифровых платёжных инструментов, распространение нелегальных товаров и услуг в Даркнете и т.д. В этой связи исследование опыта предупреждения такого рода преступлений в зарубежных странах, особенно в сфере обращения цифровых финансовых активов, в том числе и виртуальной валюты может быть востребован и в национальной правоприменительной практике.

На международном уровне не приняты ключевые нормативные документы, определяющие правовой статус виртуальной валюты, в результате наблюдаются разногласия между разными странами в определении названного цифрового актива: одни страны рассматривают виртуальную валюту как денежное средство, другие видят в ней вид имущества, а отдельные государства трактуют их как товар или средство накопления [1]. Такая неопределенность ее юридического статуса существенно осложняет деятельность правоохранительных органов, связанных с расследованием и предупреждением уголовно-правовых деяний, совершаемых с ее использованием. Важность противодействия преступлениям, совершаемым с использованием названной валюты, не только объединило усилия Интерпола и Европола, но и активизировало их деятельность в целях снижения уровня злоупотреблений виртуальной валютой преступниками для легализации криминальных доходов, финансирования преступной деятельности, в том числе финансирования преступлений террористического характера [2].

Одним из основных направлений деятельности стало выявление новых схем обналичивания, финансирования преступной деятельности, которая осуществляется посредством цифровых платёжных систем. По этой причине и в целях повышения квалификации полицейских в 2015 г. Интерпол объявил о запуске проекта по разработке «учебной» виртуальной валюты, применяемой с образовательными и исследовательскими целями. Это позволило более глубоко изучить методы, тактику и процедуры, используемые киберпреступниками для

нелегального оборота виртуальных валют. Особое значение этот опыт приобрел для подготовки сотрудников правоохранительных органов в области выявления, расследования и пресечения новых видов преступлений.

Рост преступной активности в Даркнете, а именно анонимизированной части сети Интернет, где увеличилось количество совершаемых противоправных сделок (торговля оружием, наркотиками, поддельными документами), стал предпосылкой к установлению партнёрства между Интерполом и южнокорейским стартапом S2W Lab. Разработанная ими система позволяет отслеживать активность пользователей Даркнета и выявлять закономерности совершения преступлений, что дает возможность своевременно обнаружить противоправную деятельность. Особое внимание в своей работе ими уделяется и киберугрозам. С этой целью осуществляется разработка Глобального комплекса инноваций Интерпола, предназначенного для обмена знаниями и наработанным опытом в области кибербезопасности между государствами и правоохранительными органами [2]. Для повышения квалификации сотрудников полиции Интерполом совместно с Европолем организуются конференции, диспуты по методике расследования новых видов преступлений и тематические тренинги. Так, в 2015 г. подразделение Interpol Global Complex for Innovation (IGCI) провело тренинг по отслеживанию незаконного оборота виртуальных валют: была создана копия онлайн-магазина по аналогии с Silk Road, где участники учились обнаруживать и блокировать нелегальные интернет-площадки, а также исследовали техническую инфраструктуру сети Tor [3]. Эти мероприятия позволяют сотрудникам правоохранительных органов овладевать современными инструментами анализа данных, получения и фиксации улик, освоением средств анонимизации и защиты, а также сформировать системный подход к обеспечению кибербезопасности на международном уровне.

В связи с этим следует отметить роль Интерпола, который принимает активное участие в подготовке не только методических материалов, проведении представительских мероприятий, связанных с преступлениями, совершаемыми с использованием виртуальной валюты, но и осуществляет образовательную деятельность. Более того, являясь одной из международных организаций, обеспечивающих взаимодействие стран в противодействии преступности, придает особое значение информационному обеспечению совместных действий, что позволяет быстро обмениваться актуальными сведениями, обеспечивать согласованность операций и оперативно реагировать на новые криминальные вызовы. И, конечно, в центре ее внимания всегда находятся тяжкие и особо тяжкие преступления, такие как легализация криминальных доходов, финансирование терроризма, деятельность

транснациональной организованной преступности, нарушения, посягающие на экономические и социальные основы общества, особенно в финансовой сфере; преступления с использованием виртуальных валют и других цифровых финансовых инструментов. К названным преступлениям следует также отнести мошенничество, торговлю запрещенными товарами, финансирование незаконных операций и пр. Самое основное в деятельности по противодействию таким преступлениям является не только отслеживание денежных потоков, но и выявление сложных схем их маскировки и движения в виртуальной среде. Для установления местонахождения лиц, причастных к совершению преступлений с использованием виртуальных валют, Генеральный секретариат Интерпола разработал специальную систему международного обмена информацией. Эта система позволяет оперативно передавать сведения между странами, отслеживать подозрительные транзакции, выявлять финансовые связи и получать данные о преступной деятельности в режиме реального времени. Используя свои уникальные инструменты и международные связи, Интерпол, координирует противодействие преступности во всех её проявлениях. Его задачи включают не только реагирование на угрозы, но и передачу опыта, методик расследования и лучших практик национальным правоохранительным органам. Это помогает странам-членам быстро внедрять новые технологии борьбы с преступностью в своих правовых системах.

Несмотря на системную работу и появление новых подходов в противодействии преступлениям в цифровой среде правоохранительные органы сталкиваются с рядом серьезных проблем: виртуальный мир преступлений очень динамичен и не знает границ, схемы преступной деятельности распространяются мгновенно, а методы их обнаружения часто отстают; скорость финансовых операций позволяет преступникам легализовать средства всего за несколько часов, переводя их между различными странами и платформами; отсутствие единых стандартов регулирования усложняет противодействие, а также способствует появлению новых технологических уловок для ухода от контроля. По мнению представителей Интерпола говоря о повышении уровня противодействия с названной преступностью требует комплексного подхода. При этом важно создание не только совместных электронных платформ для мониторинга и предотвращения цифровой преступности с участием национальных банков, но и наладить тесное сотрудничество с экспертами в ИТ-сфере, провайдерами цифровых услуг и всеми компаниями, работающими с технологиями цифровой экономики. Такой подход позволит национальным полицейским ведомствам оперативно обмениваться информацией, быстрой реагировать на новые схемы и укреплять международные связи [3].

Совместными усилиями Интерпола и Европола было достигнуто согласование мер по снижению криминальной активности в сфере легализации преступных доходов, финансирования терроризма, незаконного оборота наркотиков с использованием виртуальной валюты. В результате было принято решение о:

- повышении качества и объема информации посредством использования таких каналов, как Европол, Интерпол, Egmont Group и FIU.net в области легализации преступных доходов, финансирования терроризма, незаконного оборота наркотиков с использованием виртуальной валюты;

- регулировании криптобирж и провайдеров криптокошельков в рамках законов о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма;

- четком определении концепции противодействия названным преступлениям и закреплении таких понятий, как «криптовалюта», «провайдер криптокошелька» и их «шифровальщиков» в правовых рамках ЕС;

- принятии мер по противодействию обороту цифровых валют, которые делают транзакции анонимными и усложняют работу правоохранительных органов по выявлению и отслеживанию подозрительных транзакций [2].

В своем докладе «Оценка угрозы со стороны организованной интернет-преступности» (2014 г.) Европолом была дана всесторонняя оценка новых форм преступности, возникающих в цифровом пространстве. Документ содержал не только анализ способов использования виртуальных валют организованной преступностью, но и раскрывал инструменты, обеспечивающие функционирование преступности «глубокого» интернета (Darknet). Среди таких инструментов можно выделить защищённые анонимизирующие платформы, например сеть Tor, которая позволяет скрывать личность пользователей и местонахождение ресурсов. Благодаря Tor и аналогичным технологиям, преступники получают возможность совершать противоправные действия в том числе: торговлю нелегальными товарами и услугами; распространение материалов, связанных с сексуальной эксплуатацией детей; использование новых схем по отмыванию денег и финансированию терроризма. Анонимность, которую предоставляют цифровые платформы и виртуальные валюты, значительно затрудняет работу правоохранительных органов по выявлению преступной деятельности, расследованию и сбору доказательств.

В аналитическом отчёте Европола за 2015 г. уделяет внимание исследованию теневых криптовалютных рынков, годовой оборот которых превышает \$20 млн. Как правило преступники используют платформы, которые не имеют жёсткой системы верификации личности или вообще не

подчиняются национальным законам и регулирующим требованиям. Например, в качестве инструментов легализации криминальных доходов широко применяются: криптобиржи с минимальным контролем; онлайн-гемблинг платформы; специализированные сервисы-миксеры, позволяющие быстро и относительно недорого «очищать» анонимные потоки виртуальных валют. Таким образом, преступники с легкостью перемещают средства между различными платформами и юрисдикциями. При этом авторы доклада приходят к выводу о необходимости разработки и принятия на уровне Европейского союза закона, который бы устанавливал: стандарты регулирования виртуальных валют, правила взаимодействия операторов цифровых валют с правоохранными органами и банками и единые подходы к идентификации и контролю пользователей [4].

В связи названными выводами по инициативе Европейской комиссии, в 2016 г. на базе Европола была создана специальная рабочая группа по противодействию легализации преступных доходов с использованием виртуальных валют. В состав этой группы вошли представители Интерпола и Базельского института управления (Basel Institute on Governance). Основные направления ее работы включают: мониторинг фактов использования виртуальной валюты в целях легализации криминальных доходов; создание безопасных каналов для всестороннего обмена данными между правоохранными органами, финансовыми ведомствами и профильными организациями; разработка и внедрение инструментов по поиску и аресту незаконно полученных цифровых активов, сотрудничество с криптобиржами и экспертами по блокчейн-аналитике; проведение регулярных научно-практических семинаров для представителей правоохранных структур; формирование международного экспертного сообщества в области противодействия злоупотреблениям цифровыми валютами.

В 2020 г. Интерпол представил доклад, касающийся динамики преступлений, посягающих на интеллектуальную собственность. Здесь особый акцент сделан на: рост объема контрафактных товаров; причинение значительного ущерба не только производителям и собственникам интеллектуальной собственности, но и экономике в целом из-за нарушения интеллектуальных прав; на наличие прямой угрозы здоровью и безопасности потребителей. Здесь же Европол указывает на высокую угрозу массового использования виртуальной валюты преступными сообществами, что вызывает необходимость в специальных знаниях и современных технологиях для противодействия таким схемам.

Одним из масштабных и значимых проектов Европола стал SOCTA (Serious and Organized Crime Threat Assessment) — консультативная группа, объединяющая государства — члены Евросоюза, агентства Европейского союза, Европейскую комиссию и Генеральный секретариат

Совета ЕС. Целью этого проекта является подготовка и обновление методологии выявления новых угроз; разработка требований к сбору и анализу оперативных данных; определение основных криминологических рисков и угроз; подготовка аналитических отчетов и рекомендаций по приоритетным направлениям борьбы с преступностью; координация действий государственных органов и международных организаций. Особое внимание СОСТА уделяется исследованию организованной преступной деятельности, масштабы онлайн-торговли нелегальными товарами; широкому распространению зашифрованных каналов связи для координации преступных действий и контроля денежных потоков.

Таким образом, современные международные доклады и проекты Европола и Интерпола подчеркивают: быстрый рост количества преступлений в цифровой среде, постоянное совершенствование схем по легализации криминальных доходов с помощью виртуальных валют, важность консолидации усилий, обмена экспертным опытом и развития современных технологий противодействия киберпреступности. По мнению их представителей эффективное противодействие в названной сфере возможно только при скоординированной работе государственных органов, международных организаций, финансового сектора и специалистов по кибербезопасности.

Европолом в деятельности по противодействию транснациональной организованной преступности активно применяется и система раннего обнаружения организованной преступности – ePOOLICE. Система ePOOLICE задействует методы вычислительного сканирования и автоматического анализа большого объема данных для создания единой европейской платформы так называемого «средового сканирования» (environmental scanning). Это позволяет осуществлять: постоянный мониторинг интернет-пространства, позволяющий анализировать данные из открытых источников, социальных сетей, отдельных мессенджеров, финансовых транзакций и биллинговой информации, а также видео- и текстовый контент; объединять сведения о подозрительных операциях, участниках сетевых сообществ, технических признаках преступности (например, ботнеты и вредоносные программы), а также анализировать коммуникации; полученная информация обрабатывается для своевременного оповещения правоохранительных органов о готовящихся или совершаемых преступлениях на территории ЕС и за его пределами. Система сплошного мониторинга помогает выявлять не только существующие, но и формирующиеся организованные преступные группы, что позволяет заранее реагировать на угрозы и расстраивать планы преступников еще на стадии подготовки [4].

Европол уделяет особое внимание также и таким видам цифровых правонарушений как: распространение материалов о насилии, эксплуатации, организация прямых трансляций; использование анонимных

платформ (Tor, криптовалюты) для сокрытия следов. Им изучаются особенности мошенничества с безналичными платежами, в том числе крупномасштабное подделывание банковских карт, хищение данных для онлайн-оплаты, кардинг, использование виртуальной валюты для легализации похищенных средств. Причина выбора этих направлений определена тем, что преступность в виртуальной среде становится все более агрессивной и конфронтационной. Это можно наблюдать в различных формах преступности, включая цифровые преступления, утечку данных и сексуальное вымогательство. Мишенью для преступников в названной сфере являются любые данные, которые можно использовать для получения выгоды: личные сведения, пароли, номера карт, цифровые кошельки и многое другое.

Следует выделить и схемы преступлений такие как: создание и управление ботнетами (сетью заражённых устройств), похищение паролей и отключение антивирусов; закладка «задних дверей» на устройствах (backdoors) для дальнейшего управления, кражи денег и данных; организация форумов для обмена хакерскими знаниями и торговли киберуслугами; использование пуленепробиваемого хостинга и сервисов обхода антивирусов; онлайн-мошенничества, кардинг, внедрение в платежные системы, социальная инженерия; цифровые формы сексуальной эксплуатации: создание и распространение материалов насилия, прямая трансляция преступлений; торговля оружием, фальшивыми паспортами, поддельными картами, наркотиками и хакерскими услугами с использованием интернет-площадок.

В ответ на рост преступной активности в экономике и на финансовом рынке, а также многочисленные обращения от государств ЕС, в штаб-квартиру Европола создан Европейский центр по борьбе с финансовыми и экономическими преступлениями (EFECC). Задачи нового подразделения заключаются в оказание помощи при раскрытии экономических схем, отслеживание и арест финансовых потоков, анализ новых инструментов отмывания, внедрение лучших практик, обеспечение обмена информацией и обучение специалистов; помощь странам-членам в гармонизации законодательства и реагировании на новые угрозы¹. Принятое решение обосновано тем, что экономические и финансовые преступления представляют собой чрезвычайно сложную и значительную угрозу, ежегодно затрагивающую миллионы отдельных граждан ЕС и тысячи компаний в ЕС. Кроме того, легализация криминальных доходов и финансовые преступления укрепляют организованную преступность, без

¹ Он создан по образцу аналогичных инициатив, таких как: Европейский центр по борьбе с киберпреступностью (EC3), Европейский Контртеррористический центр (ECTC), Европейский центр по незаконному ввозу мигрантов (EMSC) и Европейский центр по борьбе с серьезными организованными преступлениями (ESOCC), размещенный в Европоле. URL: <https://www.europol.europa.eu/newsroom/news/europol-launches-european-financial-and-economic-crime-centre> (дата обращения: 24.05.2024).

них преступники не смогли бы использовать незаконные доходы, которые они генерируют с помощью преступной деятельности, осуществляемой в ЕС. Согласно предыдущим отчетам Европола, 98,9 % предполагаемой преступной прибыли не конфискуется и остается в распоряжении преступников

Кроме того, в своей деятельности Европол уделяют внимание подготовке методических материалов и рекомендаций по противодействию преступности, а также проводят конференции, в которых активное участие принимают и представители бирж, компаний по обработке платежей и поставщики цифровых кошельков. Одним из основных вопросов, которые рассматриваются – это возможности отслеживания маршрута виртуальной валюты и методов идентификации участников в транзакции, способы сокрытия источников фондов, так называемых монетоприемников, некоторые криптопроекты которых используют для обеспечения секретности транзакций. Цель своей деятельности Интерпол видит в снижении преступности, совершаемой с использованием виртуальной валюты и улучшения работы правоохранительных органов [5]. При этом представители ведомства заявили, что Европол будет продолжать играть ключевую координирующую роль как между государствами-членами ЕС, так и за пределами Союза с целью своевременного реагирования на растущие транснациональные угрозы.

Подводя итог следует отметить, что противодействие цифровой преступности требует внедрения передовых технологий наблюдения, анализа данных, а также тесного партнерства между государствами, финансовыми институтами и цифровым сектором. Особое значение играет ключевую роль в разработке инструментов раннего реагирования, мониторинга сложных преступных схем и обмена опытом по борьбе с преступлениями, связанными с виртуальными активами и цифровым мошенничеством.

Список литературы:

1. Сидоренко Э. Л. Стратегии и риски оборота криптовалюты // Электронная валюта в свете современных правовых и экономических вызовов: Сборник материалов Международной научн.-практ. конференции (2 июня 2016 г.). М. : Юрлитинформ, 2016. С.12.

2. Новикова О. Европол и Интерпол повысят меры по борьбе с отмыванием денег через криптовалюты. URL: <http://coin-insider.ru/evropol-i-interpol-povysyat-mery-po-borbe-s-otmyvaniem-deneg-cherez-kriptovalyuty> (дата обращения: 06.05.2025).

3. Интерпол создал учебную криптовалюту и магазин наркотиков для тренировки агентов. URL: <https://xakep.ru/2015/09/04/interpol-crypto> (дата обращения: 02.06.2025).

4. Европол анализирует Bitcoin-преступления в новом докладе. URL: <https://bits.media/evropol-analiziruet-bitcoin-prestupleniya-v-novom-doklade> (дата обращения: 22.05.2025).

5. Европол – о борьбе по отмыванию денег в криптоиндустрии: URL: <https://bitcoinrush.md/europol-crypto-industria/> (дата обращения: 05.02.2025).

АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ ПОБЕДКИН,

доктор юридических наук, профессор,
начальник кафедры уголовной политики

Академия управления МВД России

E-mail: apobedkin71@mail.ru

**Личный обыск и освидетельствование:
аналогия как ключ к решению нравственных проблем**

Аннотация

В статье обращается внимание на важность исследования нравственных проблем уголовного судопроизводства, поскольку любая уголовно-процессуальная норма в той или иной мере должна иметь нравственное основание. Наиболее остро нравственные проблемы проявляются в ходе следственных действий, в частности освидетельствования и личного обыска, напрямую затрагивающих честь и достоинство участников уголовного судопроизводства. Обосновывается, что, учитывая схожесть рисков нарушения этого принципа при производстве указанных следственных действий, уголовно-процессуальное законодательство и правоприменительная практика должны совершенствоваться на основе процессуальной аналогии, что позволит унифицировать процессуальные гарантии при производстве освидетельствования и личного обыска.

***Ключевые слова и словосочетания:** освидетельствование; личный обыск; процессуальное принуждение; уважение чести и достоинства личности; этика уголовного процесса.*

Наука уголовного процесса погрузилась в модные «тренды» цифровизации и упрощения процессуальной формы. Актуальность научных исследований связывается теперь в основном с ними. Ссылка на цифровую трансформацию общества и заформализованность порядка уголовного судопроизводства зачастую оказывается достаточной, чтобы обосновать актуальность вопроса, и не утруждаться демонстрацией конкретных теоретических и практических проблем избранного направления исследования. Результаты таких исследований часто откровенно слабы, в том числе по причине их отрыва от системы ключевых проблем уголовного судопроизводства, тогда как разрешить проблемы и цифровизации и дифференциации процессуальной формы, и любую другую процессуальную проблему невозможно без обращения к вопросам целей уголовного судопроизводства, его принципов,

процессуальных гарантий, доказывания, уголовно-процессуальных функций и смеем утверждать, прежде всего, нравственных начал судопроизводства.

Часто выдвигаемые предложения неприемлемы не только ввиду их слабой обоснованности, практической нереализуемости, эклетичности, но главным образом по причине их безнравственности, несоответствия нравственным задачам отечественного уголовного судопроизводства, на которых (хотя они прямо не определены в законе) строится система основных положений судопроизводства, всех уголовно-процессуальных институтов [1].

Решение нравственных проблем уголовного процесса сегодня наиболее востребовано, поскольку именно нравственная оправданность законодательных и правоприменительных решений – основе условие его легитимности [2, с. 17-27].

Таковыми проблемами остается этическая плоскость производства следственных действий, и прежде всего освидетельствования и личного обыска, в ходе которых вопросы нравственного характера предстают наиболее болезненно и остро. Именно выраженная рельефность таких проблем, их однородность, прямая обусловленность реализацией принципа уважения чести и достоинства личности предопределяет и аналогичность моральных сторон производства этих действий, что и может стать одним из ключей к решению давних и явно перезревших проблем.

Ввиду особенностей осматриваемого объекта (тело человека) и прямым вторжением в сферу конституционно охраняемых прав человека освидетельствование, невзирая на основной познавательный прием (осмотр), является самостоятельным следственным действием, а не видом осмотра¹.

Освидетельствованию могут быть подвергнуты как обвиняемый, подозреваемый, так и свидетель, потерпевший, для которых постановление о производстве освидетельствования без всяких исключений является обязательным. Оговорка, о возможности освидетельствования свидетеля только с его согласия, за исключением случаев, когда освидетельствование необходимо для оценки достоверности его показаний (ч. 1 ст. 179 УПК), таким исключением не является. Случаи освидетельствования свидетеля в иных целях представить довольно затруднительно.

Обязательность постановления о производстве освидетельствования не решает многолетнюю проблему допустимости принудительного

¹ Учитывая, что осмотр является ключевым познавательным методом освидетельствования, выявление состояния опьянения, иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 179 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, далее – УПК) в ходе этого следственного действия возможно только посредством наблюдения.

освидетельствования, и прежде всего применения физической силы в отношении освидетельствуемого.

Дискуссия ведется достаточно давно. Высказано категоричное мнение о недопустимости принуждения потерпевшего не только к освидетельствованию, но к производству в отношении его судебной экспертизы. Аргумент в том, что потерпевший и так пострадал от преступления, пережил страдание, горе, ему причинен моральный, физический или материальный вред и аморально подвергать его принуждению при производстве освидетельствования или судебной экспертизы, усугубляя его мучения. Учитывая непричастность к совершению преступления свидетелей, принуждение в их отношении при производстве освидетельствования авторами этой точки зрения, конечно, также считалось недопустимым [3, с. 142; 4, с. 57]. Такой подход и сегодня поддерживается отдельными авторами [5, с. 233].

Другие специалисты возражают против дифференциации возможности применения принуждения при освидетельствовании по критерию процессуального статуса освидетельствуемого [6, с. 65; 7, с. 124-125].

Некоторые авторы воздерживаются от поддержки жесткого правила относительно невозможности принудительного освидетельствования потерпевшего, заостряя, однако, вопрос о важности считаться при этом с нравственной стороной [8, с. 57-58; 9, с. 78].

Т.Н. Москалькова правильно связывает решение вопроса о возможности применения принуждения при производстве освидетельствования с более общим вопросом: о возможности применения принуждения в отношении свидетеля и потерпевшего, отказывающихся выполнять постановления следователя о производстве любых следственных действий, способных вызвать нравственно болезненные чувства потерпевшего или иных участников процесса. Решение вопроса о возможности производства этих действий путем преодоления отказа участника судопроизводства подчиниться законным требованиям сомнений не вызывает [6, с. 65-66]. Верно и то, что дифференциация оснований принуждения при производстве освидетельствования в зависимости от статуса освидетельствуемого может привести к необоснованному ущемлению законных интересов обвиняемого (подозреваемого), лишаящегося шанса на оправдательное доказательство ввиду невозможности подвергнуть освидетельствованию потерпевшего или свидетеля [6, с. 65].

Еще один аргумент. Потерпевший за уклонение от прохождения освидетельствования, от производства в отношении его судебной экспертизы (в случаях, когда для производства экспертизы не требуется его согласия), или от предоставления образцов для сравнительного исследования несет уголовную ответственность (ст. 308 Уголовного

кодекса Российской Федерации, далее – УК). Поскольку уголовная ответственность потерпевшего за уклонение от производства в его отношении личного обыска не предусмотрена, можно было бы предположить, что личный обыск, в отличие от освидетельствования, может носить принудительный характер, которым и преодолевается нежелание потерпевшего ему подвергнуться. Однако уголовной ответственности потерпевший подвергается не за отказ, а за уклонение от прохождения освидетельствования. Речь явно идет о ситуациях, когда в отношении потерпевшего невозможно применить физическую силу, ввиду его неявки (надо полагать, что имеется в виду и неявка потерпевшего, отказывающегося от освидетельствования, иначе придется согласиться с очевидным нонсенсом: неявка на освидетельствование, обусловленная выраженным нежеланием ему подвергнуться в отличие от неявки ввиду «уклонения» от освидетельствования, не влечет уголовной ответственности)¹.

Сторонники принудительного освидетельствования любых участников процесса, указанных в ч. 1 ст. 179 УПК, при наличии к тому оснований, правы. Вместе с тем, в условиях действующего правового регулирования возможность принудительного освидетельствования более чем сомнительна.

Известно, что применение процессуального принуждения (как и вообще любого государственного принуждения) невозможно по аналогии [10, с. 106-139], без ясного указания в законе на право должностных лиц прибегнуть к мерам принудительного характера. В этой связи норма, согласно которой постановление о производстве освидетельствования обязательно для освидетельствуемого лица (ч. 2 ст. 179 УПК), не предоставляет право применять принуждение, которое в ряде случаев, действительно, является необходимым.

Как ни странно, и ст. 184 УПК («Личный обыск») прямо не предусматривает возможность принуждения при производстве личного обыска. Отсылка к чч. 1 и 3 ст. 182 УПК ничего не проясняет. В этих нормах не регулируется порядок производства обыска (хотя в ч. 1 ст. 184 УПК утверждается, что ими порядок производства обыска урегулирован), в том числе отсутствует разрешение на применение принуждения.

Прямое указание в УПК на возможность применения физического принуждения в ходе освидетельствования и, по общему правилу, именно по решению суда – шаг, действительно, необходимый [7, с. 125]. Предвидя возражения, основанные на сложности предварительной диагностики

¹ Проблемы уголовной ответственности потерпевшего за совершение деяний, предусмотренных ст. 398 УК не входят в предмет настоящего исследования, однако, они, очевидно, существуют. Так, следует определить должен ли потерпевший привлекаться к уголовной ответственности за «отказ», а не «уклонение» от проведения освидетельствования, преодоленный принуждением.

предстоящего освидетельствования на необходимость принуждения, заметим, что непредвиденная необходимость принудить к освидетельствованию физической силой вполне уложится в правило, предусмотренное ч. 5 ст. 165 УПК, если в ряду следственных действий, предусмотренных в ней, указать и на освидетельствование, сопровождающееся принуждением.

Однако возможность применять принуждение следует прямо предусмотреть и при производстве личного обыска, в противном случае размывание доктринальных схем в части государственного принуждения в уголовном судопроизводстве продолжится.

При этом, следует учитывать, что принудительное освидетельствование в ходе проверки сообщения о преступлении сегодня невозможно, равно как не должно стать допустимым и в будущем. Хотя в ч. 2 ст. 184 УПК указано на обязательность постановления следователя для освидетельствуемого лица, однако, в системном толковании с ч. 1 этой статьи, ясно, что речь только о подозреваемом, обвиняемом, потерпевшем и свидетеле. На стадии возбуждения уголовного дела лиц, обладающих таким процессуальным статусом, нет. Поскольку основной онтологической задачей стадии возбуждения уголовного дела является снижение рисков необоснованного принуждения, решение которой и без того серьезно затруднено проникновением в систему средств проверки сообщения о преступлении средств, характерных для стадии предварительного расследования, принудительное освидетельствование следует допустить только после возбуждения уголовного дела. Надо полагать, что личный обыск не включен в число действий, допускаемых в ходе проверки сообщения о преступлении, по причине его сущностной связанности с применением принуждения. Законодатель, вероятно, полагает это ясным, не учитывая, что его прямая позиция по этому вопросу не выражена.

При производстве освидетельствования законодатель не предусматривает обязательного участия понятых. Однако их участие может быть обеспечено по инициативе следователя (дознателя) или по ходатайству участников процесса (ч. 2 ст. 170 УПК). К производству освидетельствования могут привлекаться врач «или (точнее было бы «и» – А.П.) другие специалисты» (ч. 3 ст. 179 УПК). В отличие от правил производства личного обыска, предусматривающих, что что он производится только лицом одного пола с обыскиваемым в присутствии понятых и специалистов того же пола, вопрос о поле понятых и специалистов, участвующих в освидетельствовании, сопровождающемся обнажением, нормативно не решается. Надо полагать, законодатель небрежно отнесся к редакции ч. 3 ст. 179 УПК, указав на единственный вариант участия специалиста при проведении освидетельствования – участие врача, а также упустив возможность участия понятых. Между тем, УПК РСФСР 1960 г. (ст. 181) предусматривал, что, если

освидетельствование сопровождается обнажением, понятые должны быть одного пола с освидетельствуемым. При этом вопрос о поле специалистов в этом случае также не решался. Представляется, что имеются все основания решать данный вопрос по аналогии с личным обыском: в случае производства освидетельствования, сопровождающегося обнажением¹ освидетельствуемого, специалисты (в том числе и врач, что обосновывается ниже) и понятые (в случае их участия) должны быть одного пола с освидетельствуемым. Это правило следует закрепить нормативно.

С.А. Синенко обосновывает позицию, согласно которой производство осмотра обнаженных участков тела врачом, пол которого противоположен полу освидетельствуемого, чревато унижением его достоинства, учитывая, что и законодательство о здравоохранении гарантирует пациенту возможность выбора врача с учетом пола [12, с. 211-217]. Позиция С.А. Синенко нашла поддержку [6, с. 124]. В целом она вполне разумна. Однако ссылка на законодательство о здравоохранении не может выступать ее аргументом. Уголовно-процессуальное право имеет особый предмет регулирования и отношения в сфере здравоохранения в него не входят. Именно это обстоятельство, тем не менее, и ставит под большое сомнение возможность производства освидетельствования, сопровождающегося обнажением, врачом любого пола. Врач, выполняющий обязанности в рамках своей профессии, воспринимается пациентом как профессионал, оказывающий пациенту помощь, для которого визуальное и тактильное восприятие тела человека, в том числе интимных его частей – профессиональная обязанность. Кроме того, пациент, выбирая врача, конечно, ориентируется на его специальность и вряд ли готов обнажаться перед врачом, специализирующемся на болезнях, лечение которых не связано с осмотром интимных частей тела (стоматолог, отоларинголог, трихолог и др.). Врач, привлеченный для осмотра обнаженного тела человека (не всегда даже для выявления и описания телесных повреждений) в рамках освидетельствования, во-первых, не оказывает человеку помощь, во-вторых, не выполняет свои профессиональные обязанности, в-третьих, привлекается без учета его специальности. Для освидетельствуемого – это не врач, а посторонний человек и обнажение перед ним, безусловно, способно поставить под угрозу достоинство личности.

¹ Отдельные специалисты полагают, что обнажение имеет место только тогда, когда в ходе освидетельствования обнажаются интимные части тела (молочные железы, зона от пояса до верхней части бедра) [11, с. 19-20]. Представляется, что, освидетельствование следует расценивать как сопровождающееся обнажением не только в тех случаях, когда об этом свидетельствуют общепризнанные нормы морали (обнажение ягодиц, половых органов и т.д.), но и тогда, когда освидетельствуются части тела, обычно прикрытые одеждой, если освидетельствуемое лицо расценивает это как обнажение (обнажение частей спины, предплечий, бедер и др.).

Обратим внимание, что принцип уважения чести и достоинства личности не исключает, что они объективно могут пострадать. Суть этого принципа в том, что их унижение не может быть целью процессуальных действий, а принуждение не должно применяться сверх необходимости, достигать уровня жестокости, и должно обуславливаться исключительно социально значимыми конституционными целями [13, с. 63].

Нельзя не обратить внимание и на то, что законодатель безусловно (без учета позиции обыскиваемого) требует производить личный обыск только лицом одного пола с обыскиваемым, в присутствии понятых и специалистов того же пола (ч. 3 ст. 184 УПК), даже если специалистом при личном обыске является врач. Такое требование оправдано и нравственно, и процессуально. Специалист, которым, по сути, и врач и является не может выполнять функции, которые возложены на следователя (дознателя).

Таким образом, имеются основания урегулировать порядок производства освидетельствования, сопровождающегося обнажением, по аналогии с личным обыском: лицом одного пола с освидетельствуемым, в присутствии специалистов и понятых того же пола, если они участвуют в данном следственном действии. При этом следователь при осмотре тела освидетельствуемого (в случае его обнажения), а также при производстве личного обыска лица противоположного пола не присутствует (к сожалению, в ст. 184 УПК такой запрет не предусмотрен, что важно исправить).

Восприятие в этой части правил производства личного обыска нормами, регламентирующими освидетельствование, неизбежно поставит вопрос: кем же должны производиться действия познавательного характера¹? Применительно к личному обыску, который производится в отношении лица, пола противоположного следователю, находящегося в обыскиваемом помещении, этот вопрос остро стоит и сегодня, поскольку может возникнуть перед следователем внезапно.

Существует мнение, что в условиях действующего уголовно-процессуального законодательства единственно верным является вариант вынесения следователем (дознателем) поручения органу дознания о производстве личного обыска, которое выполняется сотрудником полиции, участвующим в обыске помещения, одного пола с обыскиваемым с составлением самостоятельного протокола личного обыска [15, с. 106]. При этом авторы этой точки зрения полагают, что в ч. 3 ст. 184 УПК следует внести изменения и предусмотреть, что в случае возникновения необходимости производства личного обыска в обыскиваемом помещении он производится участвующим в данном следственном действии лицом одного пола с обыскиваемым в присутствии понятых того же пола, а

¹ Положения ч. 4 ст. 179 и ч. 3 ст. 184 УПК неточны: следственное действие в любом случае производится следователем, а иными лицами – лишь действия познавательного характера в его рамках, но никак не освидетельствование и не личный обыск [14, с. 111-116].

результаты такого личного обыска заносятся в протокол обыска в помещении следователем (дознавателем) со слов лица, производившего личный обыск [15, с. 107-108].

Обратим внимание, что личный обыск – самостоятельное следственное действие. Специфичен объект обыска, при этом лицо, подвергаемое личному обыску (а это не всегда тот, в помещении которого производится обыск), имеет определенный комплекс прав, которые требуют самостоятельного разъяснения, круг участников личного обыска также может не совпадать с кругом участников обыска в помещении. Положения ч. 2 ст. 184 УПК лишь позволяют в некоторых случаях не выносить отдельное постановление о производстве личного обыска и подвергать ему не только подозреваемого и обвиняемого, но никак не позволяют считать личный обыск частью другого следственного действия¹. В этой связи при необходимости произвести личный обыск лица (того же пола, что и следователь), находящегося в обыскиваемом помещении, следователю (дознавателю) необходимо объявить перерыв в производстве обыска, произвести личный обыск, о чем составить самостоятельный протокол, после чего возобновить производство обыска. Очевидно, два следственных действия одним и тем же лицом в одно и то же время производиться не могут. Следователю (дознавателю) противоположного пола в этом случае надлежит на основании поручения (п. 4 ч. 2 ст. 38, п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК) обеспечить производство личного обыска органом дознания (лицом одного пола с обыскиваемым), который оформляется самостоятельным протоколом, составляемым должностным лицом органа дознания, выполнившим поручение следователя (дознавателя).

Возражения против предложенного подхода, основанные на возможных затруднениях организационного характера, опровергаются тем, что, во-первых, следователь (дознаватель) не может поручить производство следственного действия конкретному должностному лицу органа дознания, участвующему в производстве обыска в помещении (это прерогатива начальника органа дознания)²; во-вторых, в числе лиц, участвующих в обыске в помещении, представителя органа дознания одного пола с подвергаемым личному обыску может и не оказаться. Кроме того, разные варианты процессуального порядка личного обыска в зависимости от состава участников обыска в помещении, очевидно, не могут быть одинаково законными.

¹ В литературе высказано спорное мнение, что правовая природа личного обыска, и в частности ч. 1 ст. 182 УПК, предоставляет возможность подвергнуть личному обыску любое лицо при наличии соответствующих оснований [16, с. 23].

² В данном случае не имеется в виду выполнение должностным лицом органа дознания обязанности по оказанию следователю (дознавателю) содействия при производстве личного обыска лица одного пола с обыскиваемым, т.е. в ситуациях, когда следователь (дознаватель) присутствуют при поисковых действиях, т.е. сами проводят следственное действие (п. 4 ч.2 ст. 38, п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК). О.Я. Баев полагает, что такие поисковые действия в ходе личного обыска и следует выполнять сотрудникам полиции, имеющим необходимый опыт [16, с. 200].

С учетом применимости в данном случае процессуальной аналогии, также должен решаться вопрос о производстве освидетельствования, сопровождающегося обнажением лица пола, противоположному полу следователя (дознателя). Освидетельствование в данном случае производится исключительно органом дознания по поручению следователя (дознателя). При этом в случае непредвиденной необходимости обнажения лица противоположного пола в ходе освидетельствования следователь (дознатель) должен завершить производство следственного действия, указав в протоколе причину, по которой оно прекращается. После чего следует направить соответствующее поручение органу дознания. Заметим (предвосхищая возражения), что в подобных непредвиденных случаях и поиск врача может оказаться организационно непростым.

При этом, производство личного обыска лица, находящегося в обыскиваемом помещении, без вынесения о том отдельного постановления нравственно оправдано только в случае производства обыска в помещении на основании решения суда. Иначе ограничение конституционных прав производится на основании постановления следователя о производстве другого следственного действия, что недопустимо. В случаях, не терпящих отлагательства, личный обыск лица, находящегося в помещении, обыскиваемом на основании постановления следователя, может быть произведен с учетом положений ч. 5 ст. 165 УПК.

Список литературы:

1. *Победкин А. В.* Основные положения УПК России как система гарантий публичности уголовного судопроизводства. М. : Юрлитинформ, 2024.
2. *Победкин А. В.* Справедливость уголовного судопроизводства как условие его легитимности // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 1 (69).
3. Проблемы судебной этики / под ред. М. С. Строговича. М. : Наука, 1974.
4. *Любичев С. Г.* Этические основы следственной тактики. М. : Юрид. лит. 1980.
5. *Галдин М. В.* Способы обеспечения обязанности участвовать в производстве освидетельствования по уголовному делу // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2015. № 2 (43).
6. *Москалькова Т. Н.* Этика уголовно-процессуального доказывания. М. : Спарк, 1996.
7. *Семенов Е. А., Каширгов А. Х.* Реализация уголовно-процессуальных гарантий прав личности при производстве следственных

действий // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: в 2-х т. Т. 2. 2001. № 1 (3).

8. *Кокорев Л. Д., Котов Д. П.* Этика уголовного процесса : учебное пособие. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993.

9. *Шейфер С. А.* Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара : Самарский университета, 2004.

10. *Тихомирова В. В.* Применение аналогии закона и аналогии права в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

11. *Белкин А. Р.* Осмотр и освидетельствование как следственные действия: проблемы законодательной регламентации // Уголовное судопроизводство. 2015. № 2.

12. *Синенко С. А.* Обеспечение принципа уважения чести и достоинства личности при производстве освидетельствования // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: в 2-х т. 2020. Т.2. № 1 (2).

13. Прецеденты Европейского Суда по правам человека // Права человека. 2012. № 11 (80).

14. *Харзинова В. М., Небратенко Г. Г.* Проблемы производства освидетельствования // Юрист-Правоведъ. 2015. № 5 (72).

15. *Сальников В. Е., Власов В. В.* К вопросу о необходимости совершенствования норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих обыск жилища и личный обыск // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: в 2-х т. Т. 2. 2001. № 1 (3).

16. *Корнуков В. В., Валиев Р. Ш.* Личный обыск и его роль в уголовно-процессуальном доказывании. Саратов, 2007.

17. *Баев О. Я.* Тактика следственных действий : учебное пособие. Воронеж : Издательство ВГУ, 2012.

ВИКТОРИЯ НИКОЛАЕВНА СИЗОВА,

доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовной политики
Академия управления МВД России
E-mail: svnn@inbox.ru

**К вопросу о системе наказаний
российского уголовного законодательства**

Аннотация

Обращая внимание научной общественности на то, что система наказаний, с точки зрения авторов, занимающихся исследованием данного вопроса, предстает перед нами в качестве основанной на законодательных установлениях и обусловленной соответствующими политико-правовыми и экономическими реалиями современного общества совокупности взаимосвязанных и взаимообусловленных норм и институтов, следует отдельно акцентировать также и на том обстоятельстве, что она (система наказаний), представляя собой самостоятельный институт (как, например, институт соучастия, институт уголовной ответственности несовершеннолетних и т.п.), является по своей сущности и содержанию объектом многофакторным и сложным для познания, включающим в свою орбиту широкий комплекс системных свойств. Данное положение свидетельствует о необходимости выбора именно системного подхода к изучению системы наказаний, который позволит максимально предметно рассмотреть составляющие ее содержание подсистемы и установить виды связей между ними для более эффективного применения отдельных видов наказаний на практике.

Ключевые слова и словосочетания: уголовное законодательство; система наказаний; уголовный закон; уголовная политика; общественная безопасность; уголовно-правовая охрана; повышение эффективности.

Как можно видеть из изложенного выше, подход к исследованию элементов, составляющих содержание системы наказаний в совокупности, должен быть основан на системных свойствах и качествах изучаемого объекта. С учетом этого обстоятельства вряд ли стоит подвергать сомнениям утверждение о том, что наличие определенных проблемных вопросов касательно элементов, составляющих содержание системы наказаний, является свидетельством того, что необходима актуализация данного вопроса с последующим его решением усилиями ученых-специалистов в данной сфере [1, с. 6-7].

Ведя речь о таком качественном свойстве, как системность применительно к уголовному законодательству в целом, а также и системы наказаний в частности, в юридической литературе указывается, что перед системой наказаний стоят определенные задачи, на решение которых и должно быть нацелено само ее существование в качестве подсистемы уголовного законодательства в целом [19, с. 292].

Кроме того, в публикациях по данному вопросу отмечается крайняя важность выработки и реализации на практике именно системного подхода в применении сложившихся на сегодняшний день видов наказаний, составляющих суть и содержание всей системы наказаний совокупности [9, с. 86].

Действительно, анализ современной системы наказаний дает основание полагать, что основными направлениями в области уголовно-правовой политики, осуществляемой сегодня, с необходимостью должно стать успешное решение задач по максимально возможному искоренению имеющихся пробельных положений, рассогласованности и несистемности многих уголовно-правовых положений [8, с. 78].

Однако, по мнению автора настоящей публикации, целесообразно, прежде всего, используя системно-логическое требование о завершенности любого системного объекта, установить роль системы наказаний в системе уголовного законодательства в целом. Учитывая важность и значимость терминологического инструментария, определение которого является важнейшим направлением любого научного исследования, попытаемся выявить категориальный аппарат и рассматриваемом вопросе, справедливости ради отмечая, что данный объект и ранее подвергался исследованиям в работах ученых [13, с. 18]. Вместе с тем, однозначного решения о содержании отдельных понятий выработано не было, что по мнению автора публикации, является подтверждением актуальности настоящего исследования.

В частности, научные представления о том, что есть система наказаний в принципе, имеют в качестве фундамента давние работы ученых, посвященные проблеме реализации карательного инструмента государства, к которому имеет прямое отношение виды наказаний. Данные подходы к определению данного понятия возможно объединить в узкий и широкий подходы, обладающие общими взглядами авторов на систему наказаний.

Первую группу образуют и наполняют содержанием подходы к системе наказаний как к комплексу мер карательного характера, существующих в системном поле соответствующего системного объекта, представляя собой в совокупности простой перечень видов наказаний [12, с.465]; системе карательных мер, взаимосвязанных и взаимообусловленных между собой [18, с. 1219]; закрытого перечня видов наказаний [14, с. 21]; комплекса видов наказаний, построенных по

«лестничному принципу» [6, с. 22]; комплекса видов наказаний, в основу классификации которых положены специфические условия и факторы [4, с. 511]; законодательно закреплённый комплекс видов наказаний, которые назначаются по решению суда в случае совершения преступлений лицу, признанному виновным [7, с. 8]; установленного законодателем перечня наказаний, который представляет собой упорядоченное расположение отдельных видов наказаний [16, с. 103]; комплекса законодательно установленных видов наказаний, в который не могут вноситься изменения и дополнения за исключением тех, которые основаны на законодательном решении в данном вопросе [2, с. 275]; комплекса видов наказаний, который имеет обязательный характер для суда [3, с. 191] и т.п.

Изучение отраженных в юридической литературе позиций ученых относительно категории «система наказаний» в рамках узкого подхода позволило сформулировать промежуточный вывод о том, что количественно число авторов, полагающих считать системой наказаний некий перечень либо совокупность преобладает.

В частности, уточняется, что система наказаний представляет собой определенную законодателем совокупность видов государственного принуждения, являющихся взаимосвязанными, взаимообусловленными и взаимозаменяемыми, нацеленных на решение вопросов восстановления социальной справедливости, общей и частной превенции и назначаемых по приговору суда [7, с. 7].

Подобную точку зрения поддерживают Ф.Р. Сундунов и М.В. Талан, по мнению которых, система наказаний есть обусловленная социальными реалиями и потребностями современного общества совокупность видов наказаний, выстроенная от менее суровых к более суровым, взаимообусловленных и взаимосвязанных между собой [17, с.42].

К ученым, ратующим за замену категории «перечень» на категорию «совокупность» относительно системы наказаний, следует отнести также В.П. Маркова [5, с. 193], В.Ю. Стримова [15, с. 11] и других.

Следующая группа, определяющим вектором которой является более широкий подход в определении категории системы наказаний, включает в себя позицию, в основе которой лежит тезис о необходимости исключить отношение к ней как к простому комплексу (совокупности) элементов, что, в свою очередь, указывает на важность и значимость многовекторности и многофакторности образующих данную систему частей и механизмов [10, с. 70]; акцентирование на совокупном характере включенных в систему уголовного законодательства специфических видов государственного принуждения, которым присущи признаки взаимосвязанности и взаимозависимости, направленность на решение целей наказания, к которым, в том числе, относится исправление виновного в совершении преступления лица [7, с. 7]; определенный

законодателем комплекс видов наказаний, в котором со всей очевидностью отражены следующие системы: система наказаний с приданием статуса идеальной (именно она и отражена законодателем в тексте УК РФ 1996 г.) и система наказаний, являющаяся реальной (то есть той, которая подлежит реальному практическому применению) [11, с. 196].

Список литературы:

1. Антонов О. А., Коновалова С. И., Осадчая Н. Г. Система наказаний в российском уголовном праве и проблемы применения отдельных видов наказаний / О. А. Антонов, С. И. Коновалова, Н. Г. Осадчая. М., 2002.
2. Багрий-Шахматов Л. В. Уголовная ответственность и наказание / Л. В. Багрий-Шахматов. Минск, 1976.
3. Журавлев М. П. Система и виды наказаний (гл.15) / Уголовное право: Общая и Особенная части / под общ. ред. М. П. Журавлева и С. И. Никулина. М., 2014.
4. Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 2001.
5. Марков В. П. Понятие системы наказаний в российском уголовном праве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 1 (29).
6. Мелюханова Е. Е. Система уголовных наказаний как условие и пределы индивидуализации наказания // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2016. № 3.
7. Милюков С. Ф. Российская система наказаний. СПб., 1998.
8. Непомнящая Т. В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы: монография. М., 2006.
9. Орлов В. Н. Уголовное наказание: понятие, система, объект назначения, состав отбывания : монография. М., 2017.
10. Осипов П. П. Теоретические основы построения уголовно-правовых санкций : монография. Л., 1976.
11. Палий В. В. Система и виды наказаний (гл.14 раздела I). Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части / под ред. А. И. Чучаева. М, 2015.
12. Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. М., 1912.
13. Прохоров Л. А. Общие начала назначения наказания по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972.
14. Словарь по уголовному праву / отв. ред. проф. А. В. Наумов. М., 1997.
15. Стромов В. Ю. Система уголовных наказаний: реализация и эффективность: автореф. канд. ... юрид. ... наук. Волгоград, 2009.

16. *Стручков Н. А.* Уголовная политика и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1977.
17. *Сундуров Ф. Р., Талан М. В.* Наказание в уголовном праве: монография. М., 2015.
18. *Таганцев Н. С.* Лекции по уголовному праву. Часть Общая. Выпуск 4. СПб., 1892.
19. *Цепелев В. Ф.* Уголовная политика: теория и реальность // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35).

ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ТЕПЛЯШИН,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Сибирский юридический институт МВД России
E-mail: pavlushat@mail.ru

**Стратегия государственной политики Российской Федерации
по предупреждению рецидивной преступности:
постановка проблемы и обуславливающие факторы**

Аннотация

В статье обосновывается потребность стратегического законодательного видения сценария решения поставленных правоохранительных задач. Отмечается, что профилактика рецидивной преступности незаслуженно осталась без концептуального обоснования и планового стратегического сопровождения. Следовательно, требуется подготовка соответствующего документа стратегического планирования. В качестве аргументов указываются положения Киотских типовых стратегий по снижению рецидивизма. Приводятся факторы, свидетельствующие о целесообразности институционализации документа стратегического планирования по предупреждению рецидивной преступности: общественная опасность данного вида преступности, криминализация личности-рецидивиста, социальная напряженность и рецидивная виктимизация.

Ключевые слова и словосочетания: асоциальная среда; государственная политика; концепция; повторное деяние; преступная иерархия; противодействие преступности; рецидив.

В современных условиях теория предупреждения преступности развивается как в направлении накопления комплекса научных достижений в сфере наиболее продвинутых и актуальных идеологических, культурологических, социально-правовых и экономических проблем противодействия общественно опасным деяниям, так и по пути концептуально-идеологического обоснования системы предлагаемых мер воздействия на криминальные вызовы и угрозы. Причем именно концептуально-идеологическое обоснование соответствующих мер позволяет выстраивать долговременную и стабильную основу эффективного предупреждения преступности. Обозначенный научно-методологический тренд вторит широко распространенной практике принятия документов стратегического планирования в различных сферах

государственной деятельности, что, в свою очередь, объясняется потребностью стратегического законодательного видения сценария решения поставленных задач, достижения комплексных целей и долговременного управления соответствующими программными механизмами. Безусловно, что концептуальное обоснование и планомерное решение проблем противодействия общественно опасным явлениям и процессам также не обходится без разработки и реализации документов стратегического планирования. Это свидетельствует о наличии перед науками криминального цикла задач, которые не могут быть решены однозначно, предполагают задействование значительных организационных, материальных и иных ресурсов, требуют длительного периода времени для получения искомых результатов.

Обозначенная теоретическая преамбула позволяет обосновано подойти к рассмотрению научных основ стратегического планирования профилактики и предупреждения отдельных видов преступности. К настоящему моменту существует уже достаточно обширный перечень документов стратегического планирования противодействия как преступности в целом, так и её отдельным видам, в частности, государственная программа Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации, Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года. Однако многие виды преступности остаются без концептуального обоснования мер противодействия им. В этой связи особый научный интерес вызывает рецидивная преступность. Как представляется, профилактика данного вида преступности незаслуженно осталась без концептуального (нормативно-концептуального) обоснования и планового стратегического сопровождения. В этом как раз и усматривается постановка проблемы относительно отсутствия правового концептуального обоснования системного и планомерного воздействия на рецидивную преступность. Думается, что данный вид преступности обладает всеми качествами, которые указывают на необходимость подготовки соответствующего документа стратегического планирования – Стратегии государственной политики Российской Федерации по предупреждению рецидивной преступности (далее – Стратегия).

Значительный научный интерес данный вопрос представляет в контексте международных стандартов. Так, вызывают исследовательское внимание Типовые стратегии Организации Объединенных Наций по снижению рецидивизма (Киотские типовые стратегии), принятые в мае 2025 года Комиссией по предупреждению преступности и уголовному правосудию Экономического и Социального Совета Организации Объединенных наций (далее – ООН). Основой принятия данного

документа послужили результаты работы четырнадцатого Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию в Киото (Япония) 7-12 марта 2021 года, а также во исполнение Резолюции, принятой Экономическим и Социальным Советом ООН 22 июля 2021 года «Снижение рецидивизма с помощью реабилитации и реинтеграции». Стоит отметить, что Киотские типовые стратегии содержат весьма объёмный комплекс соответствующих выводов и рекомендаций относительно мер воздействия на повторную преступность, а также высоко комплементарный и содержательный анализ категории «рецидивизм», сопряженных криминальных явлений, причин, форм и инструментов противодействия рецидивным преступлениям. Фактически обнаруживается концептуальный подтекст Киотских типовых стратегий, что свидетельствует о верной постановке проблемы институционализации Стратегии, а также указывает на существование объективных закономерностей именно концептуально-идейного обоснования системного воздействия на рецидивную преступность.

Обозначив научно-теоретическую проблему целесообразности институционализации Стратегии необходимо изложить перечень основных факторов, указывающих предположительный аспект институционализации Стратегии. Также нельзя не заметить, что эти факторы отражают как качественные свойства рецидивной преступности, так исследовательскую обусловленность именно концептуального и планомерного решения проблем противодействия рецидивной преступности посредством формирования и дальнейшего исполнения соответствующего документа стратегического планирования.

I. Фактор общественной опасности рецидивной преступности. Как представляется обозначенный вид преступности обладает существенной опасностью для личности, общества и государства, которая заключается как в непосредственном повторном воздействии на защищаемые уголовным законом социальные ценности и человеческие блага, так и потенциальном накоплении криминальной энергии за счет её аккумуляирования в личности преступника, который ранее уже преступил уголовно-правовой запрет. Здесь нельзя не привести статистические данные, согласно которым в 2024 году зарегистрировано 513915 лиц, ранее совершавших преступления (из них 288531 ранее судимых), в том числе 120620 лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления. Как верно отмечал в свое время А.И. Марцев общественная опасность преступления «может носить реальный и потенциальный характер» [1, с. 151]. Соответственно, реальный характер общественной опасности рецидивного преступления состоит в непосредственном поражении конкретных личностных, социальных и государственных благ, ценностей и интересов. Однако накопительный характер криминальной энергии преступника-рецидивиста демонстрирует потенциальный характер общественной

опасности рецидивного преступления – в частности и всей рецидивной (повторной) преступности в целом.

II. Фактор криминализации личности рецидивиста. Так, рецидивист активно поражает (в определенном смысле – заражает) криминальным вирусом окружающих, вовлекает их в преступную деятельность. Зачастую он, в силу накопленного криминального опыта и авторитета, занимает высокое положение в преступной иерархии, которое позволяет данному лицу осуществлять организованное руководство и контроль над асоциальной средой. Не случайно законодатель предпринял отдельную попытку, которая, к сожалению, не имеет системного характера, уголовно-правового воздействия на данное явление, путем криминализации запрета на занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210 УК РФ).

III. Фактор социальной напряженности. Рецидивная преступность формирует в обществе представление о недостаточной эффективности наказательной практики, а также о низкой и даже нулевой результативности деятельности правоохранительных органов по предупреждению повторной преступности. Многочисленные опросы населения подтверждают этот тезис. Например, в рамках одного из таких опросов констатируется, что «половина пострадавших (49%) не обращались за помощью в правоохранительные органы, чаще всего потому, что считали правоохранительные органы неспособными помочь»¹. Причем зачастую такое представление носит общий и неконкретный характер, так и предметный, то есть касающийся конкретных видов преступлений или преступников. Это выступает дополнительным источником формирования в обществе социальной напряженности.

IV. Фактор рецидивной виктимизации. Существующую общественная позиция о слабой эффективности борьбы государства с повторной преступностью формирует такой социально-психологический феномен как рецидивная виктимизация, что наиболее актуально применительно к семейно-бытовому насилию². Действительно, вторичный страх перед насильником переносит проблему рецидивной преступности с макроуровня на социально-психологический микроуровень, высвечивает виктимологический аспект рассматриваемой проблемы.

Таким образом, постановка вопроса о целесообразности институционализации Стратегии, а также изложенные факторы демонстрируют, во-первых, научно-исследовательские предпосылки концептуального анализа рецидивной преступности и, во-вторых, обозначают целесообразность формально-правового обеспечения

¹ ВЦИОМ. Пострадавшие от преступлений: в надежде на справедливость. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/postradavshie-ot-prestuplenij-v-nadezhde-na-spravedlivost>- (дата обращения: 3.08.2025).

² ВЦИОМ. Пострадавшие от преступлений: в надежде на справедливость. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/postradavshie-ot-prestuplenij-v-nadezhde-na-spravedlivost>- (дата обращения: 3.08.2025).

планомерного воздействия на проявления повторных общественно опасных деяний.

Список литературы:

1. *Марцев А. И.* Общественная вредность и общественная опасность преступления // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2001. № 4 (237).

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ ФИЛЬЧЕНКО,
доктор юридических наук, профессор,
заместитель начальника кафедры уголовной политики
Академия управления МВД России,
E-mail: apfilchenko@yandex.ru

**Криминологическая характеристика и меры повышения
эффективности противодействия преступлениям, совершаемым с
использованием информационно-телекоммуникационных технологий**

Аннотация

Статья содержит результаты анализа статистических сведений, характеризующих результаты работы органов внутренних дел по выявлению и расследованию преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в 2023-2024 гг. Определяются основные криминологические тенденции киберпреступности и перечень мероприятий правового, технического и организационного характера, направленных на совершенствование работы по ее предупреждению.

Ключевые слова и словосочетания: киберпреступность; цифровизация; предупреждение преступлений; органы внутренних дел; компьютерные преступления.

Проблема распространения преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, не теряет своей актуальности. В 2024 года при снижении общего уровня преступности на 3,1%, удельный вес ИКТ-преступлений в ее структуре составил 43,1% (+6.1%). Количество зарегистрированных ИКТ-преступлений увеличилось на 12,9%, в том числе тяжких и особо тяжких из них – на 7,4%.

При этом структура противоправных деяний на 65.2% сформирована преступлениями против собственности (-1,3%); на 15.3% – в сфере незаконного оборота наркотиков (+13,2%); на 3,1 % – экономической направленности (+7,4%); на 13,9% – в сфере компьютерной информации (+188.1 %). Растет доля преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет (+23,3%), средств мобильной связи (+14.3%), средств мгновенного обмена сообщениями (интернет-мессенджеры) (+47,1%) и методов социальной инженерии (рост в 2 раза). Общее количество потерпевших от IT-преступлений возросло на 14,2%. Раскрываемость преступлений в указанной сфере составила 22,5%.

Актуальной остается проблема увеличения (+31%) материального ущерба, причиненного противоправными деяниями. Работа по его возмещению нуждается в поиске инструментов повышения ее эффективности. Доля возмещённого ущерба по расследованным уголовным делам составила 4,2%. В этой связи особо актуальным является противодействие выводу и обналичиванию злоумышленниками похищенных денежных средств, осуществление мероприятий по выявлению и привлечению к уголовной ответственности лиц (так называемых дропов), передающих злоумышленникам за денежное вознаграждение свои банковские пластиковые карты и счета.

На 20,2% возросло количество раскрытых киберподразделениями групповых IT-преступлений, из них на 87,2%, совершенных группой лиц по предварительному сговору. При этом снизилось на 6,8% преступлений, совершенных организованной группой либо преступным сообществом (организацией).

Серьезную озабоченность вызывает рост преступлений в сфере компьютерной информации (Глава 28 УК РФ). Почти все зарегистрированные преступления квалифицируются по ст. 272 УК РФ. Более 90% преступлений данной категории совершены путем неправомерного доступа к учетным записям пользователей сервиса «Госуслуги», в том числе с помощью противоправного применения выбывших из пользования и своевременно не открепленных от учетных записей портала абонентских номеров.

В последние годы получили в России получили распространение деяния, связанные с неправомерным доступом к охраняемой законом информации операторов связи. Наиболее распространенными видами преступлений, связанных с неправомерным доступом к охраняемым законом сведениям, содержащим персональные данные и (или) составляющим тайну связи и тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений абонентов операторов связи стали:

- незаконное копирование и разглашение сведений о принадлежности абонентских номеров (неправомерный доступ к информации об абонентских номерах, зарегистрированных на конкретное физическое лицо, либо о принадлежности (владельцах) абонентских номеров, содержащей персональные данные граждан и составляющей коммерческую тайну оператора связи, копирование данных сведений и их разглашение (ст. 272, ст. 183 УК РФ);

- незаконная выгрузка детализации соединений (неправомерный доступ к информации о входящих и об исходящих сигналах соединения между абонентами или абонентскими устройствами пользователей связи, повлекший копирование данных сведений (составляющих тайну связи, переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных

сообщений абонентов, а также коммерческую тайну оператора связи) и их распространение (разглашение) (ст. 272, ст. 183, ст. 138 УК РФ);

- незаконная замена (перевыпуск) сим-карт (неправомерный доступ к информации об абонентах, повлекший модификацию идентификационных сведений и последующий перевыпуск (замену) сим-карт (ст. 272 УК РФ);

- незаконное оформление абонентских номеров на фиктивные данные или данные подставных лиц (неправомерный доступ к информации об абонентских номерах и сим-картах, повлекший модификацию сведений о владельцах в рамках их регистрации или переоформления (ст. 272 УК РФ).

Неблагоприятная криминальная ситуация сохраняется в сфере преступного вовлечения несовершеннолетних в негативное девиантное поведение суицидальной направленности. В среднем ежемесячно в 2023 -2024 гг. на территории Российской Федерации фиксируется свыше пяти десятков случаев совершения самоубийств несовершеннолетних с пиковыми значениями их числа, приходящимися на май и ноябрь (+29% в сравнении со среднемесячным значением).

Из анализа способов совершения суицидов наибольшее количество самоубийств среди несовершеннолетних осуществляется способом падения с большой высоты и через повешение.

Закономерности распределения самоубийств в конкретные даты или дни недели не прослеживаются – взаимосвязь определенных дат с наибольшим количеством совершенных суицидов несовершеннолетних и самого суицидального поведения среди несовершеннолетних не носит прямого причинно-следственного характера.

Преобладающими мотивами совершения несовершеннолетними самоубийств и их попыток являются по степени распространения являются: действительная или мнимая утрата любви со стороны родителей и (или) противоположного пола, неразделенное чувство любви и ревность; переживание обиды, одиночества, отчужденности и непонимания; страх наказания, за какой-либо серьезный проступок, нежелание извиниться; желание привлечь к себе внимание, вызвать сочувствие, избежать неприятных последствий, уйти от трудной ситуации.

Одним из ярких, набирающих популярность примеров Организация деятельности, направленной на склонение, побуждение и доведение несовершеннолетних к совершению самоубийства, является движение в сети Интернет под наименованием «RNBWN» (Real Night Black White Noise – Настоящий Ночной Черно-Белый Шум). На данную тематику в различных мессенджерах и социальных сетях созданы каналы (страницы), в которых размещались посты и видеозаписи деструктивного характера, направленные на побуждение к совершению самоубийства путем

распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства.

Основными мерами повышения эффективности противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, являются:

- усиление защищенности аккаунтов граждан (субъект реализации – Минцифры России);
- интеграция системы проверки сведений об абонентах и Единой системы идентификации и аутентификации;
- расширение перечня сведений, подлежащих хранению организаторами распространения информации в сети Интернет;
- введение дополнительных условий дистанционного получения микрозаймов (субъект реализации – Департамент информационной безопасности Байка России);
- обеспечение возможности установления принадлежности IP-адресов, выделенных по технологии NAT («преобразование сетевых адресов») (субъект реализации – Банк России);
- привлечение к уголовной ответственности за передачу, приобретение, использование электронного средства платежа или предоставления к нему доступа из корыстной заинтересованности, а также совершения указанных действий с участием лиц, не являющихся держателями электронного средства платежа;
- организация взаимодействия территориальных органов внутренних дел с региональными органами исполнительной власти и организаторами распространения информации;
- укрепление штатной численности киберподразделений органов внутренних дел;
- разграничение полномочий между подразделениями по противодействию преступлениям, совершенным с использованием ИКТ;
- проведение профилактической работы с населением, информирование о новых механизмах совершения преступлений и способах защиты от них, о различных аспектах личной информационной безопасности, в том числе за счет размещения в эфире радио- и телеканалов целевой социальной рекламы.

Таким образом, можно прогнозировать дальнейший рост регистрации ИКТ-преступлений за счет увеличения количества кибератак на граждан с использованием новых коммуникационных технологий и расширения используемых преступных схем.

Для успешной борьбы с киберпреступлениями необходимо продолжить реализацию разработанных законодательных и ведомственных инициатив, направленных на пресечение использования мошенниками российской банковской инфраструктуры, персональных данных российских граждан, а также возможностей трансграничной связи с потенциальными жертвами.

АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ ЧУДАКОВ,

доктор медицинских наук, профессор,

академик МАНЭБ,

академик МАИСУ,

академик АЭСТ,

профессор кафедры управления повседневной деятельностью

Военного ордена Жукова Академия войск

национальной гвардии Российской Федерации

E-mail: chief.chudakow@yandex.ru

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ВЕРТАЕВ,

кандидат педагогических наук,

профессор кафедры управления повседневной деятельностью

Военного ордена Жукова академия войск

национальной гвардии Российской Федерации

E-mail: vertaev77@mail.ru

**Нормативно-правовое обеспечение судебно-медицинской экспертизы:
фундамент для укрепления доказательной базы в деятельности
органов внутренних дел РФ**

Аннотация

В статье исследуется роль нормативно-правового обеспечения судебно-медицинской экспертизы как одного из ключевых факторов, который способствует укреплению доказательной базы в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Кратко анализируются действующие законодательные и подзаконные акты, регулирующие порядок назначения, проведения и оформления результатов судебно-медицинских экспертиз. Отдельное внимание уделяется выявлению некоторых пробелов и противоречий в существующем правовом регулировании, а также предлагаются пути совершенствования нормативной базы с целью повышения эффективности использования судебно-медицинских заключений в уголовном, гражданском и административном процессах. Подчеркивается значение четкого и непротиворечивого правового регулирования для обеспечения законности, объективности и достоверности экспертных заключений, что напрямую влияет на качество расследования преступлений и защиту прав граждан.

Ключевые слова и словосочетания: судебно-медицинская экспертиза; нормативно-правовое обеспечение; органы внутренних дел; доказательная база; уголовный процесс; гражданский процесс;

административный процесс; законодательство; правоприменительная практика.

Судебно-медицинская экспертиза является неотъемлемой частью системы правосудия и играет важнейшую роль в установлении истины по уголовным, гражданским и административным делам [2; 3; 6; 9]. Заключение экспертов-медиков служат одним из наиболее весомых источников доказательств, позволяя органам расследования и судам принимать обоснованные решения. В этой связи, качество и эффективность судебно-медицинской экспертизы напрямую зависят от уровня ее нормативно-правового обеспечения. Для органов внутренних дел Российской Федерации (ОВД РФ) надлежащее нормативное регулирование судебно-медицинской деятельности является фундаментом для формирования прочной доказательной базы, необходимой для успешного расследования преступлений и обеспечения правопорядка.

I. Нормативно-правовая база судебно-медицинской экспертизы в Российской Федерации.

Система нормативно-правового регулирования судебно-медицинской экспертизы в России носит многоуровневый характер. основополагающими актами являются:

1. Конституция (Основной Закон) Российской Федерации гарантирует право на судебную защиту и устанавливает принципы правосудия, включая состязательность и равноправие сторон, что косвенно влияет на требования к доказательствам, включая экспертные заключения [4].

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) определяет порядок назначения и проведения экспертиз по уголовным делам, права и обязанности участников процесса, а также процессуальный статус эксперта. Статьи, регламентирующие назначение экспертизы (ст. 195-207 УПК РФ), проведение экспертизы (ст. 204 УПК РФ), заключение эксперта (ст. 204 УПК РФ) и его оценка (ст. 88 УПК РФ), являются ключевыми для органов следствия и дознания [6].

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ) регулирует назначение и проведение экспертиз по гражданским делам, устанавливая аналогичные принципы и процедуры [2].

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) предусматривает возможность назначения экспертизы по делам об административных правонарушениях [3].

5. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» является основным законом, определяющим правовые, организационные и экономические основы государственной судебно-экспертной деятельности,

права и обязанности экспертов, а также устанавливающим общие требования к экспертным заключениям [7].

6. Приказы Министерства здравоохранения Российской Федерации регламентируют организацию судебно-медицинской экспертизы, порядок проведения отдельных видов экспертиз (например, судебно-медицинской экспертизы трупа, судебно-медицинской экспертизы потерпевших, обвиняемых и других лиц, судебно-медицинской экспертизы вещественных доказательств), а также квалификационные требования к экспертам. К ним относятся, например, Приказ Минздрава России от 10.12.2020 № 1312н «Об утверждении Порядка проведения судебно-медицинской экспертизы» и другие ведомственные акты [5].

Данная нормативно-правовая база создает основу для осуществления судебно-медицинской экспертизы, однако ее эффективность в контексте деятельности ОВД РФ требует детального анализа.

II. Роль судебно-медицинской экспертизы в формировании доказательной базы органов внутренних дел.

Судебно-медицинская экспертиза предоставляет органам внутренних дел ценнейшую информацию, которая может быть использована в качестве доказательств на всех стадиях уголовного, гражданского и административного процессов. К таким доказательствам относятся:

1. Установление факта смерти, ее причин и давности: это критически важно для квалификации преступлений, связанных с причинением смерти [9; 10; 11; 13]. Без точного понимания того, действительно ли наступила смерть, как именно она произошла, и когда именно это случилось, и где, невозможно правильно оценить действия подозреваемого и применить соответствующую статью уголовного кодекса. Например, если человек умер от естественных причин, а не от насильственных действий, то и речи о преступлении, связанном с причинением смерти, быть не может. Или, если смерть наступила в результате несчастного случая, или самоубийства, а не умышленного убийства, это кардинально меняет правовую оценку ситуации. Точно так же, давность наступления смерти помогает установить, был ли человек жив во время предполагаемых действий обвиняемого, и может влиять на сбор доказательств. Поэтому именно эксперты-криминалисты, судмедэксперты и следователи играют ключевую роль в этом процессе. Их задача – собрать все необходимые улики, провести тщательные исследования и дать ответы на эти фундаментальные вопросы, чтобы правосудие могло свершиться справедливо и обоснованно.

2. Определение характера и степени тяжести телесных повреждений: позволяет правильно квалифицировать преступления против жизни и здоровья, а также решать вопросы о возмещении вреда [9; 10; 12]. Без точного понимания того, что именно произошло с человеком, и насколько серьезными были последствия, невозможно справедливо оценить произошедшее. Именно поэтому экспертиза телесных повреждений играет

такую важную роль. Она помогает не только понять, какие именно действия были совершены, но и насколько они повлияли на здоровье и жизнь пострадавшего. Это значит, что Правосудие становится точнее. Когда мы знаем, какой вред был причинен, мы можем правильно определить, какое именно преступление было совершено. Было ли это легкое недомогание, серьезная травма, или, к сожалению, что-то более трагичное? Ответ на этот вопрос напрямую влияет на то, какое наказание понесет виновный. Пострадавшие должны получать заслуженное, то есть если человек пострадал, он имеет право на компенсацию. Экспертиза помогает определить, какой именно ущерб был нанесен здоровью, сколько времени потребуется на восстановление, и какие могут быть долгосрочные последствия. Это основа для справедливого возмещения морального и материального вреда. Профилактика преступлений и травматизма становится эффективнее, так как, понимая, как и почему происходят те или иные травмы, можно разрабатывать более эффективные меры по их предотвращению в будущем. В конечном итоге, точная оценка телесных повреждений - это не просто формальность. Это фундамент для восстановления справедливости, защиты прав пострадавших и построения более безопасного общества.

3. Идентификация личности, то есть установление личности по неопознанным трупам или фрагментам тела. Установление биологического возраста личности и идентификация половой принадлежности [9]. Идентификация личности – это сложный и ответственный процесс, который помогает вернуть имя и прошлое тем, кто его утратил. Чаще всего это касается неопознанных трупов или даже отдельных фрагментов тела, которые остаются загадкой для правоохранительных органов и близких. Но идентификация не ограничивается только установлением того, кому принадлежало тело. Важной частью этого процесса является определение биологического возраста человека. Это позволяет понять, был ли погибший ребенком, подростком, взрослым или пожилым человеком. Кроме того, не менее значимо установление половой принадлежности – мужчина это был или женщина. Эти данные, казалось бы, простые, но они являются ключевыми звеньями в цепочке поиска и восстановления личности, помогая сузить круг поиска и приблизиться к разгадке тайны.

4. Установление факта употребления алкоголя, наркотических или психотропных средств (ПАВ). Эти данные важны при расследовании преступлений, совершенных в состоянии опьянения, а также при административных правонарушениях [3; 9]. Эти данные важны при расследовании преступлений, совершенных в состоянии опьянения, а также при административных правонарушениях. В первом случае, наличие ПАВ в организме может служитьотягчающим обстоятельством, влияющим на квалификацию деяния и строгость наказания. Во втором – является основанием для привлечения к ответственности по

соответствующим статьям КоАП, например, за управление транспортным средством в состоянии опьянения или появление в общественном месте в нетрезвом виде. Понимание степени и вида употребленных веществ также может быть критически важным для определения дальнейших мер реабилитации или профилактики.

5. Исследование вещественных доказательств, например, исследование биологических следов (кровь, сперма, слюна, рвотные массы, моча, кал), волос и других вещдоков: одежды, обуви, что может помочь в установлении причастности данного лица к преступлению [9]. Исследование вещественных доказательств – это как «собирать пазл», где каждая маленькая деталь может пролить свет на произошедшее. Возьмем, к примеру, биологические следы: кровь, сперма, слюна, пот, рвотные массы, моча, кал, даже мельчайшие капельки или волоски на месте совершения преступления могут рассказать целую историю. Когда эксперты изучают эти следы, они могут определить, кому они принадлежат. Это может быть ДНК-анализ, который является уникальным для каждого человека, как отпечаток пальца. Если найденный образец совпадает с образцом подозреваемого, это становится очень весомым аргументом в пользу его причастности к преступлению. Но не только биологические следы важны. Одежда, обувь, любые другие предметы, которые могли быть на месте преступления или у подозреваемого, тоже несут в себе ценную информацию. На них могут остаться волокна с одежды другого человека, частицы почвы или пыли, которые укажут на место, где побывал подозреваемый, или даже следы орудия преступления. Все эти, казалось бы, незначительные детали, собранные воедино, помогают следователям восстановить картину произошедшего и установить, кто именно совершил преступление. Это кропотливая работа, но именно она позволяет добиться справедливости.

6. Оценка состояния здоровья (определение степени тяжести причиненного вреда здоровью), например, при расследовании дел о причинении вреда здоровью, а также при решении вопросов о возможности содержания под стражей или отбывания наказания [9; 10; 11; 12], является ключевым элементом в правовой системе. Она позволяет установить связь между действиями обвиняемого и последствиями для здоровья потерпевшего, а также определить адекватную меру ответственности. Проведение такой оценки требует специальных знаний и навыков, поэтому она осуществляется судебно-медицинскими экспертами. Экспертиза проводится на основании медицинских документов, результатов осмотра потерпевшего и, при необходимости, дополнительных исследований. Эксперты анализируют характер повреждений, их локализацию, механизм образования, а также последствия для здоровья, такие как утрата трудоспособности, инвалидность или смерть. На основании этого анализа они определяют степень тяжести вреда здоровью,

которая может быть легкой, средней или тяжелой. Результаты судебно-медицинской экспертизы оформляются в виде заключения, которое является важным доказательством в уголовном или гражданском деле. Суд учитывает заключение эксперта при вынесении приговора или решения, а также при определении размера компенсации за причиненный вред здоровью. Кроме того, оценка состояния здоровья играет важную роль при решении вопросов, связанных с содержанием под стражей или отбыванием наказания. Если состояние здоровья подозреваемого или осужденного не позволяет ему находиться в следственном изоляторе или исправительном учреждении, суд может принять решение об изменении меры пресечения или отсрочке отбывания наказания. В таких случаях также проводится судебно-медицинская экспертиза, которая определяет наличие медицинских противопоказаний к содержанию под стражей или отбыванию наказания. Таким образом, оценка состояния здоровья является важным инструментом в правовой системе, обеспечивающим справедливость и защиту прав граждан.

Для органов внутренних дел, особенно на этапе предварительного расследования, своевременное и качественное проведение судебно-медицинских экспертиз является залогом собирания полных и достоверных доказательств. Это позволяет:

1. Правильно квалифицировать преступления, так как точное определение характера и механизма образования телесных повреждений, их степень тяжести, давность возникновения, установление причинно-следственной связи между действиями обвиняемого и наступившими последствиями позволяет правильно трактовать обстоятельства дела и назначить справедливое наказание. Это, в свою очередь, является основой для соблюдения принципов законности и соразмерности наказания, гарантируя, что каждый человек будет привлечен к ответственности именно за те деяния, которые ему инкриминируются, и в соответствии с тяжестью причиненного вреда.

2. Помочь установить виновность или невиновность, так как экспертные заключения могут, как подтверждать вину подозреваемого или обвиняемого, так и опровергать ее. Например, результаты ДНК-экспертизы могут однозначно указать на причастность человека к преступлению, или же, наоборот, полностью исключить его из круга подозреваемых. Аналогично, заключения трасологической экспертизы могут подтвердить или опровергнуть факт использования конкретного оружия, а баллистическая экспертиза – установить, из какого именно оружия, и с какого расстояния был произведен выстрел [1].

3. Обеспечить объективность расследования, потому что независимая беспристрастная квалифицированная оценка фактов судебно-медицинским экспертом минимизирует субъективизм следователя или дознавателя. Таким образом, заключение судебно-медицинского эксперта становится

весомым и надежным доказательством, которое не подвержено личным мнениям или предположениям. Это позволяет строить дальнейшие следственные действия на прочном фундаменте, исключая возможность ошибочных выводов и необоснованных обвинений.

4. Эффективно использовать ресурсы исследования, так как правильно поставленные вопросы перед судебно-медицинским экспертом позволяют получить максимально полезную информацию, избегая излишних затрат времени и материальных средств. Понимание специфики работы судебно-медицинской экспертизы и умение правильно сформулировать вопросы, учитывающие возможности и ограничения данного вида исследований, являются ключом к получению исчерпывающих и ценных данных, которые помогут в дальнейшем расследовании.

III. Проблемные аспекты нормативно-правового обеспечения судебно-медицинской экспертизы и их влияние на деятельность ОВД РФ.

Несмотря на наличие обширной нормативной базы, в практике применения судебно-медицинской экспертизы органами внутренних дел возникают определенные сложности, обусловленные, в том числе, несовершенством правового регулирования:

1. Недостаточная детализация некоторых процессуальных аспектов, так как несмотря на наличие норм в УПК РФ, некоторые вопросы, касающиеся взаимодействия следователя и судебно-медицинского эксперта, порядка представления материалов, оформления постановлений о назначении экспертизы, могут трактоваться неоднозначно. Это может приводить к затягиванию процесса или к получению неполных заключений. Например, отсутствие четких критериев для определения полноты представленных материалов или единого подхода к формулированию вопросов, адресованных эксперту, создает почву для разночтений и, как следствие, для повторных экспертиз или отказов в их проведении.

2. Иногда возникают проблемы с назначением комплексных и комиссионных экспертиз, бывает сложно определить круг специалистов и постановки вопросов для таких экспертиз, а также вопросы координации их работы, могут создавать трудности для следователей. Часто это связано с недостатком специализированных знаний у следователей в конкретных областях, отсутствием четких регламентов или ограниченным доступом к квалифицированным экспертам. Для преодоления этих барьеров необходимо совершенствовать систему подготовки следователей и развивать сотрудничество с экспертными учреждениями.

3. В отдельных случаях появляется неопределенность в оценке заключений экспертов, хотя УПК РФ устанавливает, что заключение эксперта оценивается следователем, дознавателем, прокурором и судом наряду с другими доказательствами, на практике могут возникать

ситуации, когда заключения экспертов, особенно сложные и неоднозначные, оцениваются формально, без учета специальных знаний. Это может привести к ошибочным выводам и, как следствие, к неправильным решениям по делу. Такая формальная оценка зачастую обусловлена нехваткой времени, недостаточной подготовкой лиц, ведущих процесс, или же отсутствием у них достаточного понимания специфики исследуемых вопросов. В результате, вместо того чтобы глубоко вникнуть в суть экспертного мнения, его могут просто принять как данность или, наоборот, необоснованно отвергнуть, что ставит под угрозу справедливость правосудия и может повлечь за собой реабилитацию виновных или, что еще хуже, осуждение невиновных.

4. Отсутствие единых стандартов и методик проведения некоторых видов экспертиз, различия в подходах и методиках, используемых в разных экспертных учреждениях, могут приводить к разным результатам при исследовании одних и тех же объектов. Это подрывает доверие к экспертным заключениям и затрудняет их использование в качестве доказательств. В результате, судебные процессы могут затягиваться, а справедливость оказывается под угрозой, поскольку стороны получают противоречивые данные, которые сложно сопоставить и оценить.

5. Недостаточная квалификация экспертов в отдельных областях, а в некоторых регионах может наблюдаться дефицит экспертов, обладающих необходимыми знаниями и опытом в узкоспециализированных областях судебно-медицинской экспертизы. Это может негативно сказываться на качестве проводимых исследований и достоверности заключений. Данная проблема часто обусловлена недостаточным уровнем подготовки молодых специалистов, отсутствием регулярного повышения квалификации и стажировок в ведущих учреждениях, а также низкой привлекательностью данной сферы для высококвалифицированных кадров. Для решения этой задачи необходимо инвестировать в образовательные программы, создавать условия для профессионального роста и обмена опытом между экспертами, а также привлекать к работе специалистов из смежных дисциплин [8].

6. Имеются проблемы, связанные с финансированием судебно-экспертной деятельности, недостаточное финансирование может приводить к задержкам в проведении экспертиз, использованию устаревшего оборудования и методик, а также к снижению мотивации экспертов. В результате страдает качество и оперативность предоставления экспертных заключений, что, в свою очередь, негативно сказывается на ходе расследований и судебных процессов. Эксперты, сталкиваясь с нехваткой ресурсов и устаревшими условиями труда, вынуждены работать в условиях повышенной нагрузки, что неизбежно сказывается на их профессиональном росте и желании развиваться в своей области. Это создает замкнутый круг, где низкое финансирование порождает низкую

эффективность, а низкая эффективность, в свою очередь, не способствует увеличению инвестиций в эту критически важную сферу.

7. Коллизии между различными нормативными актами, иногда встречаются противоречия между федеральными законами, подзаконными актами и ведомственными инструкциями, регулирующими судебно-медицинскую деятельность. Это создает правовую неопределенность и затрудняет применение норм на практике. Это создает правовую неопределенность и затрудняет применение норм на практике. Врачи-судмедэксперты, следователи и судьи оказываются в ситуации, когда сложно однозначно определить, какой именно нормативный акт имеет приоритет и как его следует интерпретировать. Например, федеральный закон может устанавливать общие принципы проведения экспертизы, а ведомственная инструкция конкретизировать порядок действий, но при этом содержать положения, противоречащие духу закона или даже прямо ему противоречащие.

Такие разногласия, расхождения и несовпадения приводят к различным негативным последствиям:

Во-первых, возрастает риск ошибок при проведении судебно-медицинских экспертиз, что может повлиять на исход уголовных и гражданских дел.

Во-вторых, увеличивается количество обжалований заключений экспертов, что затягивает судебные процессы и создает дополнительную нагрузку на судебную систему.

В-третьих, подрывается доверие к судебно-медицинской экспертизе как к инструменту установления истины.

Для решения этой проблемы необходимо проведение систематической работы по гармонизации нормативной базы, регулирующей судебно-медицинскую деятельность. Это включает в себя анализ действующих нормативных актов, выявление противоречий и разработку предложений по их устранению. Важно также обеспечить четкую иерархию нормативных актов, чтобы определить приоритет применения в случае коллизий. Кроме того, необходимо повышать правовую грамотность специалистов, работающих в сфере судебно-медицинской экспертизы, чтобы они могли правильно применять нормы права на практике и избегать ошибок. Только комплексный подход позволит устранить правовую неопределенность и обеспечить эффективное функционирование судебно-медицинской службы.

Указанные проблемы негативно влияют на эффективность использования судебно-медицинских экспертиз в деятельности ОВД РФ, снижают качество расследования преступлений и могут приводить к нарушению прав граждан.

IV. Пути совершенствования нормативно-правового обеспечения судебно-медицинской экспертизы.

Для повышения эффективности использования судебно-медицинской экспертизы в деятельности ОВД РФ необходимо совершенствование нормативно-правового обеспечения данной области. К основным направлениям такой работы можно отнести:

1. Устранение пробелов и противоречий в действующем законодательстве, для чего следует провести анализ действующей нормативной базы и внести изменения, направленные на устранение выявленных пробелов и противоречий. В частности, следует уточнить процессуальные аспекты назначения и проведения экспертиз, порядок взаимодействия следователя и эксперта, а также критерии оценки экспертных заключений.

2. Необходимо разработать и внедрить единые стандарты и методики проведения различных видов экспертиз, основанные на современных научных достижениях и передовом опыте. Это позволит обеспечить единообразие подходов и повысить достоверность экспертных заключений.

3. Надлежит организовать систему непрерывного повышения квалификации экспертов, включающую в себя обучение новым методикам, участие в конференциях и семинарах, а также стажировки в ведущих экспертных учреждениях [8].

4. Следует обеспечить судебно-экспертные учреждения современным оборудованием и расходными материалами, необходимыми для проведения качественных исследований.

5. Требуется наладить эффективное взаимодействие между органами внутренних дел, судебно-экспертными учреждениями и другими заинтересованными ведомствами. Это позволит оперативно решать возникающие вопросы и повысить эффективность использования судебно-медицинской экспертизы в деятельности ОВД РФ.

6. Целесообразно внедрить современные информационные технологии в судебно-экспертную деятельность, в том числе электронный документооборот, базы данных экспертных заключений и системы поддержки принятия решений. Это позволит повысить оперативность и эффективность работы экспертов, а также обеспечить доступность информации для следователей и дознавателей.

7. Нужно разработать методические рекомендации для сотрудников ОВД, содержащие разъяснения по вопросам назначения и использования судебно-медицинских экспертиз, а также примеры из практики. Это позволит повысить уровень знаний сотрудников ОВД в данной области и избежать ошибок при назначении и оценке экспертных заключений.

Реализация указанных мер позволит укрепить нормативно-правовую базу судебно-медицинской экспертизы и повысить ее эффективность в деятельности ОВД РФ.

Нормативно-правовое обеспечение судебно-медицинской экспертизы является краеугольным камнем для формирования надежной доказательной базы в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Четкое, полное и непротиворечивое законодательное регулирование, охватывающее все этапы судебно-медицинской деятельности – от назначения экспертизы до оценки ее результатов – напрямую влияет на качество расследования преступлений, объективность принимаемых решений и, как следствие, на обеспечение законности и справедливости. Анализ действующего законодательства показывает, что, несмотря на наличие основополагающих актов, таких как УПК РФ и Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности», существуют определенные пробелы и неточности, которые могут создавать трудности в правоприменительной практике. Недостаточная детализация отдельных процессуальных моментов, проблемы с назначением сложных видов экспертиз, а также вопросы, связанные с единообразием методик и оценкой заключений, требуют системного решения. Органы внутренних дел, будучи основными инициаторами назначения судебно-медицинских экспертиз по уголовным, административным и, в ряде случаев, гражданским делам, остро нуждаются в четких и понятных правилах «игры». От качества и своевременности получения экспертных заключений зависит не только успешность расследования конкретного дела, но и возможность привлечения виновных к ответственности, а также защита прав и законных интересов граждан. Предложенные пути совершенствования нормативно-правового обеспечения, включая устранение коллизий, разработку единых стандартов, повышение квалификации экспертов и развитие информационных технологий, направлены на создание такой системы, которая будет максимально способствовать укреплению доказательной базы и повышению эффективности деятельности органов внутренних дел. Инвестиции в совершенствование нормативной базы судебно-медицинской экспертизы – это, по сути, инвестиции в укрепление правопорядка и доверия к системе правосудия в целом.

Список литературы:

1. Гальцев Ю. В., Чудаков А. Ю., Толмачев И. А., Гайворонская В. В. К вопросу о возможности более точного определения расстояния на дистанции «неблизкого» огнестрельного пулевого выстрела по мере входного ранения // Становление, развитие и современное состояние военной судебной медицины (к 80-летию образования) : сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2023.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023).

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

5. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 10.12.2020 № 1312н «Об утверждении Порядка проведения судебно-медицинской экспертизы» (зарегистрировано в Минюсте России 29.12.2020 № 61823).

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023).

7. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2022).

8. Хрусталева Ю. А., Толмачев И. А., Чудаков А. Ю. Особенности подготовки судебных медиков в условиях современных требований в гражданской и военной системе образования // Педагогика и психология в медицине: проблемы образования и воспитания – вопросы и обсуждение : сборник статей по материалам III Всероссийского научного конгресса с международным участием. М., 2024.

9. Чудаков А. Ю., Гальцев Ю. В. Судебно-экспертная деятельность: некоторые проблемы, практика и перспективы. Самара, 2022. 116 с.

10. Чудаков А. Ю., Гальцев Ю. В., Гайворонская В. В., Еркудов В. О. Вопросы экспертизы степени тяжести вреда здоровью, причиненного человеку воздушной взрывной ударной волной : учебно-методическое пособие. Санкт-Петербург, 2022. 73 с.

11. Чудаков А. Ю., Гальцев Ю. В., Горелов А. А. О возможности экспертной оценки степени тяжести вреда здоровью, причиненного человеку воздушной взрывной ударной волной при отсутствии на его теле каких-либо видимых наружных телесных повреждений // Актуальные вопросы совершенствования тактико-специальной, огневой, и профессионально-прикладной физической подготовки в современном контексте практического обучения сотрудников органов внутренних дел : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. СПб., 2022.

12. Ягмуров М. О., Чудаков А. Ю. Особенности распределения степеней тяжести вреда, причиненного здоровью человека, в случаях травмы челюстно-лицевой области // Судебная медицина: история и современность (к 225-летию образования кафедры судебной медицины Военно-медицинской академии) : сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2024.

13. Ягмуров О. Д., Гальцев Ю. В., Лавров Д. В., Жидков Д. Н., Чудаков А. Ю., Гайворонская В. В. Определение давности наступления смерти человека : учебно-методическое пособие для следователей и

врачей, не имеющих специальной подготовки по судебной медицине.
СПБ., 2022. 72 с.

АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ ЧУДАКОВ,
доктор медицинских наук, профессор,
академик МАНЭБ,
академик МАИСУ,
академик АЭСТ,
профессор кафедры управления повседневной деятельностью
Военного ордена Жукова академия войск
национальной гвардии Российской Федерации
E-mail: chief.chudakow@yandex.ru

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ВЕРТАЕВ,
кандидат педагогических наук,
профессор кафедры управления повседневной деятельностью
Военного ордена Жукова академия войск
национальной гвардии Российской Федерации
E-mail: vertaev77@mail.ru

Судебно-медицинская экспертиза и ее роль в борьбе с преступностью в годы Великой Отечественной войны

Аннотация

Настоящая статья посвящена исследованию роли и значения судебно-медицинской экспертизы в системе борьбы с преступностью на территории Советского Союза в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). В условиях беспрецедентных вызовов, связанных с военным временем, система правосудия и правоохранительные органы столкнулись с необходимостью адаптации и повышения эффективности своей деятельности. Судебно-медицинская экспертиза, как неотъемлемая часть уголовного процесса, играла ключевую роль в установлении истины по уголовным делам, связанных как с общеуголовной, так и с военной преступностью. В статье рассматриваются основные направления деятельности судебно-медицинских экспертов, специфика экспертиз в условиях военного времени, а также вклад судебно-медицинской службы в обеспечение законности и правопорядка.

Ключевые слова и словосочетания: судебно-медицинская экспертиза; Великая Отечественная война; преступность; уголовный процесс; правосудие; военное время; медицинская криминалистика; идентификация личности; установление причин смерти.

Великая Отечественная война стала тяжелейшим испытанием для всего Советского народа, затронув все сферы жизни общества, включая систему правосудия и правоохранительную деятельность. В условиях тотальной войны, оккупации территорий, массовых перемещений населения и роста напряженности, преступность приобретала специфические формы и масштабы. Борьба с преступностью в этот период требовала мобилизации всех ресурсов и адаптации существующих механизмов правоприменения. Судебно-медицинская экспертиза, являясь важнейшим инструментом доказывания в уголовном процессе, играла значительную роль в установлении объективной истины по делам о преступлениях. Ее задачи заключались не только в установлении причин смерти и характера телесных повреждений, но и в идентификации личности, исследовании вещественных доказательств, а также в оценке состояния здоровья лиц, вовлеченных в уголовный процесс. В условиях военного времени специфика преступлений, а также ограниченность ресурсов и кадров ставили перед судебно-медицинскими экспертами новые, сложные задачи.

Целью данной статьи является анализ роли судебно-медицинской экспертизы в борьбе с преступностью в годы Великой Отечественной войны, выявление ее специфических особенностей и оценка вклада в обеспечение законности и правопорядка.

Военное время характеризовалось ростом определенных видов преступлений. К ним относились:

1. Преступления против жизни и здоровья, убийства, причинение тяжких телесных повреждений, совершенные как в условиях боевых действий, так и в тылу. Особое место занимали случаи гибели военнослужащих и гражданского населения от действий противника, а также преступления, связанные с мародерством, грабежами, разбоями и насилием.

2. Военные преступления, диверсии, вредительство, кражи оружия, боеприпасов, военного имущества и снаряжения, мародерство, шпионаж, предательство, коллаборационизм, дезертирство, халатность, повлекшая за собой тяжкие последствия.

3. Общеуголовные преступления, кражи, грабежи, воровство, спекуляция, мошенничество, растраты, которые также имели место, несмотря на военное положение.

В этих условиях судебно-медицинская экспертиза была призвана решать следующие задачи:

1. Установление причин и времени смерти, определение, была ли смерть насильственной, от естественных причин или от воздействия боевых факторов (огнестрельные ранения, минно-взрывные ранения, контузии, резаные, колотые, рубленые раны и т.д., пожары, отравления,

удавление и т.д.), а также расследование случаев самоубийств и членовредительства (самострелы) [1; 4; 5; 6; 8; 10].

2. Исследование телесных повреждений, определение характера, степени тяжести, механизма образования повреждений, их давности [7; 9]. Это было критически важно для квалификации преступлений.

3. Идентификация личности живых людей, установление личности погибших, особенно в условиях массовых захоронений, при обнаружении неопознанных трупов, а также при необходимости идентификации останков жертв военных преступлений. Идентификация проводилась по различным признакам: анатомическим особенностям, зубной формуле, наличию особых примет, а также по сохранившимся личным вещам.

4. Определение состояния здоровья раненых военнослужащих, оценка психического и физического состояния живых лиц, совершивших преступления, а также потерпевших, для установления их способности давать показания и участвовать в следственных действиях.

5. Исследование вещественных доказательств («вещдоков»), обнаружение, изъятие и исследование следов крови, биологических жидкостей, волос, микрочастиц и других объектов, имеющих значение для установления обстоятельств преступления.

С началом войны судебно-медицинская служба была переведена на военные рельсы, произошла реорганизация структуры, усиление кадрового состава, перераспределение ресурсов [2]. Многие судебно-медицинские эксперты были мобилизованы в армию и направлены на фронт для оказания помощи раненым и проведения экспертиз в полевых условиях. В тылу судебно-медицинские учреждения продолжали функционировать, обслуживая гражданское население и оказывая помощь правоохранительным органам в расследовании преступлений. Особое значение приобрела работа судебно-медицинских экспертов на освобожденных от оккупации территориях. Здесь им приходилось сталкиваться с массовыми захоронениями жертв нацистских преступлений, проводить идентификацию погибших, устанавливать причины и давность смерти, собирать доказательства зверств оккупантов [5; 10]. Эта работа имела огромное значение для привлечения военных преступников к ответственности и восстановления исторической справедливости. В условиях дефицита медикаментов, оборудования и квалифицированных кадров судебно-медицинские эксперты проявляли изобретательность и самоотверженность, используя доступные средства и методы для выполнения своих задач. Разрабатывались новые методики исследования, адаптированные к условиям военного времени.

До начала Второй мировой войны судебно-медицинские исследования для нужд военной юстиции, органов НКВД и Красной Армии осуществлялись гражданскими экспертными бюро, кафедрой судебной медицины Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова,

а также патологоанатомическими отделениями военных госпиталей [2; 5]. В 1937 году для централизованного управления и координации работы всех судебно-медицинских учреждений страны была учреждена должность Главного судебно-медицинского эксперта Наркомата здравоохранения СССР. Первым на эту должность был назначен профессор Н.В. Попов, который до 1939 года также руководил Научно-исследовательским институтом судебной медицины Наркомата здравоохранения РСФСР (НИИСМ, ныне – Российский центр судебно-медицинской экспертизы Минздрава России) [2]. В мае 1939 года директором НИИСМ стал доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР В.И. Прозоровский, который руководил институтом в течение 40 лет, до 1979 года. В апреле 1941 года он также был назначен Главным судебно-медицинским экспертом Наркомата здравоохранения РСФСР [2; 5].

В период вооруженных столкновений с Японией и Финляндией, возникла необходимость в совершенствовании подготовки специалистов в области судебно-медицинской экспертизы и военно-судебной медицины [3]. В годы войны судебно-медицинское обеспечение войск осуществлялось патологоанатомами. Важным событием стало создание 2 ноября 1942 года Чрезвычайной государственной комиссии, задачей которой было расследование преступлений, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их союзниками. Соответствующий указ был издан Президиумом Верховного Совета СССР. В декабре 1942 года по инициативе профессора М.И. Авдеева состоялось первое Всеармейское совещание судебно-медицинских экспертов, работавших в качестве помощников начальников фронтовых патологоанатомических лабораторий. Это совещание послужило отправной точкой для формирования самостоятельной военной судебно-медицинской службы [2]. Идея создания такой службы в Красной Армии, предложенная на совещании, получила поддержку Главной военной прокуратуры, которая разработала и внедрила структуру новой службы. 26 марта 1943 года Директивой Генерального штаба Красной Армии судебно-медицинские эксперты были выделены из состава военных патологоанатомических лабораторий. Были утверждены штаты Центральной судебно-медицинской лаборатории Красной Армии, а также должности главного судебно-медицинского эксперта Красной Армии, судебно-медицинских экспертов фронтов и армий. Профессор М.И. Авдеев, занимавший должность Главного судебно-медицинского эксперта Министерства Обороны СССР, был назначен Главным судебно-медицинским экспертом Красной Армии [2]. С 1943 года военная юстиция фронтов, армий и флотов получила в свое распоряжение самостоятельную судебно-медицинскую службу. Ее создание позволило эффективно решать экспертные вопросы, возникающие в условиях боевых действий, включая исследование повреждений от нового оружия и взрывчатых веществ, а также выявление

случаев симуляции и членовредительства [6]. Военные эксперты проводили масштабные исследования, осматривая тела из мест массовых захоронений и выживших узников концлагерей. Важную роль в документировании нацистских преступлений в Смоленске и Катыни сыграли судебно-медицинские комиссии под руководством профессора В.И. Прозоровского. Их выводы были использованы в судебных процессах над военными преступниками в Краснодаре, Харькове и Смоленске. Многие судебные медики внесли неоценимый вклад в расследование злодеяний оккупантов в концлагерях, а профессор В.И. Прозоровский представлял СССР в качестве эксперта на Нюрнбергском процессе [2]. Основные задачи, стоявшие перед судебными медиками в годы Великой Отечественной войны, включали: проведение судебно-медицинских, криминалистических и судебно-химических экспертиз; научную разработку проблем травматизма военного времени, в том числе членовредительства; консультационную поддержку органов военной юстиции; а также анализ путей улучшения медицинского обеспечения войск и органов правопорядка.

Великая Отечественная война оказала существенное влияние на становление судебной медицины и методики экспертной оценки боевых и криминальных травм [3]. Тяжелые испытания, выпавшие на долю народа, парадоксальным образом стали фактором его консолидации и одновременно стимулом для развития важнейших научных направлений, которые впоследствии легли в основу дальнейшего прогресса в медицинской науке и практической деятельности.

Судебно-медицинская экспертиза в годы Великой Отечественной войны сыграла важную роль в борьбе с преступностью, обеспечении законности и правопорядка. В условиях беспрецедентных вызовов, связанных с военным временем, судебно-медицинские эксперты проявили высокий профессионализм, самоотверженность и преданность своему делу. Их работа способствовала установлению истины по уголовным делам, привлечению военных преступников к ответственности и восстановлению исторической справедливости. Опыт судебно-медицинской экспертизы в годы войны имеет непреходящее значение для современной судебно-медицинской науки и практики. Он свидетельствует о важности адаптации методов и подходов к изменяющимся условиям, о необходимости постоянного совершенствования профессиональных навыков и о высокой социальной значимости судебно-медицинской деятельности.

Список литературы:

1. Гальцев Ю. В., Чудаков А. Ю., Толмачев И. А., Гайворонская В. В. К вопросу о возможности более точного определения расстояния на

дистанции «неблизкого» огнестрельного пулевого выстрела по мере входного ранения // Становление, развитие и современное состояние военной судебной медицины (к 80-летию образования) : сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2023.

2. Назаров Ю. В., Божченко А. П., Толмачев И. А., Ягмуров О. Д., Чудаков А. Ю. Вклад сотрудников Военно-медицинской академии в развитие судебно-медицинской службы Санкт-Петербурга // Судебная медицина: история и современность (к 225-летию образования кафедры судебной медицины Военно-медицинской академии) : сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2024.

3. Хрусталева Ю. А., Толмачев И. А., Чудаков А. Ю. Особенности подготовки судебных медиков в условиях современных требований в гражданской и военной системе образования : // Педагогика и психология в медицине: проблемы образования и воспитания – вопросы и обсуждение : сборник статей по материалам III Всероссийского научного конгресса с международным участием. М., 2024.

4. Чудаков А. Ю., Лытаев С. А., Гайворонская В. В. Судебно-медицинская экспертиза суицида, введение в проблему, некоторые психофизиологические и социальные аспекты. СПб., 2022. 58 с.

5. Чудаков А. Ю., Гальцев Ю. В. Судебно-экспертная деятельность: некоторые проблемы, практика и перспективы. Самара, 2022. 116 с.

6. Чудаков А. Ю., Гальцев Ю. В., Гайворонская В. В., Еркудов В. О. Вопросы экспертизы степени тяжести вреда здоровью, причиненного человеку воздушной взрывной ударной волной : учебно-методическое пособие. СПб., 2022. 73 с.

7. Чудаков А. Ю., Гальцев Ю. В., Горелов А. А. О возможности экспертной оценки степени тяжести вреда здоровью, причиненного человеку воздушной взрывной ударной волной при отсутствии на его теле каких-либо видимых наружных телесных повреждений // Актуальные вопросы совершенствования тактико-специальной, огневой, и профессионально-прикладной физической подготовки в современном контексте практического обучения сотрудников органов внутренних дел : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. СПб., 2022.

8. Судебно-медицинская экспертиза: отдельные вопросы этиологии, танатогенеза и морфогенеза при смерти от общей гипотермии : сборник научных статей под ред. профессора Чудакова А. Ю. СПб., Самара, 2023. 93 с.

9. Ягмуров М. О., Чудаков А. Ю. Особенности распределения степеней тяжести вреда, причиненного здоровью человека, в случаях травмы челюстно-лицевой области // Судебная медицина: история и современность (к 225-летию образования кафедры судебной медицины Военно-медицинской академии) : сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2024.

10. Ягмуров О. Д., Гальцев Ю. В., Лавров Д. В., Жидков Д. Н., Чудаков А. Ю., Гайворонская В. В. Определение давности наступления смерти человека : учебно-методическое пособие для следователей и

врачей, не имеющих специальной подготовки по судебной медицине.
СПб., 2022. 72 с.

МАКСИМ МУСТАКИМОВИЧ АЛИЕВ,

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры управления органами
расследования преступлений
Академия управления МВД России
E-mail: aliev.alievso@yandex.ru

ГУРГЕН ЗОРИКОВИЧ ГАСПАРЯН,

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры управления органами
расследования преступлений
Академия управления МВД России
E-mail: ggz85@mail.ru

**Использование возможностей информационно-
телекоммуникационных технологий при расследовании
дорожно-транспортных преступлений**

Аннотация

Данная научная статья посвящена исследованию возможностей использования телекоммуникационных технологий при расследовании дорожно-транспортных преступлений. В условиях быстроменяющегося современного мира данный аспект становится важным условием эффективной работы сотрудников правоохранительных органов. В контексте глобальных трансформаций тема исследования приобретает особую актуальность и значимость. В статье представлен положительный пример применения аппаратных и программных решений для установления обстоятельств дорожно-транспортного происшествия. Также выделены основные направления проведения судебных экспертиз по уголовным делам данной категории. Рассмотрены различные виды аппаратных и программных средств, используемых специалистами с разными профессиональными знаниями в смежных областях. Авторы считают, что данная статья будет полезна сотрудникам правоохранительных органов при решении служебных задач, связанных с расследованием подобных преступлений.

Ключевые слова и словосочетания: дорожно-транспортные преступления; судебная экспертиза; программное обеспечение; автомобиль; электронные блоки.

В настоящее время увеличивается темп появления современных

автомобилей, которые планомерно заменяют своих «предшественников» на дорогах России. Новые модели транспортных средств характеризуются оснащением более современным электронным оборудованием, что детерминирует необходимость сотрудников органов внутренних Российской Федерации использовать современные достижения науки и техники для решения служебных задач.

Среди аппаратных и программных решений можно выделить следующие:

1. Для фиксации обстоятельств ДТП используются видеорегистраторы и камеры наблюдения:

- Патрульные регистраторы в экипажах ДПС: «Автодория», «Арена».

- Городские камеры видеонаблюдения, подключенные к системе «Безопасный город», «Платон», «Реал» и др.

- Мобильные комплексы фиксации: «Крис-П», «Стрелка», автоматически распознающие правонарушения.

2. Бортовые регистраторы (EDR) и телематика:

- «ЭРА-ГЛОНАСС» – передача данных об аварии, координаты, скорость, срабатывание подушек безопасности.

- CAN-анализаторы – считывание данных с электронных блоков автомобиля (ABS, ESP, скорость перед ударом).

3. Беспилотные летательные аппараты и 3D-сканеры:

- БПЛА «Орлан» – аэрофотосъемка места ДТП.

- Лазерные сканеры – создание 3D-модели места происшествия.

4. Мобильные криминалистические лаборатории, на примере специализированного передвижного комплекса для фиксации вещной обстановки места дорожно-транспортного преступления, разработанного АО «НПО Радиозаводом имени А.С. Попова» совместно с ЭКЦ МВД России и НПО «СТис» МВД России.

5. Анализ видео и автоматическое распознавание:

- Системы видеоаналитики: «Поток» – распознавание государственных регистрационных знаков, поиск и розыск транспортных средств на основании данных фотовидеофиксации.

6. Реконструкция ДТП и судебная экспертиза:

- Программы моделирования ДТП PC-Crash, производит в т. ч. расчет динамики столкновения и Virtual CRASH [1] – 3D-визуализация аварии для суда.

- Анализ телематических данных: сервис «Wialon», интегрированный в «ЭРА-ГЛОНАСС», позволяет производить мониторинг маршрутов и параметров движения и «CANalyzer» – расшифровка данных с CAN-шины автомобиля.

При расследовании преступлений, связанных с участием в дорожно-транспортном преступлении автомобилей «21 века», следователи зачастую

назначают комплексную радиотехническую и автотехническую, либо компьютерную, видеотехническую и автотехническую судебные экспертизы.

При производстве судебной экспертизы, назначенных по уголовным делам данной категории одними из основных являются параметры, используемые судебными экспертами для решения таких вопросов, как определение остановочного пути транспортного средства, его удаления, технической возможности предотвращения наезда или столкновения, параметров маневра и т. п. Такими параметрами, характеризующими движение транспортного средства, например, являются скорость и замедление.

Необходимо подчеркнуть, что криминалистически значимая информация, представляющая интерес для расследования дорожно-транспортного преступления, может содержаться не только в электронных блоках системы EDR транспортных средств, но и в иных устройствах: автомобильный видеорегистратор, автомобильный тахограф (цифровой или аналоговый), модуль управления подушками безопасности, автомобильный навигатор, модуль памяти навигационных систем и оборудования на базе ГЛОНАСС/GPS.

Следователи «общей практики», а иногда и следователи специализированного отдела по расследованию ДТП не обладают специальным оборудованием, с помощью которого возможно осуществить диагностику и соответственно выгрузку данных с электронных блоков транспортных средств. Для этого они привлекают к участию в следственных действиях разнопрофильных специалистов, обладающих специальными знаниями в данной области, либо назначают комплексную радиотехническую и автотехническую, компьютерную, видеотехническую, автотехническую судебные экспертизы, в рамках которых судебные эксперты истребуют необходимые параметры автомобиля на момент ДТП.

Одним из положительных примеров эффективного взаимодействия следователя со специалистом может служить уголовное дело по факту дорожно-транспортного преступления, в ходе расследования которого проводилась комплексная радиотехническая и автотехническая судебная экспертиза: «...Ф.И.О., не позднее 09 часов 50 минут того же дня, находясь на встречной проезжей части на участке 02 км автомобильной дороги «<данные изъяты>», вблизи дорожного знака 6.13 Приложения 1 Правил - «Километровый знак», совершил столкновение с двигавшимся во встречном направлении автомобилем «VOLKSWAGEN POLO» государственный регистрационный знак № под управлением водителя Потерпевший №1, который осуществлял движение без нарушения требований Правил».

При назначении комплексной радиотехнической и автотехнической судебной экспертизы на разрешение судебных экспертов были поставлены следующие вопросы:

1. Какая информация содержится в блоке пассивной системы безопасности (блоке SRS) и электронном блоке управления (ЭБУ) автомобиля «ВОЛЬВО XC 90»?

2. Какая информация содержится в блоке пассивной системы безопасности (блоке SRS) и электронном блоке управления (ЭБУ) автомобиля «VOLKSWAGEN POLO»?

3. Какова скорость движения автомобиля «ВОЛЬВО XC 90» на момент ДТП?

4. Какова скорость движения автомобиля «VOLKSWAGEN POLO» на момент ДТП?

5. Где относительно границ проезжей части находилось место столкновения транспортных средств, участвовавших в данном ДТП?

6. Каково было взаимное расположение на момент ДТП транспортных средств «ВОЛЬВО XC 90» и «VOLKSWAGEN POLO»?

7. Какими пунктами Правил дорожного движения РФ с технической точки зрения должны были руководствоваться водители автомобилей «ВОЛЬВО XC 90» и «VOLKSWAGEN POLO» в данной ДТП?

В распоряжении судебных экспертов был предоставлен блок SRS (AIRBAG SENSOR), изъятый из автомобиля «VOLKSWAGEN POLO» и содержащий сведения о зафиксированных событиях, характерных для дорожно-транспортного преступления.

Для проведения экспертизы судебными экспертами использовались: программно-аппаратный стенд - автоматизированное рабочее место восстановления информации, хранящейся в микросхемах памяти; комплекс для исследования радиоэлектронных устройств «Удовольствие»; специализированные аппаратно - программные комплексы «Bosch Crash Data Retrieval», и «Launch X-431 PADII» и др.

Для исследования информации, содержащейся в электронных блоках автомобиля «ВОЛЬВО XC 90» судебным экспертом - радиотехником осуществлялось поочередное подключение АПК к диагностическому разъему. Осуществлялось сканирование электронных систем и просмотр имеющейся в них сведений.

Для исследования информации, содержащейся в электронных блоках автомобиля VOLKSWAGEN POLO судебным экспертом - радиотехником осуществлялся демонтаж их корпусов, схемотехнический анализ для последующего поочередного подключения к ALIK. При помощи программного обеспечения «Bosch Crash Data Retrieval Tool 23.0» из исследуемого блока управления системами пассивной безопасности автомобиля VOLKSWAGEN POLO получен отчет, содержащий сведения о

зафиксированных событиях, характерных при наступлении дорожно-транспортного преступления.

С помощью аппаратно-программного комплекса осуществлялось сканирование блока телеметрии (VW AG Online connectivity unit») и просмотр имеющейся в нем сведений.

Вместе с тем следует указать, что в представленном блоке управления системами пассивной безопасности автомобиля Volkswagen (блок «VW AG AIRBAG SENSOR № 2Q0 959 655 BA») имеются сведения о параметрах движения (в том числе скорости) автомобиля, характерных при наступлении дорожно-транспортного преступления. В момент первоначального контакта продольные оси автомобилей Volvo и Volkswagen располагались относительно друг друга под углом около $180^{\circ} \pm 5^{\circ}$. Судебным экспертом- радиотехником были установлены параметры автомобиля на момент ДТП, которые были использованы судебным экспертом - автотехником в качестве исходных данных при производстве указанной судебной экспертизы [2].

Указанный положительный пример проведенной комплексной радиотехнической и автотехнической судебной экспертизы, приходим к выводу об обоснованности применения специальных знаний разнопрофильными судебными экспертами по извлечению данных с электронных блоков транспортного средства.

Анализируя вышеизложенное, представляется, что широкий спектр аппаратно-программных решений имеют существенной значение для эффективного расследования дорожно-транспортных преступлений, позволяют более эффективно решать экспертные задачи, ускоряют сбор доказательств, повышают точность судебных экспертиз и автоматизируют поиск необходимой для этого криминалистически значимой информации.

Список литературы:

1. Беляев М. В., Четвергов М. А. К вопросу о современных способах моделирования дорожно-транспортных происшествий // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4.

2. Постановление Воскресенского городского суда Московской области // Архивное дело № 1-412/2013. URL: <http://voskresensk.mo.sudrf.ru> (дата обращения: 30.06.2025).

3. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 // Российская газета. 2005. 30 авг.

4. Гаврилин Ю. В. Организация противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: учебник : в 2 ч. / Ю. В. Гаврилин, Т. В. Пинкевич,

Н. Э. Мартыненко и др.; под общ. ред. Ю.В. Гаврилина. М. : Академия управления МВД России, 2024. Ч. 1. 304 с.

5. *Илларионов В. А.* Экспертиза дорожно-транспортных происшествий. Учебник для вузов. М. : Транспорт, 1989. 255 с.

6. *Щербак В. М., Чурин Р. А., Петров Е. А., Замараев Е. В.* Методика исследования объектов радиотехнической экспертизы М. : ЭКЦ МВД России, 2019. 82 с.

АЛМАЗ МУСАЕВИЧ АМАНКУЛОВ,
доцент кафедры специальной подготовки
по противодействию глобальным угрозам
Института профессионального обучения
Академия правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан
E-mail: 7340356@prokuror.gov.kz; Almaz150384@gmail.com

**Опыт Республики Казахстан по предупреждению преступлений,
совершаемых с использованием информационно-коммуникационных
технологий**

Аннотация

Широкое применение информационно-коммуникационных технологий преступного мира требует от правоохранительных и уполномоченных государственных органов превентивных мер профилактики. Рассмотрено действующее и новое законодательство Республики Казахстан по предупреждению интернет-мошенничеств и его инструменты. Раскрыта роль органов прокуратуры по взаимодействию и координации заинтересованных органов по обеспечению законности, правопорядка и борьбы с преступностью для обмена опытом с другими странами. Рассмотрены инструменты противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова и словосочетания: Интернет; мошенничество; дроппер; кибернадзор; предупреждение; профилактика; Координационный совет.

Массовое применение информационно-коммуникационных технологий¹ во всех значимых сферах жизни общества стало неотъемлемой характеристикой современности.

На сегодняшний день в качестве технологической информационно-телекоммуникационной среды Интернет определяет новые способы совершения преступлений, и соответственно, вырабатываются технические средства и приемы, используемые в процессе раскрытия и расследования преступлений, а также ее предупреждения.

¹ Согласно Закону Республики Казахстан от 24 ноября 2015 года «Об информатизации», под информационно-коммуникационными технологиями понимается совокупность методов работы с электронными информационными ресурсами и методов информационного взаимодействия, осуществляемых с применением аппаратно-программного комплекса и сети телекоммуникаций. URL: <http://10.61.42.188/rus/docs/Z1500000418> (дата обращения: 20.08.2025).

В связи с чем в 2022 году авторским коллективом Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан подготовлена монография на тему: «Вопросы расследования уголовных правонарушений, совершенных в сети Интернет: теоретические и практические аспекты».

Авторы монографии пришли к выводу, что под преступлениями, совершенными в сфере информационных технологий, следует понимать предусмотренные уголовным законом виновные общественно опасные деяния, направленные на нарушение неприкосновенности охраняемой законом электронной информации и ее материальных носителей, совершаемые в процессе создания, использования и распространения электронной информации, а также направленные на нарушение работы информационной системы или сетей телекоммуникаций, причиняющие вред законным интересам собственников или владельцев, жизни и здоровью личности и свободам человека и гражданина [1, с. 12].

В последние годы в Республике Казахстан структура преступности изменилась.

Если раньше преобладали кражи, то в настоящее время треть всех правонарушений в стране составляют мошенничества (27 259 из 76 512 зарегистрированных за 7 месяцев 2025 году всех уголовных правонарушений) [2]. Половина из них совершена через Интернет (14 628).

Интернет-мошенничество в последние годы стало не только глобальной проблемой, но и серьезной угрозой для национальной безопасности. Их стремительный рост обусловлен переходом общества в онлайн-пространство.

Выявление и расследование уголовных дел данной категории затруднено сложностями проведения следственных действий, а сбор доказательств осуществляется новыми для следственной практики способами, имеющими недостаточную теоретико-методическую проработку их основных аспектов.

Такие обстоятельства отражаются и на качестве расследования уголовных дел. Из-за трансграничности уровень раскрываемости интернет-мошенничеств остается низким. А уполномоченные органы оказались не готовы к такому масштабу угрозы и не успевают выработать методы борьбы и ее предупреждения.

Поэтому предупредительная деятельность правоохранительных органов требует особого внимания к выполнению задач по защите прав и свобод личности, общества и государства от посягательств в цифровой сфере, в том числе от такой категории противоправных деяний, как преступления, совершаемые с использованием цифровых технологий [3, с.148].

В связи с чем, Генеральной прокуратурой Республики Казахстан совместно с государственными органами приняты организационно-

практические меры по борьбе и предупреждению с преступлениями данного вида.

Так, совместно с государственными и правоохранительными органами разработан Комплекс совместных мероприятий по противодействию мошенничествам и финансовым пирамидам на 2023-2024 гг. (далее - Дорожная карта).

Справочно: Дорожная карта состоит из 2 этапов: организационно-подготовительная работа (организационные мероприятия и усиления межведомственного взаимодействия) и практическая реализация (профилактические мероприятия).

В рамках исполнения Дорожной карты во всех регионах страны в общественных местах установлены баннеры, в социальных сетях размещены видеоролики, осуществлены дворовые обходы, проведены брифинги, а также разъяснительная работа среди населения (широкое освещение в средствах массовой информации, тематические мероприятия, организовано СМС-оповещение населения о видах мошенничеств и другое).

При департаментах полиции регионов в 2023 году созданы подразделения «CyberPol», специализирующиеся на выявлении, расследовании и предупреждении киберпреступлений (в т.ч. интернет-мошенничеств) в составе оперативников, следователей и криминалистов (пилотный проект апробирован в 2022г.).

В ноябре 2024 года в рамках исполнения поручения Главы государства по усилению борьбы с киберпреступностью в Министерстве внутренних дел Республики Казахстан создан профильный Департамент по противодействию киберпреступности, который занимается предупреждением, выявлением и раскрытием данных преступлений, разработкой стратегических планов по борьбе с ними.

Эффективность системы профилактики правонарушений напрямую зависит от постоянного взаимодействия и координации усилий всех заинтересованных сторон.

Несмотря на то, что в структуре Генеральной прокуратуре Республики Казахстан отсутствует профильное подразделение по предупреждению преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, данная функция осуществляется путем координации деятельности правоохранительных и иных государственных органов по обеспечению законности, правопорядка и борьбы с преступностью.

Согласно ст.28 Конституционного закона Республики Казахстан «О прокуратуре»¹, координация деятельности правоохранительных и иных государственных органов по обеспечению законности,

¹ Конституционный закон Республики Казахстан от 5 ноября 2022 года «О прокуратуре». URL: <http://10.61.42.188/rus/docs/Z2200000155> (дата обращения: 20.08.2025).

правопорядка и борьбы с преступностью осуществляется органами прокуратуры в целях обеспечения взаимодействия этих органов, взаимного обмена информацией и согласованности их действий при реализации общих задач.

Указанная деятельность осуществляется органами прокуратуры в рамках постоянно действующих координационных советов, образуемых при Генеральной прокуратуре, главных военной и транспортной прокуратурах, прокуратурах областей и приравненных к ним прокуратурах (городов республиканского значения и столицы).

Решения Координационных советов реализуются государственными органами - участниками путем издания совместных, ведомственных правовых актов и (или) осуществления соответствующих мероприятий.

Положение о Координационном совете Республики Казахстан по обеспечению законности, правопорядка и борьбы с преступностью утверждается Президентом Республики Казахстан¹.

Являясь межведомственным коллегиальным органом, Координационный совет обеспечивает согласованность действий всех субъектов профилактики. На его площадке обсуждаются и вырабатываются решения проблемных вопросов как в системе превенции, так и по отдельным видам правонарушений.

30 мая 2024 года заседании Координационного совета Республики Казахстан по обеспечению законности, правопорядка и борьбы с преступностью, под председательством Генерального Прокурора Республики Казахстан обсуждены вопросы «Об эффективности и полноте принимаемых уполномоченными органами мер по профилактике мошенничеств, а также качества досудебного расследования по уголовным делам данной категории».

В текущем году 24 февраля также рассмотрены вопросы «Об эффективности ранее выработанных подходов по противодействию киберпреступности».

По результатам рассмотрения указанных вопросов на Координационном совете выработаны конкретные рекомендации по предупреждению мошенничеств и принят ряд дополнительных мер.

В частности, 22 июля 2024 года запущен Антифрод-центр при Национальном Банке Республики Казахстан по блокировке

¹ Указ Президента Республики Казахстан от 30 мая 2023 года «Об утверждении Положения о Координационном совете Республики Казахстан по обеспечению законности, правопорядка и борьбы с преступностью и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан». URL: <http://10.61.42.188/rus/docs/U2300000238> (дата обращения: 20.08.2025).

мошеннических транзакций¹.

Антифрод-центр - акционерное общество «Национальная платежная корпорация Национального Банка Республики Казахстан», которое осуществляет меры, направленные на предотвращение платежных транзакций с признаками мошенничества в круглосуточном режиме.

По итогам 2024 года заблокировано 1,5 млрд. тенге по подозрительным финансовым операциям.

В последнее время молодые люди в поисках легкого заработка целенаправленно либо без полного понимания негативных последствий вовлекаются в мошенничество. Ими оформляются банковские карты и счета для вывода или транзита похищенных денежных средств.

Лицо, участвующее в такой схеме и оказывающее посреднические услуги в цепочке манипуляций с украденными деньгами, именуется «дроппером».

Дроппер — это лицо, предоставившее третьему лицу доступ к своему банковскому счету и (или) средству электронного платежа, а равно передавшее свои платежные инструменты в пользование третьему лицу, в том числе, за материальное вознаграждение, повлекшее их несанкционированное использование в противоправных операциях².

В целях предупреждения преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий 16 июля 2025 года Главой государства подписан Закон Республики Казахстан

«О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам оптимизации уголовного законодательства Республики Казахстан»³.

Так, для противодействия использованию банковских карт третьими лицами для мошеннических схем, вывода или легализации преступных доходов вводится уголовная ответственность за «дропперство» (новая статья 232-1 Уголовного кодекса).

Новая статья криминализирует как действия самих граждан (дропперов) так и действия тех, кто приобретает их банковские карты и т.д. (дропповоды), а также действия лиц, которые занимаются переводами

¹ Постановление Правления Национального Банка Республики Казахстан от 16 июля 2024 года «Об утверждении Требования к порядку осуществления деятельности центра обмена данными по платежным транзакциям с признаками мошенничества и его взаимодействия с лицами, участвующими в его деятельности». URL: <http://10.61.42.188/rus/docs/V2400034772> (дата обращения: 21.08.2025).

² Постановление Правления Национального Банка Республики Казахстан от 12 ноября 2019 года «Об утверждении Правил формирования системы управления рисками и внутреннего контроля для банков второго уровня, филиалов банков-нерезидентов Республики Казахстан». URL: <http://10.61.42.188/rus/docs/V1900019632#z4> (дата обращения: 21.08.2025).

³ Закон Республики Казахстан от 16 июля 2025 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам оптимизации уголовного законодательства Республики Казахстан». URL: <http://10.61.42.188/rus/docs/Z2500000210> (дата обращения: 21.08.2025).

денежных средств через свои счета по указанию третьих лиц при отсутствии признаков соучастия в преступлении.

Уголовная ответственность введена за незаконное предоставление доступа к своему банковскому счету либо платежному инструменту, либо идентификационному средству третьему лицу, либо их незаконную передачу в пользование третьему лицу за материальное вознаграждение или выгоды имущественного характера, либо с целью их получения.

20 августа 2024 года в силу вступили поправки в Закон Республики Казахстан «О банках и банковской деятельности в Республике Казахстан»¹, обязывающие кредиторов списывать незаконно оформленные на граждан займы (после вынесения приговора либо окончания следствия) и приостанавливать их действие во время расследования уголовных дел по фактам мошенничества (ст.34 п.15).

Такие меры станут действенным способом защиты граждан, а также сподвигнут банки и микрофинансовые организации усилить меры по противодействию мошенничествам и ее предупреждению.

Согласно изменениям, взыскание задолженности и начисление вознаграждения и (или) неустойки по банковскому займу клиента приостанавливаются на основании представления органов полиции о признании заемщика - физического лица потерпевшим.

Кроме того, с 1 августа 2017 года Генеральной прокуратурой Республики Казахстан совместно с Министерством информации и коммуникаций (ныне Министерство культуры и информации Республики Казахстан, далее- МКИ) реализуется проект «Кибернадзор».²

Кибернадзор — это информационная система, которая используется для контроля за соблюдением требований законодательства Республики Казахстан в интернете.

В его рамках создан специальный сайт kibernadzor.kz. Сотрудники государственных органов выявляют сайты с сомнительным контентом и размещают ссылки на них в специальном разделе сайта, после чего проводится экспертиза без излишней бумажной волокиты.

Взаимодействие работы государственных органов, согласно правилам, осуществляется посредством системы «Кибернадзор», они проводят мониторинг контента в интернете, который является запрещенным или ограниченным к распространению на основании вступивших в законную силу судебных решений или законов страны.

После выявления такого контента, госорганы направляют в уполномоченный орган (МКИ) уведомление через Кибернадзор. Уведомление должно содержать следующую информацию:

- законность и обоснованность сведений,

¹ Закон Республики Казахстан от 31 августа 1995 года «О банках и банковской деятельности в Республике Казахстан».URL: <http://10.61.42.188/rus/docs/Z950002444> (дата обращения: 22.04.2025).

² URL: <https://drfl.kz/ru/cybernadzor/> (дата обращения: 21.08.2025).

- скриншоты выявленных материалов, которые подтверждают их противоправность.

МКИ в дальнейшем принимает следующие решения:

- в случае подтверждения факта нарушения законов - принимает меры по блокировке доступа к спорному контенту в соответствии со ст.41-1 Закона Республики Казахстан «О связи».¹

- в случае отсутствия подтверждения факта нарушения законов - отклоняет уведомление с указанием обоснования об отсутствии нарушения законодательства Республики Казахстан.

В дальнейшем, в случае подтверждения факта нарушения, МКИ выносит предписание и направляет его в адрес АО «Государственная техническая служба», операторам связи (как Altel, Beeline, Казахтелеком и т.д.) и онлайн-платформам, согласно ст.41-1 Закона Республики Казахстан «О связи».

В целом, проводимая системная работа в Республике Казахстан показывает свою эффективность и принятыми мерами правоохранительных и уполномоченных государственных органов способствовали снижению интернет-мошенничеств постпандемийный период в 2022г. на 4% (с 21 405 - 2021г. до 20 569), при росте с 2020 до 2021 года на 50% (14 220 до 21 405), а также дальнейшей стабилизации роста не более 5% в 2023 (с 20 569 до 21 777) и 2024 (21 777 до 22 870) годы.

Такая узкая специализация интернет-мошенничеств позволит точно подходить к их раскрытию и расследованию, нарабатывать практику (методы, способы и формы противодействия) и правильно организовывать информационно-разъяснительные и другие профилактические мероприятия для снижения уровня виктимизации населения и ее предупреждению.

Научное сообщество традиционно рассматривает предупреждение как общесоциальную проблему, и более узкое значение имеет в криминологическом аспекте. Помощь в предотвращении негативных явлений в обществе может быть оказана посредством общесоциального предупреждения. Оно включает в себя деятельность по улучшению социальной жизни общества (политическая, экономическая, нравственная и т.д.), а также способствует уменьшению негативных явлений в обществе [4. с. 331].

Также, одним из важных мер, направленных на предупреждение мошенничества являются организационно-технические действия.

В связи с чем, для противодействия в данном направлении необходимо разработка специального программного обеспечения, способного оказать помощь правоохранительным органам.

¹ Закон Республики Казахстан от 5 июля 2004 года «О связи». URL: http://10.61.42.188/rus/docs/Z040000567_#z704 (дата обращения: 21.08.2025).

Таким образом, правоохранительными органами Казахстана обеспечивается планомерная и постоянная работа по предупреждению преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, в целях повышения безопасности общества и защиты населения от преступных посягательств.

Список литературы:

1. Монография авторского коллектива Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан // Вопросы расследования уголовных правонарушений, совершенных в сети интернет: теоретические и практические аспекты. 2022 г. URL : <https://academy-rep.kz/uploads/851-4a17688ad6f97b86da9c56d0fc57e881.pdf> (дата обращения: 10.06.2025).
2. Статистические сведения Комитета правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан.
3. *Шишкин Р. В.* Преступления, совершаемые с использованием цифровых технологий: проблемы противодействия // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022.
4. Криминология / под ред. Г. А. Аванесова . М., 2010. 574 с.

АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ АНОСОВ,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовной политики

Академия управления МВД России

E-mail: pdnrme@yandex.ru

Использование методов проектного управления в системе противодействия коррупции в органах внутренних дел

Аннотация

В статье рассматриваются возможные формы и методы проектного управления в деятельности органов внутренних дел по противодействию коррупции, проведено сопоставление с традиционным административным воздействием и внедрением антикоррупционного комплаенса, сделаны выводы о перспективах проектных решений в данной области.

***Ключевые слова и словосочетания:** проектное управление; противодействие коррупции; антикоррупционный комплаенс; предупреждение коррупционной преступности; коррупционный риски; конфликт интересов.*

Противодействие коррупции как одной из наиболее значимых системных угроз национальной безопасности относится к числу приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации. Эффективная борьба с коррупцией является не просто обязанностью правоохранительных и иных уполномоченных органов, но и базовым условием обеспечения устойчивого экономического и социального развития всего государства. Особую роль в этом процессе играют органы внутренних дел, которые, с одной стороны, выступают основным субъектом антикоррупционной политики, включая правоприменительную деятельность, а с другой – в силу своей специфики традиционно остаются зоной повышенного риска возникновения коррупционных проявлений. Указанная двойственность обусловлена целым рядом объективных факторов, среди которых, следует выделить значительный объем властных полномочий сотрудников, осуществление деятельности в непосредственном контакте с гражданами, а также разнообразие направлений деятельности различных подразделений ОВД. Между тем, традиционная система противодействия коррупции в МВД России, построенная преимущественно по принципу комплаенс-подхода через создание обширной нормативной базы, внедрение запретов и ограничений, а также реализацию плановых профилактических

мероприятий, в современных условиях демонстрирует определенную ограниченность. Несмотря на безусловную необходимость и значимый позитивный эффект подобных мер, они зачастую носят разовый или формальный характер вследствие направленности преимущественно на устранение последствий уже выявленных нарушений, а не на управление коррупционными рисками. Кроме того, жесткая ведомственная иерархия и забюрократизированность управленческих процессов могут замедлять оперативность реагирования на новые, постоянно меняющиеся коррупционные схемы, что снижает общую результативность профилактической работы.

Вследствие указанных факторов возникает закономерная потребность в поиске и интеграции в существующую систему таких управленческих инструментов, которые позволили бы преодолеть отмеченные ограничения, обеспечив большую гибкость, стратегическую направленность и ориентацию на конкретный результат всей деятельности по противодействию коррупции. Одним из таких потенциальных инструментов выступает проектное управление, которое, будучи апробированным в различных сферах государственного администрирования, до сих пор не получило системного применения в области обеспечения антикоррупционной безопасности в рамках правоохранительной деятельности.

По своей методологической сути проектное управление представляет собой целостную совокупность методов, инструментов и технологий, направленных на достижение четко определенной цели в условиях временных и ресурсных ограничений. Ключевым признаком, отличающим проект от текущей операционно-служебной деятельности, является его уникальность и направленность на достижение конкретного, измеримого результата, что имеет первостепенное значение при разработке и внедрении антикоррупционных мер. М.Х. Абидов и Ф.Н. Исмаилова отмечают также, что проектный подход обеспечивает прозрачность деятельности публичного сектора, позволяет повысить качество и сократить сроки достижения планируемых результатов [1, с. 8].

Традиционный управленческий цикл проекта включает в себя этапы инициирования, планирования, исполнения, контроля и завершения, однако благодаря проектному управлению появляются дополнительные возможности создания и соблюдения строгих рамок реализации инициативы, обеспечения ее предсказуемости, управляемости и прозрачности, что само по себе является мощным профилактическим фактором. Кроме того, в отличие от традиционных административных методов, проектная логика требует на этапе инициирования четкого обоснования актуальности и целей будущей работы, что заставляет инициаторов не просто формально исполнять нормативные предписания, а осуществлять содержательный анализ коррупционных рисков и

разрабатывать целевые механизмы их нейтрализации. В то же время А.В. Коневская справедливо отмечает, что применение проектного управления в решении текущих задач органов власти зачастую воспринимается как дань моде, а не эффективный управленческий инструмент и носит больше формальный характер [3, с. 39].

Взаимосвязь проектного управления и антикоррупционного комплаенса представляет определенный интерес с позиции функционирования единой системы противодействия коррупции в организациях. Антикоррупционный комплаенс формирует нормативную основу деятельности, устанавливая общие правила, процедуры и стандарты поведения, в то время как проектное управление выступает инструментом практической реализации этих требований в рамках конкретных антикоррупционных решений. Комплаенс-политика задает общие рамки деятельности, определяя, в частности, общие требования к антикоррупционному поведению и ограничительные меры, включая механизм управления коррупционными рисками [4, с. 67]. Проектное управление обеспечивает практическое воплощение этих требований, организуя процесс реализации и контроля предусмотренных комплаенсом мероприятий. Например, если комплаенс устанавливает общие принципы противодействия конфликту интересов, то в рамках проектной деятельности эти принципы получают конкретное применение через исключение из процесса закупок компаний, аффилированных с сотрудниками или их родственниками. Стоит подчеркнуть, что в процессе реализации конкретных проектов часто выявляются неучтенные в общих регламентах коррупционные риски, в частности, информация о новых коррупционных схемах, выявленная в ходе проверочных или профилактических мероприятий, которая должна передаваться ответственными сотрудниками для последующего закрепления в нормативных документах организации.

Таким образом, комплаенс и проектное управление не являются конкурирующими подходами, а образуют взаимодополняющую систему, поскольку комплаенс без проектного управления рискует остаться формальным набором правил, не находящим применения в реальной деятельности. С другой стороны, проектное управление без опоры на комплаенс лишается необходимой нормативной базы и организационной культуры.

Применительно к сфере противодействия коррупции основная ценность проектного управления заключается в его способности трансформировать общие, зачастую декларативные установки государственной политики в конкретные, управляемые и контролируемые мероприятия. Так, на этапе планирования происходит детализация задач, распределение ответственности, определение необходимых ресурсов и, что очень важно, разработка системы показателей эффективности,

позволяющих объективно оценивать степень достижения результатов, а не просто факт выполнения плановых мероприятий. Здесь же закладываются основы прозрачности и подотчетности, поскольку все процедуры и ожидаемые результаты формализуются в проектной документации. На этапе исполнения и контроля проектное управление предоставляет руководителю инструментарий для оперативного мониторинга, внесения необходимых корректив и минимизации отклонений, что критически важно в условиях противодействия динамичным и адаптивным коррупционным проявлениям. Наконец, этап завершения, предполагающий обязательную оценку достигнутых результатов и анализ допущенных нарушений, позволяет не просто констатировать успех или неудачу конкретного проекта, но и аккумулировать накопленный опыт в целях планирования последующих антикоррупционных инициатив.

Таким образом, с теоретической точки зрения, проектное управление предлагает органам внутренних дел целостную управленческую структуру, ориентированную на конкретный результат, позволяет перевести противодействие коррупции из практики ответного реагирования на уже случившиеся инциденты в плоскость активного стратегического управления рисками. Гибкость проектного подхода, его нацеленность на решение конкретных проблем и способность мобилизовать ресурсы для достижения определенных целей делают его действенным инструментом для реализации таких сложных и многогранных задач, как внедрение цифровых систем для мониторинга оперативно-служебной и административно-хозяйственной деятельности, разработка и проведение специализированных форм обучения сотрудников и работников системы МВД России, организация независимых проверок наиболее уязвимых видов деятельности, а также реализацию целевых мероприятий, направленных на выявление фактов реализации личной заинтересованности в ущерб интересам службы.

Особого внимания заслуживает сфера государственных закупок, которая в системе МВД связана с обеспечением ведомства необходимым оборудованием, продовольственными и медицинскими товарами, ремонтными услугами, а также специализированной техникой. Коррупционные риски существуют на всех этапах закупочного процесса: при планировании закупок – путем искусственного завышения или занижения начальной цены контракта, определения ограничительных критериев в техническом задании под конкретного поставщика; на этапе заключения договора – посредством необоснованного изменения условий контракта; в ходе приёмки товаров или услуг – осуществление приемки не в полном объёме или ненадлежащего качества. Также коррупциогенной является сфера охраны общественного порядка, где риски связаны с такими действиями, как задержание граждан, составление протоколов об административных правонарушениях, проверочные мероприятия в

отношении организаций и граждан. Особую опасность представляет ведомственная коррупция в сфере уголовного судопроизводства, поскольку влечет наиболее существенные нарушения прав и свобод граждан. Кроме того, коррупционные риски в системе МВД России имеют и внутриведомственный характер, проявляясь в виде требований взяток со стороны руководителей к подчинённым за общее покровительство по службе, непринятие дисциплинарных мер или манипуляции при решении служебных или бытовых вопросов. Серьёзную проблему представляет также конфликт интересов, который возникает в случаях, когда личная заинтересованность сотрудника влияет на объективное выполнение им служебных обязанностей, однако, как отмечают исследователи, институт выявления и урегулирования таких конфликтов в органах внутренних дел функционирует недостаточно активно, ограничиваясь лишь фактами выявления родственных отношений в условиях подчиненности или подконтрольности [2, с. 8]. В целом специфика коррупционных рисков в системе МВД России заключается в их системности, многообразии форм проявления и тесной связи с оперативно-служебной деятельностью, что подчеркивает необходимость разработки комплексных управленческих подходов, направленных на их минимизацию.

Ключевые методы проектного управления, которые можно эффективно применить в сфере противодействия коррупции в правоохранительных органах, включают:

- четкое определение целей и объема проекта, установление конкретных целей антикоррупционной программы и определение ее границ;
- внедрение и дальнейшее развитие антикоррупционного комплаенса, предусматривающего вовлечение и поддержку представителей всех уровней: от высшего руководства до рядовых сотрудников;
- идентификацию, анализ и оценку коррупционных рисков;
- прозрачность и регулярное информирование всех заинтересованных лиц о ведомственной антикоррупционной политике, процедурах, инцидентах и прогрессе в области борьбы с данным негативным явлением.
- эффективное распределение и использование человеческих, финансовых и материальных ресурсов для успешной реализации и поддержания системы антикоррупционного комплаенса;
- назначение ответственного лица или подразделения, которое будет координировать усилия по внедрению и поддержанию антикоррупционных мер, обеспечению четкого руководства и подотчетности;
- осуществление мониторинга реализации антикоррупционных мер и соблюдения установленных ограничений и запретов;

- разработку механизма обратной связи, предусматривающего совершенствование антикоррупционных программ путем получения информации о существующих недостатках или пробелах в ее реализации от рядовых сотрудников.

Оценка эффективности проектной деятельности в сфере противодействия коррупции в органах внутренних дел представляет собой сложную методологическую проблему, обусловленную, прежде всего, латентным характером коррупционных проявлений и многогранностью профилактического воздействия в ходе борьбы с ними. Традиционные подходы к оценке, основанные исключительно на статистике правонарушений, не являются оптимальными, поскольку фиксируют лишь выявленные случаи, оставляя без внимания профилактический эффект и изменения в организационной культуре. Также следует учитывать, что результаты реализации антикоррупционных проектов часто носят долгосрочный характер и проявляются опосредованно, через укрепление доверия граждан к правоохранительным органам, повышение прозрачности процессов или снижение коррупционных рисков в наиболее уязвимых сферах деятельности, следовательно, для их адекватной оценки необходима разработка системы показателей, сочетающих как количественные данные, так и качественные индикаторы, включая мнение населения. Другой методологической проблемой является определение временных горизонтов оценки: если краткосрочные результаты могут быть измерены непосредственно по завершении проекта, например, через количество обученных сотрудников или внедренных цифровых систем, то оценка долгосрочного воздействия, например, в части формирования антикоррупционной культуры, требует проведения повторных замеров через значительные промежутки времени. Это, в свою очередь, ставит вопрос о преимуществах мониторинга и необходимости интеграции оценки эффективности в повседневную управленческую практику, что зачастую затруднительно в условиях частой смены приоритетов и дефицита ресурсов. Не следует игнорировать и проблему субъективности оценки деятельности, поскольку участники проекта могут быть заинтересованы в демонстрации ее успешности, что может привести к сознательному искажению данных.

Таким образом, перспективы развития проектного управления в системе противодействия коррупции в ОВД можно обозначить в рамках эволюционного перехода от традиционных административных методов управления к гибким моделям, ориентированным на конечный результат и способным адаптироваться к изменяющимся условиям. При этом дальнейшее внедрение проектного подхода должно осуществляться системно, с учётом специфики правоохранительной деятельности и необходимостью сохранения баланса между новаторскими решениями и стабильностью функционирования подразделений ведомства. Важным

направлением представляется разработка и внедрение единой методологии проектной деятельности, адаптированной к нуждам органов внутренних дел, которая бы регламентировала все этапы: от инициации и планирования в рамках единого комплаенса до реализации и оценки эффективности проектов, что позволит унифицировать процессы и повысить их предсказуемость.

Список литературы:

1. *Абидов М. Х., Исмаилова Ф. Н.* Проектное управление как новый механизм совершенствования системы управления в современных условиях хозяйствования // Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты : сборник научных статей 8-й Международной научно-практической конференции, Курск, 20–21 сентября 2018 г. Курск : Университетская книга, 2018.

2. *Аносов А. В.* Урегулирование конфликта интересов как элемент противодействия коррупционной преступности // Преступность. Общество. Безопасность : сборник научных статей по материалам международного форума и международной научно-практической конференции, Академия управления МВД России, 20 октября 2023 г. М., 2023.

3. *Коневская А. В.* Развитие проектного управления в системе государственного и муниципального управления в современных условиях // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Теория и практика управления. 2023. № 3(41).

4. *Фильченко А. П.* Понятие, генезис и значение антикоррупционного комплаенса // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 3 (71).

ГАДЖИКУРБАН РАСУЛОВИЧ БАРКАЕВ,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры криминалистики
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
E-mail: barkaevk@mail.ru

**Превентивный потенциал ст. 314.1 Уголовного кодекса
Российской Федерации**

Аннотация

В статье рассмотрен превентивный потенциал уголовно-правовой нормы ст. 314.1 «Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений» Уголовного кодекса Российской Федерации. Автор анализирует превентивный характер ст. 314.1 УК РФ, который является сложным и неоднозначным, через призму принятых в научной среде разновидностей превенций (общей, частной, двойной).

***Ключевые слова и словосочетания:** административный надзор; поднадзорное лицо; рецидивная преступность; рецидивист; превенция.*

Идея об уголовно-правовом предупреждении преступлений посредством норм с двойной превенцией возникла в рамках советской криминологической науки в результате изучения проблемы рецидивной преступности и поиска эффективных способов предотвращения тяжких преступлений против личности. Родоначальниками концепции норм с двойной превенцией считают таких отечественных криминологов, как Э.А. Саркисов, Н.А. Гордуз, В.П. Ревин, Э.Ф. Побегайло, П.Ф. Гришанин и др.

По мнению вышеуказанных специалистов, нормы с двойной превенцией должны предусматривать уголовную ответственность за деяния, которые могут стать причиной или условием для совершения других преступлений. Своевременное привлечение к уголовной ответственности предотвращает возможные негативные последствия и обеспечивает безопасность общества.

Уголовно-правовая борьба с преступностью представляет собой комплекс мер, включающих не только обеспечение неотвратимости ответственности за преступления и уголовное преследование виновных, но также развитие системы превентивных мер и ресурсов для предупреждения возможных правонарушений. Её целью является не

только наказание совершивших преступление, но и создание условий, способствующих общей безопасности и снижению уровня преступности в обществе. Таким образом, превенция проявляется в предупреждении с помощью уголовного наказания непосредственно запрещенных деяний, а также иных преступлений, для которых первые могут послужить благоприятной почвой.

С учетом мнения специалистов советского периода в настоящее время в теории уголовно права принято выделять несколько видов уголовно-правовой превенции: общую, частную и двойную.

Общая превенция не направлена на определенных лиц, а своей целью имеет предотвращение преступлений в целом. Применение данных мер не нацелено на определенного человека или группу людей. Она представлена в виде угрозы применения уголовно-правовых норм и наказания за совершения преступлений, таким образом, она направлена на лиц, не имеющих криминальный опыт с целью удержать граждан от совершения преступлений.

Частная превенция применяется в отношении лица, совершившего преступление, с целью удержать его от повторного совершения преступления.

Двойная превенция – это своевременное привлечение к уголовной ответственности за менее тяжкое преступление с целью предотвратить более тяжкое преступление.

Таким образом в теории считается, что восприятие данных уголовно-правовых норм гражданами должно формироваться следующим образом: общая превенция: «чтобы другим неповадно было»; частная превенция: «чтобы конкретный человек больше не преступал закон»; двойная превенция: «своевременное привлечение к ответственности с целью предотвращения более тяжкого преступления».

В Общей и Особенной части действующей редакции УК РФ преобладают уголовно-правовые нормы, реализующие общую превенцию, оказывающие воздействие на лиц, не имеющих криминальных наклонностей или прошлого.

К основам предупреждения преступности посредством уголовно-правовых норм исследователи относят закрепленную в ч.1 ст. 2 УК РФ задачу уголовного закона в предупреждении преступлений. Самой целью наказания за совершение любого преступления в соответствии с уголовным законом (ч.2 ст. 43 УК РФ), является предупреждение преступлений.

Предупредительная функция уголовного законодательства была выделена в 1996 году с принятием УК РФ. Предупреждение посредством уголовного закона реализуется через общую превенцию и психологическое воздействие (устрашение, убеждение) под страхом наказания, чтобы предостеречь от нарушения закона. Что по мнению исследователей

является действенным стимулом к законопослушному поведению [1]. В то же время, стоит отметить, что советские специалисты в области уголовного права в своих трудах отмечали, что предупреждение преступлений является важной задачей уголовного законодательства [2].

Как отметил А.В. Аносов: «сам факт включения в Особенную часть УК РФ статьи, описывающей деяние в диспозиции, а также размер и виды наказания в санкции, является предостережением от совершения подобных деяний, поэтому каждая подобная норма несет в себе функции общей превенции» [3]. Сказанное позволяет заключить, что каждая статья Особенной части УК РФ несет в себе функции общей превенции.

В части норм с двойной превенцией, автор придерживается точки зрения, что: «своевременное применение уголовно-правовых запретов с двойной превенцией – мера, способная предупреждать тяжкие преступления. Уголовно-правовые запреты с двойной превенцией предусматривают наказуемость деяний, опасных не только посягательством на общественный порядок и иные соответствующие объекты, но и тем, что объективно создают условия для виновных или других лиц совершать другие, при том более тяжкие преступления либо побуждают их на совершение таких преступлений» [4].

Вышесказанное и объясняет то, что специалисты в области права отмечают, что: «применение правоохранительными органами различных мер уголовно-правового характера является одним из важных элементов противодействия преступности» [3].

Нормативно-правовыми актами [5], регулирующими деятельность сотрудников ОВД отмечена важность выявления преступлений превентивного характера (112, 115, 116, 116.1, 117, 119 и 314.1 УК РФ). Выявление и расследование данных преступлений, является критерием оценки профилактической деятельности территориальных органов МВД РФ [6]. Таким образом, можно согласиться с мнением, что: «Государство в последнее десятилетие взяло вектор на предотвращение правонарушений (в широком смысле), а не на работу уже с результатом деликтов» [7].

Ввиду того, что превентивный характер ст. 314.1 УК РФ является сложным и неоднозначным, считаем необходимым проанализировать его через призму общей, частной и двойной превенции.

Стоит отметить, что, рассматривая превентивный потенциал ст. 314.1 УК РФ, необходимо понимать, что по сути это единственная уголовно-правовая норма существующая в УК РФ, превенция которой непосредственно направлена на предупреждение рецидива преступлений. Это связано в первую очередь с субъектом данного преступления, которым может являться только лицо, в отношении которого установлен административный надзор. Категория лиц, в отношении которых может быть установлен административный надзор определена Федеральным

законом от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [8].

Лицо, в отношении которого устанавливается административный надзор, должно иметь неснятую и непогашенную судимость за совершение преступления, за которое оно отбывало наказание в виде лишения свободы в исправительном учреждении.

Решение об установлении административного надзора принимается с учетом характеристики личности осужденного в период отбытия наказания (лицо в период отбытия наказания признано злостным нарушителем порядка исправительного учреждения), либо учитывается характер и тяжесть совершенного им преступления, либо то, что непосредственно после освобождения из мест лишения свободы оно допускает совершение административных правонарушений определённой категории.

Главной задачей института административного надзора является предупреждение преступлений со стороны лиц, в отношении которых он установлен.

Общая превенция в случае ст. 314.1 УК РФ, так же имеет свою специфику, так как воздействует на определённую категорию граждан, а именно поднадзорных лиц. Ст. 314.1 УК РФ, а точнее ее превентивный потенциал представляется в том, что угроза наказания должна удерживать поднадзорных лиц от уклонения от административного надзора или несоблюдения от установленных в рамках него ограничений. Таким образом, страх уголовного наказания за нарушение установленных ограничений в рамках административного надзора или уклонение от него, должно стимулировать поднадзорных лиц к выполнению своих обязательств. При этом, так как общая превенция основана на страхе последствий, санкция ст. 314.1 УК РФ в виде до одного года лишения свободы и, самое главное на наш взгляд, что совершение данного преступления не образует рецидив преступления, с учетом контингента лиц, в отношении которых установлен надзор (злостные профессиональные преступники, лица связанные с организованной преступностью, особо опасные рецидивисты, лица совершившие преступления террористической направленности), позволяет говорить о низком сдерживающем эффекте данной нормы в рамках общей превенции.

Частная превенция — наиболее сильная сторона превентивного потенциала данной статьи. Учитывая, что уголовной ответственности подлежит поднадзорное лицо, которое либо уклоняется от административного надзора, либо допускает в период нахождения под ним неоднократное нарушение установленных в рамках него ограничений. В этом случае, наказание направлено на конкретное поднадзорное лицо, уклоняющееся от административного надзора или установленных в рамках него ограничений, имеющие криминальный опыт и привлекаемое к

уголовной ответственности, чтобы предотвратить его дальнейшую преступную деятельность.

Сам факт установления административного надзора в отношении лица, освобождаемого из мест лишения свободы, говорит о том, что данное лицо находится в «группе риска» и является склонным к совершению преступлений вновь. Установление административного надзора является вынужденной мерой, подразумевающей под собой контроль за лицом, освобожденным из мест лишения свободы, в период его постпенитенциарной адаптации и возвращения к нормальной жизни.

Административный надзор не устанавливается «поголовно» в отношении лиц, освобождаемых из места лишения свободы, а устанавливается с учетом поведения осужденного в период отбытия наказания в исправительном учреждении или после непосредственного освобождения него, а также с учетом тяжести и характера, совершенного им преступления.

При этом, как и в случае с общепревентивным воздействием на поднадзорных лиц, законодательная конструкция ст. 314.1 УК РФ, не позволяет полностью воплотить превентивный потенциал данной нормы и самого института административного надзора.

Эффективность уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 314.1 УК РФ в контексте профилактики рецидивной преступности можно оценить посредством статистики, отражающей количество поднадзорных лиц, совершивших новые преступления, несмотря на установленные ограничения и постоянный контроль со стороны правоохранительных органов в период нахождения под административным надзором.

Так, в 2020 г. количество лиц, совершивших преступления во время нахождения под административным надзором, составило 28 253 чел., в 2021 г. – 29 721 чел., в 2022 г. – 32 049 чел., в 2023 г. – 33 141 чел., в 2024 г. соответственно 26 310 чел.

Также необходимо учитывать количество лиц, находящихся под административным надзором в вышеуказанные периоды. В 2020 г. под административным надзором состояло 116 120 чел., в 2021 г. – 117 983 чел., в 2022 г. – 117 994 чел., в 2023 г. – 118 045 чел., в 2024 г. – 107 665 чел.

Таким образом, в период с 2020 г. по 2023 г. наблюдался устойчивый рост доли поднадзорных лиц, совершивших преступления в период нахождения под надзором (удельный вес с 24,33 % до 28,07 %). В 2024 г. данный показатель снизился до 24,44 %, однако, необходимо учитывать, что в данный период общее количество лиц, находящихся под надзором, был самым низким с 2020 года. В среднем примерно каждый четвертый поднадзорный (от 24% до 28%), в период нахождения под административным надзором, вновь совершает преступление.

Статистические данные о состоянии преступности среди поднадзорных лиц дают основания полагать, что действующая законодательная конструкция ст. 314.1 УК РФ, не предусматривающая ужесточение санкции для поднадзорных лиц, имеющих судимость по данной статье, не в полной мере раскрывает ее превентивный потенциал.

По нашему мнению, введение более жестких санкций в отношении поднадзорных лиц, повторно совершающих преступление, предусмотренное ст. 314.1 УК РФ, является логичной и необходимой мерой. Это усилит частно-превентивный потенциал данной нормы, удерживая конкретного правонарушителя от совершения новых преступлений после применения к нему наказания.

Логичным является ужесточение наказания за рецидив (повторность) совершения преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, субъектом которого является лицо, в отношении которого государством применяются меры контроля с целью исправления и предупреждения преступлений. Это является общепринятым в УК РФ. Логично распространить этот принцип и на преступление против порядка управления.

Двойная превенция. Своевременное пресечение преступного поведения, о котором свидетельствует уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в рамках него ограничений, посредством привлечения поднадзорного лица к уголовной ответственности по ст. 314.1 УК РФ, это прямой и эффективный способ предотвратить совершение нового преступления данным лицом в некоторых случаях более тяжкого, судя по поведению которого, он может готовиться или которое он может совершить спонтанно. В данном случае, привлечение к уголовной ответственности по ст. 314.1 УК РФ пресекает криминальную активность поднадзорного лица на ранней стадии, до того, как будет причинен реальный вред. Кроме того, сам факт привлечения к уголовной ответственности играет важную роль для личного опыта неотвратимости наказания. Ответственность по рассматриваемой статье является сигналом для поднадзорного лица, что за его действиями осуществляется контроль и институт административного надзора не носит формальный характер.

В данном случае, рассматривать необходимо не только превентивный потенциал ст. 314.1 УК РФ, а сам институт административного надзора в целом. Отсутствие в действующем уголовном законе в качестве отягчающего обстоятельства совершение преступления лицом, состоящим под административным надзором, является на наш взгляд, одним из обстоятельств, снижающих эффективность как административного надзора как меры профилактики рецидива, так и уголовно-правовой системы. Так как, административный надзор устанавливается с целью предотвращения совершения новых преступлений лицами с высокой степенью общественной опасности, совершение любого нового преступления

(особенно умышленного), лицом, уже находящимся под таким контролем, демонстрирует исключительно высокий уровень противоправной направленности и игнорирование правовых запретов.

Для усиления превентивного потенциала уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 314.1 УК РФ, нами предлагается:

- предлагается перевести ст. 314.1 УК РФ в категорию преступления средней тяжести, чтобы осуждение за уклонение от административного надзора образовывало рецидив преступления и лицо, в последующем совершившее преступление, несло более строгое наказание, что в свою очередь повлияет на предупреждение уклонения от административного надзора со стороны поднадзорных лиц и соблюдения с их стороны установленных обязательств и ограничений. Для реализации данного предложения с учетом ч.3 ст. 15 УК РФ предлагается повысить максимальное наказание за совершение преступления, предусмотренного ст.314.1 УК РФ, не превышающие пять лет лишения свободы.

- дополнить ст. 314.1 УК РФ (Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений), частью третьей, следующего содержания: «уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений, лицом, имеющим судимость за совершение преступления настоящей статьи» [9].

- ввести в перечень отягчающих обстоятельства (ст. 63 УК РФ) новый пункт следующего содержания: «совершение преступления, лицом в отношении которого установлен административный надзор».

Список литературы:

1. *Рапопорт Е. А.* Уголовно-правовые основы предупреждения преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ставрополь 2001.
2. *Старков О.В.* Предупреждение преступлений : учебное пособие. М.: Юристъ, 2005.
3. *Аносов А. В.* Участковый уполномоченный полиции как субъект реализации уголовно-правовой превенции //Академическая мысль. 2023. № 2 (23).
4. *Гришанин П. Ф.* Меры уголовно-правового воздействия на преступность и их реализация органами внутренних дел. М., 1996.
5. Приказ МВД России от 29.03. 2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности».
6. Приказ МВД России от 31.12.2013 № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел

Российской Федерации», используется для оценки профилактической работы органов внутренних дел.

7. *Васильков К. А.* Классификация видов превенции в рамках современного правового поля // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 3.

8. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 15. Ст. 2037.

9. *Баркаев Г. Р.* Уголовно-правое предупреждение уклонения от административного надзора или неоднократного несоблюдения установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. М., 2024.

ЖАННА АНДРЕЕВНА БОЙЦОВА,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
E-mail: zh.boytsova@yandex.ru

ЭЛЬМИРА РОБЕРТОВНА ХАКИМОВА,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
E-mail: mira-mvd10@yandex.ru

**Уголовно-правовая дифференциация незаконного оборота
персональных данных (ст. 272.1 УК РФ) и сведений, составляющих
коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ)**

Аннотация

В научной статье рассматривается вопрос о разграничении ст. 272¹ УК РФ «Незаконное использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконного хранения и (или) распространения» от ст. 183 УК РФ «Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну», в части разглашения сведений, составляющих персональные данные. Так, информация о фамилии, имени, отчестве лица, наличии счетов и вкладов в банке, номерах счетов, датах их открытия и закрытия составляет персональные данные лица, а также банковскую тайну. Ключевые различия рассматриваемых статей состоят в объекте посягательства, предмете преступлений и субъекте совершения противоправных деяний. Важно отметить практическую значимость разграничения указанных составов преступлений, состоящую в необходимости верной квалификации деяния и назначении справедливого наказания.

Ключевые слова и словосочетания: персональные данные; коммерческая, налоговая, банковская тайна.

В современном цифровом мире информация стала важным активом, а ее незаконное обращение – одной из самых распространенных угроз, способных причинить существенный вред интересам общества и

государства. В действующем уголовном законодательстве Российской Федерации существуют различные составы преступлений, обеспечивающие противодействие незаконному обороту персональных данных.

Изучение материалов правоприменительной практики позволяет выделить следующие категории составов преступлений, по которым квалифицировались общественно опасные посягательства на персональные данные:

нормы об ответственности за нарушение неприкосновенности частной жизни и (или) тайны переписки либо переговоров (ст. 137, 138 УК РФ);

норма об ответственности за действия, связанные с неправомерным использованием персональных данных личности для внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставном лице (ч. 2 ст. 173.2 УК РФ);

норма об ответственности за посягательства на сведения, составляющие коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ);

нормы об ответственности за злоупотребления полномочиями (ст.ст. 201, 285 УК РФ);

нормы об ответственности за неправомерный доступ к компьютерной информации (ст.ст. 272, 274.1 УК РФ).

При этом, с 30 ноября 2024 года – с момента введения в законодательство ст. 272¹ УК РФ, предусматривающей ответственность за незаконные использование и (или) передачу, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконных хранения и (или) распространения, появились вопросы по разграничению указанных деяний с незаконным оборотом сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ).

Таким образом, две важнейшие категории – персональные данные и охраняемая законом тайна (коммерческая, налоговая, банковская, которые также содержат персональные данные), конкурируют друг с другом. Несмотря на внешнее сходство этих составов преступлений – противоправные действия с конфиденциальной информацией – их юридическая природа, объекты посягательства и иные элементы составов преступлений кардинально различаются.

Поэтому, полагаем, необходимо провести юридический анализ и выявить ключевые различия между незаконным оборотом компьютерной информации, содержащей персональные данные (ст. 272¹ УК РФ), и незаконным оборотом коммерческой, налоговой или банковской тайны (ст. 183 УК РФ).

Одним из отличий, определяющих всю дальнейшую квалификацию, является область охраны общественных отношений указанными составами преступлений. Ст. 272¹ УК РФ расположена в главе 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации» и охраняет в первую очередь общественные отношения в сфере компьютерной безопасности. Ст. 183 УК РФ в качестве видового объекта обеспечивает охрану общественных отношений в сфере экономической деятельности, непосредственным объектом ст. 183 УК РФ являются отношения по поводу сохранения охраняемой законом тайны с целью обеспечения конкурентных преимуществ, экономической стабильности и безопасности. В рамках этого преступления в первую очередь защищаются интересы не столько конкретного человека, сколько хозяйствующего субъекта (компании, банка, индивидуального предпринимателя), а, в конечном счете – всей экономической системы.

Самым, на наш взгляд, существенным признаком для разграничения анализируемых преступлений является предмет этих преступлений. Для ст. 272¹ УК РФ – это персональные данные, зафиксированные именно на компьютерном носителе, в информационной системе или сети Интернет. Для ст. 183 УК РФ – это сведения, составляющие коммерческую, налоговую или банковскую тайну.

Так, в соответствии с письмом Минкомсвязи России от 28 августа 2020 г. № ЛБ-С-074-24059 следующая информация относится к персональным данным: фамилия, имя, отчество; год, месяц, дата рождения; место рождения; адрес; телефон; семейное положение; социальное положение; имущественное положение; образование; профессия; занимаемая должность; стаж работы; доходы и другая информация.

Согласно положениям ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» от 2 декабря 1990 г. № 395-1, абсолютной конфиденциальности подлежат сведения об операциях, счетах и вкладах как клиентов, так и корреспондентов кредитных организаций. Доступ к таким данным строго ограничен и носит исключительный характер.

Важно отметить, что информация, содержащая фамилию, имя, отчество лица, его финансовое состояние одновременно являются персональными данными, но попадают и под специальный правовой режим - банковскую тайну. В случае противоправного разглашения такая информация охраняется нормой ст. 183 УК РФ, которая имеет приоритет над общей ст. 272¹ УК РФ. Уточним, что разгласить перечисленные виды тайн может только лицо, которому она была доверена или стала известна по службе или работе.

Яркой иллюстрацией правоприменительной практики по ст. 183 УК РФ служит приговор, вынесенный в г. Сосновы Бор. Экономист банка, используя свой служебный доступ к конфиденциальным

данным о счетах клиентов, незаконно получил и передал в правоохранительные органы персональные данные - информацию о состоянии счета конкретного лица с целью взыскания личного долга. Данные действия были квалифицированы по ч. 2 ст. 183 УК РФ [1].

Таким образом, можно констатировать, что преступные посягательства на персональные данные характеризуются значительным разнообразием своих непосредственных объектов. Отметим, что разграничение составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 272² и 183 УК РФ, в случаях нарушения конфиденциальности персональной информации, основано на правовом режиме, в рамках которого соответствующие сведения находились. То есть, квалификация деяния зависит от точного установления предмета посягательства (были ли это паспортные данные человека, база клиентов компании) или помимо этого, эти персональные данные составляли банковскую, налоговую или коммерческую тайну.

Список литературы:

1. В городе Сосновый Бор Ленинградской области вынесен приговор бывшему служащему банка за разглашение банковской тайны. URL: <http://prokuratura-lenobl.ru/news/lo/6436> (дата обращения: 15.08.2025).

ВАЛЕРИЙ БОРИСОВИЧ БОРОВИКОВ,
кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный сотрудник ОВД РФ,
профессор кафедры уголовного права
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
E- mail: vbor1976@yandex.ru

Проблемы укрепления Российского государства и их влияние на уголовно-правовую политику

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы укрепления российского государства путем использования в этих целях возможностей уголовно-правовой политики. Особое внимание уделяется вопросам военной безопасности, применению уголовно-правовых норм, включенных в главу 33 УК РФ. Кроме того, анализируются некоторые проблемы применения уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. Сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-правовых норм, включенных в главу 29 и 33 УК РФ.

***Ключевые слова и словосочетания:** безопасность государства; военная безопасность; уголовный кодекс; уголовно-правовая политика; преступления против военной службы.*

Российская Федерация после развала СССР, являясь его правопреемницей, испытывает немало проблем, относящихся к различным сферам государства и общества.

Практически среди т.н. цивилизованных государств Запада нет союзников Российской Федерации. Равноправным партнером Россия для них не стала. Более того, выяснилось, что западный мир не был заинтересован в укреплении и развитии российского государства. Как уже не раз было в истории России, она воспринималась представителями Запада как конкурент и даже противник этих стран. По мнению западных источников, ее вообще не должно быть на политической карте мира. Максимум, Россия должна быть разбита на множество вассальных небольших государств и призвана обслуживать «золотой миллиард», где проживает население Запада. Дело дошло до того, что, используя сложные отношения России с суверенной Украиной, возникших в связи с угнетением русскоязычного населения в ее восточных регионах, фактически враждебные России страны «натравили» ее на Российскую

Федерацию. Это привело к необходимости проведения специальной военной операции (СВО), чтобы защитить русскоязычное население со стороны украинских властей, националистических формирований.

Данный конфликт вызвал активизацию враждебных сил на территории собственно Российской Федерации. Были даже временно захвачены некоторые районы Курской области, увеличилось число террористических актов, случаев диверсии. Были предприняты попытки «подорвать» основы российской экономики.

На территорию Российской Федерации стали проникать многочисленные группы из числа мигрантов, готовых принять участие в совершении действий, направленных против нашего государства.

Вот лишь некоторые черты нынешнего времени, показывающие те сложности, которые переживает современное российское государство.

Какой же должна в этих условиях быть российская уголовно-правовая политика, способствующая укреплению государства? [1; 250]. На первое место мы поставим, с учетом того обстоятельства, что Российская Федерация осуществляет в течение более трех лет СВО, проблемы военной безопасности Российской Федерации.

Отметим, что в 2022г. глава 33 УК РФ (далее по тексту УК) (Преступления против военной службы) подверглась значительным изменениям. В ряд статей в качестве квалифицирующих признаков составов преступления, включены такие, как «совершение деяния в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий».

Появилась и новая статья 352.1 УК (Добровольная сдача в плен).

В целом, эти изменения оправданны и обоснованны, учитывая то обстоятельство, что уже более трех с половиной лет Российская Федерация проводит СВО на Украине.

Но есть и изменения законодательства, который носят спорный характер.

Принципиальный вопрос – в соответствии с ФЗ РФ от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ утратила силу ч.3 ст.331 УК (Понятие преступлений против военной службы), согласно которой уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке определяются законодательством Российской Федерации в военное время.

Подобное законодательство, как известно, не было создано. Но все же была жива идея, что в стране будет создано специальное уголовное законодательство военного времени. Специалисты полагали, что такое законодательство учтет специфику возможных конфликтов в период военного времени, возникающих при применении уголовно-правовых норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, разграничении преступлений против военной службы с иными

правонарушениями, формах соучастия, назначении наказания. Например, если не учитывать наличие таких обстоятельств как военное время, боевых действий, трудно правильно оценить приказы командира, отдавшего подчиненным, произвести выстрел из артиллерийского орудия по строению, где «окопались» вооруженные противники. В результате этого выстрела погибли не только военнослужащие враждебной армии, но и уборщица, которая в момент выстрела находилась в этом строении для уборки помещения, удерживаемая военнослужащими противника. Такой приказ командира должен быть, на наш взгляд, правомерным, учитывая фактор боевых действий, имевший место во время этого эпизода.

Повторяем, таких ситуаций может быть достаточно много, что требует научного обоснования насчет правомерности действий командира.

Думается, сама жизнь заставит специалистов в области уголовного права развивать теоретические подходы, касающиеся оценки подобных ситуаций в условиях военного времени и боевых действий.

Есть и другие вопросы, возникающие при анализе некоторых норм об ответственности за преступления против военной службы.

Так, в отдельных случаях наблюдается со стороны законодателя определенная недооценка тяжести деяний против военной службы. Например, в соответствии с ч. 2 ст. 334 УК насильственные действия в отношении начальника, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «а»); с применением оружия (п. «б»); с причинением тяжкого или средней тяжести вреда здоровью либо иных тяжких последствий (п. «в») наказываются лишением свободы на срок до 8 лет.

По нашему мнению, подобные действия посягают на несколько непосредственных объектов: собственно порядок подчиненности и порядок уставных взаимоотношений между военнослужащим, а также здоровье человека (причем в случае причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего может быть создана угроза для его жизни).

Судебная практика в качестве «иных тяжких последствий» (п. «в» ч. 2 ст. 334 УК) признает и самоубийство потерпевшего либо покушение на него [2; 613].

Учитывая данное обстоятельство, включая недопустимость насильственных действий в отношении начальника (командира), деструктивных последствий их в воинских коллективах, полагаем, что рассматриваемые деяния целесообразно признавать в качестве особо тяжких преступлений. В связи с этим наказание по ч. 2 ст. 334 УК должно превышать десять лет (например, в качестве варианта для принятия законодательного решения - оно может быть назначено от пяти до двенадцати лет лишения свободы. Соответственно по ч. 3 этой статьи оно должно наказываться лишением свободы от восьми до пятнадцати лет).

Аналогичные аргументы следует использовать при оценке тяжести, совершенного деяния, в отношении санкции ч. 2 ст.333 УК (Соппротивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы). При наличии квалифицирующих обстоятельств, совпадающих с указанными в ч. 2 ст. 334 УК, думается, и деяния, предусмотренные ч. 2 ст. 333 УК, также целесообразно признавать особо тяжкими преступлениями.

Следует обратить внимание и на назначение лишения свободы за преступления против военной службы.

Санкции многих статей, включенных в главу 33 УК, содержащих в качестве наказания лишение свободы, нуждаются в уточнениях. Так, в сорока двух нормах этих статей не указан минимальный размер назначаемого наказания.

Известно, что согласно ст.56 УК минимальный срок лишения свободы составляет два месяца. Следовательно, формально деяние даже за тяжкое и особо тяжкое преступление, если об этом нет специального указания в законе может наказываться в виде лишения свободы, начиная с двух месяцев. Причем речь идет о достаточно опасных деяниях (например, деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 338 УК, может наказываться до десяти лет; ч.2 ст.340 УК – до десяти лет лишения свободы; ч. 3 ст.349 УК – до десяти лет лишения свободы).

Получается, что за дезертирство с оружием, вверенном по службе, а равно дезертирство, совершенное группой лиц по предварительному сговору, или организованной группой минимальное наказание может быть назначено на два месяца лишения свободы.

Полагаем, что в таком случае не будет реализован принцип справедливости наказания.

Но зачем допускать подобные случаи, санкционированные законом? Нужно провести соответствующие уточнения в санкциях статей за преступления против военной службы.

Есть же и правильные подходы законодателя при конструировании санкций в этой главе УК. Так, совершение дезертирства, совершенного в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, наказывается лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет. Следовательно, есть положения, примеры, которые можно использовать для проведения соответствующей законодательной работы.

О ст.352.1 УК, устанавливающей ответственность за добровольную сдачу в плен.

Главный недостаток – мало информации об объективных и субъективных признаках состава преступления. По сути, главная особенность добровольной сдачи в плен, по мысли законодателя,

заключается в отсутствии при этом аргументов, касающихся разграничения с государственной изменой (ст. 275 УК).

Но дело в том, что нынешняя редакция ст. 275 УК, также вызывает ряд вопросов. В частности, государственную измену достаточно сложно разграничивать с таким преступлением как сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной или иностранной организацией (ст. 275.1 УК).

В итоге, ситуация с решением вопроса о разграничении добровольной сдачи в плен с государственной изменой требует также и установления признаков деяния, предусмотренного ст. 275.1 УК. Это, естественно, создает дополнительные трудности, связанные с уяснением признаков состава добровольной сдачи в плен.

Думается, в определенной мере можно использовать опыт отечественного законодателя, который обращает внимание при характеристике добровольной сдачи в плен на субъективные признаки деяния. Так, согласно ст.264 УК РСФСР 1960 г., добровольная сдача в плен признавалась преступлением по трусости или малодушию. Конечно, существуют и другие мотивы. Вспомним, хотя бы повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба», когда из любви к польской «панночке» сын Тараса Бульбы Андрий добровольно перешел на сторону поляков. Но все же вариант с УК РСФСР 1960 г. более приемлемый, чем нынешний. Поэтому, на наш взгляд, работа со стороны законодателя над редакцией ст. 352.1 УК, должна быть продолжена.

Осмысления требует и советский опыт в части ответственности за преступления против военной службы и в других случаях.

Как минимум, законодателю целесообразно обратить внимание на ряд норм УК РСФСР 1960г., которые могли бы применяться и в наше время. К их числу можно отнести, в частности, ст.260 УК РСФСР 1960 г. (Злоупотребление властью, превышение или бездействие власти), которая применялась к военнослужащим должностным лицам.

Полагаем, что специфика военной среды, сложность военных задач, которые приходится решать российскому государству, необходимость укрепления военной дисциплины обуславливают целесообразность еще раз изучить названный выше опыт ответственности за воинские должностные преступления.

Актуальной для Российской Федерации остается и проблема защиты основ конституционного строя и безопасности государства.

Обратим внимание на определенный рост посягательств на названные выше объекты преступления.

По данным судебной статистики, в 2024г. было осуждено 145 человек за государственную измену (ст.275 УК); 23 – за шпионаж (ст. 276 УК); 48 - за диверсию (ст. 281 УК) [3].

Напомним, что до принятия ФЗ РФ от 12 ноября 2012г. № 190-ФЗ государственная измена считалась преступлением, посягающим на внешнюю безопасность Российской Федерации, включавшую в себя: суверенитет, территориальную неприкосновенность, государственную безопасность и обороноспособность страны. Последовавшие законодательные изменения редакции этой статьи уточнили понятие непосредственного объекта данного преступления. По мысли закона, непосредственным объектом государственной измены стала безопасность Российской Федерации в целом. Логично, что безопасность Российской Федерации стала включать в себя как внешнюю, так и внутреннюю безопасность. Отсюда и объективная сторона государственной измены, по сути – это деятельность гражданина Российской Федерации, направленная против Российской Федерации.

Отметим, что данное понятие носит оценочный характер, что уже изначально создает сложности для применения ст.275 УК.

К сожалению, в дальнейшем данное обстоятельство не было учтено законодателем и появились новые нормы в УК, без которых, по нашему мнению, можно было обойтись. Как минимум, целесообразно проанализировать работы советских специалистов в области государственной безопасности [4; 175; 5; 105; 6; 243].

Так, государственную измену (ст. 275 УК) трудно, если невозможно, отличить от деяния, предусмотренного ст. 275.1 УК (Сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией).

Но это еще не все. В июле 2022г. в УК появилась ст. 280.4, установившая ответственность за публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства.

По логике, эту деятельность должны составлять деяния, заведомо направленные против безопасности Российской Федерации (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 275 УК). Обратимся к определению подобной деятельности (см. примечание к ст. 104.1 УК).

И что мы видим?

В перечень деяний, которые включают в себя преступления против безопасности государства, входит бандитизм (ст.209 УК) и организация преступного сообщества (преступной организации) и участие в ней (ст. 210 УК) и хищение либо вымогательство оружия или взрывных устройств (ст. 226 УК), хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 229 УК). Входит в этот перечень и получение взятки (ст. 290 УК) и дача взятки (ст. 291 УК).

Фактически возникла ситуация, которая, несомненно, будет порождать многочисленные вопросы, связанные с квалификацией деяний, прежде всего, по совокупности преступлений, а также соотношением различных объектов преступлений. И здесь без уяснения содержания «деятельности, направленной против безопасности государства» со стороны Пленума Верховного Суда РФ не обойтись.

Список литературы:

1. Основание уголовно-правового запрета криминализации и декриминализации / П. С. Дагель, Г. А. Злобин, С. Г. Келина, Г. Л. Кригер и др. / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. М. Яковлева. М.: Наука, 1982, 303 с.

2. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам: вопросы применения уголовного законодательства / сост. А. Г. Хлебушкин. М. : Проспект, 2023. // Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы», п. 36.

3. Судебная статистика. URL: [http://www. stat. апи-пресс.рф](http://www.stat.ap-spf.ru) (дата обращения: 12.08.2025).

4. Дьяков С. В., Игнатьев А. А., Карпушин М. П. Ответственность за государственные преступления М.: Юрид. лит., 1985. 222 с.

5. Анашкин Г. З. Ответственность за измену Родине и шпионаж. М.: Юрид. лит., 1964. 230 с.

6. Дьяков С. В. Государственные преступления против основ конституционного строя и безопасности государств и государственная преступность. М.: Норма. 1999. 307 с.

ВИКТОРИЯ ВАЛЕРЬЕВНА БОРОВИКОВА,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
E-mail: vbor1976@yandex.ru

**О некоторых вопросах наказания за преступления
в сфере экономической деятельности**

Аннотация

Статья посвящена проблемам наказания за преступления в сфере экономической деятельности. Дается анализ системы наказаний за эти преступления; предлагаются меры по совершенствованию этой системы и уголовно-правовой политики по противодействию преступлениям в сфере экономики.

***Ключевые слова и словосочетания:** преступления в сфере экономической деятельности; уголовно-правовая политика; наказание.*

В уголовно-правовой политике всегда особое место занимает наказание. Именно от него во многом зависит эффективность и достижение ее целей.

Если же ее основу составляет тенденция к широкому применению мер освобождения от уголовной ответственности и собственно наказания, то неизбежно возникает вопрос: зачем вообще нужно было криминализировать то или иное деяние?

Может быть, следовало обойтись без подобного законодательного решения и использовать в противодействии с этим негативным явлением другие средства воздействия, не связанные с уголовным правом.

На наш взгляд, такие мысли возникают при анализе норм об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ) (далее по тексту – УК).

Что бросается в глаза? Законодатель активно использует виды наказаний, не связанные с изоляцией от общества. Так, на 1 августа 2025 г. штраф как основной вид наказания был предусмотрен в 124 нормах УК за рассматриваемые выше преступления. Кроме того, он может применяться в 85 нормах этой главы как дополнительный вид уголовного наказания.

В 14 нормах данной главы УК отсутствует упоминание о лишении свободы как виде наказания (например, ч.1 ст.169, ч. 2 ст. 170, ч. 1 ст. 170.2, ч. 1 ст.171 УК), что подтверждает вывод о желании законодателя изменить объем уголовно-правовой репрессии за названные деяния.

Конечно, наше уголовное законодательство предусматривает за преступления в сфере экономической деятельности и лишение свободы (на 1 августа 2025г. этот вид наказания был предусмотрен в 151 норме, включенной в главу 22 УК).

Правда, наряду с этим видом наказания законодатель в качестве альтернативного основного наказания предусматривает и принудительные работы (таких норм на 1 августа 2025г. было 118 – например, ч.1 и 2 ст. 171.1, ч.1 ст. 179 УК и т.д.).

Это обстоятельство в целом можно оценить положительно, учитывая, что объем уголовно-правовой репрессии, заключающийся в принудительных работах, уступает лишению свободы и в определенной мере содержит более гуманные условия для отбывания наказания.

Если же вести речь о лишении свободы применительно к лицам, осужденным за преступления в сфере экономической деятельности, то обращает на себя внимание то, что законодатель признает только в 6 случаях особо тяжкими из числа анализируемых преступлений (ч. 2 ст.186, ч. 3 ст.186, ч. 3 ст.189, ч. 4 ст.189, ч. 6 ст.200.5, ч. 8 ст.200.7 УК).

Конечно, есть резервы и для повышения категории преступлений для некоторых из деяний, указанных в главе 22 УК. Например, это касается деяний, ответственность за которые предусмотрена ч. 1 ст. 172.2 УК (Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества), ч.1 и 2 ст. 200.3 УК (Привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости).

Думается, нельзя недооценивать общественную опасность данных преступлений, которые превращают многих потерпевших фактически в людей, попадающих на грань нищенского существования. В связи с чем, это предложение заслуживает внимания.

Среди основных видов уголовных наказаний за анализируемые преступления, законодатель допускает применение ареста (таких норм насчитывается 9: ч.1 ст.171, ч.1 ст.176, ст.177, 192, ч.1 ст.195, ч.3 ст.195, ч. 1 ст.198, ч.1 ст.199, ч.1 ст.199.1 УК). Естественно, поскольку арест (ст. 54 УК) до сих пор у нас в стране не применяется, в связи с тем, что не созданы специальные места для его отбывания (арестные дома – ст. 68 УИК РФ).

Удивляет только то, что нормы УК и УИК РФ за время их «пребывания» в этих законах неоднократно подвергались изменениям, т.е. определенному совершенствованию.

Наша позиция – этот вид уголовного наказания вполне может существовать в Российской Федерации. Для сравнения, приведем во многом сходную с нашей страной Республику Беларусь. В УК этого государства содержится 15 норм, предусматривающих ответственность за

преступления против порядка осуществления экономической деятельности. Например, арест назначается за незаконный оборот платежных инструментов, средств платежей и их реквизитов (ч.2 ст.222 УК РФ), незаконный выпуск (эмиссию) ценных бумаг (ст.126 УК РФ).

Думается, экономические возможности Российской Федерации не уступают возможностям Республики Беларусь. Создание арестных домов для осужденных к этому виду наказания вполне решаемая задача для такого государства, как Российская Федерация. Применение ареста позволит в большей степени осуществить дифференциацию наказания для лиц, осужденных за преступления в сфере экономической деятельности.

О конфискации имущества написано достаточно много специальной юридической литературы [1; 664-673; 2; 145-150; 3; 39-46; 4; 69-72; 5; 76-80; 6; 914-926].

Напомним, что ст.52 УК РФ (Конфискация имущества) утратила свою силу ФЗ РФ от 8.12. 2003г. № -162 ФЗ. Жизнь заставила все же внести коррективы, и статья о конфискации имущества появилась в УК (ст.104.1) на основании ФЗ РФ от 25.12.2008г. № 280-ФЗ, но уже не в качестве дополнительного вида наказания, а в качестве иной меры уголовно-правового характера.

Есть разные точки зрения в отношении целесообразности конфискации имущества. Мы - сторонники ее включения в систему уголовных наказаний. Отметим лишь, что ни одна из бывших союзных республик, входивших в состав Советского Союза, не отказались от ее применения. Причем в отдельных регионах бывшего СССР вообще считают, что конфискация имущества представляет собой наказание, противодействующее не только преступлениям в сфере экономики, но и является мерой политического воздействия, поскольку препятствует созданию организованных преступных кланов в экономической жизни общества. Думается, есть резон в таком подходе. Поэтому законодателю надо еще возвратиться к решению вопроса о восстановлении конфискации имущества в качестве дополнительного вида уголовного наказания.

Несколько рассуждений о уголовно-правовой политике в борьбе с преступлениями в сфере экономической деятельности. Создается впечатление, что многие сотрудники правоохранительных органов не заинтересованы в привлечении к уголовной ответственности за значительное число преступлений в сфере экономической деятельности. Основные аргументы связаны с тем, что строгие меры уголовно-правового воздействия мешают развиваться малому и среднему бизнесу, «душат» свободное предпринимательство, в целом, мешают развитию экономики в РФ. Но при этом не учитываются такие факторы, существующие в сфере экономической деятельности, в частности, прочные позиции организованного преступного мира в этой сфере; зависимость от нее того же самого малого и среднего бизнеса; проникновение в экономику страны

иностранного бизнеса, который имеет прочные позиции во многом за счет распространения коррупции на различных уровнях государственной власти. Поэтому надо тщательно проанализировать эти криминологические факторы, негативно влияющие на развитие экономики страны. Может быть, надо более осторожно и применять ст.76.1 УК, которая позволяет освободить от уголовной ответственности не только лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести, но и ряд тяжких преступлений (см., например, ч. 6 и 7 ст.159 УК).

Список литературы:

1. Токарев Р. Ю., Борисенко Н. С., Тушев А. А. Актуальные проблемы конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера // Вестник науки. 2024. № 6.
2. Непомнящая Т. В. Проблемы назначения и исполнения конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера // Вестник Омского университета. 2017. № 2 (51).
3. Куликов А. В., Хибнерс Ю. А. Проблемы назначения и применения конфискации имущества // Известия Тульского государственного университета. 2021.
4. Сыч К. А., Курлаева О. В. Конфискация имущества как предмет уголовно-правового исследования // Уголовно-исполнительное право. 2013. № 1 (15); Лисицкая А. В. Проблемы исполнения конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера и способы их решения // Вопросы современной юриспруденции. 2017. № 7 (68).
5. Лукашов А. И., Шевелева С. В. Конкурирующие нормы о конфискации имущества в уголовном и уголовно-процессуальном законе Республики Беларусь и Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 6.

ИРИНА ИВАНОВНА БУНОВА,
кандидат юридических наук, докторант
Академия управления МВД России
E-mail: bynva@rambler.ru

Уголовно-правовая охрана приватности личности в условиях цифровой трансформации

Аннотация

В предложенной вниманию читателя статье определены актуальные проблемы уголовно-правовой охраны приватности в современных условиях. Проанализированы изменения в российском законодательстве о персональных данных, нормы права, которые формируют каркас уголовно-правовой защиты информационной автономии личности. Обоснована необходимость расширенного толкования приватности в уголовно-правовом смысле.

***Ключевые слова и словосочетания:** приватность; персональные данные; конфиденциальность; цифровизация; уголовное право; правовое регулирование; информационная безопасность.*

В условиях стремительной цифровой трансформации общества приватность приобретает статус сложной, многомерной юридической категории, требующей переосмысления традиционных правовых конструкций. Исторически сложившееся понимание приватности как сферы личной автономии, защищённой от вмешательства государства и третьих лиц, в цифровую эпоху подвергается существенной трансформации.

Развитие информационно-коммуникационных технологий, повсеместная цифровизация социальных взаимодействий и доступность персональных данных человека обуславливают необходимость адаптации правовых норм к новым реалиям, где границы между публичным и частным становятся размытыми, а контроль индивида над собственной информационной идентичностью — ограниченным.

Как справедливо отмечает ученый, «представления о приватности так или иначе соотносятся с прогрессом коммуникативных технологий. Наряду с высоким уровнем обеспокоенности людей вопросами безопасности персональных данных, мы наблюдаем и другой феномен — «цифровой покорности». Суть его состоит в том, что существенная часть аудитории считает неизбежным потерю приватности в сети» [2, с. 88].

В условиях цифровой трансформации уголовное право приобретает всё более значимую роль в системе гарантий реализации права на приватность. Если гражданско-правовые и административно-правовые механизмы направлены преимущественно на регулирование и предупреждение нарушений, то уголовно-правовая охрана выступает в качестве *ultima ratio* — последнего, но наиболее жёсткого средства защиты фундаментальных прав личности, включая сферу приватности. Уголовно-правовая защита приватности призвана реагировать на наиболее опасные посягательства, которые не только нарушают личные неимущественные права, но и подрывают основы информационной безопасности, доверия к цифровой среде и, в конечном счёте, стабильность правопорядка в информационном обществе.

В правовой системе Российской Федерации защита частной жизни как конституционного права личности (ст. 23 Конституции РФ) находит своё нормативное выражение в ряде федеральных законов¹, устанавливающих императивные ограничения на сбор, хранение, использование и распространение информации, составляющей частную жизнь гражданина. Центральное место в системе правового регулирования данной сферы занимает Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — Закон об информации), в котором принцип неприкосновенности частной жизни закреплён в качестве одного из основополагающих начал информационного права.

Согласно пункту 7 статьи 3 Закона об информации, к принципам правового регулирования отношений в сфере информации, информационных технологий и защиты информации относится недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни физического лица без его согласия. Данная норма не только декларирует принцип, но и формирует правовую презумпцию: любое вмешательство в информационную сферу личности предполагает необходимость получения добровольного, осознанного и конкретного согласия субъекта данных, за исключением случаев, прямо предусмотренных федеральным законом.

Дополнительную конкретизацию данный принцип получает в части 8 статьи 9 Закона об информации, которая устанавливает прямой запрет на требование от физического лица предоставления сведений о его частной жизни, включая информацию, составляющую личную или семейную тайну, а также на получение такой информации помимо воли лица. Указанная норма носит императивный характер и служит юридическим барьером

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СПС «КонсультантПлюс»; Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».

против принудительного или скрытного извлечения персональных данных, тем самым усиливая гарантии автономии личности в цифровой и социальной среде. Исключения из этого правила допускаются в случаях, прямо предусмотренных пунктом 8 статьи 14 Закона об информации.

Однако, нельзя обойти вниманием тот факт, что персональные данные человека на сегодняшний день особо уязвимы. Объем утечек персональных данных за 2024 г. составил более 710 миллионов записей, в 2023 г. - 300 миллионов, в 2022 г. - 600 миллионов¹.

Каждый человек сегодня, имеющий мобильный телефон получает звонки (либо письма на электронную почту), от неизвестных абонентов с коммерческими или прямо мошенническими предложениями, что свидетельствует о массовых случаях незаконной передачи персональных данных, клиентской базы данных, третьим лицам. В свою очередь Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее - Закон о персональных данных) содержит перечень ответственности за нарушение требований закона касательно того, как хранятся персональные данные. И в данном случае, справедливо утверждение ученого, что «сфера регулирования персональных данных в силу прочной связи с иными конституционными правами и свободами человека должна также содержать «верхний слой», состоящий как в необходимости государственных организации и контроля (надзора), так и в защите прав и свобод личности» [1, 5].

В российском законодательстве это проявляется в недавних изменениях: с 30 мая 2025 года вступили в силу поправки в КоАП РФ, значительно усиливающие штрафы за нарушения обработки персональных данных – до миллионов рублей для юридических лиц при повторных инцидентах. С 1 сентября 2025 года введены новые правила обезличивания данных, направленные на минимизацию рисков, но они лишь подчеркивают фрагментарность текущего подхода. Такие меры реагируют на последствия, но не решают проблемы сохранения приватности в уголовно-правовом смысле.

Вместе с тем, современное уголовное законодательство Российской Федерации предусматривает специальные составы преступлений, направленные на охрану приватности. К ним относятся, в частности, нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ), нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138 УК РФ), а также преступления, связанные с неправомерным доступом к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), незаконное использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных

¹ Роскомнадзор: в 2024 году в сеть утекли 710 млн записей о россиянах. Хакер. URL: <https://xakep.ru/2025/01/17/2024-leaks/> (дата обращения: 20.08.2025).

ресурсов, предназначенных для ее незаконных хранения и (или) распространения (ст. 272.1 УК РФ) и созданием, использованием или распространением вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ). Эти нормы формируют каркас уголовно-правовой защиты информационной автономии личности, однако их эффективность в цифровую эпоху сталкивается с рядом вызовов: латентностью преступлений, сложностью установления субъекта и места совершения деяния, а также регуляторным отставанием, когда нормы права не успевают адаптироваться к новым технологическим реалиям.

В этом смысле современная правовая доктрина и практика требуют переосмысления устоявшихся подходов к правовой концепции «приватность». Необходимо расширить толкование, интегрировав в единую правовую среду. Комплексный, многоаспектный взгляд на этот феномен позволит не просто внести коррективы в действующие нормы УК РФ, но и гармонизировать их с технологической и социальной реальностью. Ведь приватность в цифровом контексте выступает не только как элемент права на частную жизнь, закреплённого в ст. 12 Всеобщей декларации прав человека¹, но и как комплексное право, включающее в себя информационную, коммуникативную, территориальную и физическую автономию.

Особую значимость приобретает информационная приватность – право субъекта на определение условий сбора, хранения, обработки и распространения своих персональных данных. В условиях, когда данные становятся ключевым экономическим ресурсом, юридическое регулирование приватности должно обеспечивать не только защиту от злоупотреблений, но и реализацию принципов прозрачности, согласия, целесообразности и подотчётности со стороны операторов данных. Высказывается мнение, что «границы конфиденциальности в цифровом пространстве, как и в остальной части социальной архитектуры, сдвинулись перед натиском технических возможностей и отношений, которые устанавливаются между этими техническими возможностями, и действиями тех, кто выступает основными бенефициарами их использования» [3, с. 150].

Кроме того, уголовно-правовая охрана приватности требует синхронизации с международными стандартами и механизмами трансграничного сотрудничества. Сложности состоят в том, что данные перетекают через границы, где юрисдикции между собой разнятся [6], а международные стандарты, вроде GDPR в Европе, сталкиваются с юридическими пробелами [5]. В мире с широким трансграничным взаимодействием контроль над передачей данных становится практически невозможным, «в ходе расследования преступлений зачастую становится

¹ Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Рос. газ. 1995. 5 апреля.

понятно (даже если расследование не приводит к раскрытию), что многие преступники действуют на территории определенных стран или перемещаются по нескольким конкретным странам» [4, с. 144]. Это обуславливает необходимость унификации уголовно-правовых норм в рамках международных конвенций (например, Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) и выработки единых подходов к квалификации, сбору доказательств и экстрадиции. Предполагается, что без такого сотрудничества национальные правовые системы рискуют оказаться неэффективными перед лицом глобальных цифровых угроз.

Юридическая категория приватности, таким образом, эволюционирует в направлении обеспечения не только формальной, но и фактической автономии субъекта данных, что предполагает пересмотр баланса интересов между правами личности, коммерческими императивами и публичными целями безопасности.

Приватность как сущность личных прав и свобод представляет собой самостоятельную ценность в обществе, требующую самостоятельной уголовно-правовой охраны. Она включает в себя следующие признаки: во-первых, приватность — это право личности самостоятельно контролировать доступ к своей личной информации; во-вторых, она обеспечивает возможность физическому лицу раскрывать сведения о себе в зависимости от обстоятельств и собственных желаний; в-третьих, приватность охватывает не только информационные аспекты, но и физическое и организационное пространство, создавая условия для личной автономии и безопасности; в-четвёртых, приватность обладает социальной и коллективной значимостью, обеспечивая функционирование демократических институтов и защиту от произвольного вмешательства со стороны государства, корпораций или иных субъектов; в-пятых, приватность требует баланса между личными свободами и общественными интересами, что отражается в необходимости адекватного правового регулирования и контроля.

Уголовно-правовая охрана приватности в цифровую эпоху выходит за рамки традиционных представлений об охране частной жизни. Особую остроту приобретает проблема квалификации новых форм посягательств на приватность, таких как: доксинг, deepfake-манипуляции, скрытая биометрическая идентификация, алгоритмическое профилирование без согласия, формирование «цифровых двойников» личности без её ведома, использование персональных данных уязвимых групп (включая детей, подростков и пожилых людей). Уголовное право, традиционно консервативное в своей структуре, вынуждено адаптироваться к этим вызовам путём расширительного толкования существующих составов или создания новых. В этой связи перспективным представляется развитие доктрины информационного вреда — признания в качестве уголовно

наказуемого не только материального или физического ущерба, но и нематериального вреда, причинённого вторжением в информационную сферу личности, утратой контроля над своими данными или манипуляцией цифровой идентичностью.

Таким образом, приватность в условиях цифровой трансформации представляет собой динамично развивающуюся юридическую категорию, требующую не только совершенствования нормативной базы, но и переосмысления традиционных уголовно-правовых категорий – объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны преступления – с учётом специфики цифровой реальности. Уголовное право должно не отставать от технологий, а предвосхищать их риски, обеспечивая тем самым не карательную, а превентивно-защитную функцию, направленную на сохранение человеческого достоинства и автономии в цифровом пространстве.

Если законодательно закрепить расширенное и многоаспектное понятие приватности, инкорпорирующее не только конфиденциальность информации, но и физическую, организационную и цифровую составляющие, то это усилит эффективность защиты личных прав в условиях цифровизации и глобализации, минимизирует вероятность неправомерных взаимодействий и установит баланс между эскалацией технологического прогресса и императивами личных прав человека.

Список литературы:

1. *Авакьян С. А.* Основные тенденции современного развития конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4.
2. *Назаров М. М.* Приватность в сети и цифровая покорность: исследование аудитории интернет // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 3.
3. *Самохина Н. Н.* Безопасность личности в интернет-пространстве: установление и защита новых границ конфиденциальности // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 1 (37).
4. *Скобликов П. А.* Стратегия борьбы с киберпреступностью: должное и сущее // Сибирское юридическое обозрение. 2025. № 1.
5. Уголовно-правовые гарантии суверенитета государства (сравнительно-правовое исследование): научно-практическое пособие / С. Л. Нудель, В. Ю. Артемов, А. М. Беялова и др. М. : Проспект, 2023. 352 с.
6. Экономическая безопасность (уголовно-правовые механизмы обеспечения): монография / отв. ред. И. И. Кучерова, О. А. Зайцева, С. Л. Нудель. М. : Юридическая фирма КОНТРАКТ, 2021. 320 с.

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ДВОРЕЦКИЙ,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры правовых дисциплин
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Тамбовский филиал
E-mail: dvoretskiy-68@mail.ru

**Эффективная реализация уголовной ответственности:
состояние, тенденции, перспективы**

Аннотация

В данной статье рассматриваются направления оптимизации уголовной ответственности за преступления на современном этапе противодействия преступности в Российской Федерации. Предметом исследования выступает комплекс теоретических и практических проблем уголовной ответственности субъекта, учитывающие степень общественной опасности содеянного им посредством эффективной реализации уголовной ответственности в отечественной уголовно-правовой теории, законодательной и правоприменительной практике, возникающих в настоящее время. Поскольку в понятийно-терминологическом аппарате используется более этимологически широкое понятие личность преступника по сравнению со словосочетанием субъекта общественно-опасного деяния, из-за разности имеющегося их функционального предназначения, автором исследуется их сущность и содержание, генезис отечественного законодательства, рассматриваются различные позиции ученых на субъект преступления, исследованы корреляции уголовно-правовых норм и новеллы, делаются выводы и вносятся предложения по совершенствованию УК РФ и рекомендации правоприменителям назначению справедливого наказания.

Ключевые слова и словосочетания: *эффективная реализация; уголовная ответственность; субъект преступления; вменяемость; невменяемость; наказание.*

Эффективная реализация уголовной ответственности презюмирует необходимость в настоящее время корреляций целого ряда составов преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации. Априори, военнослужащие должны исполнять приказы непосредственного командования и высшего военного и политического руководства государства. Поскольку распад Советского Союза привел

к смене общественно-экономической формации, политического строя, появлению и становлению рыночной экономики, к системным преобразованиям государственных институтов, в том числе связанным с обороноспособностью страны, ее многолетним недофинансированием, соответственно вызывая социальную напряженность в обществе вследствие низкой дисциплинированности и неорганизованности постсоветской военной службы. Так, например, 2022 отчетный год представлен 3047 преступлениями данного вида в современной усложнившейся социально-политической ситуации [1].

Именно данный вид преступности фактически характеризуется малым удельным весом в общей ее структуре, традиционно в среднем от 0,6 до 0,8 %, непосредственно для динамики также значимы реальные корреляции современной действительности, прежде всего, связанные с общественно-экономической жизнью российского общества и отечественным уголовным законодательством, приведшие к структурным изменениям, как преступности, так и отличной мотивацией от доминировавших ранее в советский период социально-психологических личностных характеристик [2]. Так, ее латентность связана, прежде всего, с комплексом объективных и субъективных сложностей и неэффективностью надзорных инстанций, априори целенаправленных предупреждать воинскую преступность на систематической основе. Военная преступность, прежде всего, детерминирована возрастом, и криминогенных, в виде социально-экономических недостатков строго субординированной системы, и антикриминогенных, в виде доминирующих военно-уставных требований, экспонируемых, если правонарушитель командир и (или) начальник.

Специальная военная операция вызвала уклонизм от военной и альтернативной гражданской службы, предусматривающее уголовную ответственность исходя из статьи 328 Уголовного кодекса [3]. Поскольку последствием повышенной общественной опасности противоправного поведения военнослужащих фактически выступает непосредственное ослабление воинской дисциплины, дискредитация уставных воинских отношений, снижение боеготовности военно-политической системы, соответственно реально делая невозможным надлежащим образом выполнять, как свои конституционные обязанности, так и реализовывать оборонную доктрину. Также уголовная ответственность военнослужащих, реализуемая в специфических и разнообразных формах, помимо лишения свободы и ограничения свободы, не исключая судимых из профессии, вплоть до снятия или погашения данного статуса, те есть, в свою очередь, отсутствие нормативной регламентации форм и методов такой деятельности должностных лиц данной категорией осужденных не способствует эффективности предупреждения этого вида преступности, прежде всего, посредством уголовно-правовых средств.

Нормативная основа представляет Конституция России, Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации», «О воинской обязанности и военной службе», «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации». Согласно статье 59 Конституции: «защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина, который несет военную службу в соответствии с федеральным законом» [4]. Необходимость появления именно данных законодательных норм и судебного толкования правоприменительной практики, в том числе связана с проблемами эффективной реализации уголовной ответственности, способствовала правильной квалификации рассматриваемых составов преступлений, назначению справедливого наказания за содеянное виновными, предупреждению преступности военнослужащих, а также ответила на актуальные вопросы, традиционно дискутировавшиеся в отечественной уголовно-правовой теории о субъекте общественно-опасных деяний [5].

На современном этапе развития уголовного законодательства и правоприменительной практики данные преступления, которые подлежат более точной квалификации. Содержание тяжких последствий представлено, возрастающими по экспоненте специфическими, как персонифицированными, так общими военными результатами проводимых действий. Также принятие отечественным законодателем новелл в виде статей 352¹ «Добровольная сдача в плен» и 356¹ «Мародерство» представляется научно обоснованным, и их реализация позволит эффективно урегулировать деятельность Вооруженных Сил РФ, посредством максимальной дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания виновного за содеянное.

В свою очередь, структура статьи 333 УК была скорректирована ч. 3, согласно которой сопротивление начальнику, а равно иному лицу, исполняющему возложенные на него обязанности военной службы, или принуждение его к нарушению этих обязанностей, сопряженные с насилием или с угрозой его применения, группой лиц с причинением тяжкого вреда или средней тяжести вреда здоровью, совершенные в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, будут наказываться лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет. Соответственно примечание ст. 337 УК была скорректирована п. 2, согласно которому «граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов несут уголовную ответственность за совершение преступлений, предусмотренных настоящей статьей, которая установлена для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту». Виновный находится в усугубляющейся по экспоненте психотравмирующей ситуации, вызванной проблемами, как с неуставными отношениями между военнослужащими, так и с родственниками и (или)

близкими ему лицами, которая при ее не разрешении начальником (командиром) может привести к самовольному оставлению воинской части и места службы, требуя дифференциации ответственности в зависимости именно от фактического наличия данных обстоятельств содеянного.

Поскольку современный этап развития отечественного уголовного законодательства требует эффективной реализации ответственности, соответственно положения примечания 1 и 2 ст. 332 для конкретизации оценочных понятий неисполнения посредством использования определения существенного вреда и тяжких последствий, тем самым оптимально преодолевая субъективизм, который под существенным вредом интересам службы в ч. 1 ст. 332 предлагается понимать, подрыв авторитета командира (начальника), срыв выполнения учебно-боевых задач, нарушение конституционных прав и свобод личности, негативные последствия фактически представленные гибелью однополчан и (или) иных потерпевших, уничтожением разнообразных материальных объектов, входящих в критическую инфраструктуру. Вследствие того, что прежним законодательством состав мародерства представлял хищение военным служащим имущества, раненого и (или) убитого противника во время войны, его следует перенести из преступлений против мира и безопасности человечества, в главу «Преступления против военной службы», исходя из доминирующей целенаправленности виновного, места и времени содеянного – корыстная цель, на поле сражения, в период военного положения, в военное время или в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий.

На наш взгляд, современная воинская преступность должна комплексно профилактироваться по следующим основным направлениям, которые предполагают оптимальную реализацию, во-первых, социально-экономических мер, осуществляемых посредством систематического изменения общесоциального уровня, прежде всего, качественным улучшением жизнедеятельности войск и вооруженных формирований, в первую очередь, освобождая их от непрофильных функций, профессионализируя все подразделения и звенья, улучшая социальное и материальное положение военнослужащих и их близких лиц; во-вторых, воспитательных мер, представленных совокупностью средств и способов воздействия специалистов на сознание каждого военнослужащего, строго соблюдая при этом конституционные права и свободы личности, оперативно и постоянно реализуемые в отношении всех имеющих данный статус, а также в сочетании с перспективно-профилактическими воздействиями, базируясь на личном примере непосредственного командира и (или) начальника, неукоснительно соблюдающего законность и справедливость; в-третьих, организационно-управленческих мер, опосредованных строгим соблюдением субординированных отношений, строго регламентированных жизнь и деятельность воинских частей и

вооруженных подразделений уставными требованиями, предусматривающих осуществление социального контроля в виде специальных нормативно – правовых норм, изложенных в разнообразных актах, собственно организационного контроля неукоснительного и беспрекословного соблюдения правовых норм каждым военнослужащим со стороны, прежде всего, непосредственного командира и (или) начальника, систематическое принуждение исполнять приказы и (или) распоряжения вышестоящих нижестоящими военнослужащими, а также постоянного психологического контроля, реализуемого формированием положительного общественного мнения, позитивно-критической оценкой ныне действующих и коррелируемых (в первую очередь, вызванных проведением специальной военной операции и решением наиболее актуальных проблем с эффективным ее осуществлением) системообразующих правил поведения военнослужащих и их близких лиц; в-третьих, уголовно-правовых мер, предусматривающих привлечение виновного содеянного к персонифицированной уголовной ответственности, без переложения ее на непосредственного командира и (или) начальника, который должен привлекаться к ней при совершении доказанных прямых виновных служебных упущений и укрывательстве правонарушения подчиненного. Таким образом, эффективное предупреждение воинской преступности фактически опосредовано непосредственным содержанием современного уголовного законодательства, реальным уровнем правоприменительной деятельности, а также качеством деятельности органов военной юстиции в период проведения специальной военной операции, соответственно при безусловном и традиционном доминировании обще предупредительных мер.

Список литературы:

1. *Агаркова, Н. В.* Обстоятельства, генерирующие преступность военнослужащих // *Правопорядок: история, теория, практика.* 2014. № 2 (3).
2. *Ахметшин Х. М.* Вопросы практики применения Закона об уголовной ответственности за воинские преступления : учебное пособие. М.: ВПА, 1968. 59 с.
3. *Дворецкий М. Ю.* Эффективная реализация уголовной ответственности в контексте проблемы правового реагирования и криминологического предупреждения общественной опасности социальных конфликтов во время проведения специальной военной операции // *Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии : сборник статей по материалам XIV Российского конгресса уголовного права.* М., 2024.

4. *Калякин Д. В.* Субъект воинского преступления : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. 21 с.

5. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции России от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 №11-ФКЗ, от 14.03.2020 г. №1-ФКЗ) // Рос. газ. 2020. № 144.

6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации в январе — сентябре 2023 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://mvd.ru> (дата обращения: 14.05.2025).

7. *Тер-Акопов А. А., Ахметшин Х. М.* Вопросы совершенствования законодательства об ответственности военнослужащих // Советское государство и право. 1989. № 55.

8. *Чхикнадзе В. М.* Советское военно-уголовное право. М., 1948. 452 с.

9. *Шаповалов В. А.* Дезертирство: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009. 24 с.

НИКОЛАЙ ЛЕОНИДОВИЧ ДЕНИСОВ,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
имени В.Е. Эминова
Московский государственный юридический университет имени
О. Е. Кутафина
E-mail: DenisovNL@yandex.ru

**Проблема защиты неимущественных денежных вложений граждан
в образованиях цифрового мира, не являющихся цифровыми правами,
уголовно-правовыми средствами**

Аннотация

В статье ведется речь о том, что в настоящее время российское законодательство не рассматривает в качестве объекта регулирования и охраны общественные отношения, связанные с денежными вложениями граждан в образованиях цифрового мира, не являющихся цифровыми правами. Это влечет за собой значительные проблемы для граждан при охране имущественных и их защите уголовно-правовыми средствами. Автором предлагаются шаги для решения данной проблемы.

***Ключевые слова словосочетания:** цифровой мир; денежные вложения; токены; криптовалюта; имущество граждан; право собственности; компьютерные игры.*

В настоящее время, с развитием современных технологий и особенностей преимущественной активности молодежи, экономические отношения стали переходить в другую плоскость, в сети Интернет. Там они имеют возможность активно участвовать в различных образованиях цифрового мира¹, общаться и реализовывать свои интересы. Например, с помощью онлайн игр. При этом они перестали быть просто хобби или увлечением. Они стали местом оборота значительного объема денежных средств. Так, на компьютерные и мобильные игры в 2024 году геймеры потратили 173 миллиардов рублей (и объемы растут: +7,5% к 2023 году) [1]. Кроме того, отдельные косметические предметы из видеоигр представляют, в отдельных случаях, интерес для инвестирования. Например, в марте 2025 года рынок скинов Counter-Strike обошел по доходности криптовалюты (монеты) [2]. А все варианты украшений

¹ В статье используется термин «образования цифрового мира» для обозначения всех возможных объектов цифрового мира, где активно взаимодействуют различные люди. Например, онлайн игры, мессенджеры, онлайн симуляторы жизни и т.д.

виртуального оружия в популярном онлайн-шутере суммарно оценили почти в \$4,5 млрд [2].

Данные вложения необходимы для дальнейшего более комфортного участия пользователей в этих образованиях. Однако порой ожидания граждан на это прерываются (пресекаются) различными недобросовестными способами как со стороны других пользователей, так и со стороны администрации указанных образований. В силу чего возникла необходимость обеспечить со стороны государства защиту таких вложений от указанных действий.

Проблема в том, что такие вложения не являются объектом защиты со стороны закона. Их нельзя рассматривать как криптопреступления в общепринятом преступлении [3], хотя данные вложения могут быть отнесены к токенам. Так, например, несмотря на то, что приобретения называются, например, игровым имуществом, они имуществом в гражданско-правовом смысле не являются исходя из того, что имущество — это материальные и нематериальные объекты гражданских прав, которые по общему правилу могут отчуждаться и переходить от одного лица к другому. «Игровое имущество» таким свойством, как правило, не обладает, т.к. игрок приобретает его у администрации цифрового образования исключительно в собственное пользование.

А там, где допускается его передача другим пользователям, имеется ограничение на способ отчуждения: только безвозмездная передача без какого-либо оформления сделки с другим лицом. Что тоже исключает признание его имуществом в гражданско-правовом смысле, т.к. в правовом понимании отчуждение — это переход прав на имущество от одного человека к другому человеку по воле бывшего собственника в результате сделки. Чаще всего это договоры мены, купли-продажи или дарения — все они заключаются в письменном виде.

В тоже время данные вложения нельзя рассматривать как цифровые права, регламентирование которых осуществляется в статье 141.1 Гражданского кодекса РФ и Федеральным законом от 02.08.2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в силу не соответствия признакам, закрепленным в указанных нормах (например, в части 5 статьи 11 указанного закона).

Соответственно, в настоящее время, нет понимания того как правовыми способами защитить данные вложения граждан, особенно уголовно-правовыми средствами.

Выход из данной ситуации есть.

Прежде всего, фиксация факта вложения денег происходит в цифровом виде и соответственно может рассматриваться как цифровая информация, которая содержит информацию о том, сколько денег в определенном виде вложено или получено пользователем и в каком виде.

Соответственно, посягательство может быть осуществлено только путем изменения или удаления данной информации или отказ в предоставлении доступа и все это неправомерно.

В Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) есть статья 272, которая предполагает уголовную ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации. Однако в качестве предмета преступления данной статьи информация о вложениях быть не может в силу того, что в диспозиции части 1 указанной статьи рассматривается в качестве преступного посягательства только неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации. Рассматриваемая информация к такой не относится.

В пункте 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» разъясняется, что по смыслу части 1 статьи 272 УК РФ в качестве охраняемой законом компьютерной информации рассматривается как информация, для которой законом установлен специальный режим правовой защиты, ограничен доступ, установлены условия отнесения ее к сведениям, составляющим государственную, коммерческую, служебную, личную, семейную или иную тайну (в том числе персональные данные), установлена обязательность соблюдения конфиденциальности такой информации и ответственность за ее разглашение, так и информация, для которой обладателем информации установлены средства защиты, направленные на обеспечение ее целостности и (или) доступности.

Информация о вложениях не предполагает специального режима правовой защиты, поэтому не может выступать в качестве предмета статьи 272 УК РФ.

Однако, следует отметить, что вредные действия в отношении информации о вложениях влекут для граждан материальные потери, в силу чего они должны быть также защищены.

Для этого необходимо рассмотреть несколько вариантов совершенствования законодательства.

1. Принять нормативный акт, который регламентировал бы взаимоотношения пользователей и администрации образований цифрового мира. В рамках него следовало бы урегулировать вопросы относительно прав пользователей на свои вложения и закрепление их в статусе «охраняемых законом», что включит их в предмет статьи 272 УК РФ.

2. Ввести новый термин «информация о вложениях (донатах)» (или другой) и включить в качестве самостоятельного дополнительного предмета в статью 272 УК РФ.

Список литературы:

1. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2025/01/22/1087583-rossiiskie-geimeri-potratili-za-god-173-mlrd-rublei> (дата обращения: 06.09.2025).
2. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7564090> (дата обращения: 06.09.2025).
3. *Бегишев И. Р., Денисов Н. Л.* Преступления, совершаемые в сфере оборота цифровой валюты, как объект криминологических исследований // Законодательство. 2025. № 2.

ЯРОСЛАВ ГРИГОРЬЕВИЧ ИЩУК,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры уголовной политики
Академия управления МВД России
E-mail: yar@aumvd.ru

Криминологические основы прогнозирования преступности органами внутренних дел

Аннотация

Статья раскрывает криминологические основы прогнозирования преступности и показывает ее практическую значимость прогнозов для деятельности органов внутренних дел. Для достижения этой цели последовательно рассматриваются теоретические основания прогнозирования, этапы и инструменты, современные вызовы и практические рекомендации.

***Ключевые слова и словосочетания:** прогнозирование преступности; профилактика преступлений; органы внутренних дел.*

Преступность в современных условиях выступает одним из наиболее значимых факторов, влияющих на стабильность общественных отношений, развитие государства и уровень безопасности личности. Она представляет собой сложное, многомерное и динамично развивающееся явление, находящееся в прямой зависимости от политической, экономической, демографической и культурной ситуации в обществе. В России, как и в других странах, преступность отражает не только уровень социально-экономического развития, но и глубину кризисных явлений, доверие населения к государственным институтам, степень защищенности граждан.

В этих условиях возрастает роль научного прогнозирования преступности. Прогнозирование позволяет не ограничиваться регистрацией и констатацией фактов, но и вырабатывать управленческие решения, ориентированные на будущее. Оно становится важнейшей функцией криминологии и одним из основных направлений деятельности органов внутренних дел.

Научная дискуссия о природе прогнозирования преступности включает несколько традиционных и современных подходов. Классические отечественные труды выделяют прогноз как этап криминологического обеспечения, опирающийся на системный сбор

данных и их аналитическую обработку (Аванесов¹, Лебедев², Евсеев³). В зарубежной литературе обращают внимание на разработку предиктивных моделей, которые сочетают количественные статистические методы и алгоритмы машинного обучения.

Предиктивная аналитика — это метод прогнозирования, основанный на выявлении закономерностей в больших массивах информации. Она не требует от специалиста знаний формул или программирования, а представляет собой инструмент, который анализирует уже имеющиеся данные и на их основе делает предположения о вероятности будущих событий. В сфере борьбы с преступностью это означает, что полиция и другие органы могут заранее видеть, где и при каких условиях повышается риск совершения преступлений. К примеру, если статистика показывает, что в определённом районе чаще совершаются кражи по вечерам, система отмечает эту закономерность, и правоохранители могут усилить патрулирование именно там и именно в это время.

Практическое значение предиктивной аналитики заключается в том, что она меняет акцент правоохранительной деятельности: от реагирования на уже свершившееся преступление к проактивной профилактике. Юридически это важно потому, что профилактика преступлений закреплена в законодательстве как одна из основных задач органов исполнительной власти. Предиктивные технологии становятся для юристов и практиков способом эффективного использования норм права: они помогают точнее определять объекты профилактики, корректировать меры правового воздействия и тем самым снижать уровень преступности. В США подобные технологии применялись в проектах RAND Corporation, включая доклад Predictive Policing: The Role of Crime Forecasting in Law Enforcement Operations⁴ и эксперимент в Шривпорте⁵. В Чикаго предиктивные модели позволили протестировать новые методы профилактики уличного насилия⁶. В Великобритании был создан проект «National Data Analytics Solution» (NDAS), направленный на выявление риска рецидива⁷.

¹ Аванесов Г.А. Теория и методология криминологического прогнозирования / предисл. д-ра юрид. наук проф. И. И. Карпеца. М. : Юрид. лит., 1972. 334 с.

² Криминология. Учебник для вузов / под ред. проф. В. Д. Малкова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2011. 544 с.

³ Евсеев А. В. Криминологическое обеспечение предупреждения преступлений территориальными органами МВД России на районном уровне : лекция. Домодедово : ВИПК МВД России, 2015. 35 с.

⁴ Perry W.L. et al. Predictive Policing: The Role of Crime Forecasting in Law Enforcement Operations. RAND Corporation, 2013.

⁵ Hunt P., Saunders J., Hollywood J. Evaluation of the Shreveport Predictive Policing Experiment. RAND Corporation, 2014.

⁶ Saunders J., Hunt P., Hollywood J.S. Predictions Put Into Practice: A Quasi-Experimental Evaluation of Chicago's Predictive Policing Pilot. Journal of Experimental Criminology, 2016.

⁷ BBC News. UK police forces trial artificial intelligence to predict crime. 2019. URL: <https://www.bbc.com/news/technology-47118229> (дата обращения: 10.05.2025).

Вместе с тем нельзя забывать и о правовых рисках, связанных с использованием предиктивной аналитики. Если алгоритмы будут построены на неполных или искажённых данных, существует опасность ошибочного включения человека или района в «группу риска», что может привести к нарушению прав и свобод граждан. Подобные дискуссии активно ведутся в США и ЕС, где организации гражданского общества требуют ограничить или даже запретить применение подобных систем в полиции, указывая на возможность воспроизводства расовой и социальной предвзятости¹. Поэтому юридическое значение предиктивной аналитики заключается не только в повышении эффективности профилактики, но и в необходимости создания строгих правовых гарантий её применения: прозрачности методик, контроля со стороны общества и недопустимости дискриминации. Таким образом, предиктивная аналитика — это инструмент, который при правильном правовом регулировании способен существенно укрепить систему предупреждения преступлений.

В рассматриваемой теме особое значение имеет интеграция междисциплинарных знаний: социология предоставляет инструменты исследования социальных условий и неравенства; экономика — методы анализа корреляций между экономическими индикаторами и преступностью; психология — данные об индивидуальных предикторах девиантного поведения; информатика — технологии обработки больших данных. Совместное использование этих дисциплин формирует методологическую основу современных прогнозов, позволяя учитывать как макро-, так и микрофакторы.

Методы прогнозирования можно условно разделить на традиционные статистические и современные вычислительные. Традиционные методы включают временные ряды, регрессионный анализ, кластерный анализ и пространственно-временные модели. Эти методы остаются важными из-за своей прозрачности и способности объяснять причинно-следственные связи в терминах параметров модели.

В современных криминологических исследованиях центральное место занимают вычислительные подходы, основанные на алгоритмах машинного обучения и анализа данных. Такие модели, как деревья решений, случайные леса и градиентный бустинг, используются для построения прогнозных систем оценки рисков (рецидива, криминализации территорий), в то время как нейронные сети могут применяться для распознавания образов, например, в ходе криминалистического анализа изображений. Для работы с текстовой информацией (новостные сводки, судебная документация) задействуются методы обработки естественного языка, позволяющие автоматизировать контент-анализ и извлекать

¹ Digital Watch Observatory. Civil society calls on EU to ban predictive AI in policing and criminal justice. 2021. URL: <https://dig.watch/updates/civil-society-calls-on-eu-to-ban-predictive-ai-in-policing-and-criminal-justice> (дата обращения: 10.05.2025).

скрытые смыслы. Для исследования организованной преступности незаменим сетевой анализ, который выявляет структуру связей между субъектами преступной среды, определяя ее иерархию и устойчивость. Фундаментальное преимущество этих технологий — их масштабируемость и способность работать с большими данными, а также обнаруживать сложные, нелинейные взаимосвязи, остающиеся незамеченными при использовании традиционных статистических методов.

Практическая реализация прогнозирования требует выстраивания устойчивого организационного механизма. На уровне органов внутренних дел это предполагает создание аналитических подразделений, способных собирать, хранить и обрабатывать данные, а также взаимодействовать с научными институтами и органами местного самоуправления.

Типичная процедура включает следующие стадии:

- информационный этап: формирование интегрированной базы данных и установление стандартов обмена данными между подразделениями;

- аналитический этап: применение статистических и вычислительных методов к данным;

- экспертная верификация: обсуждение результатов аналитиками и криминологами, проверка на соответствие эмпирическим знаниям;

- планирование мер: подготовка оперативных и превентивных мероприятий на основе прогнозов;

- мониторинг и оценка: измерение эффективности принятых мер и корректировка моделей.

Ключевой организационный вызов — обеспечение качества данных и соблюдение регламентов обмена информацией между ведомствами: МВД, Следственным комитетом, УИС, органами здравоохранения, образования и т.д. Эффективность прогнозирования напрямую зависит от полноты и достоверности исходной информации.

Прогнозирование на практике реализуется в разных направлениях. Например, оперативное прогнозирование для борьбы с уличной и имущественной преступностью: анализ временных и пространственных факторов позволяет распределять силы и средства заблаговременно, увеличивая вероятность задержания и снижая точки концентрации преступных событий. Или прогнозирование экономических и коррупционных преступлений: здесь прогнозы помогают выявлять отрасли и способы злоупотреблений, планировать проверки и аудиты. Третье — киберпреступность: мониторинг сетевых инцидентов и корреляция данных угроз позволяют предотвращать массовые мошеннические операции и реагировать на новые типы атак.

Прогнозирование преступности опирается на широкий набор криминологических теорий, каждая из которых вносит свою логику в объяснение источников и механизмов распространения преступности и,

соответственно, в формирование прогностических моделей. Теория рутины повседневной деятельности указывает на ключевые элементы ситуации, способствующие совершению преступления – наличие мотивированного правонарушителя, подходящей цели и отсутствие надлежащего контроля.

Теория социальной дезорганизации подчёркивает роль структурных характеристик районов — распад социальных связей, высокий уровень мобильности, экономическая маргинализация. Для практики прогнозирования это означает необходимость интеграции показателей социальной инфраструктуры в модели долгосрочного планирования мероприятий профилактики.

Теории аномии и напряжения, дифференциальной ассоциации и стигматизации дополняют картину, показывая, какие социальные и культурные механизмы могут генерировать мотивацию к девиантному поведению и почему некоторые группы становятся уязвимыми к вовлечению в преступную деятельность. Учет этих теоретических оснований помогает формировать сценарии развития криминогенной ситуации, которые включают не только количественные тренды, но и качественные трансформации социальной структуры, важные для стратегического планирования.

Алгоритмы машинного обучения, такие как случайные леса и градиентный бустинг, часто дают высокую прогностическую точность, однако требуют тщательной подготовки данных и грамотного отбора признаков. Нейросетевые архитектуры, включая рекуррентные и свёрточные сети, применяются для анализа текстов (оперативные сводки, сообщения в соцсетях) и пространственных паттернов, но при этом жёстко ограничиваются требованиями к интерпретируемости.

Перспективы развития прогнозирования преступности связаны с несколькими ключевыми трендами. Во-первых, развитие технологий искусственного интеллекта и аналитики больших данных предоставляет новые инструменты для раннего выявления угроз. Во-вторых, рост межведомственного и международного сотрудничества расширяет возможности борьбы с трансграничными преступлениями. В-третьих, интеграция превентивных мер в комплексную государственную политику — социальную, экономическую и правовую — усиливает эффект прогнозирования.

Важным направлением является также укрепление научно-практических связей: внедрение результатов научных исследований в оперативную практику требует механизмов трансфера знаний, совместных лабораторий и программ повышения квалификации для сотрудников правоохранительных органов.

Криминологическое прогнозирование представляет собой динамичную и прикладную область, балансирующую между научным

анализом и практической реализацией мер по предупреждению преступлений. Несмотря на существенный прогресс в методах анализа и доступности данных, остаются вызовы, требующие системного подхода: обеспечение качества информационной базы, развитие криминологического мышления и формирование аналитических подразделений.

Опыт отечественных и зарубежных исследований показывает, что самые эффективные решения – те, которые сочетают технические возможности прогнозирования с вниманием к социальным причинам преступности и обширным программам профилактики. В условиях цифровизации и глобализации задача обеспечения безопасности требует интеграции криминологического прогнозирования в систему государственной политики, основанной на научных данных.

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА КИРОВА,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и прокурорского надзора
Пермский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: kirova.ta.psu@mail.ru

Современное состояние уголовно-правового обеспечения интересов правосудия (на примере гл. 31 УК РФ)

Аннотация

Актуальность: в последние годы наметилась отчетливая тенденция внесения изменений в Уголовный кодекс РФ, предполагающих первичную или вторичную криминализацию. Обращает на себя внимание тот факт, что акцент законодатель делает на уголовно-правовом обеспечении интересов общественной безопасности и государственной власти, что вполне обоснованно современными реалиями. В то же время не стоит забывать о том, что привлечение к уголовной ответственности за совершение любого преступления предполагает соблюдение определенной процессуальной формы, в которую облечено осуществление правосудия. Последнее, в свою очередь, также является объектом уголовно-правовой охраны главы 31 УК РФ. Изучение правоприменительной практики по соответствующим составам преступлений приводит к выводу о том, что количество приговоров, выносимых по ним, весьма незначительно на фоне общего числа приговоров, выносимых ежегодно на всей территории РФ. Исходя из этого, анализ состояния уголовно-правового обеспечения интересов правосудия в рамках главы 31 УК РФ представляется актуальным.

Цель: определить современное состояние законодательства и правоприменительной практики в сфере уголовно-правового обеспечения интересов правосудия.

Методы: Достижение поставленной цели обусловило применение таких методов, как метод системного толкования, статистический метод, формально-юридический метод и ряд других общенаучных и частнонаучных методов. Для обработки данных судебной статистики использовался искусственный интеллект¹.

Результаты: Проведенное исследование показало, что содержательные изменения в статьи из главы 31 УК РФ вносились относительно редко, а правоприменители предпочитают квалифицировать отдельные общественно опасные деяния не по соответствующим статьям, а

¹OpenAI. Deepseek.com. URL;<https://chat.deepseek.com/> (дата обращения: 20.08.2025).

по общим нормам, рассредоточенным по другим главам УК РФ. В то же время другие составы из гл. 31 УК РФ во многих случаях применяются бессистемно.

Выводы: налицо необходимость гармонизации уголовной политики в сфере преступлений против правосудия. На данном этапе можно сделать вывод о том, что есть потребность и в изменении подхода к системе составов преступлений в главе 31 УК РФ и в правоприменительной практике.

Ключевые слова и словосочетания: изменения уголовного законодательства; интересы правосудия; правосудие; предварительное расследование; уголовно-правовое обеспечение; уголовная политика.

С очевидностью можно утверждать, что правосудие является одной из важнейших форм разрешения правовых конфликтов. В государстве, позиционирующем себя как правовое, каждый должен иметь право на судебную защиту своих прав и интересов. В России данная гарантия закреплена на конституционном уровне (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ)¹. Вполне разумно, что нормальный порядок отправления правосудия должен иметь охранительные механизмы, позволяющие избежать нарушения установленных правил и процедур. Одним из таких механизмов выступает глава 31 УК РФ, устанавливающая уголовно-правовые запреты на интересы правосудия².

На первый взгляд, можно предположить, что сам факт выделения соответствующих интересов в самостоятельный объект уголовно-правовой охраны и те деяния, которые были криминализированы в этой сфере, позволяют в полной мере обеспечить надлежащее отправление правосудия и осуществления досудебного производства. Однако, опираясь на авторское видение уголовно-правового обеспечения следует сказать, что такой вывод несколько преждевременен. Уголовно-правовое обеспечение необходимо рассматривать не как механическую совокупность составов преступлений, объединенных в ту или иную главу Особенной части УК РФ, а как динамический процесс создания условий для безопасного функционирования определенной сферы общественной жизни, включающий в себя ряд последовательных этапов: криминализацию общественно опасных вариантов поведения, уголовно-правовую охрану и уголовно-правовое предупреждение новых посягательств [2, с. 62]. Исходя из этого, только эффективная реализация всех названных этапов дает

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. N 25. Ст. 2954.

основание полагать, что соответствующие интересы действительно обеспечены надлежащим образом.

Первое, с чем следует начать – изучение существующей системы преступлений против правосудия, закрепленных в гл. 31 УК РФ. Стоит обратить внимание на расширительный подход законодателя к пониманию понятия «правосудие», сформировавшийся еще в советской уголовно-правовой неуке. Согласно мнению представителей такой точки зрения, под правосудием понимается не только деятельность собственно суда, но и процессуально-упорядоченная деятельность правоохранительных органов, «непосредственно связанная с решением охранительных задач уголовного процесса» [4, с. 28]

На данный момент в гл. 31 УК РФ входит 26 статей, содержащих 59 уголовно-правовых норм (не считая примечаний к статьям). Можно заметить, что изменения в диспозиции соответствующих норм вносились достаточно часто¹.

Так, статьи 294, 300, 301, 305, 306, 312 УК РФ существуют полностью в неизменном виде. В ряде статей произошло лишь уточнение некоторых признаков состава. Например, в 2017 году в ст. 304 УК РФ введено указание на подкуп в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд², в 2019 году в статье 307 УК РФ термин «предварительное расследование» было заменен на «досудебное производство»³, в 2020 году произошла терминологическая замена признаков одного из потерпевших: вместо «судебного пристава, судебного исполнителя» появился «сотрудник органа принудительного исполнения» (ст. 295, ч. 2 ст. 296, ст. 298.1, ч. 1 ст. 311 УК РФ)⁴.

Среди более значительных изменений можно назвать декриминализацию в 2011 году⁵, а затем, в 2020 году повторную криминализацию клеветы в отношении отдельных участников судопроизводства (ст. 298.1 УК РФ), введение в некоторые уже существующие статьи новых составов преступлений (ч. 3 ст. 299, ч. 1 и ч. 4

¹ Стоит оговориться, что исследование пенализации не входило в задачи настоящего исследования, по этой причине под изменениями здесь и далее будет подразумеваться криминализация (как первичная, так и вторичная) или декриминализация.

² Федеральный закон от 23.04.2018 N 99-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 23.04.2018.

³ Федеральный закон от 02.12.2019 N 410-ФЗ "О внесении изменений в статью 307 Уголовного кодекса Российской Федерации" // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 02.12.2019.

⁴ Федеральный закон от 08.06.2020 N 170-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 08.06.2020.

⁵ Федеральный закон от 07.12.2011 N 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 08.12.2011.

ст. 303, ст. 304, ст. 308, ч. 3 ст. 312, ч. 3 ст. 314, ч. 2 ст. 314.1, ч. 1 ст. 316 УК РФ).

В ст. 315 УК РФ в 2018 году была введена административная преюдиция¹. В 2022 году изменениям подверглась ст. 302 УК РФ: в признаках субъекта появилось дополнительное указание на «иного сотрудника правоохранительного органа». В 2011 году была установлена ответственность за уклонение от административного надзора (ст. 314.1 УК РФ)². Самым последним составом преступления, включенным в гл. 31 УК РФ, является ст. 294.1 «Незаконное осуществление следственных, иных процессуальных действий и оперативно-разыскных мероприятий на территории Российской Федерации», введенная в июле 2025 года³.

Таким образом, можно заметить, что законодательные изменения вносились в гл. 31 нередко и это было связано с общими изменениями уголовной политики РФ в части борьбы с отдельными видами посягательств. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что криминализация как первый этап уголовно-правового обеспечения интересов правосудия осуществлялась своевременно.

Однако не стоит забывать, что эффективность уголовно-правовой нормы зависит не сколько от ее конструкции, сколько от ее применения. По этой причине представляет интерес изучение и состояния правоприменительной практики в данной сфере.

Данные Судебного департамента при Верховном суде РФ за период с 2020 года по 2024 год приводят к следующим выводам⁴. Самыми распространенными статьями являются ст. 306 (заведомо ложный донос), ст. 314 УК РФ (уклонение от отбывания наказания), ст. 314.1 УК РФ (уклонение от административного надзора, причем последние две статьи традиционно лидируют. Однако следует признать, что преступления, предусмотренные ст. 314 и 314.1 УК РФ, в большей степени опосредованно нарушают интересы правосудия. В то же время можно заметить значительно меньшее количество дел по преступлениям, непосредственно причиняющим вред соответствующим отношениям, особенно совершаемых их участниками «изнутри».

Можно предположить, что такая ситуация была бы объяснима отсутствием единообразия в толковании признаков некоторых составов

¹ Федеральный закон от 02.10.2018 N 348-ФЗ "О внесении изменения в статью 315 Уголовного кодекса Российской Федерации" //Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 02.10.2018.

² Федеральный закон от 06.04.2011 N 66-ФЗ (ред. от 08.03.2015) // Российская газета. N 75. 08.04.2011. "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы"

³ Федеральный закон от 31.07.2025 N 282-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 31.07.2025.

⁴ Данные судебной статистики. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL;<https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 20.08.2025).

преступлений. Однако принятое в 2022 году постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» не привело к значительным изменениям¹. Стоит согласиться с учеными, отмечающими, что многие правоприменительные проблемы остались за пределами внимания высшей судебной инстанции [3, с. 22]. В частности, не получили своего разъяснения признаки составов преступлений, субъектами которых выступают должностные лица, не для всех комментируемых Пленумом преступлений определен момент юридического окончания и т.п. По этой причине сложно согласиться с мнением С.Р. Зеленина и С.В. Борисова о том, данное постановление «последовательно ответило на эти и другие вопросы применения указанных уголовно-правовых норм» [1, с. 25].

Подобная ситуация вызывает некоторое недоумение. Многие составы из гл. 31 УК РФ, с точки зрения их законодательной конструкции, являются формальными и дают возможность надлежащим образом отреагировать на преступные варианты поведения, не дожидаясь наступления общественно опасных последствий. В первую очередь, имеются в виду ст. 299, 300, 301 и 305 УК РФ, которые адресуют свои запреты участникам судопроизводства со стороны государства. Однако практика зачастую идет по пути квалификации подобных случаев как «должностных» преступлений (ст. 285, 286 УК РФ), которые являются уже материальными составами. Представляется, что такой подход создает правоприменителю излишние сложности в части доказывания общественно опасных последствий, являющихся обязательным признаком объективной стороны ст. 285 и 286 УК РФ. В то же время составы гл. 31 УК РФ остаются «нерабочими», число осужденных по вышеназванным статьям за последние годы нередко составляет ноль.

Следует учитывать, что во многих случаях правосудие остается для граждан последней возможностью защиты своих прав, и по этой причине в конечном итоге именно интересы досудебного и судебного производства выступают гарантом защиты со стороны государства, тем самым повышая авторитет власти и доверие к ней. Именно гражданам в первую очередь и должно быть понятно содержание конкретной уголовно-правовой нормы и тот объем уголовно-правовой защиты, который они получают.

Таким образом, можно заключить, что налицо необходимость гармонизации уголовной политики в отношении преступлений против правосудия. Как справедливо отмечается в науке, необходимо учитывать не только практику применения норм гл. 31 УК РФ, но и «факты криминальной активности, совершаемые внутри или «около» этой сферы, пусть и не предусмотренные гл. 31 Уголовного кодекса Российской

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 N 20 "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия" // Российская газета. N 145. 07.07.2022.

Федерации, однако всё же связанные с правосудием» [5, с. 94]. Разрешение названной проблемы возможно и путем внесения изменений в отдельные составы гл. 31 УК РФ и путем дополнительных разъяснений спорных признаков составов преступлений со стороны Пленума Верховного Суда РФ.

Список литературы:

1. *Зеленин С. Р., Борисов С. В.* Позиции Пленума ВС РФ по уголовным делам о преступлениях против правосудия // Уголовный процесс. 2022. № 8.
2. *Кирова Т. А.* Уголовно-правовое обеспечение профессионального статуса медицинских работников. М. : Юрлитинформ, 2023. 176 с.
3. *Кудрявцев В. Л.* Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» в контексте существующей проблематики по этой категории дел // Евразийская адвокатура. 2023. № 1 (60).
4. *Лобанова Л. В.* Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград, 1999. 268 с.
5. *Метельский П. С., Разбирин Л. И., Самулин Д. В., Матвеев И. В.* О преступлениях против и «около» правосудия // Вестник Омского университета. 2021. № 3.

ДЕНИС АНДРЕЕВИЧ КОНЕВ,
кандидат юридических наук,
главный специалист отдела организации
защиты корпоративных интересов в сфере экономики
ПАО «Территориальная генерирующая компания № 1»
E-mail: marwel8@mail.ru

Цифровая криминология и искусственный интеллект: переход от предиктивного контроля к социальной превенции

Аннотация

В статье анализируются теоретические, правовые и этические проблемы применения искусственного интеллекта (далее – ИИ) для прогнозирования преступности. Особое внимание уделено криминогенным рискам алгоритмической предвзятости, непрозрачности алгоритмов и защите конституционных прав граждан. Вводится концептуальное понятие «цифровой социальной превенции», ориентированной на прогнозирование социальных детерминант преступности и гуманитарное вмешательство. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства и институциональных механизмов интеграции ИИ в систему предупреждения преступности.

***Ключевые слова и словосочетания:** цифровая криминология; преступность; цифровые технологии; искусственный интеллект; прогнозирование преступлений, риски.*

Становление цифровой криминологии как самостоятельной отрасли знания является логичным ответом на цифровую трансформацию общества. В российской научной доктрине она определяется как самостоятельное научное направление, изучающее криминогенное влияние развития цифровой экономики и цифровых технологий на социальные процессы, происходящие в обществе, в том числе и рост преступности в цифровой среде и ее предупреждение [4, с. 83]. Как справедливо отмечает А.В. Серебренникова, цифровая криминология охватывает «не только киберпреступность в узком смысле, но и трансформацию традиционных видов преступности под влиянием цифровых технологий» [2, с. 424].

Предметное поле цифровой криминологии значительно шире, чем у классической криминологии, ее методологический аппарат обогащается за счет заимствования инструментария из иных областей познания, в том числе технических, медицинских, экономических и др. Так, например,

изучение таких технологий как анализ больших данных и осуществление сетевого и пространственного анализа, использование геоинформационных систем и агентное моделирование. Именно на пересечении этих методов и технологий машинного обучения возникает предиктивная аналитика, которая становится ядром цифровой криминологии. Искусственный интеллект в данном контексте выступает не просто как инструмент, а как технология, способная автоматизировать и масштабировать применение указанных методов, обрабатывая большие объемы данных, фактически недоступные для оперативного человеческого восприятия.

Внедрение ИИ для превентивного прогнозирования, несмотря на начальный этап практической реализации в России, активно обсуждается в научной литературе. Условно можно выделить три основные модели предиктивной аналитики, в настоящий момент применимые к задачам правоохранительных органов.

Первая модель пространственно-временное прогнозирование — это наиболее разработанная и наименее противоречивая с правовой точки зрения модель. Ее суть заключается в прогнозировании места и времени совершения будущих преступлений. Алгоритмы анализируют исторические данные о правонарушениях, выявляют криминогенные паттерны и создают карты рисков, указывая на «горячие точки» — микрорайоны, где в определенные часы или дни недели вероятность совершения, например, уличных грабежей или квартирных краж, наиболее высока. Как отмечают А.П. Суходолов и А.М. Бычкова, такой подход позволит существенно оптимизировать распределение патрульных нарядов, повышая их видимое присутствие в зонах риска и тем самым реализуя принцип ситуационного предупреждения преступлений [3, с. 758]. Потенциальными источниками данных для таких систем в России могут служить сведения из автоматизированных систем, таких как Единый реестр досудебных расследований и данные с комплексов видеонаблюдения, интегрированных в систему «Безопасный город».

Вторая модель — прогнозирование на основе профиля правонарушителя. Данная модель направлена на выявление лиц, имеющих повышенную склонность к совершению преступлений, или выявлению потенциальных жертв. Алгоритмы могут анализировать биографические данные, криминальную историю, социальные связи, поведение в сети для присвоения индивиду определенного «балла риска». Этот подход является наиболее сложным как с технологической, так и с правовой и этической точек зрения. Внедрение такой модели в России потребовало бы фундаментального пересмотра подходов к защите персональных данных и гарантиям прав личности, так как в данном случае необходимо глубокое изучение личности отдельного индивида.

Третья модель — прогнозирование в киберпространстве. В условиях роста цифровой преступности особую актуальность приобретает использование ИИ для анализа сетевого трафика, выявления фишинговых атак, распространения вредоносного программного обеспечения и мошеннических схем. Данная модель, при правильно построенных процессах и обучении ИИ в нужном направлении, значительно превышает показатель выявления преступных схем относительно классических, «ручных» способов и методов обработки.

При этом формирование отечественной правовой базы использования ИИ идет достаточно активно, однако само по себе она носит преимущественно рамочный характер и не содержит ответов на специфические вопросы, возникающие в правоохранительной сфере. Нормативную основу указанной базы составляет «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» (утв. Указом Президента РФ № 490)¹, которая задает общий вектор развития, и федеральные законы об экспериментальных правовых режимах (далее — ЭПР) (ФЗ № 258-ФЗ² и московский ЭПР — ФЗ № 123-ФЗ³), которые создают площадку для апробации технологий, но не являются системным регулированием.

В связи с чем, ключевые проблемы и пробелы правового регулирования ИИ можно условно разделить на следующие группы:

1) отсутствие специального федерального закона, комплексно регулирующего разработку, внедрение и использование технологий ИИ в деятельности государственных органов, включая правоохранительные структуры, формирует значительный нормативный пробел. Действующее законодательство не закрепляет порядок применения прогнозов ИИ в оперативно-розыскной деятельности и при принятии процессуальных решений, вследствие чего они лишены легального статуса, юридической силы и процессуального значения. В условиях правовой неопределенности особенно остро встает вопрос об ответственности за причинение вреда ошибочным прогнозом ИИ: неясно, кто должен нести такую ответственность в случаях, когда в отношении гражданина проводятся необоснованные оперативно-розыскные мероприятия. Современное регулирование не предлагает решения этой дилеммы, оставляя открытой дискуссию между вариантами возложения ответственности на

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102598380> (дата обращения: 11.08.2025).

² Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102766854> (дата обращения: 07.08.2025).

³ О проведении эксперимента по установлению специального регулирования.: Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102660233> (дата обращения: 07.08.2025).

разработчика алгоритма, правоохранительный орган, реализовавший прогноз, либо конкретное должностное лицо, санкционировавшее его использование;

2) проблема обработки данных заключается в необходимости сбора и анализа больших объемов информации для обучения предиктивных моделей, что напрямую сопрягается с положениями Федерального закона «О персональных данных» (№ 152-ФЗ¹). Хотя закон допускает обработку обезличенных данных, современные технологии позволяют с высокой вероятностью проводить деанонимизацию, создавая риск нарушения ст. 23 Конституции РФ о тайне частной жизни;

3) непрозрачность алгоритмов ИИ и права на защиту. Данная проблема заключается в том, что принцип «черного ящика», присущий многим сложным ИИ-системам, противоречит конституционному праву граждан на обжалование решений и действий государственных органов. Так как невозможно проверить и оспорить логику, на основании которой сделан прогноз или вывод, нарушаются базовые принципы справедливого процесса. Это создает юридические и этические риски при применении ИИ в правоохранительной деятельности и требует разработки механизмов, обеспечивающих прозрачность и контролируемость работы алгоритмов.

Применение ИИ в правоприменительной практике и криминологических исследованиях порождает комплекс острых этических дилемм, которые являются предметом активной дискуссии в российском научном сообществе. Центральный этический риск — алгоритмическая предвзятость. Если ИИ-система обучается только на исторических данных правоохранительных органов, она с высокой вероятностью воспроизведет и усилит существующие в них диспропорции. Например, если в прошлом полиция уделяла повышенное внимание определенным социальным группам или районам, ИИ научится считать их более криминогенными, что приведет к созданию порочного круга: больше патрулей, ориентированность сотрудников на конкурентные группы или районы, соответственно больше задержаний и выявлений преступлений, что в итоге подтвердит статус «высокого риска» для алгоритма. Это ведет к системной дискриминации и социальной сегрегации. Об этом подробно отметил в своей работе европейский исследователь А. Завршник, указывая на необходимость тщательной проверки и корректировки исходных данных [5, с. 628].

Другой важнейшей проблемой является отсутствие юридически закрепленного статуса и механизмов ответственности за применение ИИ. Неопределенность в вопросе правосубъектности ИИ и реальные правовые риски его использования создают правовой вакуум, который является

¹ О персональных данных : Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102108261> (дата обращения: 10.08.2025).

главным препятствием для безопасного внедрения технологий в практику. Отсутствие четкого распределения ответственности порождает риск безнаказанности за ошибочные действия системы, подрывая доверие к правосудию и государству.

Проведенный анализ демонстрирует, что эпизодные изменения и точечное регулирование не способны разрешить фундаментальные противоречия, возникающие при внедрении ИИ в криминологическую практику. Необходима разработка и реализация комплексной государственной стратегии, базирующейся на научно обоснованных концептуальных подходах на основании чего, автором предлагается система мер, структурированная по взаимосвязанным направлениям.

Первое направление – нормативно-правовое которое представляется как трехуровневая модель регулирования. Данная модель позволит системно и последовательно интегрировать технологические инновации в правовое поле, обеспечив при этом защиту конституционных прав и свобод граждан.

Первый уровень — конституционно-доктринальный. Этот уровень носит основополагающий характер и должен закрепить незыблемость базовых принципов в условиях цифровой трансформации. Необходимо на законодательном уровне постановлений Конституционного Суда РФ или доктринальных толкований подтвердить, что применение любых, в том числе предиктивных, технологий не может сокращать действие принципов презумпции невиновности, права на неприкосновенность частной жизни и судебную защиту, а также равенства всех перед законом и судом. Технологическая эффективность не может быть оправданием для отступления от конституционных гарантий. Решения ИИ, даже самые точные, не должны формировать «цифровую презумпцию виновности» или служить единственным основанием для правовых ограничений, а выступать только в качестве иных материалов, в том числе изобличающих виновность.

Второй уровень — законодательный. Назрела острая необходимость в разработке и принятии федерального закона, именуемого, например как «Об основах применения технологий искусственного интеллекта в деятельности по обеспечению общественного правопорядка и общественной безопасности». Данный закон должен носить комплексный характер и включать в себя следующие ключевые нововведения: глоссарий и классификация систем: введение легальных понятий («система искусственного интеллекта», «предиктивная аналитика», «алгоритмическая предвзятость», «объяснимость решения») и классификации ИИ-систем по степени риска (низкий, средний, высокий, недопустимый), что позволит применять дифференцированный подход к их регулированию.

Определение правового статуса прогноза: четкое указание, что криминологический прогноз ИИ является по своей природе не доказательством, а ориентирующей, вероятностной информацией, которая может служить лишь основанием для принятия управленческих решений (например, перераспределения нагрузки сотрудников) или планирования профилактических мероприятий, но не для возбуждения уголовного дела или применения мер процессуального принуждения, а для предупредительной преступлений.

Закрепление принципа «человек в контуре»: законодательное закрепление требования, согласно которому любое юридически значимое решение, затрагивающее права и свободы гражданина, принимается исключительно уполномоченным должностным лицом, несущим за него персональную ответственность. ИИ может выполнять лишь вспомогательную и рекомендательную, справочную, функцию. Необходимо и установление четкой модели гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный ошибочными действиями ИИ. По мнению автора, наиболее логичной является модель ответственности государства как владельца и пользователя источника повышенной опасности, с последующим правом регресса к разработчику, если будет доказан дефект в алгоритме.

Третий уровень — подзаконный технико-юридический. Федеральный закон должен быть подкреплён системой подзаконных актов и национальных стандартов (ГОСТов). На этом уровне необходимо регламентировать технические аспекты: требования к качеству и репрезентативности наборов данных для обучения ИИ, методики тестирования алгоритмов на точность и устойчивость, протоколы обработки действий системы для обеспечения возможности последующего аудита, а также требования к «объяснимости» моделей, используемых в высокорисковых областях.

В качестве второго направления предлагается авторская концепция «цифровой социальной превенции». Проведенный анализ показывает, что существующие модели предиктивной аналитики, ориентированные на прогнозирование непосредственно преступлений, несут в себе неустранимые этические риски и при этом они в определенной степени ограничены, так как направлены на симптомы, а не на причины криминализации. Сама суть концепции заключается в кардинальном смещении фокуса предиктивных систем: с прогнозирования вероятности совершения преступления на прогнозирование вероятности возникновения социально-криминогенной напряженности в определенных микролокациях. Иными словами, ИИ должен искать не будущих преступников, а очаги социальных проблем, которые являются ключевой точкой возникновения и роста преступности. Стоит отметить, что данный подход базируется на фундаментальных положениях отечественной и

зарубежной криминологии. Он является современной интерпретацией теории социальной дезорганизации, согласно которой преступность является следствием ослабления социального контроля и разрушения социальных институтов в конкретных зонах. Также концепция опирается на теорию аномии Р.К. Мертон, связывающую девиантное поведение с разрывом между культурными целями общества и доступными легальными средствами их достижения [1, с. 250]. ИИ в рамках данного подхода становится инструментом для раннего выявления такой «аномии» на локальном уровне. На практике, применение социальной превенции предполагает: сбор и анализ данных, где ИИ-система агрегирует и анализирует большие объемы анонимизированных данных, характеризующих социальное благополучие. В их число могут входить не только данные о преступности, но и уровень безработицы, средний уровень задолженности по коммунальным платежам, количество обращений в микрофинансовые организации, а также немаловажные данные депрессивного контента в локальных группах социальных сетей.

На основе такого комплексного анализа ИИ должен не выставлять «балл криминального риска», а формировать индекс социального неблагополучия для конкретного района. При достижении этим индексом критических пороговых значений система генерирует сигнал, который передает на оценку оператору. Ключевой момент заключается в том, что данный сигнал направляется не только в органы внутренних дел, а также в координационный центр при органах местного самоуправления, в который входят представители социальных служб, центров занятости, психологов и пр. Ответной мерой становится не только усиление полицейского внимания, а также реализация целевых программ социальной поддержки: организация ярмарок вакансий, открытие бесплатных спортивных секций для подростков и пр.

Таким образом, «цифровая социальная превенция» позволяет использовать мощь ИИ для реального предупреждения преступности путем воздействия на ее корневые причины, минимизируя при этом риски стигматизации и нарушения прав граждан, присущие традиционным моделям действия, при этом данный подход не будет задействовать излишние ресурсы правоохранителей, а позволит сосредоточить их деятельность на более конкретных аспектах.

Список литературы:

1. *Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории) : сборник статей / перевод с англ. М. : Прогресс, 1966.*

2. *Серебренникова А. В.* Криминологические проблемы цифрового мира (цифровая криминология) // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 3.

3. *Суходолов А. П.* Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозировании, предупреждении и эволюции / А. П. Суходолов, А. М. Бычкова // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6.

4. Цифровая криминология: учебное пособие / Я. Г. Ищук, Т. В. Пинкевич, Е. С. Смольянинов. 2 изд., перераб. и доп. М. : ГУРЛС МВД России , 2024 .

5. *Završnik A.* Algorithmic justice: Algorithms and big data in criminal justice settings // European Journal of Criminology. 2021. Vol. 18, № 5. P. 623–642. DOI: 10.1177/1477370819876762.

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ КОРНИЛЕНКО,

кандидат политических наук,
старший преподаватель кафедры
организации оперативно-разыскной деятельности
Академия управления МВД России
E-mail: kornilenko74@mail.ru

**Политико-правовые аспекты обеспечения
внутренней безопасности общества в эпоху цифровизации**

Аннотация

Современное общество постмодерна, наряду с определенными мировоззренческими изменениями, подвергается и определенной цифровой трансформации, основанной на активном внедрении передовых технологий науки и техники во все сферы жизнедеятельности.

В свою очередь феномен внутренней безопасности общества также претерпевает качественные изменения и напрямую зависит от рисков и угроз, связанных с процессами цифровизации.

В статье предпринята попытка краткого рассмотрения взглядов отдельных исследователей на соотношение понятий «общественная безопасность – внутренняя безопасность», а также основных тенденций и перспектив развития современного общества в рамках нового технологического уклада.

Ключевые слова и словосочетания: внутренняя безопасность; общество; государство; цифровизация; угрозы; искусственный интеллект.

Проблема реализации эффективной системы обеспечения национальной безопасности была, есть и остается актуальной для многих исследователей, как отечественных, так и зарубежных. Безопасность государства, как правило, рассматривается сразу во многих аспектах: военном, экономическом, информационном, энергетическом и других.

Одним из наиболее актуальных и спорных, на наш взгляд, сегодня является вопрос обеспечения внутренней безопасности, которую многие авторы отождествляют с общественной безопасностью государства. Действительно, согласно положений федерального законодательства, являясь приоритетным направлением государственной политики в сфере национальной безопасности Российской Федерации, «Под общественной безопасностью понимается состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных

и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»¹.

В другом понимании, «Общественная безопасность – состояние защищенности интересов общества от внешних и внутренних угроз» [1, 20].

В действующем Указе Президента Российской Федерации² государственная и общественная безопасность вообще объединены общими целями и задачами, что представляется достаточно спорным.

Таким образом очевидно, что данная формулировка не имеет однозначного толкования, но опосредованно может пониматься как определенное состояние защищенности социума от угроз, исходящих не от внешнего противника (например, его вооруженных сил), а от проявления каких-либо внутренних деструктивных явлений.

Оценка места и роли внутренней безопасности в жизни общества у различных исследователей разнится.

Так, Ж. Канищева отмечает, что «Внутренняя безопасность личности, общества, государства являются существенными компонентами национальной безопасности России и означают защищенность: прав, свобод, законных потребностей, интересов отдельной личности; социальных, национальных, профессиональных групп; государства – его территориальной целостности, суверенитета; общества – его самобытности, материальных, духовных ценностей» [2].

Другие авторы сознательно ограничивают сферу внутренней безопасности «лишь сегментом обеспечения жизнедеятельности человека, связанным с чрезвычайными ситуациями и рисками техногенного, природного, социально-бытового характера, являющегося объектом ответственности МЧС России» [3, 21].

М. Малышева и Н. Чичулин вводят понятие «внутренняя национальная безопасность», подразумевая под ней «защищенность национальных интересов государства от угроз, исходящих от лиц и объектов, организаций, процессов, которые находятся под управлением страны и (или) на ее территории» [4, 2].

При этом «главными угрозами будут являться: отсутствие желания и стремления населения к самосохранению и саморазвитию, неэффективная система государства в решении противоречий и социальных проблем общества, утрата научно-технического потенциала страны, размытие границ понимания культуры и традиций, являющихся основополагающими

¹ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 14 ноября 2013 г. № Пр-2685). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602/ (дата обращения: 16.07.2025).

² Официальный сайт Президента России. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 16.07.2025).

явлениями для сохранения страны и ее дальнейшего успешного развития» [4, 2].

Что же сегодня является основой обеспечения внутренней безопасности общества? Очевидно, что она должна отвечать определенным критериям, чтобы достаточно эффективно отвечать на обозначенные угрозы. Так, П. Кобец выделяет «основные принципы обеспечения внутренней безопасности:

1. Соблюдение Конституции Российской Федерации и законодательства Российской Федерации при осуществлении деятельности по обеспечению национальной безопасности.

2. Единство, взаимосвязь и сбалансированность всех видов безопасности, изменения их приоритетности в зависимости от ситуации.

3. Приоритетность политических, экономических, информационных мер обеспечения национальной безопасности.

4. Реальность (с учетом имеющихся ресурсов, сил и средств) выдвигаемых задач.

5. Соблюдение норм международного права и российских законов при осуществлении мер принудительного характера (в том числе с использованием военной силы).

6. Сочетание централизованного управления силами и средствами обеспечения безопасности с передачей в соответствии с федеративным устройством России части полномочий в этой области органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления» [5, с. 15–16].

Глобализационные процессы, одним из аспектов которых является формирование нового цифрового технологического уклада, подразумевают стремительное развитие сетевых технологий передачи информации, развитие искусственного интеллекта, биоинженерии, других направлений науки и техники.

Однако, цифровизация большинства сфер жизнедеятельности общества, при всех очевидных достоинствах, несет в себе и очевидные риски и угрозы: «дальнейшую индивидуализацию и социальную атомизацию; одиночество и потерю навыков «живой» коммуникации, виртуализацию жизни и отношений, а отсюда рост суицидов и наркологических пристрастий у молодежи; умаление права частной жизни и риск построения цифрового тоталитаризма; архаизацию общества в условиях клипового мышления «цифрового слабоумия», дерефлексивного мышления» [6, 9].

Не отрицая упомянутые автором существующие негативные тенденции, хотелось бы отметить, что они далеко не исчерпываются данным перечнем. Комплекс проблем намного более объемный, многогранен и возможно требует своего исследования в рамках написания

кандидаткой (докторской) диссертации. В дополнение хотелось бы рассмотреть, на наш взгляд, важнейшие из них:

1. Перевод сведений о гражданах в электронную форму, их концентрация в единой государственной базе не исключает возможности и усиливает опасность утечки персональных данных в следствие хакерских атак. В настоящее время не редки случаи сбора конфиденциальной информации о гражданах различными коммерческими организациями, что представляется избыточным и ненужным (особенно если это касается несовершеннолетних граждан).

2. Введение цифровой валюты (цифрового рубля) потенциально влечет за собой тотальный контроль общества и угрозу создания механизмов управления каждым отдельным гражданином. Об этом неоднократно писали различные исследователи, приводя в пример систему социального рейтинга в Китае.

В Российской Федерации после внесения изменений в Федеральный закон «О банках и банковской деятельности»¹, которым установлены основы правового регулирования и правила перевода цифровых рублей, Центральным банком Российской Федерации разработано и принято Положение о платформе цифрового рубля², что вызвало неоднозначную реакцию у части общества.

3. Использование искусственного интеллекта в отдельных сферах жизни общества (транспорта, связи, медицины) представляется неприемлемым, как в связи с угрозой безопасности, так и по морально-этическим соображениям (например, в процессуальном праве). В качестве примера можно привести использование технологии ChatGPT для формулирования юридического решения бразильским судьей Дж. Ф. Родригесом, что вызвало большой общественный резонанс и повлекло проведение проверки.

В Российской Федерации Совет судей принял решение о создании рабочей группы, первое заседание которой состоялось 4 апреля 2025 года, в задачи которой входит разработка концептуальных подходов к использованию искусственного интеллекта в судах [7].

Представляется, что внедрение технологии искусственного интеллекта в систему правосудия (помимо простого поиска нормативных правовых актов для ускорения работы) может привести к формализму, и, в свою очередь к принятию несправедливых судебных решений.

Какие же векторы развития (существования) имеются у современного общества?

На самом деле, представляется, что их довольно немного.

¹ Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 31 (ч. III). Ст. 5766.

² Положение Центрального банка Российской Федерации от 3 августа 2023 г. № 820-П «О платформе цифрового рубля». URL: <https://cbr.ru/Queries/UniDbQuery/File/90134/2858> (дата обращения: 16.07.2025).

А. Овчинников определяет их так: «В эпоху постмодерна постулируются два вектора развития каждого социума (общества, нации, этноса): либо абсолютизация технологического прогресса и крайне рискованный путь в цифровой мир будущего с его размытыми перспективами в плане семейных ценностей, трансгуманизмом, виртуальной реальностью, ценностным релятивизмом и тотальным прагматизмом, либо иной путь: сохранение национально-культурной идентичности любыми методами, в том числе признавая ее целью и идеологией государства» [6, 7].

Нельзя не согласиться с автором, в том плане, что каждый человек имеет безусловное право на «бесцифровую среду обитания», в связи с чем государство обязано «предусмотреть возможность сохранить традиционный, бесцифровой образ жизни» [6, 18].

Подводя итог, можно констатировать, что внутренняя безопасность общества в современных условиях всевозрастающей цифровизации характеризуется множеством зачастую неучтенных государством угроз и рисков. Современному обществу необходимо отдавать себе отчет о том, что само по себе развитие цифровых технологий, включая создание сверхинтеллекта, влечет за собой в дальнейшем фундаментальные изменения всех отраслей человеческой жизни, включая сферы безопасности и экономики. Таким образом представляется необходимым более основательное и чуткое исследование всех предполагаемых последствий, основанное на учете различных точек зрения в условиях нового технологического уклада общества.

Список литературы:

1. Словарь основных терминов и понятий в области противодействия терроризму / под общ. ред. И. Г. Сироткина. М. : НИЦ ФСБ России, 2022. 48 с.

2. Канищева Жамилят Николаевна. Внутренняя безопасность общества : дис. ... канд. философ. наук : 09.00.11 / Моск. гос. технол. ун-т «Станкин». М., 2001. 21 с.

3. Егоров В. Г., Гибизов Д. В. Внутренняя безопасность населения России // Обозреватель – Observer. 2013. № 8.

4. Малышева М. Р., Чичулин Н. А. Внутренняя национальная безопасность Российской Федерации. Новый культурный вектор развития // Мировые цивилизации. 2021. № 2.

5. Кобец П. Н. Основные принципы и направления обеспечения внутренней безопасности Российской Федерации в условиях середины второго десятилетия XXI столетия // Юридическая наука. 2015. № 1.

6. *Овчинников А. И.* Безопасность личности и государства в цифровую эпоху: политико-правовой аспект // Журнал российского права. 2020. № 6.

7. Официальный сайт Совета судей Российской Федерации // 4 апреля 2025 года состоялось первое заседание рабочей группы по внедрению технологий искусственного интеллекта в судебную систему. URL: <https://ssrf.ru/news/lienta-novostiei/56905> (дата обращения: 16.07.2025).

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА КУЗНЕЦОВА,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации имени А. Я. Сухарева
E-mail: natasha40480@mail.ru

Концепция уголовной политики в сфере обеспечения экологической безопасности

Аннотация

В статье автор представляет разработанную им Концепцию уголовной политики в сфере обеспечения экологической безопасности, включающей в себя общие теоретические и прикладные уголовно-правовые и криминологические положения, направленные на: определение сущности и отличительных особенностей преступлений, посягающих на экологическую безопасность с целью установление критериев определения их общественной опасности, позволяющих эффективно применять методы уголовной политики; выработку понятия, установление принципов и выявление тенденций уголовной политики в сфере обеспечения экологической безопасности; определение теоретических основ криминологического анализа посягательств на экологическую безопасность с учетом возникновения новых угроз на современном этапе развития общества; установление сущности, целей, системы, тенденций и эффективности уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших экологические преступления; разработку механизма разрешения уголовно-экологического конфликта посредством включения новых системных элементов (институтов медиации и экологической компенсации) в УК РФ с целью повышения его эффективности. В качестве обоснования актуальности темы приводятся статистические данные состояния зарегистрированной экологической преступности в Российской Федерации за последние пять лет. Отмечается, что экологическая преступность является высоколатентной.

Ключевые слова и словосочетания: уголовная политика; экологические преступления; концепция; компенсационная функция уголовного права; криминализация.

Состояние окружающей среды имеет непреходящее значение для государства и каждого конкретного человека. На это неоднократно

указывал в своих выступлениях Президент Российской Федерации В. В. Путин [1].

В настоящее время происходит обострение кризиса во взаимоотношениях человека и природы. Наблюдается неуклонное загрязнение атмосферы, вод, земли, истощение природных ресурсов, животного и растительного мира.

Так, согласно данным ежегодного Государственного доклада о состоянии и об охране окружающей среды, в 2023 г. в Российской Федерации в городах с высоким и очень высоким уровнем загрязнения атмосферного воздуха проживало 10,1 млн человек [2, С. 21], зафиксировано 2,8 тыс. случаев экстремально опасного загрязнения вод. Площадь деградированных земель в стране составляет более 100 млн га и каждый год ухудшается 1,5–2 млн га, что приводит к значительным экономическим потерям [3].

Сама природа претерпевает необратимые изменения к худшему – сокращается биологическое разнообразие, утрачивается способность к самовосстановлению, наступают другие негативные последствия.

Одним из важных факторов обострения экологической ситуации в стране является экологическая преступность. Однако, в последние годы наблюдается неблагоприятная тенденция снижения регистрации и раскрытия экологических преступлений. По статистическим данным в 2020 г. их зарегистрировано 22676 (раскрыто 10918), в 2021 г. выявлено 20289 (раскрыто 10432), в 2022 г. зафиксировано 19070 (раскрыто 10451), в 2023 г. зарегистрировано 16211 (раскрыто 9196), 2024 г. было их было выявлено 13598, из которых раскрыто только 7460. В январе – июне 2025 г. зарегистрировано 6,1 тыс. экологических преступлений, что на 13,3 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года [4]. Причинами столь высокой латентности является, в частности, количественный и качественный некомплект сотрудников, осуществляющих раскрытие и расследование экологических преступлений, снижение уровня их профессиональной подготовки.

Годы практического применения главы 26 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) показали, что из всех её статей преимущественно востребованы те, которые предусматривают ответственность за браконьерство (ст. ст. 256, 258, 258¹, 260 УК РФ). Некоторые нормы рассматриваемой главы за время своего существования не применялись ни разу, либо применялись крайне редко.

В этой связи настоятельно необходимы глубокое научное исследование современного состояния уголовной политики в сфере обеспечения экологической безопасности, оценка её эффективности, выработка путей её дальнейшего совершенствования. При этом отдельного внимания заслуживают такие методы уголовной политики, как криминализация (декриминализация), пенализация (депенализация),

дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности и наказания за совершение экологических преступлений. Сегодня недостаточно изучены и иные меры уголовно-правового характера, а также основания освобождения от уголовной ответственности за экологические преступления. Безусловно нуждаются в конкретизации цели наказания и их виды. Требуют разработки меры ресоциализации экологических преступников.

В результате проведенного нами исследования мы предлагаем Концепцию уголовной политики в сфере обеспечения экологической безопасности, включающую в себя общие теоретические и прикладные уголовно-правовые и криминологические положения, направленные на:

- определение сущности и отличительных особенностей преступлений, посягающих на экологическую безопасность с целью установление критериев определения их общественной опасности, позволяющих эффективно применять методы уголовной политики;

- выработку понятия, установление принципов и выявление тенденций уголовной политики в сфере обеспечения экологической безопасности;

- определение теоретических основ криминологического анализа посягательств на экологическую безопасность с учетом возникновения новых угроз на современном этапе развития общества;

- установление сущности, целей, системы, тенденций и эффективности уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших экологические преступления;

- разработку механизма разрешения уголовно-экологического конфликта посредством включения новых системных элементов (институтов медиации и экологической компенсации) в УК РФ с целью повышения его эффективности.

Представленная Концепция предполагает расширенное понимание экологической безопасности. Само понятие «экологическая безопасность» необходимо рассматривать шире, чем понятие «национальная безопасность», поскольку экологическая безопасность с одной стороны соприкасается с национальной, с другой стороны имеет наднациональный уровень являясь частью глобальной безопасности.

Экологическая безопасность той или иной страны в настоящее время служит основой обеспечения системы глобальной безопасности всего человечества. Экологические проблемы трансграничны. Невозможно полностью обеспечить экологическую безопасность отдельного государства независимо от экологического состояния, не только сопредельных государств, но и отдаленных.

Уголовная политика в сфере обеспечения экологической безопасности должна строиться на основе понимания значимости и особенностей объекта уголовно-правовой охраны окружающей среды как

основы жизни и деятельности человечества, учета перманентно возрастающей общественной опасности экологических преступлений, а также механизма причинения вреда экологической системе. В этой связи обоснованы необходимость выделения главы об экологических преступлениях в самостоятельный раздел УК РФ «Преступления против экологической безопасности» с расположением его после раздела VII УК РФ «Преступления против личности», а также перевод части экологических преступлений в более тяжкую категорию.

Подчеркнем, что экологическая преступность обладает выраженной спецификой. Она многообъектна, затрагивает все сферы жизнедеятельности человека и соответственно гораздо более широкий по сравнению с другими преступлениями круг потерпевших, имеет длящийся, отложенный, иногда необратимый характер негативных последствий, зависимость от территориального месторасположения и природных условий, наносит многообразный и существенный вред здоровью людей, приносит экономический урон государству. Экологическая преступность имеет трансграничный характер, затрагивает интересы множества государств и людей. Она имеет повышенную вредоносность. Так, при совершении преступлений против растительного мира (например, незаконная вырубка лесных насаждений) происходит нарушение всех экологических взаимосвязей, утрачиваются места обитания для животных и растений, нарушаются пищевые цепочки и миграционные маршруты, происходят атмосферные изменения, приводящие к опустыниванию земель, засухам, пожарам и др. [5]

В рамках разработанной нами Концепции уголовной политики в сфере обеспечения экологической безопасности разработаны критерии *криминализации (декриминализации)* деяний, посягающих на экологическую безопасность. К ним относятся: 1) экологическая значимость общественных отношений; 2) повышение (снижение), ухудшение (улучшение) количественно-качественных показателей отдельного компонента природной среды ввиду тесной связи с прочими компонентами и его места в экосистеме, а также истощаемости (восстанавливаемости) конкретных ресурсов; 3) степень экологической угрозы компоненту природной среды (восстановимые, трудновосстановимые, находящиеся под угрозой исчезновения, невосстановимые); 4) общественная опасность способа совершения правонарушения; 5) повторяемость совершенного правонарушения; 6) обязательность комплексной охраны всех компонентов окружающей среды; 7) появление новых видов экологически опасного поведения; 8) возможность наступления экологической катастрофы в результате совершенного деяния.

Нами предлагается алгоритм криминализации (декриминализации) экологических преступлений, включающий четыре этапа.

Первый этап – теоретический. Он связан с возникновением идеи уголовно-правового запрета или осознания потребности в нём. Этап сопровождается выявлением социальной необходимости (обусловленности) защиты тех или иных общественных отношений от преступного посягательства.

Второй этап – аналитический. В процессе анализа оснований криминализации выявляется необходимость использования ресурсов уголовного права, выбираются объективные и субъективные признаки, конструкция состава и криминообразующие признаки.

Третий этап – законотворческий. Он заключается в закреплении соответствующих деяний в уголовном законодательстве. Здесь для адекватного восприятия гражданами и правоприменителем новой нормы должны использоваться приёмы законодательного конструирования уголовно-правовых норм об ответственности за экологические преступления.

Четвертый этап – оценочный. В его основе лежит анализ эффективности принятой нормы. Полагаем, что этот этап является самым главным, поскольку в нём закладывается основа для дальнейшего совершенствования законодательства, выявления пробелов, неработающих норм и т.д.

Компенсационная функция наказания за совершение экологических преступлений должна быть значительно расширена [6]. В современных социально-экономических условиях совершенно обоснованно требовать от лица, совершившего экологическое преступление, возмещение вреда, причиненного его деянием, а также проведения природовосстановительных мероприятий и (или) экологически полезных работ [7]. Строго говоря, природа больше не может ждать, когда все теоретические проблемы будут разрешены и начнется проведение природовосстановительных мероприятий. Следует незамедлительно восстанавливать деградированные почвы, поврежденные экосистемы, число исчезающих видов флоры и фауны.

Кроме указанного, механизм компенсационной функции заключается в том, что по всем экологическим преступлениям должен предъявляться иск о компенсации нанесенного экологического вреда. Предлагаем именовать такой иск – экологическим. Для этого в целях оптимизации, сокращения временных и материальных затрат на возмещение ущерба в гражданско-правовом порядке, в уголовно-процессуальном законодательстве необходимо закрепить норму о том, что защиту экологических интересов Российской Федерации осуществляет прокурор по каждому уголовному делу экологической направленности. Суд сможет разрешать подобные иски и взыскивать с виновных необходимые для восстановления окружающей среды средства во время

рассмотрения уголовного дела. Средства должны поступать в специально созданный Фонд помощи окружающей среде.

Список литературы:

1. Путин указал на важность вопросов экологии для каждого человека. URL: dzen.ru/a/Y9ql1mE_nEYVWkrk (дата обращения: 22.06.2025).

2. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2023 году. Проект Государственного доклада. Москва. Минприроды России, ООО «Интеллектуальная аналитика», ФГБУ «Дирекция НТП», Фонд экологического мониторинга и международного технологического сотрудничества, 2024. 707 с.

3. Багдасарян А. Деграция на миллиарды. URL: <https://www.agroinvestor.ru/technologies/article/22499-degradatsiya-na-milliardy-v-rossii-istoshcheny-svyshe-60-selkhozugodiy/> (дата обращения: 03.05.2025).

4. Сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/67755056/> (дата обращения: 03.08.2025).

5. Кузнецова Н. И. Общественная опасность экологических преступлений: криминологический аспект // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15. № 1.

6. Кузнецова Н. И. Компенсационная функция уголовного права на примере экологических преступлений // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2025. № 1 (43).

7. Кузнецова Н. И. Медиация как альтернативный способ разрешения уголовно-экологических конфликтов и возмещения ущерба, причиненного окружающей среде // Байкальский экологический форум : сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2024.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ КУРИЛОВ,
кандидат юридических наук, докторант
Академия управления МВД России
E-mail: skurilov78@mail.ru

**Современное состояние и актуальные проблемы возмещения
органами внутренних дел вреда, причиненного преступлениями
в Российской Федерации**

Аннотация

В статье рассматриваются современное состояние возмещение органами внутренних дел, причиненного преступлениями, а также проблемные вопросы, связанные с актуальными проблемами в рассматриваемой сфере. Предлагаются конкретные пути решения указанных проблем, имеющие практическую значимость для органов внутренних дел.

***Ключевые слова и словосочетания:** возмещение ущерба; проблемные вопросы следователи; дознаватели; органы внутренних дел.*

Возмещение вреда, причиненного преступлениями, является важным элементом правовой системы, направленным на восстановление социальной справедливости и защиту прав потерпевших, а также одним из приоритетных направлений деятельности государства. Эффективное возмещение вреда не только восстанавливает нарушенные права потерпевших, но и способствует достижению целей уголовного наказания, укрепляет доверие к правоохранительной системе и является важным показателем состояния правовой системы в целом. Это связано с тем, что Конституция Российской Федерации в ст. 52 определяет, что государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

Соответствующие положения по возмещению вреда, причиненного преступлениями содержатся в отраслевом законодательстве (уголовном, уголовно-процессуальном, гражданском и законодательстве об оперативно-розыскной деятельности) Российской Федерации.

В этой связи в российской правовой доктрине, данный институт является межотраслевым институтом, регулируемым нормами уголовного, гражданского и уголовно-процессуального права. Теоретической основой данного института выступает положение о том, что лицо, причинившее вред противоправными действиями, обязано полностью его компенсировать.

Юридическая природа возмещения вреда заключается в его двойственной характеристике: с одной стороны, это мера уголовно-правового воздействия, с другой - способ восстановления нарушенных гражданских прав.

Проблема возмещения вреда, причиненного преступлениями в Российской Федерации, исследовалась в различных аспектах.

Так, уголовно-правовым основам возмещения вреда, причиненного преступлениями, посвящены научные труды Н.В. Анисимковой [1], А.М. Каримова [7], Н.Э. Мартыненко [18] А.Г. Полуэктова [13], С.А. Шумакова [21] и других специалистов.

Процессуальную основу возмещения вреда, причиненного преступлениями, рассматривали в своих работах Б.Т. Безлепкин [2], А.С. Герасименко [3], Д.А. Иванов [6], С.А. Синенко [16], И.Б. Тутынин [20] и другие ученые.

Розыскной деятельности и установлению имущества посвящены исследовательские работы А.С. Данильяна [5], В.С. Костенко [8], А.А. Нурушева [10], А.П. Петракова [11], А.Н. Тагирова [19] и других исследователей.

Вопросы возмещению вреда потерпевшим постоянно сохраняют свою актуальность, т.к. для потерпевшего возмещение вреда является одной из основных целей его обращения в правоохранительные органы с заявлением или сообщением о преступлении.

Также актуальность обусловлена наличием проблем теоретического и практического свойства, связанных с правовой регламентацией и правоприменительной практикой возмещения вреда, причиненного преступлениями.

В этой связи, также следует отметить, что взаимодействие правоохранительных и иных государственных органов на досудебной стадии уголовного судопроизводства в сфере возмещения вреда, причиненного преступлениями регламентированы соответствующими межведомственными приказами¹.

Государственной программой Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» на органы предварительного следствия и подразделений дознания системы МВД России возложено решение задачи «Повышение эффективности предварительного следствия и дознания, обеспечивающее увеличение доли возмещенного ущерба от фактически причиненного до 24,45 % и 59,5% соответственно к 2030 году» [4]. В связи с этим, повышение эффективности возмещения ущерба, причиненного преступлениями,

¹ О порядке взаимодействия правоохранительных и иных государственных органов на досудебной стадии уголовного судопроизводства в сфере возмещения ущерба, причиненного государству преступлениями : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, МЧС России, ФСБ России, СК России, ФСКН России, ФТС России, ФССП России, Росфинмониторинга от 29.03.2016 № 182/189/153/243/33/129/800/220/105 // СПС «Консультант Плюс».

является одним из ключевых приоритетов в деятельности МВД России. Помимо государственной программы состояние работы по возмещению ущерба включены в оценку работы территориальных органов, органов предварительного следствия и подразделений дознания Министерства внутренних дел Российской Федерации¹.

Однако, результаты в этой сфере все еще не отвечают современным требованиям. Так, в МВД России ведется учет только материального ущерба (без учета заявленных гражданскими истцами сумм компенсации морального и физического вреда), который ежегодно составляет сотни миллиардов рублей [19].

Статистические данные свидетельствуют о значительных масштабах ущерба, причиняемого преступной деятельностью в Российской Федерации.

Так, согласно статистическим данным потерпевшим преступлениями причинен общий материальный ущерб (по оконченным и приостановленным уголовным делам) за 2023 год - 587,6 млрд руб. [16], за 2024 год - 627,9 млрд. руб. [17]., за 2 месяца 2025 года - 137,9 млрд руб., что на 74,8% больше аналогичного показателя прошлого года.

Ущерб по уголовным делам, направленным в суд с обвинительным заключением/актом/постановлением, за 2023 год составил 193 млрд руб., из которых возмещено 41 % – 79 млрд руб. [16], за 2024 год – 156 млрд руб., из которых возмещено 75 млрд рублей, что составило 48 %[17].

Особенно необходимо отметить, что с каждым годом растет ущерб, причиненный ИТ-преступлениями и в 2024 году он составил более 203 млрд рублей [17]. против 156 млрд рублей в 2023 году [16]., за три последних года – более 485 млрд. рублей.

Киберпреступность представляет собой одну из наиболее серьезных угроз для экономической безопасности России. Особенностью ИТ-преступлений является их транснациональный характер, что значительно осложняет процедуру установления виновных лиц и возмещения причиненного ущерба. Квалификация киберпреступлений и привлечение виновных к ответственности затруднены в связи с быстро развивающимися технологиями и изощренными методами преступников.

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, выступая на расширенном заседании коллегии МВД России 5 марта 2025 года, говоря о преступлениях, совершённых с

¹ Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 // СТРАС «Юрист»; Об утверждении отраслевой методики оценки направлений деятельности территориальных органов МВД России компетенции Следственного департамента МВД России : распоряжение МВД России № 1/14398 от 29 ноября 2024г. // СТРАС «Юрист»; Об утверждении отраслевой методики оценки направлений деятельности территориальных органов МВД России компетенции УОД МВД России : распоряжение МВД России от 30 ноября 2024 г. № 1/14434 // СТРАС «Юрист».

использованием информационных технологий отметил, «...их число – вы это хорошо знаете – выросло, а ущерб превысил 200 миллиардов рублей. Причём почти четверть обманутых, пострадавших людей – это пенсионеры...» [14].

Следует акцентировать внимание, что уже за 5 месяцев 2025 года совершено более 308 тыс. ИТ-преступлений, из них дистанционные кражи и мошенничества составили более 189 тыс. преступлений. Ущерб от киберпреступлений за первые 5 месяцев анализируемого года составил 81 миллиард рублей, что на 20% выше прошлогодних показателей за аналогичный период [12].

Возмещение морального вреда, также остается одной из наиболее сложных и дискуссионных проблем в российской правовой системе. Субъективный характер нравственных и физических страданий обуславливает неоднозначность при определении размера компенсации.

Имеющиеся в настоящее время организационно-процедурные проблемы включают в себя сложности доказывания причинной связи между противоправными действиями и наступившими последствиями, определение точного размера ущерба, а также отсутствие эффективных механизмов принудительного исполнения судебных решений о возмещении вреда. Несовершенство законодательства в этой сфере приводит к длительным судебным разбирательствам и низким показателям реального возмещения.

Вместе с тем, с имеющимися в рассматриваемой сфере теоретическими и правоприменительными проблемами, единого механизма обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлениями на уровне государства в целом и органов предварительного расследования в частности в процессе реализации уголовных, уголовно-процессуальных и норм законодательства об оперативно-розыскной деятельности, а также его криминалистического обеспечения не существует.

Это в свою очередь, предопределяет необходимость разработки теоретических, методологических и правовых положений, направленных на совершенствование уголовного, уголовно-процессуального и законодательства об оперативно-розыскной деятельности для эффективной деятельности правоохранительных органов в сфере возмещения вреда, причиненного преступлениями и ее криминалистического обеспечения.

Разработка соответствующего межотраслевого механизма возмещения вреда, причиненного преступлениями, представляется актуальным направлением, которое позволит создать систему положений, определяющих сущность, цель, направления, приоритеты и критерии эффективности нормотворческой и правоприменительной деятельности в рассматриваемой сфере средствами уголовного, уголовно-процессуального, оперативно-розыскного законодательства, а также

криминалистического обеспечения данной деятельности. Межотраслевой механизм определит предпосылки, содержание и порядок уголовно-процессуального, оперативно-розыскного законодательства, практики его применения и криминалистического обеспечения в рассматриваемой сфере.

Резюмируя вышесказанное можно сделать вывод, что возмещение вреда, причиненного преступлениями, остается сложной и многогранной проблемой в Российской Федерации. Решение проблем возмещения вреда требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, внедрение современных технологических решений и реализацию профилактических мер. Приоритетным направлением должно стать создание гибкой и эффективной системы гарантированного возмещения вреда, обеспечивающей защиту прав потерпевших вне зависимости от внешних факторов. Перспективы дальнейшего исследования видятся в анализе эффективности конкретных механизмов возмещения вреда, изучении зарубежного опыта и разработке предложений по имплементации лучших практик в российскую правовую систему.

Таким образом, возникает потребность в проведении комплексного исследования, в результате которого необходимо разработать систему теоретических положений, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, либо решение научной проблемы – возмещения вреда, причиненного преступлениями, имеющей важное политическое, социально-экономическое, культурное или хозяйственное значение, внедрение которых внесет значительный вклад в развитие страны в общем и в практическую деятельность органов внутренних дел в частности.

Список литературы:

1. *Анисимкова Н. В.* Возмещение вреда, причиненного преступлением: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2008.
2. *Безлепкин Б. Т.* Возмещение вреда, причиненного гражданину в уголовном судопроизводстве: теоретические основы правового института: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1981.
3. *Герасименко А. С.* Возмещение вреда, причиненного преступлением, как институт уголовно-процессуального права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
4. Государственная программа Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 345 // СТРАС «Юрист».

5. *Данильян А. С.* Установление похищенного имущества в процессе расследования преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011.
6. *Иванов Д. А.* Досудебный порядок возмещения вреда, причиненного преступлением: теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018.
7. *Каримов А. М.* Добровольное возмещение ущерба или заглаживание иным образом вреда, причиненного преступлением (юридическая природа и уголовно-правовые последствия) : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2020.
8. *Костенко В. С.* Организационно-тактическое обеспечение розыска автотранспортных средств : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009.
9. *Мартыненко Н. Э.* Уголовно-правовая охрана потерпевшего: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015.
10. *Нурушев А. А.* Поисково-познавательная деятельность следователя и органов дознания по обеспечению возмещения имущественного вреда (ущерба), причиненного преступлением : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.
11. *Петраков А. П.* Деятельность следователя по розыску автомобилей, ставших предметом неправомерного завладения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.
12. Петербургский международный экономический форум. Заместитель начальника Следственного департамента МВД России Данил Филиппов выступил в рамках сессии фестиваля «Т-Двора» на Петербургском международном экономическом форуме. URL: <https://www.interfax.ru/forumspb/1031896>.
13. *Полуэкттов А. Г.* Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: теоретический и прикладной аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
14. Расширенное заседание коллегии МВД. Владимир Путин выступил на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408> (дата обращения: 01.09.2025).
15. *Синенко С. А.* Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.
16. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 года. ГИАЦ МВД России, 2024. URL: <https://мвд.пф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 01.09.2025).
17. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года. ГИАЦ МВД России, 2025. URL: <https://мвд.пф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 01.09.2025).

18. *Мартыненко Н. Э.* Уголовно-правовая охрана потерпевшего : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015.

19. *Тагиров А. Н.* Уголовно-процессуальная деятельность следователя по розыску и установлению имущества : дис. ...канд. юрид. наук. М., 2008.

20. *Тутынин И. Б.* Процессуальное принуждение имущественного характера в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023.

21. *Шумаков С. А.* Уголовно-правовое значение возмещения ущерба, причиненного преступлением : дис. ...канд. юрид. наук. Краснодар, 2022.

МИХАИЛ ИГОРЕВИЧ МАМАЕВ,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры организации
оперативно-разыскной деятельности
Академия управления МВД России
E-mail: aynirii@mail.ru

Трансформация терминологии и содержания феномена незаконного «обналичивания»

Аннотация

В статье рассматриваются новые подходы к понятию и содержанию незаконного «обналичивания» – одному из наиболее распространенных негативных феноменов, являющихся основными факторами сохранения значительной доли теневой экономики Российской Федерации. Традиционно термин относят исключительно к денежным средствам. В отсутствие отдельной уголовно-правовой нормы, деяния, связанные с незаконным обналичиванием денежных средств, как и иных объектов гражданских прав, квалифицируются по различным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации в зависимости от целей и ролей участников, что создает проблемы в правоприменительной деятельности.

Сегодня феномен незаконного обналичивания денежных средств претерпевает значительную трансформацию. Развитие цифровой экономики, новых финансовых инструментов и способов расчетов породило множество новых форм вывода активов из-под государственного финансового контроля.

В связи с такими изменениями возникает необходимость пересмотреть понятийно-терминологический аппарат, и в первую очередь обосновать и разработать новое обобщающее понятие, характеризующее изъятие имущества из легального оборота, в содержание которого входит незаконное обналичивание денежных средств.

Ключевые слова и словосочетания: *незаконное «обналичивание» денежных средств; экономические преступления; государственный контроль; теневая экономика; уклонение от государственного контроля; искусственный интеллект.*

Незаконное обналичивание денежных средств (специальный сленг – «обналичка», «обнал») представляет собой ключевой механизм перевода денежных средств и иных объектов гражданских прав из легальной экономики в теневой оборот «наличных денег». Именно незаконное

«обналичивание» служит основной частью механизма трансфера денежных средств между легальной и теневой экономикой, оставаясь одним из главных факторов сохранения значительной доли теневого сектора в Российской Федерации. Масштабы этого явления исчисляются сотнями миллиардов рублей ежегодно, что является прямой угрозой стабильности финансовой системы и экономической безопасности государства в целом.

Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года¹, определяет противодействие переводу безналичных денежных средств в теневой оборот наличных денежных средств одним из приоритетных направлений обеспечения устойчивого развития национальной финансовой системы. Можно констатировать, что борьба с незаконным «обналичиванием» возведена в ранг государственной задачи стратегического уровня.

Актуальность рассматриваемой проблематики также обусловлена последними тенденциями социально-экономического развития. Цифровая трансформация экономики и появление новых финансовых технологий значительно изменили ландшафт финансовых преступлений в структуре экономических общественно опасных деяний.

Расширение арсенала инструментов сокрытия противоправной деятельности - развитие блокчейн экосистем с криптовалютными платформами, а также появление новых схем незаконного «обналичивания» с использованием различных цифровых сервисов приводит к тому, что ущерб от подобной деятельности не уменьшается, а лишь трансформируется. С ростом популярности криптовалют и блокчейн-технологий и усилением государственного «антиотмывочного» контроля, преступники стали избегать использование прежних «обналичивающих» схем через традиционный банковский сектор финансовой системы государства.

Очевидно, в современных условиях противодействие незаконному «обналичиванию» – комплексная проблема, требующая одновременного совершенствования законодательства, усиления правоохранительных мер, финансового контроля, а также внедрения инновационных технологий (создание специализированных интеллектуальных платформ на основе комбинаций искусственного интеллекта, ненейросетевых алгоритмов и логики, заданных экспертом).

Феномен незаконного «обналичивания» денежных средств не имеет легального определения в законодательстве, однако широко исследуется в литературе и учитывается в правоприменительной деятельности. Под незаконным «обналичиванием» обычно понимают противоправные действия, направленные на обмен безналичных денежных средств, находящихся в легальном обороте, на неучтенные наличные деньги с

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».

сокрытием их происхождения и нарушением установленных правил финансового контроля.

Иными словами, речь идет о преднамеренном разрыве правовой связи денежных средств или иного имущества (без возможности восстановления гражданско-правовыми средствами) с источником их происхождения (при переводе из безналичной формы в наличную для денежных средств), с целью уклонения от публичных обязательств и государственного контроля.

Типология механизма незаконного обналичивания денежных средств выглядит следующим образом:

1. Формальное прикрытие разрыва правовой связи с целью потери идентификации источника происхождения.

1.1. Совершение мнимой сделки, сопровождаемой внесением недостоверных и ложных (фиктивных) сведений относительно назначений платежа и самих финансовых операций по договору. При этом происходит разрыв правовой связи денежных средств или иного имущества с источником происхождения – без возможности восстановления первоначального состояния гражданско-правовыми средствами.

1.2. Применение административных и судебных процедур по фиктивным основаниям.

2. Фактический разрыв связи с источником происхождения средств - осуществление трансфера денежных средств и (или) их эквивалентов между легальной и теневой экономикой через цепочку транзакций (в том числе платежные инструменты), одно из звеньев которой включает в себя процедуру потери идентификации средств с отправителем [1, с. 103].

Одним из ключевых элементов указанной цепочки транзакций являются так называемые «дропы» (от англ. drop - «сбрасывать»), это физические лица, чья банковская карта используется для транзита или незаконного обналичивания денежных средств. Косвенно оценивать масштабы незаконного обналичивания можно по имеющейся информации о таких лицах, участвующих в противоправной деятельности. Так, по данным представителя Банка России, к августу 2025 года в Российской Федерации выявлено около 1,2 млн дропов, при этом каждый месяц выявляются около 100 тыс. счетов, связанных с такими лицами [2].

Противодействие массовому использованию физических лиц «дропов» со стороны государственных органов и банков – повышение эффективности мониторинга транзакций, механизмов блокировки счетов, а также ужесточение уголовной ответственности за деятельность, связанную с «дропперством»¹ в значительной степени влияет лишь на трансформацию криминальных кредитно-финансовых механизмов,

¹ Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

используемых в незаконном «обналичивании» денежных средств, но не масштабы явления.

Например, реализация подобных криминальных схем смещается в реальный сектор экономики, где государственный контроль за денежным оборотом затруднен, а вместо физических лиц – «дропов», все чаще используются подставные юридические лица, комбинации кассовых операций в розничной торговле и т.д.

Криминальный бизнес освоил новую форму – «компании-дропа», то есть использование легальных компаний и индивидуальных предпринимателей как элемента инструмента обналичивания на аналогичной основе [3]. Для приема и обналичивания денег стали применять торгово-сервисные предприятия (розничные компании), принимающие платежи через QR-коды Системы быстрых платежей (СБП). Нелегальные онлайн-казино и другие аналогичные структуры проводили клиентские деньги не напрямую, а через счет некой «торговой фирмы» по QR-коду: по документам это выглядело как оплата покупок. На самом деле деньги шли на пополнение нелегального игрового счета, а в обратном направлении участники теневого бизнеса получали от «компании-дропа» эквивалентную сумму наличности из ее неинкассированной выручки.

«Компании-дропы» для преступников более удобны, поскольку через их счета можно провести больший объем средств и осуществить транзакций, чем через счета физических лиц, а проверка таких операций занимает больше времени, затрудняя выявление противоправных схем.

Еще в 2023 году Банк России в Методических рекомендациях в отношении деятельности кредитных организаций и платежных агрегаторов по осуществлению расчетов с организациями торговли (услуг) по операциям, совершенным с использованием электронных средств платежа¹, указывал на признаки новых противоправных схем. Дан ряд рекомендаций банкам-эквайерам и платежным агрегаторам по проверке соответствия заявленной деятельности торгово-сервисных предприятий реальной с целью минимизации рисков в области легализации преступных доходов и финансирования терроризма. В том числе эквайерам рекомендовалось обращать повышенное внимание на предприятия, в которых совершаются операции по перечислению денежных средств физлицам, не связанные с возвратом из-за отказа от исполнения договоров.

На практике уголовно-правовая оценка таким действиям дается через составы преступлений, предусмотренных, как правило, ст. 171 «Незаконное предпринимательство»; ст. 172 «Незаконная банковская деятельность»; ст. 173.1 «Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица»; ст. 173.2 «Незаконное использование

¹ Методические рекомендации в отношении деятельности кредитных организаций и платежных агрегаторов по осуществлению расчетов с организациями торговли (услуг) по операциям, совершенным с использованием электронных средств платежа: утв. Банком России 12.10.2023 № 13-МР // СПС «Гарант».

документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица»; ст. 174 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем»; ст. 174.1 Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления»; ст. 187 «Неправомерный оборот средств платежей»; ст. 327 «Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков» УК РФ [4, с. 34]. Заказчики незаконного «обналичивания», помимо традиционного уклонения от исполнения налоговых обязательств, участвуют в хищениях бюджетных денежных средств и совершении множества экономических и коррупционных преступлений.

Множество составов преступлений, предусматривающих ответственность за отдельные деяния при реализации криминальных кредитно-финансовых механизмов, связанных с незаконным «обналичиванием», не только девальвирует меры уголовно-правового воздействия, но и является одним из факторов, препятствующих результативности правоприменительной деятельности в рамках противодействия рассматриваемому феномену и связанных с ним преступлениям. Это касается и проблем эффективности выявления поисковых признаков общественно опасных деяний, связанных с незаконным «обналичиванием» при осуществлении оперативно-розыскной деятельности по борьбе с отдельными экономическими и коррупционными преступлениями, в отсутствие единообразного понимания их криминообразующих признаков. Очевидно, что проблема в значительной степени обусловлена отсутствием отдельной уголовно-правовой нормы, что многократно отмечалось исследователями рассматриваемых вопросов [1, с. 103], [5, с. 8], [6, с. 47], [7, с. 51].

В то же время, определение понятия деяний, связанных в том числе с незаконным «обналичиванием» и дополнение Уголовного кодекса Российской Федерации новой статьей в условиях существенных изменений, происходящих с процессами, связанными с подобным феноменом, вызывает необходимость нового подхода к его осмыслению и противодействию.

Традиционное понятие «незаконное обналичивание» устарело в своем узком значении. Первоначально подразумевавшее лишь получение наличных денежных средств в обход установленных правил, сегодня оно не охватывает множества новых элементов криминальных кредитно-финансовых механизмов, например, прав связанных с криптоактивами, включая фактическое обладание. Термин возник как сленг и до сих пор не закреплен в законе, хотя достаточно часто используется в подзаконных нормативных правовых актах, что приводит к разночтениям и пробелам в правоприменении.

Предлагается новое обобщающее понятие – «Изъятие (преобразование) имущества из легального оборота с целью уклонения от государственного контроля», которое включает в себя и обналичивание денежных средств, и любые иные действия по выведению активов в теневой оборот. Это понятие акцентирует конечную цель (уклонение от контроля государства) и тем самым объединяет разнородные схемы на функциональной основе. Предполагается, что новое понятие системно шире прежнего и охватывает все случаи, когда имущество перестает быть прозрачным для государственных органов – будь то получение наличных через фиктивные сделки, конверсия в криптовалюту, получение различных имущественных прав, связанных с использованием новых финансовых технологий или иные методы.

Кроме того функционально – незаконное «обналичивание» описывает способ (процедуру), а «изъятие имущества...» характеризует цель и результат (вывод из-под государственного контроля).

Содержание закреплённого в законодательстве понятия позволит повысить эффективность функционирования создаваемых моделей машинного обучения (направления искусственного интеллекта), предназначенных для выявления соответствующих аномалий, например, в элементах предпринимательского поведения хозяйствующих субъектов – поисковых признаков экономических и коррупционных преступлений, связанных с рассматриваемым феноменом. Механизм генерации (дизайна) признаков соответствующего противоправного поведения при анализе трансфера денежных средств и иных объектов гражданских прав из легальной в теневую экономику, становится более определенным в рамках классификации в целом изъятия имущества из-под государственного контроля.

Внедрение нового термина и связанного с ним методологического подхода позволит повысить эффективность в первую очередь правоприменения: начиная от организации оперативно-розыскной деятельности и проведения оперативно-розыскных мероприятий до квалификации общественно опасных деяний.

В перспективе, противодействие «изъятию (преобразованию) имущества из легального оборота с целью уклонения от государственного контроля» может стать одним из приоритетных направлений обеспечения экономической безопасности государства.

Список литературы:

1. *Мамаев М. И.* Уголовно-правовые меры противодействия незаконному обналичиванию денежных средств в условиях инновационной экономики // Закон и право. 2021. № 7.

2. Банк России рассказал об 1,2 млн дропперов в России // Ведомости. 2025. 26 сент.

3. Дропперы разыгрались. Выявлена новая схема вывода денег при помощи онлайн-казино // Коммерсантъ. 2025. 15 сент.

4. *Введенский А. Ю.* Незаконное обналичивание денежных средств как угроза экономическому росту и проблема уголовно-правовой квалификации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2023. № 1.

5. *Абдул-Кадыров Ш. М.* Противодействие незаконному обналичиванию денежных средств // Законность. 2018 № 10.

6. *Лошкарев В. В.* Противодействие незаконному обналичиванию денежных средств // Законность. 2016. № 11.

7. *Мамаев М. И.* О квалификации незаконного «обналичивания» денежных средств // Журнал российского права. 2006. № 1.

ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ МАРСАКОВ,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры организации
оперативно-разыскной деятельности
Академия управления МВД России
E-mail: ilya.marsakov.94@mail.ru

Некоторые аспекты организации оперативно-розыскной деятельности подразделений собственной безопасности органов внутренних дел по выявлению преступлений коррупционной направленности, совершаемых сотрудниками (работниками) органов внутренних дел, связанных с незаконным распространением служебной информации в сеть Интернет

Аннотация

В научной статье рассматриваются отдельные аспекты организации оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) подразделений собственной безопасности органов внутренних дел (далее – СБ ОВД), направленной на выявление преступлений коррупционной направленности, совершаемых сотрудниками (работниками) ОВД, связанных с незаконным распространением служебной информации в сети «Интернет». Особое внимание уделяется ситуациям, когда руководитель организованной преступной группы – «оператор» в сети «Интернет», осуществляющий незаконное распространение служебной информации из ведомственных информационных ресурсов третьим лицам, а сотрудники (работники) ОВД, предоставляющие ему такую информацию за незаконное вознаграждение, находятся в различных регионах страны. В работе исследовано указанное направление оперативно-служебной деятельности подразделений СБ ОВД, выявлены ключевые проблемы и предложены практикоориентированные алгоритмы поиска и фиксации оперативно значимой информации, свидетельствующей о противоправной деятельности сотрудников (работников) ОВД.

Ключевые слова и словосочетания: организация оперативно-розыскной деятельности; подразделения собственной безопасности; оператор в сети Интернет; сбыт информации, ведомственные информационные ресурсы; координация действий.

Борьба с преступлениями коррупционной направленности, совершаемыми сотрудниками (работниками) ОВД, является задачей исключительной важности и сложности. Такие противоправные деяния

подрывают доверие общества, дискредитируют всю систему правоохранительных органов Российской Федерации и создают благоприятную среду для развития организованной преступности. Подразделения СБ ОВД, выполняя функции «санитаров системы», находятся на переднем крае этой борьбы. Однако, как показывают результаты практики, традиционные силы, средства и методы ОРД в настоящее время зачастую оказываются недостаточными для выявления изощренных и тщательно скрываемых коррупционных схем [1, с. 144], что свидетельствует о высоком интеллектуальном уровне сотрудников (работников) ОВД.

Целью данной статьи является исследование отдельных аспектов организации ОРД подразделений СБ ОВД при выявлении противоправной деятельности сотрудников (работников) ОВД, связанной с незаконным распространением служебной информации в сети «Интернет». В статье проводится анализ существующих проблем в данной сфере и предлагаются возможные пути их решения.

В современном обществе информация представляет собой один из важнейших и наиболее ценных ресурсов. Однако с ростом ее значимости возрастает и количество преступлений, связанных с незаконным получением и распространением сведений. Особую опасность представляют случаи, когда сотрудники (работники) ОВД, обладая доступом к ведомственным информационным ресурсам, из корыстных побуждений либо по иным мотивам передают служебную информацию или предоставляют доступ к базам данных лицам, не имеющим на то законных оснований, а указанные лица впоследствии используют полученные сведения в своих целях [2, с. 127]. Согласно Доктрине информационной безопасности Российской Федерации одним из национальных интересов в информационной сфере является обеспечение и защита конституционных прав и свобод человека и гражданина в части, касающейся получения и использования информации, неприкосновенности частной жизни при использовании информационных технологий¹.

Актуально отметить, что в условиях проведения Российской Федерацией специальной военной операции на территории Украины защита информации от ее незаконного распространения приобретает критически важное значение для достижения задач, возложенных на подразделения СБ ОВД. О значимости данной проблемы регулярно заявляет Президент Российской Федерации В.В. Путин. В частности, 16 июня 2023 года в рамках Петербургского международного экономического форума он подчеркнул необходимость укрепления

¹ Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50. Ст. 7074.

информационной безопасности и обеспечения контроля за оборотом данных с целью предотвращения ущерба национальной безопасности¹.

Вопросы, касающиеся квалификации вышеуказанных деяний, представляют собой самостоятельный научный интерес и требуют отдельного всестороннего исследования. Так, уголовно-правовая природа незаконного распространения сведений, содержащихся в ведомственных информационных системах МВД России, в том числе посредством продажи служебной информации из баз данных, согласно анализу следственно-судебной практики, позволяет квалифицировать действия виновных должностных лиц по ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации). Дополнительно такие действия могут подпадать под квалификацию по ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями) и статье 290 УК РФ (получение взятки) [3, с. 3].

Кроме того, как свидетельствуют материалы некоторых архивных уголовных дел, в отдельных случаях действия должностных лиц могут содержать признаки состава преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ (государственная измена) – в части выдачи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, доверенных лицу либо ставших ему известными по службе, работе, учебе или в иных предусмотренных законодательством Российской Федерации случаях².

Опираясь на материалы следственно-судебной практики, можно констатировать наличие множества способов совершения противоправных деяний, включая коррупционные [4, с. 218]. В рамках настоящего исследования акцент сделан на одной из таких форм – участии в преступной деятельности так называемых организаторов преступных групп, специализирующихся на сбыте служебной информации из ведомственных информационных ресурсов третьим лицам. В научной и практической среде таких лиц принято называть «операторами», поскольку именно они непосредственно организуют процесс сбыта служебных сведений из ведомственных баз данных за незаконное вознаграждение. Как показало проведенное исследование, подобные деяния представляют собой серьезную угрозу национальной безопасности государства, способствуют неконтролируемому распространению служебной информации, подрывают авторитет государственных институтов и нарушают конституционные права граждан [5].

¹ Путин В. В. Выступление на Петербургском международном экономическом форуме [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. 2023. 16 июня. URL: <https://www.kremlin.ru/events/president/news/71496> (дата обращения: 02.07.2025).

² Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс] : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 21.04.2025 № 102-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

С целью выявления противоправной деятельности операторов в сети «Интернет» подразделения СБ ОВД проводят комплекс оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ). Однако в условиях, когда оператор и сотрудник (работник) ОВД находятся в разных регионах Российской Федерации, подразделения СБ ОВД сталкиваются с рядом проблем в рамках организации ОРД.

Одной из особенностей рассматриваемой проблемы является тот факт, что территориальная разобщенность – различное местонахождение так называемого «оператора» и сотрудников (работников) ОВД – существенно затрудняет процесс поиска и фиксации оперативно значимой информации, свидетельствующей о противоправной деятельности последних. Это обусловлено необходимостью одновременного проведения комплекса ОРМ в разных субъектах Российской Федерации, что, в свою очередь, требует от сотрудников подразделений СБ ОВД заблаговременно и детально спланированной подготовки, строгого соблюдения требований действующего законодательства в сфере ОРД, а также высокой согласованности действий нескольких подразделений СБ ОВД на региональном и (или) окружном уровнях.

На наш взгляд, для эффективного поиска и фиксации признаков, свидетельствующих о противоправной деятельности указанных лиц, сотрудникам подразделений СБ ОВД целесообразно осуществлять изъятие средств связи (смартфонов, планшетов, ноутбуков, стационарных персональных компьютеров), используемых оператором для коммуникации с третьими лицами, в том числе посредством проведения ОРМ – «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств»¹. Указанная деятельность по выявлению и фиксации оперативно значимой информации требует четкой координации действий всех задействованных подразделений СБ ОВД на местах. При этом необходимо учитывать, что, как показали результаты проведенного исследования, одному «оператору» информацию из ведомственных информационных ресурсов, как правило, предоставляют не один, а несколько сотрудников (работников) ОВД, зачастую дислоцирующихся в различных регионах Российской Федерации, что обуславливает необходимость внутреннего взаимодействия сразу нескольких подразделений СБ ОВД [5, с. 104].

С учетом изложенного, а также обобщая материалы, подвергшиеся исследованию, предпринята попытка сформулировать отдельные алгоритмы организации ОРД подразделений СБ ОВД на региональном и окружном уровнях в целях повышения эффективности выявления преступлений коррупционной направленности, совершаемых

¹ Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ: в ред. Федер. закона от 29.12.2022 № 638-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

сотрудниками (работниками) ОВД, связанных с незаконным распространением служебной информации в сеть «Интернет»:

1. Централизованное взаимодействие всех подразделений СБ ОВД на региональном и окружном уровнях, что позволит обеспечить одновременное проведение ОРМ в различных субъектах Российской Федерации, а также изъятие средств связи у соучастников противоправной деятельности.

2. Разработка методических рекомендаций по организации и проведению ОРМ в отношении «операторов» в сети «Интернет». Указанные рекомендации должны учитывать специфику преступлений, связанных с незаконным распространением информации из ведомственных баз данных, и содержать алгоритмы действий сотрудников СБ ОВД.

3. Совершенствование нормативной правовой базы, регулирующей деятельность подразделений СБ ОВД в сфере ОРД. Это позволит уточнить полномочия таких подразделений на региональном и окружном уровнях при осуществлении мероприятий в отношении «операторов» в сети «Интернет» и сотрудников (работников) ОВД, незаконно предоставляющих им доступ к служебной информации.

4. Учитывая высокую степень угрозы, которую представляет деятельность «операторов» в сети «Интернет», осуществляющих сбыт информации из ведомственных баз данных, подразделения СБ ОВД должны применять комплекс ОРМ, ориентированных на специфику рассматриваемых преступлений и особенности межрегионального взаимодействия при различии территориального расположения «оператора» и сотрудников (работников) ОВД, участвующих в противоправной деятельности.

Список литературы:

1. *Марсаков И. С.* Отдельные аспекты борьбы органов внутренних дел с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных технологий в кредитно-финансовой сфере // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. Т. 1. № 69.

2. *Марьин М. И., Ефимкина Н. В.* Искажение служебной информации в деятельности сотрудников органов внутренних дел: профессиональные и личностные факторы // Психология и право. 2017. Т. 7. № 4.

3. *Марсаков И. С.* Оперативно-розыскное обеспечение предварительного расследования и судебного разбирательства по делам коррупционной направленности в сфере закупок // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4(60).

4. *Васильев А. В.* Понятие и виды коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками полиции // Научный электронный журнал «Меридиан». 2019. № 14 (32).

5. *Дворников А. А.* Уголовно-правовая охрана государственной и служебной тайны в органах внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук : специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право. Тюмень, 2007. 17 мая.

6. *Марсаков И. С.* Особенности взаимодействия подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции на этапе выявления преступлений коррупционной направленности, совершаемых в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд // *Философия права*. 2023. № 1 (104).

КОНСТАНТИН ИГОРЕВИЧ НИКИТИН,
преподаватель кафедры специальных дисциплин
филиал Казанского юридического института МВД России
(г. Набережные Челны)
E-mail: mister.konstantin.nikitin@mail.ru

Виктимологическая характеристика потерпевших от незаконных действий коллекторов (ст. 172.4 УК РФ)

Аннотация

В данной статье проводится виктимологический анализ незаконной деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц, основное внимание уделяется виктимологической характеристике потерпевшего. Раскрываются основные причины и условия роста взыскания долгов незаконными средствами и их значительным деструктивным воздействием на права и психологическое состояние граждан. Рассматриваются и систематизируются социально-демографические, психологические и поведенческие характеристики жертв, обуславливающие их уязвимость перед противоправными действиями коллекторов.

***Ключевые слова и словосочетания:** виктимология; потерпевший; незаконные действия; коллектор; виктимологическая характеристика; возврат просроченной задолженности.*

Современная финансовая реальность Российской Федерации характеризуется широким распространением кредитных отношений, что, наряду с бесспорными экономическими выгодами, породило и ряд острых социальных проблем. Одной из наиболее значимых является проблема незаконного воздействия на должников со стороны субъектов, осуществляющих возврат просроченной задолженности вне правового поля. Данное явление давно перестало быть маргинальным и представляет серьезную угрозу общественной безопасности, правопорядку и психологическому благополучию граждан.

Если криминальная составляющая деятельности «черных коллекторов» (состав преступлений, личность преступника) изучена в определенной степени, то виктимологический аспект, т.е. учение о жертве преступления, остается менее исследованным. Как справедливо отмечал один из основоположников советской виктимологии Л.В. Франк, «изучение личности потерпевшего, его поведения, связей с преступником и роли в

механизме преступления имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение для профилактики преступлений» [1, с. 12]. Понимание того, кто становится жертвой, какие личностные и ситуационные факторы повышают риск виктимизации, позволяет разрабатывать эффективные превентивные стратегии.

Советская и российская виктимологическая школа сформировала подробный категориальный аппарат для анализа жертвы преступления. В.И. Полубинский, развивая идеи Л.В. Франка, определил виктимность как «объективно присущую человеку как социальной единице предрасположенность при определенных обстоятельствах становиться жертвой преступления» [2, с. 45]. При этом он различал виктимность общую (потенциальную уязвимость любого человека) и специальную (обусловленную конкретными личностными качествами, статусом, поведением).

Применительно к долговым отношениям, Д.В. Ривман выделял понятие «виктимогенной ситуации», подчеркивая, что «определенные жизненные обстоятельства, в которые попадает индивид, могут сами по себе нести в себе заряд повышенной виктимности» [3, с. 78]. Сама по себе ситуация просроченной задолженности является мощным виктимогенным фактором, создающим почву для злоупотреблений. Однако, как отмечала В.С. Минская, «не всякий должник становится жертвой преступления; решающую роль играет его личностный ресурс, способность противостоять давлению и знание законных способов защиты» [4, с. 23].

Важным для нашего анализа является введенное П.С. Дагелем понятие «виновного поведения потерпевшего», которое, однако, ни в коей мере не оправдывает преступника. Речь идет о действиях жертвы, которые объективно способствовали совершению преступления, например, заключение кабальной сделки, отсутствие элементарных предосторожностей при общении с кредитором [5, с. 21].

Таким образом, теоретический фундамент отечественной виктимологии позволяет анализировать жертву незаконного взыскания долгов не как пассивный объект, а как участника сложного взаимодействия, чьи характеристики и поведение влияют на вероятность и механизм виктимизации.

На основе анализа судебной практики, данных социологических опросов и материалов правоохранительных органов можно выделить устойчивые социально-демографические черты, характерные для типичной жертвы незаконных действий по возврату долга.

Возраст. Наиболее уязвимой группой являются лица в возрасте от 25 до 45 лет. Эта категория граждан демонстрирует высокую экономическую активность и является лидером по использованию кредитных продуктов (ипотека, автокредиты, потребительские кредиты, займы в микрофинансовых организациях) и в то же время часто находящейся в

ситуации финансовой нестабильности из-за создания семьи, рождения детей, покупки жилья. Пенсионеры и молодежь до 25 лет сталкиваются с иными формами давления, но реже становятся мишенью для систематического силового, психологического воздействия.

Социальное положение. Преимущественно это представители среднедоходных и низкодоходных групп: рабочие, служащие, мелкие предприниматели. Их финансовая «подушка безопасности» крайне невелика, и потеря работы или непредвиденные расходы легко приводят к просрочке. Как отмечает А.И. Долгова, «экономическая уязвимость является ключевым фактором, приковывающим внимание криминальных элементов, которые рассчитывают на безысходность жертвы» [6, с. 156].

Образование. Часто жертвы имеют среднее специальное или среднее образование. Более низкий уровень образования может коррелировать с недостаточной правовой и финансовой грамотностью, что затрудняет понимание условий кредитного договора и способов законной защиты.

Семейное положение. Значительную долю потерпевших составляют семейные люди, несущие ответственность за содержание детей и/или престарелых родителей. Это делает их более уязвимыми для психологического давления, связанного с угрозами причинения вреда близким и родным людям.

В.С. Минская указывала на существование «групп риска» – категорий населения, чей социальный статус изначально повышает их виктимность [4, с. 113]. В нашем случае, такая группа – это социально-экономически неустойчивые слои, ограниченные в доступе к легальным и дешевым финансовым ресурсам.

Социально-демографические параметры лишь создают предпосылку, но решающую роль играют личностные качества и модели поведения индивида.

Повышенная тревожность и мнительность. Жертвы часто характеризуются неустойчивой психикой, склонны к панике в стрессовых ситуациях. Это делает их податливыми для манипуляций и угроз. Криминальный коллектор, по сути, использует технику «выбивания долга», основанную на целенаправленном усилении тревоги до уровня, парализующего волю.

Правовой нигилизм и низкая правовая грамотность. Многие потерпевшие искренне верят, что закон находится на стороне кредитора в любой ситуации, и не знают о существовании таких институтов, как срок исковой давности, процедура банкротства физического лица, законность процентов и штрафов. Они не обращаются в правоохранительные органы, полагая это бесполезным или даже опасным. Д.В. Ривман называл это «синдромом приобретенной беспомощности» в правовой сфере [3, с. 83].

Конфликтность или, наоборот, пассивность. Одни жертвы своими резкими и необдуманными действиями (оскорбления, угрозы в ответ)

могут усугублять конфликт, провоцируя эскалацию насилия. Другие, отличающиеся пассивностью и конформностью, легко подчиняются незаконным требованиям, соглашаясь на кабальные условия реструктуризации.

Склонность к риску и финансовой недисциплинированности. Часть потерпевших изначально берут кредиты, не соизмеряя свои реальные финансовые возможности, или пользуются услугами сомнительных микрофинансовых организаций (МФО) с заведомо грабительскими процентами. П.С. Дагель относил такое поведение к видам «неосторожного провоцирования» виктимизации [5, с. 22].

Комплекс этих психологических черт формирует то, что Л.В. Франк определял как «индивидуальную виктимность» – личностную предрасположенность стать жертвой [1, с. 127]. В контексте долговых отношений такая предрасположенность реализуется в полной мере.

Помимо личностных качеств, важнейшую роль играет ситуация, в которой оказывается должник, т.е. становится жертвой обстоятельств.

Характер долга. Наиболее виктимогенными являются долги по займам, полученным в небанковских учреждениях (МФО, частные лица), где правовое регулирование слабее, а проценты выше. Часто именно такие кредиторы прибегают к нелегальным методам воздействия.

Размер и срок просрочки. Чем больше сумма и срок, тем выше вероятность перехода кредитора к криминальным практикам, так как легальные механизмы взыскания могут уже не сработать.

Отношения с кредитором. Отсутствие письменного договора или наличие в нем расплывчатых формулировок изначально ставит должника в уязвимое положение. Обращение к частным лицам, связанным с криминалом, изначально создает ситуацию повышенного риска.

Проведенный анализ позволяет определить характер типичной жертвы незаконной деятельности по возврату просроченной задолженности. Это лицо в возрасте 25-45 лет, относящееся к социально- и экономически уязвимым группам, с недостаточным уровнем правовой и финансовой грамотности, характеризующееся повышенной тревожностью, правовым нигилизмом и либо пассивно-подчиняемым, либо неконструктивно-конфликтным типом поведения. Виктимизация происходит в результате стечения личностных предрасположенностей (специальная виктимность) и специфической виктимогенной ситуации долговой зависимости.

Список литературы:

1. Франк Л. В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе: Ирфон, 1977. 237 с.

2. *Полубинский В. И.* Виктимологические аспекты профилактики преступлений : учебное пособие. М.: Акад. МВД СССР, 1980. 77 с.
3. *Ривман Д. В.* Виктимология: для практических работников, преподавателей, аспирантов, студентов юридических вузов / Д. В. Ривман, В. С. Устинов. СПб. : Юридический центр Пресс, 2000. 332 с.
4. *Минская В. С.* Виктимологические факторы и механизм преступного поведения / В. С. Минская, Г. И. Чечель. Иркутск : Иркутский университет, 1988. 149 с.
5. *Дагель П. С.* Проблемы виновного поведения потерпевшего в советском уголовном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Юрид. фак. Л., 1969. 34 с.
6. *Долгова, А. И.* Криминология: краткий учебный курс. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: ИНФРА-М, 2025. 368 с.
7. *Квашиш В. Е.* Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений. М. : Nota Bene, 1999. 278 с.
8. *Антонян Ю. М.* Криминология: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. 388 с.

ЛЕНАР ВАЗЫХОВИЧ САТДИНОВ,
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра
Академия управления МВД России
E-mail: LenarSV01@mail.ru

МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА ДАВЫДОВСКАЯ,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник научно-исследовательского центра
Академия управления МВД России
E-mail: marri@list.ru

**Участие понятых в современном уголовном судопроизводстве:
насущная потребность или дань традиции?**

Аннотация

В научной статье авторы на основе комплексного анализа научно-теоретических положений, а также законодательных норм, посвященных общим правилам и процессуальному порядку производства следственных действий, определили место, роль и процессуальное значение понятых в современном уголовном судопроизводстве, как субъектов, обладающих нейтральным статусом и призванных удостоверить факт производства следственного действия, его процессуальное содержание, последовательность и характер производимых следователем (дознавателем) действий, а также совокупность получаемых в результате проведенного следственного действия доказательств, тем самым обеспечивая объективность, полноту и всесторонность расследования по уголовным делам.

Ключевые слова и словосочетания: лица, не заинтересованные в исходе уголовного дела; понятые; уголовное судопроизводство; стадии уголовного судопроизводства; участники уголовного судопроизводства; следственное действие; содержание следственного действия; результаты следственного действия; технические средства.

Уголовное судопроизводство – сфера деятельности органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, которая призвана четко и однозначно ответить на все вопросы о совершенном преступлении. Полное и всестороннее познание события совершенного преступления и совокупности всех обстоятельств его совершения осуществляется строго в рамках установленных законодателем общих правил и процессуального

порядка производства следственных и процессуальных действий. Все правовые нормы, регламентирующие условия и порядок производства следственных действий, процессуальное закрепление хода и результатов их проведения направлены на соблюдение принципа законности и неукоснительное следование требованиям права всеми субъектами уголовно-процессуальных отношений, а также на защиту прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства.

Необходимо отметить, что ключевую роль в механизме обеспечения достоверности, допустимости и достаточности доказательств, полученных в результате уголовно-процессуальной деятельности, играют участники уголовного судопроизводства, которые обладают нейтральным процессуальным статусом. Данные субъекты не заинтересованы в исходе уголовного дела, они не являются участниками уголовно-процессуальных отношений со стороны обвинения или защиты, тем самым не обременены положениями принципа состязательности и не утрачивают свой нейтральный процессуальный статус независимо от стадии осуществления уголовного судопроизводства. Характер их полномочий в рамках производства по уголовному делу сводится к четко обозначенным действиям обеспечительного, вспомогательного и сопровождающего характера в ходе проведения следственных и процессуальных действий. Именуется законодателем данные участники уголовного судопроизводства как иные участники уголовного судопроизводства.

К числу таких участников уголовного судопроизводства относятся и понятые, которые выступают прежде всего гарантами достоверности, допустимости и достаточности собираемых по уголовному делу доказательств. Участие понятых в уголовном судопроизводстве продиктовано практической необходимостью удостоверения факта производства следственного либо процессуального действия, а также содержания, хода и конкретных результатов его проведения. Понятые, привлекаясь к участию в уголовном судопроизводстве, присутствуют от начала до конца следственного (процессуального) действия, наблюдают за ходом и результатами его проведения, и тем самым призваны устранять все возможные сомнения и вопросы, касающиеся допустимости и достоверности получаемых субъектами процесса доказывания доказательств.

Впервые участие понятых предусматривалось в уголовном судопроизводстве в Соборном Уложении 1649 года, хотя в нем уголовный процесс ещё не был отделен от гражданского. Цель введения – противодействие злоупотреблениям должностных лиц. В тексте Уложения сказано, что проигравшая сторона может «соблазниться подправить руку правосудия» путем фальсификации документов при помощи судебных работников [1, с. 29-31]. Таким образом, институт понятых знаком отечественному уголовному судопроизводству без малого четыреста лет.

В современном уголовном судопроизводстве понятым законодатель отводит важное место при регулировании уголовно-процессуальных отношений, поскольку их участие призвано не только восполнить неточности при проведении того или иного следственного действия, но и устранить противоречия или сомнения, удостоверить изъятие предметов или документов, последовательность действий следователя, а также зафиксировать особенности поведения всех участвующих в следственном действии лиц. Примером тому выступают предпринятые в ходе обыска попытки уничтожить или спрятать подлежащие изъятию предметы, документы или ценности, факт отказа или невозможности подписания протокола следственного действия и т.д. Несоблюдение правил об участии в следственном действии не менее двух понятых должно рассматриваться судом в качестве отступления от законодательных предписаний и повлечь негативные последствия, которые выражаются в признании полученных доказательств недопустимыми [2, с. 184-185].

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что понятые в соответствии с осуществляемой ими процессуальной ролью и предназначением в уголовном судопроизводстве, должны быть абсолютно беспристрастными и непредвзятыми как по отношению ко всем участникам уголовного судопроизводства, так и по отношению к обстоятельствам совершенного преступления. Вся сущность их полномочий сводится к визуальному наблюдению, мысленной фиксации порядка, содержания и результатов производимого следственного или процессуального действия и при необходимости пояснении следствию или суду о всех интересующих обстоятельствах, деталях и особенностях их проведения.

Для реализации своих процессуальных функций понятые вправе не просто присутствовать, а участвовать в следственном действии. Поэтому важно, чтобы следователь разъяснял понятым цель следственного действия, а также их права: 1) делать по поводу следственного действия заявления и замечания, подлежащие занесению в протокол; 2) знакомиться с протоколом следственного действия, в производстве которого он участвовал; 3) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения следователя, ограничивающие его права [3, с. 115].

Наряду с процессуальными правами законодатель наделил понятых четко вытекающей из логики их процессуального положения совокупностью процессуальных обязанностей. Так, например, понятые после участия в следственном действии, не вправе уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд, а также разглашать данные предварительного расследования, которые стали им известны в связи с их участием в качестве понятых в следственном или процессуальном действии.

В то же время, несмотря на позитивное стремление российского

законодателя максимально нейтрализовать все возможные вопросы и сомнения при производстве следственных или процессуальных действий, необходимость участия понятых в современном уголовном судопроизводстве вызывает неоднозначную реакцию и острые дискуссии, как со стороны ученых-процессуалистов, так и практических работников, наделенных процессуальными полномочиями по расследованию и разрешению уголовных дел. Основной вопрос, которым задаются ученые и практики, касается целесообразности и оправданности участия понятых в сегодняшних реалиях уголовного процесса, в век широкого внедрения и масштабного применения во всех сферах человеческой деятельности высокоэффективных технических средств и цифровых технологий, позволяющих более результативно и в более короткие сроки зафиксировать факты производства следственных действий, их процессуальный порядок и полученные результаты.

Так, согласно С. Гусакову общая тенденция свидетельствует о том, что институт понятых не оправдывает себя, поэтому его следует упразднить, найдя ему альтернативу, в качестве которой называется фиксация техническими средствами как более действенная удостоверительная функция, однако, чтобы ее осуществить, лицо должно быть высококвалифицированным специалистом в области использования технических средств фиксации. Параллельно с этим предлагается «для объективности процесса фиксации хода процессуального действия в законодательстве закрепить основные принципы видеосъемки процессуального действия (например, непрерывность, последовательность и т. д.); детали же, в том числе технику съемки, иные тактические приемы необходимо определить в подзаконном акте» [4, с. 14].

Е.Е. Коробкова, например, считает, что участие понятых не должно исключать применения технических средств фиксации, наоборот, они должны применяться вместе, дополняя друг друга. Ведь есть фактор человеческий, а есть технический, в силу которого применение технических средств по различным причинам может оказаться невозможным (разрядился аккумулятор, а запасной отсутствовал; естественное освещение было недостаточным для применения техники и т. д.). Оба эти средства фиксации должны быть сохранены в уголовном судопроизводстве и действовать на условиях взаимозаменяемости [5, с. 8-11].

Позиции вышеуказанных ученых, довольно обоснованы и справедливы. Действительно, в современном уголовном процессе имеются все предпосылки, указывающие на то, что понятых легко и успешно можно заменить путем применения в ходе следственных и процессуальных действий технических средств, позволяющих по своим техническим характеристикам на более качественном и технологичном уровне удостоверять факты производства следственных и процессуальных

действий, их последовательный ход и конкретные практические результаты со всеми возможными деталями, на которые могут опираться субъекты доказывания на дальнейших стадиях уголовного судопроизводства, в том числе и при принятии процессуальных решений по уголовному делу.

Однако, в то же время необходимо отметить, что при возникновении определенных вопросов или сомнений в части законности и обоснованности действий следователя, дознавателя, а также других лиц, технические средства фиксации хода и результатов следственного действия невозможно допросить, задав точные и интересующие вопросы. Понятые, для реализации данной пояснительной функции представляются более состоятельными субъектами, способствующими раскрытию всех интересующих вопросов и деталей, касающихся проведенного следственного или процессуального действия.

Ещё одним положительным аспектом предлагаемой замены понятых путем применения технических средств ученые и практики называют освобождение следователей и дознавателей от бремени поиска незаинтересованных в исходе уголовного дела лиц для участия в качестве понятых перед началом следственного действия. Очень часто многие следственные действия не представляется возможным начать своевременно именно по причине отсутствия и сложностей поиска незаинтересованных лиц. Данное обстоятельство замедляет деятельность следственных органов, направленную на раскрытие преступлений по горячим следам, по своевременному выявлению, изъятию и закреплению в установленном порядке доказательств. Фактором, затрудняющим поиск и привлечение лиц к участию в качестве понятых, является необходимость верной оценки данных лиц на предмет их незаинтересованности в исходе уголовного дела сразу же перед началом следственного действия, т.е. за довольно короткий промежуток времени. Как правило, лица, привлекаемые к участию в качестве понятых, проживают недалеко от места совершения преступления и соответственно от места производства следственного действия, очень часто они бывают знакомы с другими участниками уголовного процесса и гипотетическая вероятность их заинтересованности в исходе уголовного дела, все же существует.

В основе приоритетов современного российского законодателя в сфере уголовного судопроизводства лежат цели и задачи, направленные на процессуальную экономию и реализацию разумных сроков уголовного судопроизводства. Осуществление функций понятых путем использования технических средств фиксации хода и результатов следственных действий, несомненно способствует реализации положений о разумных сроках уголовного судопроизводства без ущерба качеству производимых следственных действий.

В то же время стоит отметить, что по сути еще в 2013 году

российский законодатель предпринял реальные шаги по замене участия понятых путем применения технических средств хода и результатов следственного действия, внося Федеральным законом от 04.03.2013 № 23¹ в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации существенные поправки, предусматривающие обязательное участие не менее двух понятых всего по трем следственным действиям – обыск, личный обыск, предъявление для опознания, а также в последующем внес норму, предусматривающую участие понятых в случае изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий. Таким образом, данной правовой нормой российский законодатель существенно сузил круг обязательного участия понятых в следственных и процессуальных действиях. По оставшимся следственным действиям правоприменителю законодателем была предоставлена альтернатива в виде возможности применения технических средств фиксации хода и результатов следственного действия вместо участия понятых.

Подводя итог, необходимо отметить, что понятые были и остаются основными гарантами законности и эффективности производства следственных и процессуальных действий в российском уголовном судопроизводстве. Несмотря на стремительное развитие технических средств и цифровых технологий в любой области, в том числе в отечественной правовой сфере, потребность участия понятых в следственных и процессуальных действиях, является насущной и в сегодняшние дни. Благодаря участию понятых представляется возможным объективно, беспристрастно и полностью фиксировать ход и результаты любого следственного или процессуального действия, что позволяет своевременно выявлять и устанавливать все обстоятельства совершенного преступления.

Список литературы:

1. Михайлов А. Институт понятых – архаизм российского уголовного судопроизводства // Законность. 2003. № 4.
2. Уголовный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция» / под ред. А. П. Гуськовой, Ф. К. Зиннурова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. 663 с.
3. Уголовный процесс: учебник / отв. ред. А. В. Гриненко. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. 496 с.
4. Гусаков С. Роль понятого в исполнительном производстве //

¹ Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

ЭЖ-Юрист. 2017. № 33.

5. *Коробкова Е. Е.* Проблемные вопросы участия понятого в уголовном судопроизводстве / Е.Е. Коробкова // Законодательство и практика. – 2019. – № 2. – С. 8-11.

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ СИЛАЕВ,
центр архивной информации (Центральный архив МВД России)
ФКУ «ГИАЦ МВД России»
E-mail: sasha-silaev@mail.ru

**Материалы РГВА и РГВИА о военной биографии преподавателя
Высшей школы МВД СССР В. И. Куфаева**

Аннотация

Статья посвящена военной биографии видного отечественного правоведа, специалиста в области подросткового воспитания и пресечения преступности среди несовершеннолетних профессора Василия Исидоровича Куфаева (1893 - 1977). На основании документов трёх федеральных архивов предпринимается попытка осветить боевой путь учёного во время Первой Мировой и Гражданской войн.

***Ключевые слова:** Первая Мировая война; Гражданская война.*

В этот юбилейный год, 80-летия Великой Победы над фашизмом, нам бы хотелось рассказать об одном из преподавателей Высшей школы МВД СССР, участнике ряда военных событий, являвшемся учеником А.С. Макаренко и профессора М.Н. Гернета.

К сожалению, к настоящему времени имя профессора, интенданта 3 ранга запаса¹ Василия Исидоровича Куфаева незаслуженно предано забвению в отечественной историографии права (о нём лишь упоминает в современных работах преподаватель филиала Московского государственного областного социально-гуманитарного института в г. Коломне, Е.А. Русанова)², поэтому нами предпринята скромная попытка рассказать о документах трёх федеральных архивов, повествующих о его боевом пути в годы Первой Мировой и Гражданской войн.

В Российском государственном военно-историческом архиве имеется послужной список прапорщика пехоты Василия Исидоровича Куфаева, составленный 28 октября 1916 г.³ Из данного источника мы узнаём о том, что Василий Исидорович Куфаев родился 26 декабря 1893 г. в семье

¹. РГВА Ф. 37837 Оп. 4 Д. 303. Л. 240, 273-274.

². См.: Русанова Е.А. Вы знаете, каким он был? (Василий Исидорович Куфаев) // Актуальные проблемы социально-педагогической деятельности: материалы международной научно-практической конференции, посвященной видному ученому-педагогу, профессору Куфаеву Василию Исидоровичу, Коломна, 05-06 декабря 2012 года / Министерство образования и науки РФ; Министерство образования Московской области, ГОУ ВПО «Московский государственный областной социально-гуманитарный институт». Под общ. ред. И.В. Гороховой, М.Н. Филиппова. Коломна: Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, 2013.

³. РГВИА Ф. 409. Оп. 1 Д. 142041. № 91-447.

священника Воронежской губернии по окончании обучения на юридическом факультете Императорского Варшавского университета, эвакуированный в сентябре 1915 г. в Ростов-на-Дону. На военную службу он был принят 21 апреля 1916 г. Ростовским городским присутствием по воинской повинности и почти через месяц, 27 мая отправлен на обучение в 5-ю Киевскую школу подготовки прапорщиков пехоты, куда прибыл 31 мая и был зачислен во 2-ю роту, где 22 июля произведён в войсковые унтер-офицеры, а 13 августа в младшие портупей-юнkers, 28 октября 1916 г. во время смотра юнкеров, произведённого лично Николаем II и запечатлённого в фотодокументах¹ произведён в прапорщики и на следующий день был определён к 85-му пехотному запасному полку 11-й пехотной запасной бригады, дислоцировавшийся в Астраханских казармах на Волочаевской улице в московском районе Лефортово², куда прибыл 9 ноября и был зачислен в 18-ю роту этого полка, откуда 15 февраля 1917 года «убыл в город Двинск в распоряжение полковника Горбатова», вероятно имеется в виду участие в «эпопее Двинского Вердена» боях на Двинском направлении. Так назывался эпизод Первой мировой войны на Западном фронте, когда в течение трёх лет «кайзеровские войска пытались взять Двинск (ныне Даугавпилс, Латвийская республика) – атака следовала за атакой, город обстреливался дальнотойной артиллерией, бомбился германской авиацией, пережил тотальную эвакуацию своей промышленности, государственных и административных учреждений. Однако наступление немцев здесь было остановлено. После участия в этих кровопролитных боях и Брестского мира Куфаев демобилизовался и вернулся к мирной жизни.

В картотеке военнослужащих запаса РККА, хранящейся в Российском государственном военном архиве нами обнаружена учётная карточка³, дающая информацию о дальнейшей службе Василия Куфаева в железнодорожных соединениях и частях Красной Армии в период с 1920 по 1921 г. в должностях начальника команды Саратовского железнодорожного дивизиона и помощника начальника станции узкоколейной железной дороги в Москве.

Также нами обнаружены личные дела В.И. Куфаева, заведённые на него в Госплане СССР и Наркомпросе РСФСР, которые ждут дальнейшего изучения и опубликования в следующих научных сообщениях, ибо необходимо создавать выверенную и основанную на архивных документах биографию видного учёного в области педагогики и подростковой криминологии.

¹ РГАКФД № 5-1257, 5-1263, 5-2390, 5-2582, 5-5991.

² РГВИА Ф.7817 Оп.1—3.

³ РГВА Ф. 40898 «Коллекция документов на офицеров запаса РККА».

ВИКТОР ВАЛЕРЬЕВИЧ СТРЕЛЬЧЕНКО,
преподаватель кафедры тылового обеспечения и финансового
контроля органов внутренних дел
Краснодарский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации»
E-mail: victor1389@mail.ru

**О возможности использования опыта налоговых органов
для разработки критериев и методики риск-ориентированного
подхода в организации информационного обеспечения оперативно-
розыскной деятельности подразделений экономической безопасности
и противодействия коррупции органов внутренних дел
Российской Федерации**

Аннотация

Автором анализируется возможность использования опыта налоговых органов для разработки критериев и методики риск-ориентированного подхода в организации информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации.

***Ключевые слова и словосочетания:** оперативно-розыскная деятельность; информационное обеспечение; риск-ориентированный подход; подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции; органы внутренних дел.*

В соответствии с утвержденной в России Стратегией национальной безопасности, только сбалансированное сочетание мощного государства и высокого уровня благосостояния граждан способно гарантировать формирование справедливого общества и процветание страны. Достижение этой цели требует скоординированных усилий по реализации приоритетных направлений развития, направленных на устранение внешних и внутренних угроз, а также создание благоприятных условий для достижения национальных целей¹.

Для решения этих задач государство формирует систему контрольно-надзорных органов, призванных защищать национальную экономику и регулировать финансовые отношения. Однако, только государственное регулирование и контроль не могут полностью обеспечить стабильность

¹ Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400

экономических процессов, поскольку в этих процессах активно участвует преступность в различных формах.

В связи с этим, государственные органы, включая правоохранительные и специальные службы, разрабатывают и реализуют комплекс мер, направленных на противодействие и профилактику преступлений, а также на защиту экономических интересов общества и государства. Общеизвестно, что наиболее эффективным способом борьбы с преступностью является своевременное получение информации о готовящихся, совершаемых или уже совершенных преступлениях.

В Российской Федерации данный подход имеет и свое законодательное закрепление¹, где в первой своей статье, которая фактически является преамбулой, раскрывает не только понятие ОРД как вида деятельности уполномоченных государственных органов (т.е. государственной деятельности), но дает нам представление о её сущности, задачах и методике. ФЗ «Об ОРД» в статье 2 в числе задач данного вида правоохранительной деятельности определяет обеспечение экономической безопасности путем добывания сведений о наличии соответствующих угроз.

Состояние преступности, особенно в экономической и коррупционной сферах, оказывает существенное влияние на социально-экономическое и политическое развитие России, затрагивая различные отрасли экономики, общество в целом и благосостояние населения.

Как отмечают Э.А. Васильева и Т.В. Прокофьева, для предотвращения подрыва экономической безопасности государства необходим адекватный и своевременный ответ правоохранительных органов на криминализацию и коррумпирование экономики, включающий комплексные правовые, организационные и тактические меры [2, с. 31].

По мнению М.И. Гранкина, российское государство должно создать правовую основу для защиты экономической базы конституционного строя, которая бы соответствовала реалиям времени, позволяла специализированным государственным органам и бизнес-структурам минимизировать экономические и социальные риски, а также эффективно противодействовать внутренним и внешним угрозам, включая те, которые обусловлены мировым финансово-экономическим кризисом [3, с. 34].

В течение последнего десятилетия наблюдается изменение подхода государства к экономике, особенно в сфере предпринимательства, в сторону смягчения и уменьшения строгости государственного, включая финансовый, надзора. Президент России, В.В. Путин, в своём обращении к Федеральному собранию в феврале 2024 года выразил мнение о целесообразности отказа от временных ограничений на инспекции бизнеса с начала 2025 года, предложив заменить их на систему, основанную на

¹ См.: Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ. Собрание законодательства Российской Федерации, 14.08.1995, N 33, ст. 3349.

оценке рисков, и законодательно закрепить её. Он подчеркнул необходимость применения превентивных мер в областях, где риски минимальны, с целью сокращения общего числа проверок¹.

В этой связи, мы обращаемся к важному аспекту – защищенности экономической системы, или экономической безопасности. Это понятие, определенное в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года, трактуется как «гарантированное состояние национальной экономики от опасностей, исходящих как извне, так и изнутри. При этом обеспечивается независимость страны в экономических вопросах, целостность ее экономического пространства, а также создаются благоприятные условия для достижения ключевых целей национального развития Российской Федерации»². Наличие серьезных проблем и рисков для экономической стабильности, зафиксированных в «Стратегии», включая обширную теневую экономику, высокий уровень преступности и коррупции в экономических процессах, указывает на потребность в пересмотре подходов к определению ключевых задач и методов обеспечения экономической безопасности. Необходимо учитывать изменяющуюся ситуацию, возникновение новых угроз и совершенствовать способы обнаружения, предотвращения и раскрытия экономических и коррупционных преступлений.

Определение экономической безопасности и мер по ее обеспечению, содержащееся в стратегическом документе, легло в основу отраслевого акта, разработанного для достижения стратегических национальных приоритетов Российской Федерации. В соответствии с этим актом, Министерство внутренних дел Российской Федерации, в рамках своей компетенции, напрямую участвует в обеспечении экономической безопасности страны³. В структуре МВД России ключевую роль в этой сфере играет специализированное подразделение, название которого отражает его функциональные обязанности⁴. В соответствии с утвержденной Концепцией, подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел являются основными участниками процесса обеспечения экономической безопасности Российской Федерации в системе МВД России.

В связи с этим, целесообразно провести анализ основных концепций риск-ориентированного подхода, применяемых в работе органов

¹ Послание Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина Федеральному собранию Российской Федерации. Москва, 29 февраля 2024 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585> (дата обращения: 01.03.2025).

² Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 года № 208.

³ См.: Концепции реализации в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации государственной политики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации. Утверждена приказом МВД России от 14.10.2021 N 760.

⁴ Положение о Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации: утверждено приказом МВД России от 16 марта 2015 г. N 340 // СПС «Гарант».

государственной власти Российской Федерации, с целью их адаптации и использования в оперативно-розыскной деятельности (ОРД) подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации¹.

Официальное толкование этого понятия закреплено в пункте 2 статьи 8.1 Закона РФ № 294-ФЗ от 26 декабря 2008 года, озаглавленного «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного и муниципального контроля»². Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 248-ФЗ) разграничивает применение риск-ориентированного подхода в процессе контрольно-надзорной работы, определяя шесть уровней опасности нанесения вреда охраняемым законом ценностям: от крайне высокого до низкого, включая высокий, значительный, средний и умеренный. Присвоенная контролирующими инстанциями степень риска напрямую определяет периодичность плановых проверок в отношении экономических и прочих субъектов деятельности.

В соответствии с Постановлением Правительства РФ № 806 от 17.08.2016, вступили в силу "Правила" установления категории риска или класса опасности для работы юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и их производственных площадок.

Также был утвержден "Перечень" видов государственного контроля (надзора), осуществляемых с применением риск-ориентированного подхода. Этот документ внес изменения в ряд правительственных актов.

Однако, Постановлением Правительства РФ № 336 от 10 марта 2022 года, был введен мораторий до 2030 года на проведение плановых проверок предприятий, отнесенных к категориям низкого, умеренного, среднего и значительного риска. Важно отметить, что данное ограничение не затрагивает те виды государственного контроля (надзора), к которым не применяется риск-ориентированная модель, и чья организация и реализация регулируется Федеральным законом № 294-ФЗ от 26 декабря 2008 года³.

¹ Далее по тексту – ЭБиПК.

² В рамках законодательства, риск-ориентированный подход рассматривается как способ организации и реализации государственного контроля (надзора), где, в установленных законом ситуациях, степень интенсивности (выбор формы, длительности и частоты) контрольных и профилактических мероприятий зависит от отнесения деятельности организации, индивидуального предпринимателя и (или) используемых ими производственных объектов к конкретной категории риска или классу опасности. Иными словами, выбор контрольных мер осуществляется в зависимости от уровня потенциального ущерба, связанного с деятельностью проверяемого объекта. Такой подход позволяет более эффективно распределять ресурсы и концентрировать усилия на наиболее опасных участках деятельности.

³ Прокурор разъясняет: «О присвоении и изменении категории риска деятельности или объекта контроля хозяйствующих субъектов». Интернет-сайт прокуратуры Хабаровского края. 28 ноября 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_27/activity/legal-education/explain?item=100178369 (дата обращения: 01.03.2025).

Сложно оспорить точку зрения П.И. Иванова, который аргументированно утверждает, что ключевую роль в создании необходимых условий играет внедрение риск-ориентированной стратегии в борьбу с экономическими и коррупционными преступлениями. Данный подход, в первую очередь, нацелен на минимизацию рисков и предотвращение ущерба, наносимого экономической безопасности [4, с. 82]. Иными словами, автор справедливо подчеркивает, что акцент на управлении рисками в антикоррупционной и экономической деятельности позволяет более эффективно защищать экономические интересы государства и общества. Такой подход предоставляет возможность заранее выявлять потенциальные угрозы и разрабатывать контрмеры для их нейтрализации, что значительно повышает эффективность работы правоохранительных органов.

Применение с учетом сказанного риск-ориентированного подхода по мнению ряда исследователей, в первую очередь направлено на увеличение прозрачности всех финансовых операций, в том числе в рамках экономики страны в целом, что позволит существенно, по их мнению, «снизить действие «теневого» сектора экономики и исключения недобросовестной конкуренции» [1, с. 115]. Изучение больших объемов информации о работе государственных структур России демонстрирует, что особенно заметно это проявляется в работе налоговых инспекций. В целях поддержания устойчивости экономики и воспитания законопослушности, стимулирование налогоплательщиков к самостоятельному пересмотру своих налоговых обязательств становится одной из приоритетных целей налоговой службы. В данном контексте мы говорим, прежде всего, о стремлении мотивировать налогоплательщиков к добровольному отказу от методов и средств незаконного уменьшения налогов, и, конечно, о необходимости разработать и донести до плательщиков определенные "принципы", следуя которым, они смогут обеспечить себе уровень предсказуемости в налоговой сфере и сократить степень вмешательства государства в их коммерческую деятельность.

Вполне закономерно, что многие аналитики сходятся во мнении: потребность в контроле обусловлена стремлением к более эффективному налоговому администрированию и увеличению поступлений в государственный бюджет. Произошла трансформация в подходах к проверкам: от всеобъемлющих ревизий перешли к выборочным, при этом значительно усилилась аналитическая работа налоговых инспекций и разработка методов выявления уклонения от налогов. Федеральная налоговая служба активно стимулирует налогоплательщиков к самостоятельному уточнению и исполнению своих налоговых обязательств в добровольном порядке [1, с. 116].

Действующее налоговое законодательство Российской Федерации не предусматривает систематическое применение выездных налоговых проверок в качестве формы государственного финансового надзора.

Однако, следует отметить, что до начала 2007 года отбор налогоплательщиков для проведения проверок был исключительно внутренним и секретным процессом налоговых органов. Этот процесс осуществлялся в соответствии с внутренними инструкциями и правилами Федеральной налоговой службы (ФНС), предназначенными только для служебного пользования.

В настоящее время особенности отбора налогоплательщиков, критерии и порядок назначения выездных налоговых проверок закреплены в соответствующей Концепции, утвержденной приказом ФНС от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@¹. Сама Концепция является общедоступным документом и при необходимости с ее текстом может ознакомиться каждый желающий, как субъект предпринимательства, так и любое иное лицо без ограничений.

Предназначенная для упрощения взаимодействия между налогоплательщиками и инспекциями, концепция служит основой для унифицированной системы планирования выездных проверок. В ее основе лежит углубленное и систематическое изучение и анализ сведений о налогоплательщиках, поступающих в ФНС из различных источников, как внутренних, так и внешних.

Информация, получаемая налоговыми органами непосредственно в ходе выполнения их функций, классифицируется как внутренняя. Сюда относятся данные из государственных реестров юридических лиц и ИП, данные налоговой и бухгалтерской отчетности, сведения о доходах физических лиц, результаты камеральных и выездных проверок, а также информация из интегрированных баз данных, таких как АСК «НДС», "Камеральные налоговые проверки", "Выездные налоговые проверки", "Расчеты с бюджетом", "Банковские счета", ПИК "Таможня", ПИК "Однодневка".

К внешним источникам относится информация, получаемая ФНС в соответствии с международными договорами, законодательством РФ или соглашениями об обмене информацией с контролирующими органами, органами власти (включая Социальный фонд России, ФОМС, ФСС, ФТС России, Россельхознадзор и др.).

Налоговые инспекторы изучают любую общедоступную информацию, в том числе данные из СМИ о реализации товаров, работ и услуг, публикации в интернете, а также обращения от физических и юридических лиц.

¹ Далее – Концепция.

В отношении всех налогоплательщиков, независимо от формы собственности и объемов налоговых обязательств, ведется непрерывный сбор и анализ информации.

Анализ финансово-экономических показателей деятельности налогоплательщиков для отбора кандидатов на выездные проверки включает: анализ динамики сумм исчисленных и уплаченных налоговых платежей (для выявления снижения налоговых начислений и контроля за своевременностью уплаты), анализ показателей налоговой и бухгалтерской отчетности (для выявления отклонений от предыдущих периодов или среднестатистических показателей, несоответствий в документах и расхождений с данными налогового органа), а также анализ факторов, влияющих на формирование налоговой базы.

В качестве примера можно привести нашумевшее дело предпринимателя Блиновской Е.О.¹ В результате налоговой проверки на месте были выявлены доказательства того, что налогоплательщик, используя взаимосвязанные и находящиеся под её контролем организации (далее – участники схемы), применяющие упрощенную систему налогообложения (УСН), выстроила систему для неправомерного уменьшения своих налоговых платежей. Эта система маскировала её фактическую деятельность по организации тренинг-марафонов под маркой "Блиновская" под псевдофинансовую активность подконтрольных организаций.

В период с 2019 по 2021 годы индивидуальным предпринимателем (ИП) были заключены лицензионные соглашения с участниками схемы для передачи прав на использование результатов интеллектуальной деятельности (РИД). В этих соглашениях было указано, что правообладатель (ИП Блиновская Е.О.) предоставляет приобретателю право на использование РИД в оговоренном объеме, а приобретатель, в свою очередь, выплачивает правообладателю установленное вознаграждение.

Схема заключалась в том, что новые участники привлекались к реализации интеллектуальных продуктов заявителя по мере достижения ею и каждым из последующих участников предельных показателей, после которых применение УСН становилось невозможным (так называемое "дробление бизнеса"). Все участники схемы занимались одним и тем же видом деятельности – реализацией интеллектуальной собственности заявителя. При этом денежные средства, поступающие на счета участников, шли на нужды заявителя или на общее развитие бизнеса всех участников (совместная реклама, создание веб-сайтов и приложений,

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.10.2024. Дело № А40-304494/2023. Картотека арбитражных дел. Файл «А40-304494-2023_20241011_Reshenija_i_postanovlenija.pdf». [Электронный ресурс]. URL: ad.arbitr.ru/Document/Pdf/066b9c69-edf9-47dc-878d-16baa00a6b73/6d850db8-c32f-422c-92ae-ad549ad06b2d/A40-304494-2023_20241011_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 05.05.2025).

общие корпоративные мероприятия и т.п.). Новые участники регистрировались незадолго до заключения договора с заявителем. Была выявлена единая система управления, перераспределение персонала между участниками схемы, единые адреса электронной почты и телефонные номера для управления расчетными счетами (использование счетов участников в интересах заявителя). Участники схемы оплачивали счета ИП Блиновской Е.О. по её указанию.

Эта схема позволила ИП Блиновской Е.О. в нарушение статей 54.1, 208, 210, пунктов 1 и 2 статьи 221 Налогового кодекса РФ не отражать в декларациях по НДФЛ и НДС за 2019-2021 годы полную сумму доходов от предпринимательской деятельности, а также, в нарушение пунктов 4 и 6 статьи 346.13 НК РФ, неправомерно применять УСН в 1-3 кварталах 2019 года (так как полученные доходы превышали допустимые лимиты для УСН) и уплачивать налоги по УСН с доходов, переведенных на участников схемы.

Налоговые органы, опираясь на анализ имеющихся данных, выявляют потенциальные области налоговых нарушений («рисковые зоны») и разрабатывают меры налогового контроля, направленные на их обнаружение и предотвращение. При планировании проверок тщательно изучаются все значимые детали как конкретной сделки, так и всей деятельности налогоплательщика.

Для любого налогоплательщика в любой отрасли можно сформулировать три общих принципа. Во-первых, налоговая оптимизация не должна быть единственной или основной причиной для осуществления хозяйственной операции. Операции, отличающиеся от стандартных для данного налогоплательщика, попадают под пристальное внимание налоговых органов. Особенно это касается операций, связанных со значительными затратами, применением большого количества льгот и вычетов, а также деятельности, нетипичной для выбранной сферы бизнеса и осуществляемой в регионах с повышенным налоговым риском, определенных ФНС. Следовательно, проявление должной осмотрительности – эффективный способ снизить налоговые риски, и это должно быть ключевым принципом при работе с контрагентами.

Развивая новаторскую по мнению П.И. Иванова идею нельзя не согласиться с тем, что «оперативно-розыскное противодействие, осуществляемое с применением риск-ориентированного подхода – приоритетное направление ОРД подразделений ЭБиПК по борьбе с преступлениями экономической и коррупционной направленности, совершаемых в сфере бюджетного финансирования. Успешное решение указанной задачи предполагает разработку оптимальной программы действий, преследующей цель выявления скрытых между противодействием названным видам преступлений и рассматриваемой моделью взаимосвязей, тенденций, закономерностей и рисков» [4, с. 89].

В числе приоритетов органов правоохранения, помимо выявления и пресечения экономических и коррупционных преступлений, важное место занимает анализ текущей криминогенной обстановки. Следовательно, ключевым аспектом в работе оперативных подразделений становится организация информационного обеспечения, поскольку именно информация служит главным инструментом в борьбе с преступностью.

Автор, опираясь на личный опыт и профессиональные наблюдения, полагает, что подходы, применяемые налоговыми органами при планировании и проведении налоговых проверок, а также используемые ими критерии, могут быть успешно адаптированы для организации информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности. В частности, возможно использование следующих критериев для выявления объектов поиска подразделениями ЭБиПК:

- *Осуществление финансово-хозяйственной деятельности через сложные цепочки контрагентов-посредников без очевидных экономических оснований или деловой цели.* При этом целью подобных сделок может быть незаконное получение прибыли или налоговых льгот, например, уклонение от уплаты налогов. Важно, чтобы обязательства по сделке исполнялись непосредственно стороной договора или лицом, уполномоченным на это.

- *многократная смена налоговой регистрации юридическим лицом, так называемая "миграция" между налоговыми органами.* Это подразумевает повторные снятия с учета и постановки на учет в связи с изменением местонахождения, особенно если это происходит во время выездной налоговой проверки.

- *Значительное расхождение между уровнем рентабельности компании и среднеотраслевыми показателями* (например, отклонение на 10% и более по данным официальной статистики, как это определяет ФНС России)¹.

- *отражение убытков в бухгалтерской и налоговой отчетности в течение нескольких лет*².

- *превышение темпов роста затрат над приростом доходов от продаж товаров, услуг или работ.* Согласно общей концепции, это дисбаланс в динамике увеличения расходов и поступлений, зафиксированный в финансовой отчетности.

¹ Ежегодно, не позднее 5 мая, Федеральная налоговая служба России публикует на своем официальном веб-портале среднеотраслевые показатели рентабельности. В целях упрощения анализа, они также структурированы по различным видам экономической деятельности, как указано в приложении № 4 к Концепции.

² Следует отметить, что любая компания, вне зависимости от ее структуры, всегда учреждается и работает с единственной целью – получение прибыли. Следовательно, систематические убытки в течение двух и более лет по результатам экономической и финансовой работы прямо противоречат главной задаче существования предприятия.

- *Осуществление предпринимательской деятельности (как юридическим лицом, так и индивидуальным предпринимателем) с высоким уровнем налогового риска по мнению Федеральной налоговой службы.* При оценке вероятных налоговых рисков, связанных с взаимодействием с определёнными контрагентами, налогоплательщикам рекомендуется проявлять должную осмотрительность. В этих целях на официальном сайте ФНС (www.nalog.ru) в разделе электронных сервисов "Риски бизнеса: проверь себя и своего контрагента" доступны следующие данные:

- информация о юридических лицах и индивидуальных предпринимателях, в отношении которых в ЕГРЮЛ представлены документы для государственной регистрации.

- уведомления юридических лиц, публикуемые в журнале "Вестник государственной регистрации", относительно принятых решений о ликвидации, реорганизации, уменьшении уставного капитала, приобретении обществом с ограниченной ответственностью 20% уставного капитала другого общества, а также иные сообщения, которые компании обязаны публиковать по закону.

- данные, напечатанные в "Вестнике государственной регистрации", о решениях регистрирующих органов об исключении недействующих юридических лиц из ЕГРЮЛ.

- функция поиска информации в реестре дисквалифицированных лиц.

- информация о юридических лицах, в руководящие органы которых входят дисквалифицированные лица.

- адреса, используемые несколькими юридическими лицами в качестве места нахождения при государственной регистрации.

- сведения о лицах, в отношении которых в судебном порядке установлен или подтверждён факт невозможности участия в управлении организацией.

- сведения о юридических лицах, имеющих задолженность по уплате налогов или не предоставляющих налоговую отчётность в течение года и более.

- информация о физических лицах, являющихся руководителями или учредителями (участниками) нескольких юридических лиц.

В завершение, логичным будет, учитывая общую концепцию исследования, обратиться к анализу работ влиятельных ученых, изучающих применение информационного мониторинга в контексте управления экономикой и государственными структурами.

Вполне обоснованно мнение Ш.Б. Магомедова, который отмечает преимущества использования мониторинга как инструмента получения ценных сведений об экономическом положении стран-конкурентов. Более того, своевременное уведомление компетентных органов о

неблагоприятных тенденциях в экономике создает условия для оперативной разработки действенных мер реагирования [6, с. 12].

И.Ю. Жилина, опираясь на французский опыт, определяет подобную систему как "мониторинг экономической информации (экономическую разведку)", подразумевая смену парадигмы от традиционной защиты экономических интересов к активной экономической безопасности. Мониторинг осуществляется по заранее установленному списку индикаторов, отражающих состояние экономической безопасности, включая конкуренцию, производственное развитие, экономические преступления и т.п. Эффективно выстроенный мониторинг обеспечивает наблюдение за экономическими процессами как внутри страны, так и за ее пределами. Мониторинг экономической деятельности также способствует увеличению инвестиционной привлекательности государства. В текущих условиях необходима четкая инвестиционная стратегия, подталкивающая внутренние инвестиции, что требует разработки соответствующих законодательных актов, направленных на укрепление экономического суверенитета и формирование благоприятной инвестиционной атмосферы [5].

Список литературы:

1. *Бричка Е. И., Колесник И. А., Жаркова Ю. С.* Анализ эффективности риск-ориентированного подхода в надзорной деятельности Федеральной налоговой службы в системе государственного финансового мониторинга // Омский научный вестник. 2022. Т. 7. № 2.

2. *Васильев Э. А., Прокофьева Т. В.* О некоторых проблемах борьбы с преступлениями экономической и коррупционной направленности. Эффективное противодействие преступности в условиях глобализации: проблемы и перспективы : сборник статей по материалам XXIV Междунар. науч.-практ. конф. (22–23 мая 2020 г.) / редкол.: Д. М. Берова, А. А. Цримов, М. М. Ардавов, А. К. Карданов, М. М. Хамгоков, Б. А. Тарчоков, Х. А. Аккаева, Н. Г. Канунникова, Л. А. Татаров. Электрон. дан. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020.

3. *Гранкин М. И.* К вопросу о сущности безопасности экономической основы конституционного строя // Конституционное и муниципальное право. 2010. Т 4.

4. *Иванов П. И.* Внедрение метода риск-ориентированного подхода в деятельность по оперативно-розыскному противодействию экономическим и коррупционным преступлениям (в порядке постановки проблемы) // Юрист-Правоведъ: науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2023. № 1 (104).

5. *Жилина И. Ю.* Экономическая разведка во Франции (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и

зарубежная литература. Сер. 2, Экономика: Реферативный журнал. 2005. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2005-04-026-027-ekonomicheskaya-razvedka-vo-frantsii-svodnyy-referat> (дата обращения: 01.03.2025).

6. *Магомедов Ш. Б.* К вопросу о конституционном содержании обеспечения экономической безопасности в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 1.

НУРДАУЛЕТ МЫКТЫБЕКОВИЧ СУИНДИКОВ,
магистр юриспруденции,
председатель Комитета по возврату активов Генеральной
прокуратуры Республики Казахстан,
докторант
Академия правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан
E-mail: 037Nurdauet@gmail.com

Теоретико-прикладные проблемы противодействия коррупции и перспективы их разрешения

Аннотация

В статье рассматриваются теоретико-прикладные проблемы противодействия коррупции относительно механизмов принудительного изъятия незаконно нажитого капитала. Предметом исследования выступили развитие института конфискации в России и Казахстане с акцентом на гражданское судопроизводство. Целью явилось изучение международных стандартов, алгоритмов применения различных моделей конфискации имущества, определение наилучшего мирового опыта в целях выработки законодательных и практических предложений. Отмечена важность соблюдения при применении вещных исков баланса частных и публичных интересов. Предложено внедрение единых подходов к комплексному применению уголовно-правовых и гражданско-правовых мер противодействия коррупции с четким разграничением юридических границ, обеспечивающих надежную защиту прав, гарантируемых международными конвенциями и национальными конституциями.

***Ключевые слова и словосочетания:** уголовная политика; борьба с коррупцией; незаконное обогащение; конфискация; незаконные активы; презумпция невиновности; право собственности.*

Общеизвестно, что одним из общественно опасных явлений, создающих угрозы национальной и глобальной безопасности, является коррупция.

При этом, последствия коррупционной деятельности не ограничиваются незаконным обогащением отдельных лиц, неправомерным, несправедливым разрешением конкретных дел.

Коррупцией наносится непоправимый социальный ущерб, выражающийся в подрыве доверия к институтам государственной власти,

к верховенству закона, в росте восприятия неравенства и общественно-политической нестабильности.

Продажность государственных служащих и реализация ими своих корыстно-эгоистических замыслов чаще всего негативно отражается в наиболее уязвимых группах населения, усложняя или сокращая доступ к системам здравоохранения, образования, правосудия и другим базовым услугам.

В целом, мздоимство серьезно препятствует устойчивому развитию. По оценкам экспертов при дефиците инвестиций в 4 триллиона долларов США в год коррупция обходится развивающимся странам в 1,26 триллиона долларов США. Этой суммы хватило бы, чтобы 1,4 миллиарда человек, живущих менее чем на 1,25 доллара в день, поднялись над порогом бедности как минимум на шесть лет [2, с. 3].

В этой связи, как в России, так и в Казахстане, с каждым годом наращиваются усилия, принимаются комплексные меры по противодействию коррупции, в том числе в уголовно-правовой сфере.

Однако, эта деятельность закономерно сталкивается с рядом теоретико-прикладных проблем.

В частности, представляется, что наиболее эффективным инструментом в противодействии корыстным преступлениям, включая коррупцию, является изъятие неправомерно нажитого имущества, то есть лишение усилий по криминальному обогащению какого-либо смысла.

Подходы к реализации этой идеи вызывают активные дискуссии, как в научных кругах с позиции теоретических суждений, так и среди юристов-практиков в части законодательного регулирования и применения соответствующих механизмов.

Уголовная политика России на современном этапе претерпевала неоднократные изменения относительно конфискации активов подсудимого по приговору суда.

В Казахстане и России, как и во многих странах мира, внедряются различные модели гражданской конфискации незаконно приобретенного имущества.

Вместе с тем, применение данного института, его действенность недостаточно исследованы и сопряжены с множеством проблемных аспектов. Например, совместимость с гарантируемыми правами человека (презумпция невиновности, неприкосновенность собственности и т.д.).

Требуют анализа и комплексной оценки с точки зрения преимуществ и сложностей перспективы дальнейшего развития, как конфискации по приговору суда, так и принудительного изъятия нелегальных доходов коррупционеров в гражданском судопроизводстве.

Изложенное подчеркивает актуальность работ по изучению международных стандартов, алгоритмов применения различных моделей

конфискации имущества, определению наилучшего мирового опыта в целях выработки законодательных и практических предложений.

Согласно статье 35 Конституции Российской Федерации право частной собственности охраняется законом¹. По Основному закону Казахстана собственность, в том числе право наследования, гарантируются законом².

Данная гарантия действует лишь в отношении права, возникшего на законных основаниях, что подтверждено решениями органов конституционного контроля^{3,4}.

Таким образом, правовая незыблемость конфискации имущества криминального происхождения не вызывает сомнений.

Вместе с тем, уголовная политика России в конце 90-тых в начале 2000-х годов была ориентирована на становление рыночной экономики с всеобъемлющей защитой частной собственности. Институт приговорной конфискации не соответствовал и даже противоречил этим устремлениям, что привело в 2003 году к его исключению из законодательства в качестве вида наказания [5].

В 2006 году конфискация возвращена в российское уголовное законодательство, но не как наказание, а в качестве иной меры уголовно-правового характера. При этом может быть конфисковано лишь имущество, строго определенное в общей части Уголовного кодекса, а это - имущество, полученное в результате совершения преступления; предметы, средства совершения преступления; имущество, используемое для финансирования преступной деятельности.

Имеет место строгая привязка возможных к конфискации активов к конкретным уголовно-наказуемым деяниям.

В случаях незаконного обогащения, как правило, коррупционеры путем реализации сложных схем максимально дистанцируются от непосредственно преступных операций. Это с учетом высоких порогов

¹ Конституция Российской Федерации // URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm> / (дата обращения: 22.08.2025).

² Конституция Республики Казахстан // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ / (дата обращения: 22.08.2025).

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 N 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второй статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_489414 / (дата обращения: 22.08.2025).

⁴ Нормативное постановление Конституционного Суда РК от 11.07.2023 № 20-НП (ред. от 11.07.2023) «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан Закона Республики Казахстан «О возврате государству незаконно приобретенных активов», Конституционного закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Конституционный закон Республики Казахстан «О прокуратуре», законов Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам возврата государству незаконно приобретенных активов», «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях» и «О внесении дополнения в Кодекс Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (Налоговый кодекс)» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S2300000020#z3> (дата обращения: 22.08.2025).

доказывания в уголовном процессе существенно усложняет возможности принудительного изъятия преступно нажитого капитала по приговору суда.

Традиционными уголовно-правовыми мерами удалось заморозить в ЕС в 2010-2014 годы лишь около двух процентов (2,2%) доходов от преступной деятельности и лишь один процент (1,1%) в конечном счете был конфискован [3, с. 9].

В качестве одного из возможных решений данной проблемы Конвенция ООН против коррупции рекомендовала странам ввести уголовную ответственность за незаконное обогащение публичного должностного лица, т.е. за значительное увеличение его активов, превышающее законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать [4].

Однако, при ратификации Конвенции в 2006 году Российская Федерация не взяла на себя обязательство по криминализации незаконного обогащения.

Сторонники выполнения обозначенной международной рекомендации полагают, что отказ России от введения уголовной ответственности связан с сопротивлением бюрократической элиты. Профессор Н.В. Щедрин, поддерживая необходимость криминализации, считает, что незаконное обогащение - опасное во всех отношениях явление, но особенно опасным оно становится, когда таким образом прирастает имущество публичных должностных лиц, которые определяют и обеспечивают вектор развития страны на всех уровнях и во всех сферах [7].

Тем не менее, более убедительным представляется подход, основанный на применении для противодействия коррупции комплекса уголовных, гражданских и административных мер, делающих попытки коррупционеров неправомерно нажиться бессмысленными и бесперспективными.

Хотя уголовное право традиционно считалось главным инструментом в борьбе с коррупцией, государства все чаще признают эффективность средств защиты гражданского и административного права. Эти альтернативные способы предлагают дополнительные средства борьбы с коррупционной практикой, а гражданско-правовые средства защиты служат механизмом смягчения финансовых последствий коррупции и разрушения экономических стимулов, побуждающих к совершению подобных проступков [1, с. 7].

В контексте этих мировых тенденций в России 3 декабря 2012 года принятием федерального закона «О контроле за соответствием расходов

лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»¹ (далее – ФЗ РФ) в правовое регулирование введено изъятие незаконного имущества не в качестве уголовно-правовой санкции, а в качестве специальной меры, предусмотренной в рамках антикоррупционного законодательства для случаев незаконного обогащения.

В продолжение дискуссий о сложности применения уголовно-правовой конфискации отмечаем, что именно в рамках норм ФЗ РФ прокуратурой задолго до вынесения обвинительных приговоров были инициированы иски об обращении в доход государства имущества печально известного полковника полиции Захарченко, «золотого» полковника ФСБ Черкалина и членов их семей [5].

Полагаем, что широкое применение института гражданской конфискации не только соответствует международным стандартам, включая статью 54 Конвенции ООН против коррупции, но и будет способствовать существенному усилению глобальных мер по противодействию коррупции и незаконному обогащению. При этом важно соблюдение баланса охраняемых частных и публичных интересов.

Представляется, что гражданские иски об обращении в доход государства имущества чиновников, в отношении которых установлена незаконность их происхождения, преследуют цель защиты публичного интереса борьбы с деяниями коррупционной направленности, включая восстановление социальной справедливости.

При обсуждении охраняемых частных интересов, такого как, например, презумпция невиновности, можно согласиться с мнением сторонников гражданской конфискации о том, что исковые требования направлены на имущество, а не отдельное лицо, то есть, по сути, являются исками *in rem*, известными еще со времен римского права, и не имеют перед собой цель установить вину кого-либо в совершении преступления.

В подтверждение этому в Законе Республики Казахстан «О возврате государству незаконно приобретенных активов»² прямо указано, что меры принудительного обращения активов в доход государства в гражданском судопроизводстве применяются вне зависимости от наличия: обвинительного или оправдательного приговора; расследуемого или прекращенного уголовного дела (статья 26).

В случаях исков *in rem* исходят из того, что «вина» ложится на имущество, следовательно, возможное название дела для вещного иска

¹ Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138550/ (дата обращения: 23.08.2025).

² Закон Республики Казахстан от 12.07.2023 № 21-VIII ЗРК (ред. от 12.07.2023) «О возврате государству незаконно приобретенных активов» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000021> (дата обращения: 24.08.2025).

может звучать как «Штат против фургона Форд в размере 100 000 евро» или «Штат против Квартиры №4 на Мейн Роуд» [3, с. 9].

Вместе с тем, если обратить внимание на историю, то в английском общем праве ответственной за преступление могла быть неживая вещь (*rem*). Например, если человек падал с дерева и погибал, то дерево срубали, как если бы оно было виновно в совершении убийства. Деодантом мог выступать любой предмет или животное, повлекшее смерть человека, и доход с продажи деоданта поступал семье погибшего [6].

На сегодня в гражданских разбирательствах по вещным искам ответчиком выступает конкретное лицо. Определяя законность происхождения имущества, судом дается оценка правомерности действий (бездействия), решений этого лица. То есть, как обращают внимание отдельные юристы, имеет место смешение институтов *in rem* и *in personam*.

В то же время, основание и порядок уголовной и гражданской конфискации имеют существенные различия, особенно касательно порога доказанности.

В частности, в уголовном праве в силу презумпции невиновности обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, а по искам *in rem* на основании презумпции незаконности происхождения имущества ответчик должен подтвердить правомерность приобретения актива.

Уголовное право базируется на стандарте доказывания «за пределами разумных сомнений», а гражданское - «баланс вероятностей».

В этой связи, поддерживая дальнейшее развитие института гражданской конфискации с максимальным раскрытием его потенциала, считаем, что в целях соблюдения баланса частных и публичных интересов важно регламентировать и ограничивать возможность параллельного использования материалов и решений разбирательств *in rem* в уголовном процессе.

При дальнейшем совершенствовании межгосударственных, отечественных стандартов следует постепенно вырабатывать и внедрять единые подходы к комплексному применению уголовно-правовых и гражданско-правовых мер противодействия коррупции с четким разграничением юридических границ, обеспечивающих надежную защиту прав, гарантируемых международными конвенциями и национальными конституциями.

Список литературы:

1. Гражданская и административная ответственность за коррупцию: национальная практика и пути укрепления международного сотрудничества в рамках Конвенции ООН против коррупции.

Исследование УНП ООН. // URL: <https://www.unodc.org/documents/corruption/Publications/2023/> (дата обращения: 23.08.2025).

2. Исследование по вопросам прямого возвращения активов. Доклад инициативы Бразилия-STAR. Декабрь 2024 // URL: <https://star.worldbank.org/publications/brazil-star-initiative-report-survey-direct-recovery-assets> / (дата обращения: 24.08.2025).

3. Использование ареста и конфискации без вынесения обвинительного приговора. // URL: <https://rm.coe.int/the-use-of-non-conviction-based-confiscation-ru-final/1680a21d75> / (дата обращения: 23.08.2025).

4. Конвенция ООН против коррупции. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml / (дата обращения: 23.08.2025).

5. Конфискация // URL: <https://www.advokat-sarkisov.ru/glossariy/konfiskatsiya/> (дата обращения: 22.08.2025).

6. *Смирнов А. В.* К вопросу о введении в российское уголовное законодательство института конфискации «in rem» // URL: <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=21&art=1568> / (дата обращения: 25.08.2025).

7. *Щедрин Н. В.* Борьба с незаконным обогащением как направление государственной антикоррупционной политики. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-nezakonnym-obogascheniem-kak-napravlenie-gosudarstvennoi-antikorruptsionnoi-politiki/viewer> / (дата обращения: 24.08.2025).

КРИСТИНА СЕРГЕЕВНА ТАРАБРИНА,
преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Московский областной филиал
E-mail: tarabrina_kristina@bk.ru

**Личность преступника, совершившего сексуальное насилие
в отношении несовершеннолетних с использованием
цифровых технологий**

Аннотация

Актуальность темы обусловлена необходимостью исследования криминологических особенностей личности преступника, совершившего сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних с использованием цифровых технологий. Автором в статье теоретически обоснована важность всестороннего изучения таких преступников, выявлены основные криминологически значимые их характеристики, а также представлена классификация в зависимости от направленности умысла лиц, совершивших названное преступление.

Ключевые слова и словосочетания: *несовершеннолетний; сексуальное насилие; цифровые технологии; сексуальная эксплуатация; цифровая преступность.*

Развитие цифровых технологий существенно меняет характеристики преступности. Преступления все больше перемещаются в цифровое пространство, часто приобретая дистанционный и трансграничный характер. Использование названных технологий предоставляет преступникам возможность для совершения противоправных деяний одновременно в отношении нескольких несовершеннолетних, находящихся в разных странах, что усложняет процесс их расследования и преследования виновных.

Эмпирические данные, полученные в результате анализа судебно-следственной практики, свидетельствуют об устойчивой динамике количества зарегистрированных фактов сексуального насилия в отношении несовершеннолетних, совершаемого с использованием цифровых технологий [5, с. 175-176; 7]. Специалисты в проведенных исследованиях неоднократно отмечали высокую латентность рассматриваемых деяний, обусловленную как страхом несовершеннолетних потерпевших перед оглаской и шантажом, так и недостаточным уровнем цифровой грамотности и осведомленности их

законных представителей о специфике угроз и рисков глобальной сети [6, с.157]. Как следствие, реальные масштабы виктимизации несовершеннолетних в цифровой среде существенно превосходят данные официального статистического учета. Транснациональная природа данной преступности порождает значительные криминогенные риски и системные угрозы безопасности личности, общества и государства. Сложившиеся условия требуют особого внимания и предъявляют новые требования к защите жизненно важных и иных существенных интересов несовершеннолетних в виртуальном пространстве.

В этих условиях проведение комплексного криминологического анализа личности преступника, совершившего названные преступления, представляет особый интерес. Такой анализ позволяет разработать эффективные методы их выявления, привлечения к уголовной ответственности, а также современные меры предупреждения насильственных действий сексуального характера, совершаемых в отношении несовершеннолетних.

В криминологической науке изучению личности преступника уделяется особое внимание, поскольку от полученных результатов ее исследования во многом зависят: уровень профилактики, в том числе виктимологической профилактики, подготовка методических рекомендаций для раскрытия и расследования преступлений, построение программ по предупреждению преступлений и пр. Прав был Ю.Д. Блувштейн, указывая на то, что «на личности держится вся криминология» [2, с. 3]. Личность преступника самостоятельна, выступает центральным звеном механизма преступного поведения и «включает в себя целый комплекс черт, свойств, признаков, совокупность которых дает возможность составить полное представление о лице, совершившем преступление» [4, с. 52].

Лица, совершившие сексуальное насилие с применением цифровых технологий, постоянно совершенствуют свои методы и средства, делая их продуманными и действенными, применяют и разрабатывают сложные схемы, многоэтапные стратегии поиска, вовлекая в сексуальную эксплуатацию несовершеннолетних, используют профессиональные инструменты маскировки преступной деятельности. Результаты изучения судебно-следственной практики свидетельствуют о том, что преступные действия стали более системными и технологичными, что затрудняет их выявление и пресечение. Более того, в современных условиях наблюдается тенденция снижения проявлений грубой физической силы и распространения более «тонкого» информационного воздействия на потерпевшего: физическое насилие уступает место психическому [1, с. 80].

Исследование личности преступника позволили прийти к выводу о том, что в связи с процессами цифровизации произошла существенная трансформация структуры личности преступника рассматриваемого вида.

Как отмечает Л.Л. Бошаева, «в основе изменений структуры личности киберпреступника лежит взаимодействие и интеграция криминологических характеристик, объединяющих портреты следующих преступников: «онлайн преступник» и «сексуальный маньяк»; «онлайн преступник» и «мошенник» и т.д.» [3, с. 119-120]. Эмпирические данные исследования свидетельствуют о том, что открытые информационные каналы (сеть Интернет, специализированная литература, «изучение опыта» других преступников) оказывают существенное влияние на формирование позитивной личности с целью скрыть свои истинные желания и замаскировать их.

Результаты криминологического анализа личности преступника, совершившего сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних, с использованием цифровых технологий позволили прийти к выводу о том, что в большинстве своем это: мужчина (97 %), самый высокий уровень преступности приходится на возраст от 18 до 24 лет (39 %), гражданин РФ (96,4 %), не имеющий высшего образования (94 %) и постоянного источника дохода (59 %), на момент совершения преступления не состоял в зарегистрированном браке (62 %), имел судимость, неснятую и непогашенную (27,1 %). Лицо, как правило, обладает базовой цифровой грамотностью, однако характеризуется наличием психологических отклонений сексуального характера, сочетающихся с искаженной структурой потребностей и ценностных ориентаций, что способствует нетипичному выбору объектов сексуального влечения. При этом оно обладает фрагментарными познаниями в детской психологии. Интернет-коммуникация с несовершеннолетними выстраивается на основе личного опыта и алгоритмов, найденных в сети Интернет. Преступная деятельность осуществляется единолично; доминирующими побуждениями являются удовлетворение сексуальных потребностей извращенного характера либо корыстная заинтересованность.

Данный криминологический портрет составлен на основе изучения научной юридической, психологической литературы, статистических показателей Судебного Департамента при Верховном суде РФ, предусмотренных главой 18 УК РФ «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы» (п. «а» ч.3 ст. 132 УК РФ, п. «б» ч.4 ст. 132 УК РФ, п. «а» ч.5 ст. 132 УК РФ, п. «б» ч.5 ст. 132 УК РФ (Насильственные действия сексуального характера); п. «б» ч.3 ст. 133 УК РФ (Понуждение к действиям сексуального характера); ст. 135 УК РФ (Развратные действия)). Отдельно нами не выделяется тип преступников, применяющих психическое насилие для использования несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов (п. «г» ч.2 ст. 242.2 УК РФ). Деяния, совершаемые такими лицами, характеризуются высокой общественной опасностью, что обусловлено причинением несовершеннолетним потерпевшим

долговременного вреда психическому здоровью, а также специфическими способами их вовлечения. Преступник целенаправленно подавляет волю жертвы, действуя как при непосредственном контакте, так и дистанционно. Помимо нравственности как основного видового объекта указанного преступления, причиняется вред половой неприкосновенности несовершеннолетнего.

Результаты анализа судебно-следственной практики позволили автору классифицировать лиц, совершивших названное преступление в зависимости от направленности умысла на две группы: совершение деяния для удовлетворения личных реальных сексуальных потребностей и виртуальных сексуальных потребностей, в коммерческих целях и в целях развлечений. Представленную классификацию необходимо учитывать при определении особенностей организации и осуществления предупредительной деятельности:

Первая группа. Преступник, движимый сексуальными побуждениями в отношении несовершеннолетних, использует цифровые технологии (социальные сети, мессенджеры, виртуальные игровые площадки, каналы лайфстрима, комментарии видеохостингов и т.д.) для установления доверительного контакта с несовершеннолетними жертвами. В дальнейшем, данное лицо противоправным путем склоняет несовершеннолетних к передаче материалов сексуального характера или иной интимной информации. Полученные незаконным путем материалы и сведения используются в качестве инструмента для последующей сексуальной эксплуатации, включая сексуальный шантаж с угрозой их распространения. Целью преступника в данном случае является совершение реальных сексуальных действий в отношении несовершеннолетнего, для достижения которой он готов применять психическое или физическое насилие.

Вторая группа. Преступник, движимый сексуальными побуждениями в виртуальной среде, не стремится к непосредственному физическому контакту. Его деятельность ограничивается виртуальными видами сексуального насилия: психическое насилие и цифровой сексторшен (форма шантажа, при которой лицо угрожает разгласить конфиденциальные сведения компрометирующего характера, относящиеся к частной жизни или имеющих интимный характер, если им не будут выполнены определенные требования); цифровое преследование; вовлечение несовершеннолетнего в виртуальные действия сексуального характера: общение с сексуальными предложениями и обсуждениями, обмен материалами сексуального характера, вовлечение в «ролевые игры» сексуального характера, проведение видеозвонков с демонстрацией интимных частей тела или с предъявлением требований к несовершеннолетнему совершить аналогичные действия. Мотивация такого преступника может быть связана со страхом разоблачения в

реальной жизни или наличием определенных психологических барьеров. Конечной целью является получение сексуального удовлетворения от самих цифровых взаимодействий с несовершеннолетним, что может включать коллекционирование запрещенного цифрового сексуального контента. Данная группа преступников включает два подвида:

А) Преступник действует из корыстных побуждений (в коммерческих целях), с целью извлечения доходов от производства и распространения детской порнографии. В сферу его противоправной деятельности входит: 1) организация коммерческих вебкам-сессий с участием несовершеннолетних, что связано с их последующей эксплуатацией; 2) организация платных трансляций, содержащих акты сексуального насилия или эксплуатации несовершеннолетних в режиме реального времени. Лицо, совершающее данные действия, может не испытывать личной сексуальной заинтересованности, однако его умысел направлен на осознанное участие в создании детской порнографии и систематическую вербовку несовершеннолетних жертв. Для этого используются методы социальной инженерии, включая создание фейковых профилей под видом сверстников. Указанные преступники в подавляющем большинстве действуют в составе организованных групп или сообществ, специализирующихся на производстве запрещенного контента и поиске жертв в теневых сегментах сети Интернет. В связи с этим следует сделать вывод о том, что их вовлеченность в организованную преступность является не следствием случайных знакомств, а системным признаком данной криминальной деятельности, которая изначально функционирует через определенные платформы и форумы, недоступные в открытом доступе.

Б) Преступник совершает противоправные сексуальные действия, руководствуясь мотивами, не связанными с сексуальной заинтересованностью или корыстью, такими как любопытство, поиск острых ощущений или желание следовать деструктивным популярным интернет-трендам («ради развлечения»). Характерно, что данные лица могут в полной мере не осознавать тяжести последствий своих деяний, ошибочно полагаясь на анонимность и виртуальную дистанцированность как на гарантию безнаказанности. К числу таких противоправных деяний могут относиться: 1) незаконное распространение интимных изображений несовершеннолетнего без его согласия, совершенное с целью причинения вреда психическому здоровью и благополучию жертвы; 2) распространение материалов, созданных с помощью технологий искусственного интеллекта, включая дипфейки, – эротических, порнографических или иных компрометирующих изображений, а также синтезированных голоса и речи несовершеннолетнего; 3) одновременное направление несовершеннолетнему предложения сексуального характера;

4) агрессивное речевое взаимодействие в отношении лица, не достигшего совершеннолетия.

Таким образом, проблема совершения сексуального насилия в отношении несовершеннолетних, совершаемого с использованием цифровых технологий обусловлена стремительной цифровизацией общества и высокой латентностью данного вида преступности, что создает риски и угрозы для половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних. В зависимости от направленности умысла лиц, совершивших названное преступление следует классифицировать их на две группы (совершение деяния для удовлетворения личных реальных сексуальных потребностей и виртуальных сексуальных потребностей, в коммерческих целях и в целях развлечений). Предложенные криминологический портрет и классификация лиц, совершивших названные преступления будут способствовать повышению качества проводимой профилактической работы.

Список литературы:

1. *Артюшина О. В.* Насильственная преступность и IT-технологии / О.В. Артюшина // Lex Russica. 2019. № 9 (154).
2. *Блувштейн Ю. Д.* Кто виновен в том, что есть преступность? / Ю.Д. Блувштейн. Вильнюс, 1991. 37 с.
3. *Бошаева Л. Л.* Предупреждение киберпреступности в отношении несовершеннолетних дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Бошаева Лариса Лангиевна. М., 2025. 259 с.
4. *Олейник П. А.* Личностный подход (Теоретические аспекты и практическая значимость для деятельности органов внутренних дел) / П.А. Олейник // Советское государство и право. 1980. № 4.
5. *Пинкевич Т. В.* Проблемные вопросы выявления преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-цифровых технологий / Т. В. Пинкевич, К. С. Тарабрина // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 7.
6. *Пинкевич Т. В.* Виктимизация несовершеннолетних от насильственных преступлений сексуального характера в условиях цифровизации: детерминация и предупреждение / Т. В. Пинкевич, Р. Н. Нынюк // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 2.
7. *Тарабрина К. С.* Современное состояние насилия в цифровой среде в отношении несовершеннолетних // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы (к 100-летию со дня рождения Г. М. Миньковского) : сборник научных статей по материалам международной конференции. М.: Академия управления МВД России, 2023.

ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА ТИТУШКИНА,
кандидат юридических наук, доцент
преподаватель кафедры общепрофессиональных дисциплин
Колледж полиции

Некоторые тенденции современной преступности

Аннотация

Статья посвящена исследованию современных тенденций преступности в России. Автор рассматривает динамику и структуру преступности за последние годы, отмечая значительное снижение общего уровня преступности, особенно в части традиционных видов преступлений, таких как преступления против собственности и личности. Однако отмечается рост тяжких и особо тяжких преступлений, а также преступлений, связанных с наркотиками и киберпреступностью. Особое внимание уделяется изменениям в характеристиках преступников, включая увеличение доли женщин среди правонарушителей. Статья подчеркивает необходимость укрепления профилактической работы и взаимодействия различных государственных структур для эффективного противодействия преступности.

***Ключевые слова и словосочетания:** криминология; тенденции преступности; профилактика; состояние преступности.*

Исходным моментом в организации любой деятельности является понимание того, что является поводом для ее осуществления.

Таким поводом для профилактики является состояние преступности и типичный портрет личности преступника, как зеркало изменений, происходящих в обществе.

Преступность - сложное социально-правовое явление, сущность которого люди пытались понять на протяжении многих веков, но до сегодняшнего дня этот феномен не изучен окончательно. Одним из первых статистическое наблюдение преступности осуществил А.Н. Радищев. Выводы, к которым он пришел, не теряют актуальности до настоящего времени. В частности, о том, «имея перед собой судопроисшествия разных городов и разных областей России, видно и ясно будет: какие были побуждения к содеянному преступлению или к начатой тяжбе - недостаток ли в учении, худое ли воспитание или невежество... Видя источник тяжбы и преступления, тому и другому найти возможно будет преграду»¹

¹ Радищев А. Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1952.

Таким образом, учитывая, что статистическое наблюдение преступности осуществляется на протяжении уже более двух столетий, учеными установлен целый ряд закономерностей, зная которые.

Под преступностью в криминологии понимается – исторически изменчивое, социальное и уголовно-правовое явление, представляющее собой систему преступлений, совершенных на определенной территории за определенный период времени¹.

Основные характеристики, по которым анализируется преступность, это объем, коэффициент, динамика, структура². На основании их попытаемся рассмотреть состояние преступности и ее тенденции за последние годы.

Исходя из статистических данных, общее количество преступлений в России обнаруживает тенденцию к снижению. Так, если в 2023 году был зарегистрирован 1947161 преступление, что на 1% меньше, чем в 2022, то в 2024 – 1911258, что на 1,8% меньше, чем в 2023. Если же брать текущий год, то, анализируя сопоставимые периоды январь – август, мы видим, что тенденция продолжает сохраняться. В январе-августе 2025 совершено 1219064 преступления, что на 4,5% меньше аналогичного периода 2024 года (1276211, что на 2,4% меньше, чем в 2023).

При этом стабильно снижаются преступления, традиционно составляющие основной массив преступлений – преступления против собственности и против личности. Так, преступления против собственности составили в 2023 г. 1136957, что на 2,8% меньше, чем в 2022. При этом существенно снижаются и кражи (-16,4), и грабежи (-23,9), и разбои (-15,4). В 2024 году снижение составило соответственно -14,3, -16, 3 и -20,7%. В январе-августе 2025 г. темпы снижения несколько замедлились, но продолжают оставаться значительными: кражи -6,2, грабежи -14,6, разбои -17,4. Что касается преступлений против личности, то картина складывается следующая: в 2023 году зарегистрировано 227315 преступлений, что на 5,3% меньше, чем в 2022 г. В 2024 году зарегистрировано 209715 преступлений (-7,7). В 2025 г. снижение составило -6,5% (147176). Однако здесь снижаются как тяжкие преступления против личности, такие, как убийство и причинение тяжкого вреда здоровью (-2,1 и -4,0 соответственно), так и нетяжкие – в частности, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (-14,3). Данное обстоятельство свидетельствует о росте латентности, скорее всего, не тяжких преступлений. Что, в свою очередь, свидетельствует о снижении профилактического потенциала норм уголовного закона с двойной превенцией.

¹ Алексеев А. И. Криминология. Курс лекций. Издание четвертое, исправленное и дополненное. М.: Издательство «Щит-М», 2004.

² Государственная система предупреждения преступлений и иных правонарушений, место в ней органов внутренних дел : курс лекций / Е. Ю. Титушкина и др. М. : Академия управления МВД России, 2020.

Анализируя указанные данные, возникает вопрос: если преступления, составляющие основной массив преступлений, снижаются такими серьезными темпами, то за счет чего общее снижение преступности составляет всего 2-4%? И вот здесь картина перестает быть благостной, поскольку рост обнаруживают тяжкие и особо тяжкие преступления. В частности, в 2023 году их рост составил 9,7% (в абсолютных цифрах – 589079 преступлений), в январе-августе 2025 рост 6,9% (431570). Как мы видим, на долю тяжких и особо тяжких преступлений приходится около четверти зарегистрированных преступлений. Если смотреть по структуре преступлений, то наибольшими темпами растут преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации: в 2023 г. – 29,7%, в 2024 – 13,1, однако в 2025 впервые за длительное время наблюдается снижение данного вида преступлений на 5,4%. При этом в 2025 году резко выросло количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности, что традиционно рассматривается, как повышение результативности деятельности правоохранительных органов, поскольку они относятся к категории выявляемых. Также стабильно высоким остается число совершаемых мошенничеств. В 2023 году прирост составил 26,4%, в 2024 – 2,8%, однако в 2025 году также наблюдается снижение на 3,8%, что при не снижающихся массированных интернет-атаках на население представляется сомнительным. Скорее всего, в данном случае также имеется рост латентности, связанный, предположительно, с неверием населения в возможность раскрытия таких преступлений и наказания виновных.

Среди неблагоприятных тенденций нельзя не отметить рост преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ. В 2023 году он составил 7,5%, в 2024 – 3,7%, в 2025 – 14,8%. При этом опережающими темпами растут опять-таки тяжкие и особо тяжкие преступления, рост составил соответственно 11%, 6% и 23,1%!

В завершении хотелось бы отметить изменения в характеристике лиц, совершивших преступления. При общем снижении числа выявленных лиц, совершивших преступления, в их структуре растет доля женщин (2023 год – 16,8; 2024 – 18,1; 2025 – 19,8!).

Таким образом, при общем снижении количества преступлений, мы видим ряд неблагоприятных тенденций как в динамике, так и в структуре преступности, что свидетельствует о необходимости усиления профилактической работы, причем не только и не столько со стороны органов внутренних дел, сколько со стороны иных субъектов государственной системы профилактики.

АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ФИЛИППОВ,

младший научный сотрудник

4 отдела Центра архивной информации

(Центральный архив МВД России)

ФКУ «ГИАЦ МВД России»

E-mail: filippovfilippov.andrey@yandex.ru

Перспективы применения цифровых технологий в биометрических учётах органов внутренних дел Российской Федерации

Аннотация

В условиях стремительного развития информационных технологий и их интеграции в повседневную жизнь общества, вопросы повышения эффективности и безопасности деятельности правоохранительных органов приобретают особую актуальность. Биометрические системы, основанные на уникальных физических и поведенческих характеристиках человека, позволяют значительно ускорить процессы идентификации и верификации личности, повысить точность расследования преступлений и обеспечить более высокий уровень общественной безопасности. В Российской Федерации, где объем криминальной и административной деятельности постоянно растет, внедрение современных цифровых технологий в биометрических учётах становится важнейшим направлением развития системы органов внутренних дел. Перспективы их применения обусловлены необходимостью адаптации к вызовам времени, повышением эффективности работы правоохранительных структур.

Ключевые слова и словосочетания: цифровые технологии; биометрия; идентификация личности; МВД; единая биометрическая система; автоматизация; искусственный интеллект; блокчейн; безопасность.

В современном мире развитие цифровых технологий и внедрение биометрических систем значительно трансформируют процессы идентификации и аутентификации граждан в государственных и коммерческих сферах. В Российской Федерации нормативно-правовое регулирование цифровых биометрических учётов является важной составляющей обеспечения правовой защиты граждан, безопасности данных и эффективности использования биометрических идентификаторов.

К правовым актам, регулирующим использование биометрических данных, относится Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ

«О персональных данных»¹. Этот закон устанавливает принципы обработки персональных данных, к которым относятся и биометрические данные, а также права субъектов данных и обязанности операторов по их защите. В соответствии с этим законом сбор, хранение и использование биометрической информации должны осуществляться на основе согласия граждан, при соблюдении требований о конфиденциальности и безопасности. Правовая основа биометрических учётов в России была существенно расширена с принятием Федерального закона № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 29 декабря 2022 года². Этот закон стал важным этапом в развитии правовой базы, регулирующей использование биометрических данных в деятельности государственных органов, включая органы внутренних дел. Основные положения закона предусматривают создание системы сбора, хранения, обработки и использования биометрической информации граждан и иностранных граждан, находящихся на территории РФ. В рамках этого законодательства определены категории биометрических данных, подлежащих учету, такие как отпечатки пальцев, изображение лица, радужная оболочка глаза и другие характеристики, позволяющие уникально идентифицировать личность. Закон устанавливает правовые основы для формирования Единой биометрической системы (ЕБС) — государственной платформы, аккумулирующей цифровые шаблоны лиц и голосов граждан, а также регламентирует порядок получения согласия граждан на обработку их биометрических данных. Важной особенностью является обеспечение защиты прав субъектов данных и соблюдение требований по конфиденциальности и безопасности информации. В контексте деятельности органов внутренних дел данный закон создает правовые условия для внедрения автоматизированных систем идентификации и верификации личности на основе биометрии, что способствует повышению эффективности работы правоохранительных органов, ускорению процессов расследования преступлений и обеспечению общественной безопасности. В целом, ФЗ № 572-ФЗ определяет стратегические направления развития системы биометрических учётов в России и закрепляет правовые основы для их дальнейшего совершенствования.

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

² Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации».

В рамках системы МВД России продолжается развитие Федеральной информационной системы биометрических учётов, предназначенной для хранения дактилоскопических данных, шаблонов ДНК, фотографий и иных уникальных биометрических признаков. Законодательная база также включает положения Уголовно-процессуального кодекса РФ, Закона «О полиции», а также подзаконные акты, регламентирующие порядок дактилоскопирования и фотографирования лиц, подлежащих учёту.

В целом нормативно-правовое регулирование в сфере цифровых биометрических учётов в РФ строится на принципах защиты прав граждан, обеспечения безопасности данных и прозрачности процедур. Законодательство постоянно развивается с учетом новых технологий и вызовов кибербезопасности, что позволяет создавать условия для безопасного внедрения инновационных решений. По данным МВД России, использование биометрических технологий позволило за последние годы значительно увеличить количество раскрытых преступлений. Так, например, в 2024 году благодаря системе автоматической идентификации по биометрии было раскрыто более 10 тысяч преступлений. На основе этого, можно сделать вывод, что, биометрические учетные системы значительно повышают эффективность работы правоохранительных органов в России и способствуют быстрому выявлению и задержанию преступников. Благодаря автоматической идентификации по уникальным биометрическим характеристикам, таким как отпечатки пальцев, изображение лица или радужная оболочка глаза, сотрудники органов внутренних дел могут оперативно сравнивать полученные данные с базами данных подозреваемых и разыскиваемых лиц.

Например, в рамках реализации национальной системы биометрических учётов, которая включает в себя базы данных отпечатков пальцев и изображений лиц, правоохранительные органы получают возможность мгновенно идентифицировать личность человека при прохождении через контрольные пункты или при задержании. Это существенно сокращает время поиска преступников, скрывающихся от правосудия, и повышает вероятность их задержания на ранних этапах. Однако, несмотря на, высокие результаты использования биометрических технологий можно согласиться с мнением И.А. Кубасова о необходимости последовательного и систематического отказа от иностранных цифровых платформ, строить системы искусственного интеллекта на отечественных аппаратно-программных средствах, развивать научные исследования, разрабатывать нормативно-правовое обеспечение, а также готовить квалифицированные кадры в области искусственного интеллекта [1].

На сегодняшний день не прекращается процесс внедрения в практику работы МВД России, автоматизированных дактилоскопических информационных систем (АДИС). В результате успешной эксплуатации

программно-технических комплексов АДИС были достигнуты определенные результаты. Помимо этого, следует отметить, что данные комплексы в большинстве своем используются для решения локальных задач, которые касаются подразделений городского и районного уровня. Из-за отсутствия единого информационного пространства для обмена сведениями, касающимися дактилоскопии и сопутствующей информации, осуществление проверок по дактилоскопированию органов внутренних дел Российской Федерации соседних субъектов представляет собой сложную техническую и организационную задачу, решение которой возможно при помощи использования согласованного протокола обмена.

В настоящее время, разработка данного протокола является одним из самых перспективных направлений для дальнейшего развития и совершенствования возможностей отечественной АДИС.

С развитием технологий, в дактилоскопические учетные системы стали внедряться новые функции.

1. В работе используются огромные объемы данных, включающие отпечатки пальцев и следы с мест преступлений, которые часто терялись из виду из-за рутинной проверки.

2. В настоящее время происходит процесс реальных раскрытий преступлений, которые не зависят от давности их совершения, что было невозможно без использования современных технологий, позволяющих вести учет дактилоскопических данных.

3. Стабильность раскрытий преступлений по дактилоскопическим учетам АДИС повысила значимость в первую очередь Экспертно-криминалистические подразделения ОВД, а также сопряженных с ними подразделений. Это стало причиной того, что в некоторых ЭКП ОВД начался процесс их технического перевооружения и перераспределения функций.

4. На современном этапе развития технологий, уровень автоматизации дактилоскопических учетов стал более интегрированным, так как появилась возможность совмещения других видов учета с дактилоскопией (оперативно-справочные картотеки, картотеки субъективных портретов и т.п.).

Сегодняшнее состояние процесса автоматизации дактилоскопических учетов характеризуется рядом нерешенных вопросов:

1. Автоматизация учетов, в частности следотеки нераскрытых преступлений стала заменять ручной контур работы с ней, существовавший до внедрения АДИС. Увеличение количества преступлений оказывает влияние на экспертную практику, так как результаты поиска отпечатков пальцев с использованием АДИС оформляются в виде справки об исследовании, которая содержит категорические выводы. Это может привести к сомнениям в достоверности результатов.

2. Из-за того, что объем данных постоянно увеличивается, эффективность работы различных АДИС может быть обманчивой. Только в случае выхода системы на проектную планку и при наличии специального тестового набора следов и дактилокарт можно оценить эффективность работы АДИС.

В этой области уже действуют другие правила и принципы, касающиеся организации и проведения дактилоскопических автоматизированных учетов. Это может означать, что в базе данных есть отпечатки именно тех людей, которые могут представлять общественную опасность. Практика показывает, что в целях повышения эффективности работы дактилоскопической картотеки ЭКП, следует применять соотношение ранее судимых лиц к ранее не судимым как 1:3. В частности, в отношении ранее судимых лиц совершается не более 30% правонарушений. Зачастую, только 10-15% из всех преступников совершают преступления, при которых могут быть обнаружены следы рук, и в дальнейшем они будут изъяты.

Несмотря на всю важность и перспективность автоматизированных систем учета, АДИС сталкивается с рядом трудностей.

- Большинство представленных дактилокарт не подходят для проведения сравнительного исследования и не могут быть использованы для ввода данных в систему.

- Качество отпечатков пальцев, выполненных типографской краской, не всегда отвечает требованиям, необходимым для ввода в базу данных.

- В ряде случаев, на дактилокартах выявляются случаи недостоверно предоставленной дактилоскопической информации. Если установочные данные лица не соответствуют действительности, они могут быть заполнены не полностью или написаны неразборчивым почерком.

Но не только дактилоскопическая информация является биометрией. Так, например, системы распознавания лиц внедряются в видеонаблюдение на транспорте, в местах массового скопления людей, на пограничных пунктах. Они взаимодействуют с базами МВД, в том числе через ЕБС. Примеры успешного применения включают установление личности разыскиваемых лиц по видеоархивам. Голосовая биометрия применяется в колл-центрах, при телефонных допросах и при верификации подозреваемых в удалённом режиме [2].

Интеграция ИИ с городскими видеосетями реализуется, в частности, в Москве, где до 2030 года планируется охватить системой более 5 миллионов камер. Технологии мобильной идентификации, включая цифровые удостоверения личности, позволяют сотрудникам ОВД проверять данные граждан в полевых условиях. Такие системы активно тестируются в регионах с высоким миграционным потоком и при проведении массовых мероприятий. В условиях роста киберугроз обсуждается применение блокчейн-технологий для распределённого

хранения биометрических данных. Это позволяет избежать централизации и усилить контроль доступа за счёт неизменяемых логов [3].

В условиях стремительного развития информационных технологий и их внедрения в различные сферы жизни, правоохранительные органы России активно ищут новые пути повышения эффективности своей деятельности. Министерство внутренних дел РФ как одно из ключевых ведомств обеспечения безопасности и правопорядка, уделяет особое внимание развитию и внедрению перспективных цифровых решений. Эти инновации позволяют не только автоматизировать существующие процессы, но и создавать новые механизмы борьбы с преступностью, а также обеспечивать защиту прав граждан. Использование искусственного интеллекта (ИИ) открывает широкие возможности для анализа больших объёмов данных, автоматической обработки информации и принятия решений. В МВД России постепенно происходит внедрение систем ИИ для распознавания лиц, анализа видеоматериалов, предиктивной аналитики преступлений и автоматического выявления подозрительных действий. Это позволяет оперативно реагировать на угрозы и предотвращать преступления на ранних стадиях.

Но данные системы все еще требуют доработок. Так система «Конъюнктура» и «Клон» выдают ложные уведомления в 30% случаев. Одним из примеров получения ложной информации можно назвать случай, когда система приняла детский флешмоб за общественные беспорядки. Развитие биометрических технологий включает создание более точных и универсальных систем идентификации — например, распознавание по голосу, анализ походки или использование мультибиометрических платформ. В будущем предполагается интеграция биометрических данных с мобильными устройствами правоохранителей для быстрого реагирования в полевых условиях. Переход к облачным технологиям позволяет централизовать хранение и обработку данных, обеспечивая доступ к информации из любой точки страны при сохранении высокого уровня безопасности. Распределённые реестры и блокчейн-технологии могут обеспечить прозрачность операций с данными, снизить риски их подделки или утраты.

Подобные технологии используются в компании Сбербанк. Они применяют Блокчейн-технологии для отслеживания перемещений товара и материалов от поставщика к потребителю, тем самым повышая прозрачность и эффективность логистических операций. Блокчейн технология может найти применение в МВД России для создания безопасной системы хранения и обмена данными о гражданах, уменьшая риск утечки и не санкционированного доступа. Обработка огромных массивов информации помогает выявлять закономерности, прогнозировать преступную активность и оптимизировать работу подразделений МВД России. Использование аналитических платформ способствует более

точному распределению ресурсов и повышению эффективности профилактических мероприятий. С ростом объёма цифровых данных возрастает важность защиты информационных систем от кибератак, утечек данных и несанкционированного доступа. Внедрение современных систем шифрования, многофакторной аутентификации и мониторинга сетей является приоритетом для обеспечения безопасности государственных информационных ресурсов.

В рамках развития системы межведомственного электронного взаимодействия и платформы «Госуслуги» МВД России сможет использовать биометрические данные в связке с цифровыми профилями граждан для комплексного контроля. В будущем ожидается активное развитие технологий дополненной реальности (AR) для оперативного получения информации сотрудниками на месте происшествия; использование робототехники для патрулирования территорий; развитие систем предиктивной аналитики для предотвращения преступлений; а также интеграция различных технологических решений в единую интеллектуальную платформу управления безопасностью. Перспективные направления применения цифровых технологий в МВД России открывают новые горизонты для повышения эффективности работы правоохранительных органов, укрепления национальной безопасности и повышения уровня доверия граждан к государственным институтам. Постоянное внедрение инноваций позволяет адаптироваться к вызовам современного мира, обеспечивая безопасность страны в условиях цифровой эпохи.

Несмотря на высокие ожидания, цифровизация биометрического учёта сопряжена с рядом проблем [4]:

Ошибки алгоритмов ИИ (в том числе демографические и возрастные смещения);

Угроза утечки персональных биометрических данных;

Отсутствие механизмов апелляции в случае автоматической ошибки;

Правовые пробелы при использовании ИИ в правоохранительной практике;

Недоверие граждан к централизованным биометрическим платформам [5].

Для преодоления указанных проблем необходимо реализовать комплекс мер, направленных на совершенствование нормативной базы, усиление информационной безопасности и развития инфраструктуры. К ним можно отнести:

- обеспечение правовой базы и нормативного регулирования. Для этого необходимо разработать четкие законы и нормативно-правовые акты, регулирующие сбор, хранение и само использование биометрических данных.

- повышение уровня информационной безопасности. Внедрение современных технологий шифрования и аутентификации для защиты биометрических данных. Необходимо обеспечивать регулярное проведение аудитов безопасности и мониторинга систем.

- обеспечение конфиденциальности и защиты прав граждан. Разработать прозрачные процедуры получения согласия граждан на сбор их биометрических данных. Ввести механизмы контроля доступа к данным и их использования.

- инфраструктурное развитие. Создание единой национальной системы хранения и обработки биометрических данных. Которую необходимо обеспечить масштабируемостью систем для обработки большого объема данных.

- повысить уровень цифровой грамотности. Проинформировать граждан о целях использования их данных и мерах защиты.

- постоянное обновление технологий. Внедрение новых решений в области искусственного интеллекта, машинного обучения и блокчейн для повышения эффективности и безопасности систем.

Итак, развитие цифровых технологий открывает широкие перспективы для модернизации системы биометрических учётов органов внутренних дел Российской Федерации. Внедрение искусственного интеллекта, мультимодальных биометрических решений и децентрализованных хранилищ может повысить точность и эффективность правоохранительной деятельности. Вместе с тем, реализация этих инициатив должна сопровождаться обеспечением прав граждан, правовой определённости, технической безопасностью и высоким уровнем доверия. Только сбалансированная модель, сочетающая технологические инновации с нормативной этикой, способна обеспечить устойчивое развитие цифровой инфраструктуры МВД России.

Список литературы:

1. Кубасов И. А. Проблемные вопросы применения технологий искусственного интеллекта в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник ВИ МВД России. 2021. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-voprosy-primeneniya-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta-v-deyatelnosti-organov-vnutrennih-del-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 08.08.2025).

2. Russia plans biometrics-CCTV use to automate enforcement // BiometricUpdate.com. URL: <https://www.biometricupdate.com/202411/russia-plans-biometrics-cctv-use> (дата обращения: 08.08.2025).

3. Смушкин А. Б. Информационная безопасность электронного документооборота в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 4 (173).

4. *Дмитрий А. К.* Незаконное распространение биометрических персональных данных: зарубежный аспект // Закон и право. 2025. № 6.

5. Отношение граждан к биометрии: результаты опроса // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/biometrija-na-marshe-licom-k-licu-s-budushchim> (дата обращения: 18.07.2025).

РАДИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ШИШКИН,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовной политики
Академия управления МВД России

Потребительский рынок и его криминализация в современных условиях

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые вопросы, касающиеся потребительского рынка и его криминализации в современных условиях, в том числе и объектов экономической сферы в целом.

***Ключевые слова и словосочетания:** потребительский рынок; криминализация; экономика; социальная обусловленность.*

Потребительский рынок, как основа современной экономики, определяющий движение разного вида товаров и услуг, по предлагаемому спросу потребителей и играет важную роль в обеспечении необходимым для жизнедеятельности населения. Вместе с тем за этим стоит скрытая форма теневых отношений между субъектами экономики, что позволяет криминалу проникать во все сферы, например, от производства, изготовления, передвижения, до привычной нам и обыкновенной продажи товаров и услуг.

В данном материале рассматривается вопрос, касающийся некоторых аспектов затрагивающих криминализацию объектов экономических отношений на потребительском рынке.

Нам необходимо рассмотреть основные формы, влияющие на криминализации объектов экономической сферы потребительского рынка.

Такие формы определяются некоторыми сегментами секторе экономики, распространяющиеся на объектах потребительского рынка.

Во-первых, это производство и продажа контрафактной продукции, и к данному сегменту мы относим, подделку с помощью кустарного производства различную группу товаров (в зависимости от рынка спроса), при этом используются товарные знаки, лейблы брендов ведущих международных компаний (например, adidas, puma и др.).

Это касается одежды, обуви, электроники, лекарств, продуктов питания и многого другого. Контрафакт не только наносит ущерб производителям оригинальной продукции, но и представляет угрозу для здоровья и безопасности потребителей, так как часто производится из некачественных материалов и не соответствует стандартам.

Во-вторых, это мошенничество и обман потребителей, которые распространяются с применением различных схем и совершаются разными способами с особым злоупотреблением доверия потребителей, такие как продажа некачественных товаров под видом качественных, обман при предоставлении услуг (например, в сфере ремонта или туризма), навязывание ненужных товаров и услуг, обман при онлайн-покупках и т.д.

В-третьих, это незаконная торговля товарами и услугами, в том числе без специального разрешения (лицензии), ввоз товаров из-за границы контрабандным путем, в том числе различной группы ширпотреба так называемого, а также табачных изделий и алкоголя, наркотических средств и психотропных веществ, что наносит серьезный урон экономике страны, все это определяет и сущность теневых отношений на ее объектах, и государство теряет огромные количества денежных средств, которые скрыты от фискальных служб и уходят мимо казны.

В-четвертых, это недобросовестная конкуренция: Использование незаконных методов для получения конкурентного преимущества, таких как демпинг, распространение ложной информации о конкурентах, сговор с целью повышения цен и т.д.

В-пятых, это отмывание денег: Использование потребительского рынка для легализации доходов, полученных преступным путем. Это может включать в себя покупку дорогостоящих товаров и недвижимости, открытие фиктивных компаний и т.д.

В-шестых, это преступления, совершаемые с использованием всех имеющихся современных цифровых технологий, поэтому на этапе современности потребительский рынок погрузился в интернет-пространство. Развитие онлайн-торговли и создание платформ интернет-магазинов таких как Waldberes, Ozzon и других интернет-объектов экономических отношений в виртуальном мире, приводит к увеличению преступлений, совершаемых с использованием новых технологий и т.д.

Причины и условия криминализации потребительского рынка достаточно разнообразны по своему содержанию.

Во-первых, огромная возможность криминальных структур использовать финансовые вложения в теневую экономику потребительского рынка, что им дает обратную сторону, связанную с денежным потоком, и механизм для легализации денежных средств, полученных незаконным путем.

Во-вторых, как правило, порождает высокий потребительский спрос на дешевые товары и услуги, в том числе товары, завезенные контрабандным путем, не имеющих сопроводительных документов, отвечающих за безопасность и их качество, что создает благополучную среду для преступных элементов.

В-третьих, пока еще недостаточный контроль со стороны государства, слабоэффективная деятельность контролирующих органов, коррупционная составляющая чиновников различного уровня власти, создает почву для криминала заражающий отрасль экономической сферы и ее элементов потребительского рынка.

В-четвертых, потребительский рынок перестроился на цифровую платформу сети-Интернет, что увеличило кратно, совершаемые посягательства в данной сфере, при этом преступники совершают деяния на расстоянии посредством новых технологий и остаются безнаказанными, как правило.

В-пятых, отсутствие у правоохранительных органов достаточного количества современной компьютерной техники для контроля, мониторинга совершаемых различных мошеннических проделок на порталах сети-Интернет, что также позволяет (временно) преступникам оставаться не в поле зрения.

В-шестых, законодательное рассогласование действующих норм права, и правонарушением с точным определением его в нормативной правовой базе, с уточнением и закреплением понимания цифровых преступлений в действующих законах. Что также, на наш взгляд, не дает полного понимания о таких преступных действиях, и влияет на правовую оценку, со стороны правоохранительных органов, при квалификации преступного деяния в цифровой сфере.

Поэтому цифровизация потребительского рынка и сферы экономики в целом, особенно интернет-магазины, различные платформы, на которых осуществляется онлайн-торговля, образовывается, так называемая «интернет-Яма», которую используют преступные элементы в своих корыстных целях для совершения мошенничества и других преступных деяний.

Кроме того экономические, социальные, культурные, нравственные и иные факторы также негативно влияют на происходящее на объектах торговли, в том числе пока еще присутствует большое количество населения с низким уровнем достатка (безработица - 2,2%, бедность и т.п.), что также влияет на поведение отдельных субъектов, склоняя их к противоправному поведению в данной сфере деятельности.

Последствия криминализации потребительского рынка:

- Ущерб для потребителей: Потребители страдают от покупки некачественных товаров, мошенничества, потери денег и угрозы для здоровья и безопасности.
- Ущерб для экономики: Криминализация подрывает конкуренцию, снижает налоговые поступления, способствует оттоку капитала и негативно влияет на инвестиционный климат.
- Ущерб для бизнеса: Честные предприниматели сталкиваются с недобросовестной конкуренцией, что приводит к убыткам и банкротствам.

- Угроза для общества: Криминализация способствует росту преступности, коррупции и социальной напряженности.

Пути решения проблемы криминализации потребительского рынка:

- Усиление государственного контроля и регулирования: Ужесточение законодательства, повышение эффективности работы правоохранительных органов, усиление контроля за качеством товаров и услуг, борьба с коррупцией.

- Развитие системы защиты прав потребителей: Создание эффективных механизмов защиты прав потребителей, повышение осведомленности потребителей о своих правах, развитие системы общественного контроля.

- Борьба с контрафактом: Усиление борьбы с производством и продажей контрафактной продукции, развитие системы маркировки и отслеживания товаров.

ЮРИЙ ПАВЛОВИЧ ШКАПЛЕРОВ,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Могилевский институт МВД Республики Беларусь
E-mail: shkaplerov@yandex.by

Трансформация стадии предварительного расследования в уголовном процессе Беларуси в XXI веке

Аннотация

На основе рассмотрения действующего Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь и его корректировок определяются и анализируются современные тенденции трансформации стадии предварительного расследования в белорусском уголовном процессе. К таковым автором отнесены: изменение процессуального статуса прокурора, органов и должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование; расширение спектра следственных действий, проводимых в стадии возбуждения уголовного дела; закрепление в уголовно-процессуальном законе процедуры использования технических новшеств при производстве следственных действий; существенное увеличение количества оснований для прекращения уголовного преследования и производства по делу т.п. Указываются как положительные, так и негативные аспекты трансформации предварительного расследования, представляющие интерес не только для белорусской уголовно-процессуальной науки. Обозначаются проблемные элементы нормативной регламентации и правоприменительной практики, требующие своего научного осмысления.

Ключевые слова и словосочетания: *уголовный процесс; органы, ведущие уголовный процесс; досудебное производство; предварительное расследование; следственные действия.*

Рубеж третьего тысячелетия для государств на постсоветском пространстве охарактеризовался активным принятием новых уголовно-процессуальных законов. На этом фоне в Республике Беларусь с 1 января 2001 г. вступил в силу действующий ныне Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК).

В первые годы после принятия УПК и ликвидации в 2003 г. Следственного комитета при МВД Республики Беларусь обозначилась тенденция по усилению влияния, в том числе процессуального на

следователей руководителей ведомств, в структуре которых имелись как следственные подразделения, так и органы дознания – в первую очередь КГБ и МВД. Своего апогея эти процессы достигли в 2010 г., когда в УПК были внесены соответствующие изменения, результатом которых стало совмещение одним должностным лицом статусов двух участников уголовного процесса – руководителя следственного подразделения и начальника органа дознания. В свою очередь появление в уголовном процессе начальника подразделения дознания еще более нивелировало отличия следствия от дознания.

Конец все более очевидному преимуществу процессуального положения начальника органа дознания в досудебном производстве и нивелированию различий между двумя формами предварительного расследования положил теракт, совершенный в минском метро в апреле 2011 г. По изучении причин и условий, способствовавших его совершению, в целях исключения административной подчиненности следователей и оперативных сотрудников одному руководителю Президент Республики Беларусь принял решение о создании с 1 января 2012 г. независимого Следственного комитета¹.

Реформа предварительного расследования, обусловленная созданием данного комитета, первоначально приостановила обозначившуюся еще в 1922 г. тенденцию по усилению прокурорской власти досудебном производстве, т.к. с 2012 г. прокурор утратил многие полномочия по процессуальному контролю за предварительным следствием, в том числе полномочие по даче следователю обязательных указаний по уголовному делу.

Однако 26 мая 2021 г. начался обратный процесс, а именно ст. 34 УПК была дополнена ч. 5¹, согласно которой, указания о производстве дополнительных следственных и других процессуальных действий прокурор теперь может давать и при отмене постановлений следователя об отказе в возбуждении уголовного дела или о приостановлении предварительного расследования. А в 2025 г. белорусский законодатель возвратил прокурору право дачи следователю обязательных для исполнения письменных указаний о производстве следственных и других процессуальных действий по любому уголовному делу без каких-либо ограничений.

В связи с основанием Следственного комитета коренным образом изменился процессуальный институт дознания в целом, а также процессуальный статус начальника органа дознания и дознавателя, в частности. Причем трансформировалось не только процессуальное

¹ Александр Лукашенко провел совещание по совершенствованию системы органов предварительного расследования // Официальный сайт Президента Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/events/aleksandr-lukashenko-provel-soveshanie-po-sovershenstvovaniyu-sistemy-organov-predvaritelnogo-rassledovaniya-5207> (дата обращения: 27.09.2025).

положение и сфера их деятельности: с 1 января 2012 г. дознаватель переименовывался в лицо, производящее дознание, как это имело место по УПК БССР 1960 г.

Законодатель сузил полномочия органов дознания, сведя их к приему и рассмотрению заявлений и сообщений о преступлениях, а также производству неотложных следственных действий. Последний вид деятельности может осуществляться только в течение 10 суток, после чего уголовное дело должно быть передано следователю.

Современный этап эволюции стадии предварительного расследования характеризуется также появлением новых участников досудебного производства. В частности, в 2017 г. в УПК включена регламентация процессуального статуса представителя умершего подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого (ст. 57¹, ст. 57²), в 2018 г. – адвоката свидетеля (ст. 60¹), а в 2021 г. – медиатора, участвующего в переговорах обвиняемого и потерпевшего в целях содействия их примирению (п. 14² ст. 6).

Еще одной тенденцией трансформации белорусской стадии предварительного расследования является его сращивание со стадией возбуждения уголовного дела. Так, в 2001 г. на момент вступления в силу УПК до возбуждения уголовного дела позволялось получение объяснений, истребование дополнительных документов, проведение осмотра места происшествия, назначение и проведение экспертизы, а также задержания подозреваемого. Однако приведенный перечень следственных и иных процессуальных действий не смог долго оставаться неизменным. В 2003 г. он был дополнен личным обыском при задержании, в 2007 г. – осмотром трупа и местности, в 2010 г. – эксгумацией и получением образцов для сравнительного исследования, в 2011 г. – осмотром предметов, документов и освидетельствованием, в 2021 г. – осмотром компьютерной информации, а также помещения или иного законного владения, не являющегося жилищем. А еще в 2007 г. из уголовно-процессуального закона было исключено правило о проведении осмотра места происшествия до возбуждения уголовного дела лишь в случаях, не терпящих отлагательства. Затем в 2017 г. в досудебное производство были введены два абсолютно новых процессуальных института – соединения и выделения заявлений и сообщений о преступлении и материалов проверки по ним (ст. 173¹ УПК), а также приостановления и возобновления проведения проверки по заявлению или сообщению о преступлении (ст. 173³ УПК).

В последние годы также обозначилась тенденция по включению в белорусский уголовно-процессуальный закон положений, регламентирующих проведение следственных действий с применением получивших широкое распространение технических новшеств, в том числе – медиакоммуникационных технологий. Так, в 2016 г. УПК дополнен

ст. 224¹ «Проведение допроса, очной ставки, предъявления для опознания с использованием систем видеоконференцсвязи». Позднее, в 2021 г. в целях уточнения терминологии законодатель скорректировал термин «видеоконференцсвязь» на «видеоконференцсвязь (веб-конференция)».

В то же время не совсем оправданным видится нормативное требование о допустимости производства этих следственных действий в режиме видеоконференцсвязи (веб-конференции) только в отношении или с участием потерпевшего и свидетеля, а также не наделение лица, производящего дознание, правом на их проведение. Кроме того, уголовно-процессуальный закон Беларуси не раскрывает объем мероприятий, необходимых для организации проведения допроса, очной ставки и предъявления для опознания в режиме видеоконференцсвязи (веб-конференции), которые должны быть выполнены по месту нахождения участника следственного действия [1, с. 51-52].

Помимо указанного, в 2021 г. в УПК включена ст. 204¹ «Осмотр компьютерной информации», согласно которой для осмотра компьютерной информации, доступ к которой осуществляется посредством аутентификации пользователя либо которая содержит информацию о частной жизни лица, а также сведения, составляющие охраняемую законом тайну, или иную информацию с ограничением распространения и предоставления, теперь необходимо получение санкции прокурора, за исключением случаев, не терпящих отлагательства. При этом нормативное определение компьютерной информации было закреплено не в УПК, а в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК).

Следует отметить, что законодатель, увеличивая количество норм УПК, определяющих порядок применения технических средств, порождает в ряде случаев излишнюю, создающую проблемы для правоприменителя регламентацию. Например, Законом от 6 января 2021 г. № 85-З ст. 221 УПК Беларуси «Особенности допроса несовершеннолетних потерпевшего и свидетеля» была дополнена частью четвертой следующего содержания: «Применение звуко- и видеозаписи обязательно в ходе следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до четырнадцати лет, за исключением случаев, когда несовершеннолетние потерпевший или свидетель, их законные представители возражают против этого, случаев, не терпящих отлагательства, случаев отсутствия технической возможности применения звуко- и видеозаписи»¹. Анализ данной нормы порождает ряд вопросов. Например, не совсем понятно, относится ли указанное положение ко всем следственным действиям, либо только к допросу, и почему возраст несовершеннолетнего, участие которого в следственном действии

¹ Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности : Закон Республики Беларусь, 06.01.2021, № 85-З. Доступ из ИПС «іlex» (дата обращения: 27.09.2025).

подлежит звуко- и видеозаписи, ограничен 14 годами, а не, к примеру, 12, либо 16?

Систематические корректировки в XXI ст. претерпевает также институт прекращения предварительного расследования. В частности, ч. 1 ст. 29 УПК «Обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу» дополнялась новыми пунктами в 2006, 2008 и 2016 годах. А еще раньше в январе 2003 г. прокурор, как и суд наделялся полномочием по прекращению производства по делу в силу утраты деянием общественной опасности (ст. 87 УК), а также в связи с деятельным раскаянием (ст. 88 УК), примирением с потерпевшим (ст. 89 УК), применением мер административного взыскания (ст. 86 УК), а с 2005 г. – ввиду принятия акта об освобождении лица от уголовной ответственности, то есть Указа Президента Республики Беларусь (ст. 30 УПК). Последнее основание интересно тем, что оно применяется к лицам, совершившим тяжкое или особо тяжкое преступление, повлекшее причинение ущерба государственной собственности или имуществу юридического лица, доля в уставном фонде которого принадлежит государству, либо существенного вреда государственным или общественным интересам, не сопряженное с посягательством на жизнь или здоровье человека, если это лицо добровольно возместило причиненный ущерб, уплатило доход, полученный преступным путем, внесло на депозитный счет органа, ведущего уголовный процесс, уголовно-правовую компенсацию в определенном законом размере (от ста до двухсот процентов суммы причиненного ущерба), а также выполнило иные условия освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные персонально для него Указом Президента Республики Беларусь (ст. 88¹ УК Республики Беларусь). С 13 декабря 2011 г. названными полномочиями по прекращению уголовного преследования наделялся и следователь, но с согласия прокурора.

Кроме того, в связи с изменениями, внесенными в 2009 г. в ст. 86-89 УК, прекращение уголовного преследования по основаниям, указанным в пп. 1, 2, 3 и 5 ст. 30 УПК Беларуси (в силу утраты деянием общественной опасности; в связи с деятельным раскаянием; примирением с потерпевшим; применением мер административного взыскания) стало допустимым не только по преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, но и по менее тяжким преступлениям, что существенно увеличило количество случаев применения этой статьи: если в 2008 г. в связи с примирением с потерпевшим было прекращено 606 уголовных дел, то в 2009 г. уже 1120 дел [1, с. 23-24].

Также, начиная с 2007 г., прекращение предварительного расследования стало возможным в связи с передачей несовершеннолетнего под наблюдение родителей или лиц, их заменяющих, а с 2021 г. – в связи с применением правил Дисциплинарного устава Вооруженных Сил

Республики Беларусь (ст. 30 УПК). А в контексте внедрения в уголовный процесс элементов восстановительного правосудия в 2021 г. УПК дополнен новой ст. 30¹ «Примирение обвиняемого с потерпевшим», определяющей порядок примирения обвиняемого с потерпевшим, в том числе путем заключения медиативного соглашения.

Указанные корректировки вызывают научный интерес и потому, что они ознаменовали возвращение в досудебное производство таких оснований к прекращению производства по делу как утрата деянием общественной опасности и применение мер административного взыскания, от которых законодатель отказался буквально за несколько лет принятия действующего белорусского УПК.

В тоже время, несмотря на систематическое внесение изменений и дополнений в УПК, в нем все равно остаются отдельные архаичные нормы, в которых не учитывается современный уровень развития технологий. Например, одним из средств фиксации хода и результатов следственных действий законодатель называет киносъемку (ст. 100, 193, 207, 217 и т.д.). А в качестве приложений к протоколу следственного действия в ч. 7 ст. 193 УПК РБ фигурируют фотографические негативы, киноленты, диапозитивы и кассеты видеозаписи. Более того, в ст. 178¹, введенной в уголовно-процессуальный закон в 2017 г. в качестве приложений к материалам проверки также называются кинофильмы и слайды. Перечисленные носители информации с появлением новых современных средств хранения и передачи изображения, звуко- и видеозаписи ушли в прошлое и не используются на практике [3, с. 23-24].

Нельзя обойти вниманием и еще одно из направлений правотворческих тенденций, которое наиболее рельефно проявилось на современном этапе эволюции уголовно-процессуального законодательства, а именно – его чрезмерную детализацию, превращение «в подобие ведомственной инструкции» [4]. К слову, данная тенденция имеет место не только в Беларуси, но и в России, на что в последние годы указывают ученые обоих государств [5; 5; 7]. Причинами подобной гиперформализации уголовно-процессуальных отношений называются, в частности, перенос практик ведомственного нормотворчества на уровень закона, так как именно сотрудники профильных ведомств в большей части являются инициаторами и исполнителями корректировок УПК [4, с. 15], а также историческая традиция, заложенная еще после Октябрьской революции 1917 г., когда в качестве должностных лиц, осуществляющих досудебное производство, массово выступали граждане, не имеющие юридического образования и соответствующего опыта работы [8, с. 127-128].

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, в качестве основных тенденций трансформации стадии предварительного расследования в белорусском уголовном процессе XXI ст. можно назвать:

изменение процессуального статуса прокурора, органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование; расширение спектра следственных действий, проводимых до возбуждения уголовного дела, что позволяет говорить о смещении досудебных стадий уголовного процесса; закрепление в УПК процедуры использования технических новшеств при производстве следственных действий; существенное увеличение количества оснований для прекращения уголовного преследования и производства по уголовному делу; чрезмерная детализация уголовно-процессуальных норм. Названные тенденции уже предопределяют дальнейшее развитие уголовного процесса, в связи с чем требуют научного внимания.

Список литературы:

1. *Шкаплеров Ю. П.* Проведение следственных действий с использованием систем видеоконференцсвязи в уголовном процессе Республики Беларусь // Предварительное расследование. 2017. № 2.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь с обзором изменений и практики применения / авт. обзора Л. Л. Зайцева. Минск : Амалфея. 2009. 544 с.
3. *Данько И. В., Шкаплеров Ю. П.* Следственные действия: уголовно-процессуальный аспект : монография. Минск: БИП, 2018. 136 с.
4. *Климович Ю. С.* О практике и проблемах реформирования уголовно-процессуального законодательства // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні : навукова-практычны і інфармацыйна-метадычны часопіс. 2021. № 2.
5. *Победкин А. В.* Уголовно-процессуальный кодекс: форма живого права или «бездушная» инструкция // Библиотека криминалиста. 2017. № 3.
6. *Россинский С. Б.* УПК Российской Федерации: воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6.
7. *Солтанович А. В.* К вопросу о пределах детализации правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сборник науч. статей / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол. : В.В. Марчук (гл. ред.) [и др.]; науч. ред. А. В. Солтанович. Минск : Изд. центр БГУ, 2019. Вып. 12.
8. *Россинский С. Б.* Уголовно-процессуальная форма VS правила уголовно-процессуального делопроизводства // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18. № 1.

ВЛАДИМИР ИГОРЕВИЧ АКИНЖАЛА,
начальник 2 отдела УЭБиПК
УМВД России по Калининградской области
E-mail: orlssovetsk@mail.ru

**Современные тенденции цифровой преступности
в сфере банковской деятельности: уголовно-правовые
и технологические**

Аннотация

В современных условиях глобального внедрения цифровых технологий, способствующих созданию качественно новой социальной инфраструктуры, происходит изменение способов и методов преступной деятельности, в которой все чаще используются цифровые инструменты и технологии. Целью статьи является анализ понятия «цифровая преступность», а также тенденций ее развития в сфере банковской деятельности. В заключении автор приходит к выводу о неизбежности роста, технологического совершенствования и профессионализации цифровой преступности в сфере банковской деятельности в ближайшем будущем, сдержать которые возможно с помощью применения системы профилактических мер правового, организационного, технологического и воспитательно-просветительского характера.

***Ключевые слова и словосочетания:** цифровая преступность; банковская деятельность; цифровая среда; тенденции; профилактические меры.*

С переходом человечества от индустриального цивилизационного типа общества к информационному произошли существенные изменения и в сфере противоправной деятельности. Процессы цифровой трансформации, происходящие в современном обществе, способствуют созданию современной социальной инфраструктуры путем внедрения цифровых технологий. Но в то же время произошла и трансформация преступности, появились новые ее виды, ранее не известные орудия, предметы, способы и средства совершения преступлений. Многие ученые указывают на необходимость развития новых направлений в криминологии в современных условиях цифровизации. При этом, как справедливо замечает Т.В. Пинкевич, современная правовая основа противодействия новым вызовам преступности и иные составляющие антикриминальных инструментов разработаны недостаточно [1, с. 133], лицам, осуществляющим противодействие данному виду преступности не

хватает должной квалификации, в частности, технических знаний, отсутствуют методические рекомендации по проблемным вопросам квалификации преступлений, совершаемых в сфере цифровых технологий [2, с. 24].

Как отмечается в Доктрине информационной безопасности РФ, «...расширение областей применения информационных технологий, являясь фактором развития экономики и совершенствования функционирования общественных и государственных институтов, одновременно порождает новые информационные угрозы». К числу информационных угроз авторы Доктрины относят и возрастание масштабов цифровой преступности, прежде всего в кредитно-финансовой сфере.

На коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации, посвященной вопросам противодействия цифровой преступности, отмечалось: «с 2020 года количество посягательств с использованием информационных технологий увеличилось на треть. Доля дистанционных деяний в общем массиве сейчас приближается к 40 % ... меняется структура преступлений, постоянно появляются новые способы совершения таких посягательств» [3].

В 2024 году в России с использованием информационных технологий совершено 765365 преступлений, что на 13,1 % больше, чем в 2023 году. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 34,8% в январе-декабре 2023 года до 40,0%. Почти половина таких преступлений (48,2%) относится к категориям тяжких и особо тяжких (369,3 тыс.), четыре преступления из пяти (84,8%) совершаются с использованием сети «Интернет» (649,1 тыс.), почти половина (45,2%) – средств мобильной связи (346,0 тыс.) [4, с. 3]. То есть налицо тенденция уверенного роста цифровой преступности.

Следует отметить, что термин «цифровая преступность» не является официальным, нормативно нигде не закреплён и более того, не является устоявшимся в уголовно-правовой науке. Помимо термина «цифровая преступность» часто используется понятие «киберпреступность», «компьютерная преступность», «интернет-преступность», что порождает вопрос о тождественности этих понятий [5, с. 56]. Европол использует также термин «хай-тек-преступность» (High-Tech crime), что дословно переводится как преступление в сфере высоких технологий. Таковыми считаются все те преступления, в которых используются электронные и цифровые технологии для атаки на компьютеры или компьютерную сеть [6, с. 123-136]. Анализ научных публикаций показывает, что несмотря на имеющиеся в научном сообществе споры, нередко с помощью вышеуказанных понятий различные авторы обозначают одно и то же социально-негативное явление. Однако, это методологически неверно.

Представляется методологически необходимым рассмотреть понятие цифровой преступности и его соотношение со смежными понятиями, используемыми на современном этапе в научной литературе. Наиболее полное по смысловому объему определение рассматриваемого понятия дает Т.В. Пинкевич: «цифровая преступность - это общественно опасное негативное массовое социальное явление, включающее систему преступлений, совершенных в определенный промежуток времени в сфере цифровых технологий или с их использованием, в том числе в виртуальной среде, не связанных географическими и юрисдикционными границами и обладающих количественными и качественными характеристиками» [1, с. 134, 135].

С технической точки зрения, понятие «цифровая» (а не «кибер» или «хай-тек», и даже используемое в российском законодательстве - «компьютерная» и т.д.) видится наиболее приемлемым, поскольку наиболее точно отражает форму выражения информации и технический способ ее фиксации. Именно данная форма выражения информации сегодня интерпретируется современной компьютерной техникой в понятный вид для восприятия человеком [7]. Кроме того, сеть «Интернет» сегодня приобрела новое качество и содержание. Цифровое пространство уже охватывает не только компьютерные, но и сетевые технологии, интернет-ресурсы, электронно-вычислительную технику и т. д. Растет количество преступлений с использованием сотовых телефонов, появился новый вид преступной деятельности, связанной с так называемыми облачными технологиями, прогнозируется расширение использования и дальнейшее развитие технологий блокчейна, больших данных, цифровых близнецов, облачных программ, искусственного интеллекта, чат-ботов, что позволяет говорить о том, что понятие «цифровая преступность» шире понятия «киберпреступность» или «компьютерная преступность», поскольку включает в себя более широкий диапазон противоправных действий [8, с. 216, 217].

Основной тенденцией цифровой преступности на современном этапе является тенденция ее роста во всех сферах, о чем свидетельствует статистика. Не является исключением сфера банковской деятельности, которая представляет собой совокупность банковских операций и сделок, осуществляемых Банком России и кредитными организациями на систематической основе с использованием денег и других финансовых инструментов в соответствии с федеральным законом № 395-1 «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 г.¹.

Цифровые преступления, совершаемые в сфере банковской деятельности, можно условно разделить на три группы, используя критерий объекта преступного посягательства.

1 О банках и банковской деятельности: федеральный закон № 395-1 от 02.12.1990 // СПС «КонсультантПлюс».

К первой группе следует отнести преступления, видовым объектом которых выступают общественные отношения в сфере регулирования экономической деятельности (ст. ст. 172, 172.1, 172.2, 176, 187 УК РФ)¹.

Ко второй группе относятся преступные деяния, совершенные с использованием мошеннических схем завладения денежными средствами, в которых видовым объектом является общественные отношения собственности (ст. ст. 159.1, 159.3, 159.6 УК РФ)². В случае совершения таких преступлений банковские организации становятся косвенными участниками мошеннической схемы, а само преступление нередко совершается в цифровом пространстве банка. Следует отметить, что из всей массы совершенных цифровых преступлений в 2024 году (765 365 деяний) половина (380344 преступления) связаны с совершением мошеннических действий (ст. ст. 159, 159.3, 159.6 УК РФ) [4, с. 3].

Тенденция стремительного роста именно этой категории цифровой преступности является самой очевидной. Развитие цифровых технологий, которое имеет опережающее меры противодействия развитие дают преступникам существенные преимущества. К наиболее распространенным видам мошеннических действий в цифровой среде в настоящее время относятся мошенничества с онлайн-аукционами, с отсутствием личного контакта между продавцом и покупателем; фишинг (отправка подложных писем) с целью получения ценных данных пользователей, которые могут быть проданы или использованы для совершения вымогательства, хищения денег или личных данных. Следует отметить, что если раньше адресатами фишинговых писем были в основном отдельные граждане, то начиная с 2015-2016 гг. фишинговые атаки стали в больших масштабах осуществляться против частного и корпоративного секторов, особенно банков и других расчетных систем.

Продолжает интенсивное развитие телефонное мошенничество с помощью роботов, при котором первоначальный «обзвон» потерпевших проводят автоматизированные центры с поддельных номеров, используя сервисы IP-телефонии, Whats App, Viber и т.д. [9, с. 7-12]. Далее подключаются технологии манипулирования человеком или группой людей с целью получения денежных средств, как имеющихся у жертвы, так и посредством получения кредитов. Трендом последних лет является подобная обработка детей через игровые сервисы.

И, наконец, третья группа – это преступления, видовым объектом которых являются охраняемые уголовным правом общественные

¹ Ст. 172 (Незаконная банковская деятельность) УК РФ, ст. 172.1 (Фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации) УК РФ, ст. 172.2 (Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества) УК РФ, ст. 176 (Незаконное получение кредита) УК РФ, ст. 187 (Неправомерный оборот средств платежей) УК РФ).

² 159.1 (Мошенничество в сфере кредитования) УК РФ, ст. 159.3 (Мошенничество с использованием электронных средств платежа) УК РФ, ст. 159.6 (Мошенничество в сфере компьютерной информации) УК РФ.

отношения, обеспечивающие правомерный оборот компьютерной информации [10], когда кибератакам с различными целями подвергаются сами банковские организации (ст. ст. 272, 272.1, 273 УК РФ)¹.

Важным фактором, способствующим совершению цифровых преступлений в банковской сфере, является массовый переход к дистанционному банковскому обслуживанию.

Еще одной стремительно развивающейся тенденцией развития цифровой преступности является использование в преступной деятельности виртуальных денег (криптовалют), анонимность использования которых повышает уровень латентности. По мнению экспертов, в России 95 % преступлений данного вида не выявляется [8, с. 215]. При этом правоохранные органы обладают ограниченными возможностями для выявления денежных потоков нелегального характера, что позволяет криминальным структурам действовать практически безнаказанно, создавать и использовать биржевые площадки, полностью выпадающие из национального и международного правового поля, с их помощью заниматься кибермошенничеством, отмыванием криптовалют. Например, интернет-площадка торгов в реальном времени фиатными валютами и криптовалютами BTC-E, ориентированная на русскоязычных пользователей по состоянию на март 2014 года занимала третье место по объёму торгов на паре биткойн/доллар и первое на паре биткойн/рубли. На пике работы BTC-E её суточный заявленный оборот достигал 66 млн долларов США в день. В 2017 году сервис был закрыт, а серверы и активы, расположенные в США, арестованы ФБР. Аккаунты клиентов перешли на новый сервис обмена WEX, который в конце 2018 года также прекратил работу, не вернув клиентам их активы. Когда площадка прекратила деятельность, на ней в различной криптовалюте находилось более 1 млрд долларов США [11].

В целом можно определить следующие наиболее ярко выраженные тенденции цифровой преступности в сфере банковской деятельности:

1. Устойчивая динамика роста.
2. Рост общественной опасности цифровых преступлений, совершаемых в сфере банковской деятельности.
3. Институализация цифровой преступности, что выражается в формировании новой страты профессиональных преступников в лице хакеров и цифровых мошенников/воров, которые, в свою очередь представляют два разных криминологических типа. Цифровой мошенник/вор имеет криминальный опыт и совершает преступления, как правило, в организованной группе. Хакер криминального опыта не имеет,

¹ Ст. 272 (Неправомерный доступ к компьютерной информации) УК РФ, ст. 272.1 (Незаконное использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконных хранения и (или) распространения) УК РФ, ст. 273 (Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ) УК РФ.

но имеет хорошую профессиональную техническую подготовку. Для хакеров характерен особый порядок организации преступной деятельности в рамках хакерских профессиональных сообществ, особые способы общения в сети, в том числе через скрытые онлайн-сообщества, основанные на философии свободы информации и цифрового анархизма.

4. Психологизация цифровой преступности, что выражается в дистанционном применении к жертвам методов социальной инженерии, нейролингвистического программирования и иного психологического давления.

5. Одновременный рост естественной и искусственной латентности цифровых преступлений.

6. Рост количества цифровых преступлений, совершенных в отношении детей и лиц пожилого возраста. Цифровые преступления в отношении этих категорий населения отличает преимущественное использование психологических приемов обработки, включая обман, запугивание, шантаж. Для преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних характерна еще, и высочайшая степень латентности.

Рассмотренные тенденции позволяют составить неутешительный прогноз роста, технологического совершенствования и профессионализации цифровой преступности в сфере банковской деятельности ближайшем будущем. Ключевой задачей правоохранительных органов сегодня является задача остановить эти стремительно развивающиеся социально-негативные процессы с помощью совокупности профилактических мер правового, организационного, технологического и воспитательно-просветительского характера. Правовые меры должны обязательно включать совершенствование норм уголовного законодательства, основанное на прогнозной аналитике и упреждающей реакции законодателя в виде изменений Уголовного кодекса, а также совершенствование мер уголовно-процессуального и криминалистического характера. Традиционные законодательные трактовки места совершения преступления, следов и, соответственно, осмотра, выемки, обыска и т.п. не подходят для расследования цифровых преступлений. Современный правоприменитель должен вслед за преступником переместиться из реального мира в цифровой. Среди организационных мер важнейшим является межведомственное взаимодействие в виде кооперации банков, правоохранительных органов и компаний кибербезопасности, развитие государственно-частного партнерства в сфере кибербезопасности, а также жесткий государственный контроль над состоянием цифровой среды. Среди технологических мер в современных условиях прокси-войны России со странами Запада и их сателлитами и экономических санкций главной профилактической мерой является переход на исключительно отечественное программное обеспечение. Причем, не в рекомендательном, а в императивном порядке, с

полным запретом использования зарубежного. Примером может служить внедрение в деятельность государственных органов программного обеспечения Astra Linux, мессенджера МАХ. Подобные процессы должны полностью охватить и банковскую сферу. Воспитательно-просветительские меры профилактики должны включать систему мероприятий, направленных на формирование цифрового сознания, цифровой и правовой грамотности у всех слоев населения страны.

Список литературы:

1. *Пинкевич Т. В.* Методология исследования новых тенденций в криминологии // Методология и методики проведения криминологических исследований и экспертиз (Долговские чтения): сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М., 2024.
2. Цифровая криминология : учебное пособие / Пинкевич Т. В., Смольянинов Е. С., Ищук Я. Г. М.: Академия управления МВД России, 2021.
3. Владимир Колокольцев провел заседание коллегии МВД России, посвященное противодействию ИТ-преступности // Интернет-портал МВД России. URL: <https://мвд.рф/news/item/51089163/> (дата обращения: 06.08.2025).
4. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». М., 2025.
5. *Евдокимов К. Н.* К вопросу о совершенствовании системы противодействия технотронной преступности в Российской Федерации // Российский следователь. 2021. № 10.
6. *Романовский В. Г.* Цифровая преступность: понятие, криминологические особенности, проблемы противодействия // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2024. № 3.
7. *Базаров А.* Предпринимательство и цифровизация: понимание различий понятий «виртуальный», «цифровой», «информационный» как основа развития предпринимательских отношений // <https://gtlaw.ru/2021/08/03/предпринимательство-и-цифровизация/> (дата обращения: 05.09.2025).
8. *Пинкевич Т. В.* Уголовно-правовой и криминологический понятийный аппарат в условиях цифровизации: проблемы применения // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : сборник статей по материалам ежегодной международной научно-практической конференции. СПб., 2023.

9. *Воронин Ю. А.* Современные тенденции преступности в цифровой среде / Ю. А. Воронин, И. М. Беляева, Т. В. Кухтина // Вестник ЮУрГУ. 2021. Т. 21. № 1.

10. Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации (утв. Генпрокуратурой России) // СПС «КонсультантПлюс».

11. <https://ru.ruwiki.ru/wiki/BTC-E>.

РИФАТ РУМОВИЧ БАКАСОВ,
адъюнкт
Академия управления МВД России
E-mail: bakasovrifat@yandex.ru

Задачи криминологической безопасности в обеспечении национального рынка финансовых услуг мерами защиты

Аннотация

Одной из приоритетных задач Стратегии национальной безопасности¹, является экономическая безопасность² государства. Данный вид государственной деятельности направлен на защиту отечественной финансово-экономической системы, что способствует достижению устойчивости и стабильности российской экономики перед современными вызовами, ее независимости и суверенитета, конкурентоспособности, единства территориального экономического пространства и обеспечения надежности функционирования всей отечественной финансовой индустрии.

Повышенный интерес деструктивных сил к отечественному финансовому сектору, связан в первую очередь с слабым регулированием финансово-экономических правоотношений, связанных с проведением транснациональных финансовых операций, бенефициарного управления, легализации доходов, добытых преступным путем, вывода финансовых активов за пределы страны, манипулирование рынком финансовых услуг, появлением финансовых рейтинговых агентств, современных финансовых инструментов, что вызывает тревогу и требует от государства принятия кардинальных мер по регулированию и обеспечению защиты всей российской финансово-экономической системы и ее инфраструктуры.

С этой целью в рамках реализации национальной уголовной политики, требуется совершенствование системы криминологической безопасности финансового рынка России, которая будет способствовать установлению прочной, сбалансированной и развивающейся экономики, отвечающей всем современным требованиям защиты и мерам охраны, что позволит снизить уровень криминальных угроз и криминогенных рисков.

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/QZw6hSk5z9Wq0pID1ZzmR5cER0g5tZC.pdf> (дата обращения: 10.05.2025).

² О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&vkart=card&link_id=105&nd=102432051&intelsearch= (дата обращения: 29.05.2025).

Ключевые слова: уголовная политика; система обеспечения криминологической безопасности; криминальные угрозы и криминогенные риски; экономическая преступность; нелегальная деятельность; преступления в сфере финансового рынка; противодействие преступлениям на финансовом рынке.

Вопросы обеспечения защиты личности, общества и государства, а также охраны всех форм собственности от преступных посягательств являются стратегическим направлением уголовной политики российского государства и обеспечиваются такими видами государственной деятельности как: уголовно-правовая, криминологическая, уголовно-процессуальная, оперативно-розыскная и уголовно-исполнительная.

Связующим элементом данных государственных сфер деятельности, является криминологическая безопасность, под которой принято понимать состояние защищенности личности, общества и государства от преступных посягательств во всех сферах жизнедеятельности, система обеспечения которой включает комплекс мер: правового, экономического, организационно-технического и иного характера¹. Поэтому уголовная политика, построенная на концепции криминологической безопасности, имеет своей ключевой целью² охрану прав и интересов граждан, общества и государства от криминальных угроз, где одним из средств достижения данной цели является правоохранительная деятельность³.

В российской экономической системе таким объектом, требующим обеспечения криминологической безопасности, является финансовый рынок России⁴. Данный сектор российской экономики по своей сущности с одной стороны несет функции привлекающие, распределяющие и перераспределяющие финансовые ресурсы, а с другой способствует развитию национальной экономики. Данная экономическая отрасль находится под неустанным контролем государства, поскольку от ее деятельности зависят показатели финансового роста и экономической стабильности страны⁵.

¹ Пинкевич Т. В. Обеспечение криминологической безопасности в условиях цифровой трансформации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. № 2.

² Плешаков В. А. Теория криминологической безопасности как частная теория криминологии // Человек: преступление и наказание. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-kriminologicheskoy-bezopasnosti-kak-chastnaya-teoriya-kriminologii> (дата обращения: 05.06.2025).

³ Бабаев М. М. Уголовная политика и криминологическая безопасность // Научный портал МВД России. 2008. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-politika-i-kriminologicheskaya-bezopasnost> (дата обращения: 02.06.2025).

⁴ Бакасов Р. Р. Финансово-экономические правоотношения в структуре финансового рынка // Проблемы права. 2025. № 2. (98).

⁵ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&vkart=card&link_id=105&nd=102432051&intelsearch= (дата обращения: 29.05.2025).

Об этом свидетельствует количество выявленных в 2024 г. на территории России преступлений экономической направленности (65,5 тыс.), из которых четверть совершена в кредитно-финансовой сфере. При этом на 2,8% увеличилось количество преступлений, совершенных в крупном или особо крупном размере, общий ущерб преступлений, совершенных в кредитно-финансовой сфере, составил более 30 млрд. рублей¹.

Увеличилось и количество рассматриваемых преступлений названной категории совершенных группой лиц по предварительному сговору. Так в 2024 г. их численность повысилась на 1,8%, а число преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами, выросло на 1,1%. В результате чего общий размер причиненного ущерба от экономических преступлений составил более 204 млрд руб. Нельзя не отметить и общее количество изъятых, добровольно погашенных или арестованных материально-товарных ценностей, численность которых превысила 38,6 млрд руб. Однако, приведенные статистические сведения о зарегистрированной экономической преступности свидетельствуют, что показатель совершения преступности за рассматриваемый период незначительно снижается (на 2,5 %).

На наш взгляд данный показатель обусловлен слабым взаимодействием субъектов обеспечения безопасности связанный с не своевременным представлением информации о совершаемых преступлениях, отсутствием высококвалифицированных кадров, имеющих компетенции в выявлении, пресечении, раскрытии и предупреждении преступлений экономической направленности. Вызывает тревогу и отсутствие оперативного прикрытия сегментов финансового рынка. В то же время показатель организованности, профессиональности, сплоченности и отсутствие духовно-нравственных устоев в действиях преступных элементов, остаются на высоком уровне и по мнению ряда специалистов данные негативные тенденции продолжают свой рост².

Особо подчеркивая важность, пресечения преступных посягательств на финансовом рынке необходимо отметить, что любое нелегальное проявление существенно влияет на развитие малого и среднего предпринимательства, привлечения и создания условий для инвестирования в производственную и технологическую сферу национальной экономики, негативно отражается на ведение честного и конкурентоспособного бизнеса. Нельзя забывать и о введении санкций в отношении многих российских компаний, отключение российского

¹ Состояние преступности в России (за январь – декабрь 2024 года). URL: https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVs/student/risk_management/Sbornik_UOS_2024.pdf (дата обращения: 05.06.2025).

² Пинкевич Т. В., Бакасов Р. Р. Организованная преступность в сфере финансового рынка России // Пробелы в российском законодательстве. 2023. № 7.

финансового рынка от мировой системы рынка капиталов¹, что только усложняют процессы акклиматизации, адаптации и оздоровления всей финансовой системы государства к современным вызовам.

На этом фоне заслуживает внимания и недостатки законодательного регулирования правоотношений возникающих на рынке финансовых услуг, высокотехнологичных финансовых инструментов, а также их имплементации в национальную законодательную систему. Одним из таких пробелов в законодательстве является отсутствие нормативно-закрепленных основных понятий таких как: «финансовый рынок», «рынок ценных бумаг», «валютный рынок», «рынок деривативов» и др. Необходимо отметить и поспешность принятия необоснованных законодательных решений, в том числе несущих единичные факты (Ad hoc), которые не дают возможности принятия точного и выверенного решения, а недостаточно обдуманые, а порой и неаргументированные решения только усугубляют текущее положение².

Для принятия обоснованного нормативно-правового регулирования правоотношений в сфере финансово-кредитной деятельности возникает необходимость в проведении мониторинга не только национального законодательства, но и сравнительно-правового исследования ведущих зарубежных экономик мира, что позволит получить объективные данные о нелегальных проявлениях, причинах и условиях, способствующих их совершению, а также выявить закономерности в его развитии. Полученные знания, будут направлены на оздоровление рынка капиталов и всей национальной экономики в рамках ее стратегического обеспечения.

Принятые меры позволят создать условия удержания социально-приемлемого уровня безопасности финансового рынка, взять под постоянный контроль и в дальнейшем снизить влияние негативных проявлений. Поэтому возникает необходимость в сосредоточении усилий направленных на усовершенствование криминологической безопасности финансового рынка, к основным задачам которой следует отнести:

- консолидацию субъектов системы криминологической безопасности финансового рынка, при оценке, выработке и реализации мер противодействия преступным проявлениям;
- модернизацию управления системы обеспечения криминологической безопасности финансового рынка;
- выработку мер по совершенствованию законодательства в сфере противодействия нелегальными проявлениям на финансовом рынке России;

¹ Торгово-промышленная палата Российской Федерации. Информация о введенных санкциях в отношении Российской Федерации. URL: https://uslugi.tpprf.ru/ru/sanctions_2022/ (дата обращения: 29.07.2025).

² Бабаев М. М. Уголовная политика и криминологическая безопасность // Научный портал МВД России. 2008. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-politika-i-kriminologicheskaya-bezopasnost> (дата обращения: 02.06.2025).

- информационное, материально-техническое и финансовое обеспечение субъектов криминологической безопасности рынка финансовых услуг;
- повышение результативности и качества воздействия на источники угроз и рисков криминологической безопасности;
- создание благоприятных и благонадежных условий для финансовой деятельности всех участников финансового рынка;

Реализация обозначенных выше задач связанных с обеспечением криминологической безопасности должны включать следующие основные направления:

- разработку стратегии криминологической безопасности национального финансового рынка, ее нормативно-правовое, экономическое и материальное обеспечение;
- организацию и проведение изучения рынка капиталов на предмет выявления и обнаружения источников криминальных угроз, что позволит своевременно принимать меры по нейтрализации и ликвидации любых деструктивных действий;
- оценку состояния системы криминологической безопасности финансового рынка, прогнозирование тенденций его развития, возможность оперативно реагировать на нелегальные проявления;
- для выявления и предупреждение преступлений на рынке финансовых услуг, необходимо внедрение в правоохранительную деятельность субъектов криминологической безопасности цифровых технологий, искусственного интеллекта, технологии больших данных и др. информационно-технических средств;
- организация межведомственного взаимодействия между субъектами системы криминологической безопасности;
- осуществление сопровождения комплексных государственных программ, направленных на устойчивую и безопасную финансово-экономическую деятельность¹;
- обеспечение нормативно-правового регулирования цифровых активов, рынка криптовалют, деятельности рейтинговых агентств и др. современных финансовых продуктов и услуг.

Вместе с тем криминологическая безопасность финансового рынка должна быть построена на таких принципах как: защита прав и свобод участников финансового рынка, обеспечение государственных интересов,

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 320 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков» (ред. от 17.09.2024 № 1268). URL: <https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/govprog/gosfin/> (дата обращения: 20.08.2025); Развитие финансового рынка. URL: https://economy.gov.ru/material/directions/nr_effektivnaya_i_konkurentnaya_ekonomika/fp_razvitie_finansovogo_rynka/ (дата обращения: 20.08.2025); Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2025 год и период 2026 и 2027 годов. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/165924/onrfr_2025_2027.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

независимости, законности, суверенитета и других конституционных положений, устанавливающих непосредственное их применение, без принятия каких-либо дополнительных актов к их исполнению. Исходя из чего совершенствование системы криминологической безопасности финансового рынка, позволит достичь финансовую самостоятельность и стабильное функционирование всей национальной финансово-экономической сферы, направленной на беспрепятственное и результативное функционирование субъектов рынка капиталов, восстановлению мер социально-имущественной справедливости и нарушенных прав участников рынка финансовых активов.

Таким образом для снижения уровня нелегальных проявлений на рынке финансовых услуг возникает необходимость, в междисциплинарном законодательном закреплении основных определений, что позволит разграничить секторы финансового рынка, выявить его особенности и определить сферу влияния нелегальных проявлений.

Список литературы:

1. *Пинкевич Т. В.* Обеспечение криминологической безопасности в условиях цифровой трансформации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. № 2.

2. *Плешаков В. А.* Теория криминологической безопасности как частная теория криминологии // Человек: преступление и наказание. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-kriminologicheskoy-bezopasnosti-kak-chastnaya-teoriya-kriminologii> (дата обращения: 05.06.2025).

3. *Бабаев М. М.* Уголовная политика и криминологическая безопасность // Научный портал МВД России. 2008. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-politika-i-kriminologicheskaya-bezopasnost> (дата обращения: 02.06.2025).

4. *Бакасов Р. Р.* Финансово-экономические правоотношения в структуре финансового рынка // Проблемы права. 2025. № 2. (98).

5. *Пинкевич Т. В., Бакасов Р. Р.* Организованная преступность в сфере финансового рынка России // Пробелы в российском законодательстве. 2023. № 7.

МАРАТ ТАЙМУРАЗОВИЧ БЕРОВЕВ,

адъюнкт

Академия управления МВД России

E-mail: beroevmarat@mail.ru

Современные криминальные угрозы экономической безопасности Российской Федерации в продовольственной сфере

Аннотация

Данное исследование посвящено анализу криминальных угроз экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе развития, с краткосрочным прогнозированием. Исследование базируется на принципах системного подхода, междисциплинарного анализа и эмпирического обобщения, что позволяет выявить ключевые детерминанты, формы проявления и последствия деструктивного воздействия криминальной активности на национальную экономику. Особое внимание уделено рассмотрению вопроса влияния криминальных угроз на продовольственную безопасность Российской Федерации, как критически важному элементу национальной безопасности и фактора социальной стабильности в государстве.

В рамках исследования рассмотрены основные виды криминальных угроз, включая такие негативные проявления как: коррупция, теневая экономика, организованная преступность, киберпреступность, картельный сговор, а также преступления в финансово-кредитной сфере и сфере государственных закупок, с подробным анализом их специфики в агропромышленном комплексе и на продовольственном рынке.

По результатам проведенного анализа предложены практические выводы и рекомендации по совершенствованию системы противодействия криминальным посягательствам на экономическую и продовольственную безопасность Российской Федерации.

Ключевые слова и словосочетания: агропромышленный комплекс; государственные закупки; коррупция; криминальные угрозы; киберпреступность; организованная преступность; продовольственная безопасность; теневая экономика; финансовые преступления; экономическая безопасность.

Актуальность исследования: экономическая безопасность является фундаментальной составляющей национальной безопасности любого государства, определяющей его суверенитет, устойчивость и потенциал развития. В условиях глобализации, технологического прогресса, а также

сложной геополитической обстановки, Российская Федерация сталкивается с постоянно эволюционирующими и усиливающимися криминальными угрозами, которые оказывают деструктивное воздействие на все сферы экономической системы. Эти угрозы не только приводят к прямым финансовым потерям, но и подрывают институциональные основы государства, деформируют рыночные механизмы, снижают инвестиционную привлекательность, способствуют оттоку капитала и замедляют темпы экономического роста.

В этом контексте особую актуальность приобретает анализ криминальных угроз продовольственной безопасности государства. Продовольственная безопасность, понимаемая как обеспечение физической и экономической доступности достаточного, безопасного и питательного продовольствия для всего населения, является неотъемлемой частью экономической безопасности и ключевым фактором социального благополучия и политической стабильности государства.

Современный этап характеризуется не только количественным ростом, но и качественной трансформацией криминальной активности, которая приобретает все более организованный, высокотехнологичный и транснациональный характер, затрагивая в том числе весь агропромышленный комплекс и продовольственный сектор экономики Российской Федерации. В связи с этим, глубокий и всесторонний анализ криминальных угроз экономической и продовольственной безопасности Российской Федерации на современном этапе, выявление их специфики, механизмов воздействия и разработка эффективных мер противодействия и профилактики, приобретают первостепенное значение.

Цель исследования: комплексный анализ криминальных угроз экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе, включая их влияние на продовольственную безопасность государства, разработка научно обоснованных практических рекомендаций по их минимизации и профилактике. Определить сущность и классификацию криминальных угроз экономической безопасности Российской Федерации в контексте современных реалий, уделив внимание их проекции на продовольственную безопасность и суверенитет. Кроме того, необходимо уделить внимание анализу основных видов криминальных угроз (коррупция, теневая экономика, организованная преступность, киберпреступность, финансовые преступления, преступления в сфере госзакупок), с целью выявления особенностей проявления в сфере обеспечения продовольственной безопасности страны. Необходимым условием достижения целей исследования, выступает определение основных тенденций и факторов, влияющих на трансформацию криминальных угроз экономической безопасности государства.

В рамках исследования проведена оценка масштабов и вероятных последствий деструктивного влияния криминальной активности на экономическую систему Российской Федерации с отражением возможных рисков для обеспечения населения качественным и доступным продовольствием. По результатам исследования подведены практические выводы и рекомендации по совершенствованию системы противодействия криминальным угрозам, с учетом специфики защиты продовольственной безопасности государства.

Объектом исследования выступают общественные отношения в сфере обеспечения экономической безопасности Российской Федерации и ее продовольственная составляющая.

Предметом исследования выступают криминальные угрозы экономической безопасности Российской Федерации, их сущность, формы проявления, динамика и механизмы противодействия, особенно в части, касающейся обеспечения продовольственной безопасности государства.

В рамках рассмотрения теоретических основ исследования криминальных угроз экономической безопасности государства, следует обозначить, что экономическая безопасность государства – это состояние защищенности национальной экономики от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечивается устойчивое развитие, способность к самосохранению и прогрессу, а также реализация национальных экономических интересов. Она характеризуется совокупностью условий и факторов, обеспечивающих независимость, стабильность, рост и эффективность экономической системы. Ключевыми элементами экономической безопасности государства являются: экономический суверенитет, поддержание устойчивости и стабильности, инновационный потенциал, социальная составляющая, финансовая стабильность и продовольственный суверенитет.

Обеспечение продовольственной безопасности государства выступает фундаментальной составляющей, которая характеризует способность государства гарантировать физическую и экономическую доступность достаточного, безопасного и питательного продовольствия для всего населения страны, а также независимость от внешних поставок критически важных видов сельскохозяйственной продукции и продовольствия. Криминальные угрозы относятся к субъективным угрозам, порождаемым противоправной деятельностью, и представляют совокупность противоправных деяний, посягающих на экономические интересы государства, общества и личности, приводящих к дестабилизации экономической системы, подрыву ее устойчивости, эффективности и способности к развитию. В контексте продовольственной безопасности государства, это действия, направленные на нарушение стабильности производства, переработки, хранения, транспортировки и

реализации продовольствия, снижение его качества и безопасности, а также создание искусственного дефицита или необоснованного роста цен.

Автором осуществлена классификация криминальных угроз экономической безопасности государства по объекту посягательства (фальсификация пищевой продукции, контрабанда некачественного продовольствия, хищения сельскохозяйственной продукции и т.д.), а также по сфере проявления (незаконная заготовка и переработка сырья, хищения урожая и скота, контрафакт и фальсификация пищевой продукции, картельные сговоры на продовольственных рынках, незаконное использование земель сельскохозяйственного назначения).

На современном этапе развития Российская Федерация сталкивается с рядом специфических вызовов, которые формируют благоприятную среду для активизации и трансформации криминальных угроз. К ним относятся: санкционное давление, перестройка логистических и производственных цепочек, цифровизация экономики, усиление государственного участия в экономике, а также общая нестабильность мировой экономики. Эти факторы, в свою очередь, создают новые риски для продовольственной безопасности, делая ее более уязвимой для криминальных посягательств.

Коррупция остается одной из наиболее деструктивных и системных угроз экономической безопасности Российской Федерации, которая пронизывает различные уровни государственного управления и хозяйственной деятельности, деформируя рыночные механизмы и подрывая доверие к институтам. В сфере обеспечения продовольственной безопасности государства, выявляемые коррупционные проявления свидетельствуют о имеющихся недостатках при распределении субсидий и дотаций, незаконной выдаче разрешений на строительство объектов на сельскохозяйственных землях, фальсификации результатов проверок качества и безопасности пищевой продукции, а также в сговорах при закупках продовольствия для государственных нужд (армия, социальные учреждения, государственный резерв).

Вторым рассмотренным негативным фактором дестабилизации экономической безопасности государства, в рамках исследования, выступает теневая экономика, которая представляет собой совокупность неформальных, нерегистрируемых и(или) незаконных экономических видов деятельности, которые уклоняются от государственного контроля и налогообложения. В контексте обеспечения продовольственной безопасности государства данные проявления наблюдаются в сфере производства и оборота контрафактной и фальсифицированной пищевой продукции (подделка брендов, использование запрещенных добавок, замена качественных ингредиентов дешевыми аналогами), незаконная заготовка и переработка сельскохозяйственного сырья, нелегальная торговля продуктами питания, уклонение от уплаты налогов и сборов в

агропромышленном комплексе, нелегальная занятость в сельском хозяйстве и т.д.). В современном обществе организованная преступность представляет собой одну из наиболее опасных и динамично развивающихся угроз. Стремление к легализации незаконного дохода и интеграция в законную экономику, при использовании коррупционных связей и современных технологий, вот неполный перечень угроз экономической безопасности государства, наблюдаемых на современном этапе развития.

Влияние на продовольственную безопасность проявляется в контроле над рынками сбыта сельскохозяйственной продукции и продовольствия, рейдерских захватах аграрных предприятий и сельскохозяйственных земель, организации каналов сбыта некачественного или запрещенного к обороту продовольствия, масштабных хищениях урожая, сельскохозяйственной техники и скота, создании искусственного дефицита и (или) завышении цен на продукты питания путем картельных сговоров.

Наблюдаемая стремительная цифровизация всех сфер жизни и экономики делает киберпреступность одной из наиболее актуальных и быстрорастущих угроз. В сфере обеспечения продовольственной безопасности государства имеется проблематика в части дестабилизирующего воздействия на экономические основы страны – киберугроз, которые направлены на негативное вмешательство третьих лиц в организацию систем управления «автоматизации» (системы полива, кормления, контроля климата и т.д.), логистические цепочки поставок продовольствия (сбои в планировании, отслеживании грузов), системы контроля качества и безопасности продукции (манипуляции с данными о составе, сроках годности), финансовые системы аграрных предприятий, а также промышленный шпионаж с целью получения доступа к селекционным достижениям или технологиям производства.

Кроме того, наблюдается проблематика в финансово-кредитной сфере, так как финансовый сектор является одним из наиболее уязвимых для криминальных посягательств из-за большого объема денежных потоков и сложности операций. Влияние на продовольственную безопасность государства выражается в различных проявлениях мошенничества с кредитами и субсидиями (получение средств под фиктивные проекты или на несуществующие хозяйства), незаконном обналичивании средств, выделяемых государством на развитие и поддержку сельхозпроизводителей, нецелевом использовании инвестиций в аграрный сектор и т.д.

Современная сфера государственных закупок в Российской Федерации, как следует из анализируемых материалов, является одной из наиболее коррумпированных и подверженных криминальным посягательствам, поскольку сопряжена с огромными бюджетными

потоками. В контексте обеспечения продовольственной безопасности страны, это проявляется в закупках некачественного, просроченного или фальсифицированного продовольствия для государственных нужд (школы, детские сады, больницы, армия, стратегический резерв), завышении цен на продукты питания, сговорах при проведении торгов на поставку продовольствия, использовании фирм-однодневок для обналичивания средств и т.д.).

Важно отметить, что перечисленные виды криминальных угроз не существуют изолированно, а тесно взаимосвязаны и часто усиливают друг друга. Эффективное противодействие криминальным угрозам экономической безопасности государства требует комплексного, и постоянно адаптирующегося подхода, включающего законодательные, правоохранные, регуляторные, и технологические меры воздействия. Особое внимание должно быть уделено специфике защиты и обеспечения продовольственного суверенитета государства.

Таким образом, на основании проведенного исследования, следует отметить, что в настоящее время необходимо реализовывать на государственном уровне действенные меры, ориентированные на повышение уровня экономической безопасности в сфере обеспечения продовольствием населения страны. Необходим комплексный подход для усиления государственного контроля в сфере обеспечения качества и безопасности пищевой продукции на всех этапах ее производства, переработки, хранения, транспортировки и реализации. Внедрение систем контроля «от поля до прилавка» за продовольственными товарами, открытости при распределении сельскохозяйственных земель и субсидий, предотвращение их нецелевого использования и хищений при объективной и развитой системе государственного резерва продовольствия и механизмов оперативного реагирования на угрозы его доступности, повышение прозрачности государственных закупок, учета собственности, контроля за цепочками поставок, для отслеживания продуктов питания.

На основе проведенного анализа можно сформулировать следующие практические выводы и рекомендации, направленные на повышение уровня экономической безопасности Российской Федерации перед лицом криминальных угроз: криминальные угрозы экономической безопасности на современном этапе, представляют собой не отдельные явления, а сложную, взаимосвязанную систему, где коррупция, теневая экономика, организованная преступность и киберпреступность взаимно усиливают друг друга. Это требует комплексного, а не фрагментарного подхода к противодействию. Криминальные угрозы оказывают прямое и опосредованное деструктивное воздействие на продовольственную безопасность государства, подрывая потенциал страны, снижая качество и доступность продуктов питания, создавая риски для здоровья населения и социального благополучия. Масштабы ущерба от криминальных

посягательств огромны и включают не только прямые финансовые потери (вывод капитала, нецелевое расходование бюджета), но и косвенные, долгосрочные последствия – подрыв инвестиционного климата, искажение конкуренции, снижение доверия к государственным институтам и деградация социальной сферы. Для продовольственной безопасности государства это выражается в росте цен, снижении качества продуктов и рисках для здоровья населения.

Председатель Правительства Российской Федерации М.В. Мишустин в своем выступлении отметил: «Надо активно взаимодействовать с отечественными сельхозпроизводителями, чтобы у них было все необходимое, и, наверное, больше рассказывать о таких результатах», кроме того он подчеркнул, что правительство и далее будет оказывать помощь аграриям для укрепления продовольственной безопасности России и обеспечения граждан качественными продуктами питания.

Криминальные угрозы в сфере обеспечения экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе представляют собой многогранный, динамично развивающийся вызов, требующий постоянного анализа и адаптации мер противодействия. Проведенное исследование показало, что эти угрозы характеризуются системностью, взаимосвязанностью, высокой степенью адаптации к меняющимся условиям и активным использованием современных технологий. Особо отмечено, что эти угрозы оказывают прямое и значительное деструктивное воздействие на продовольственную безопасность страны, затрагивая все звенья цепочки от производства до конечного потребителя. Коррупция, теневая экономика, организованная преступность, киберпреступность, а также преступления в финансово-кредитной сфере и сфере закупок для государственных нужд, не только наносят прямой экономический ущерб, но и подрывают институциональные основы государства, препятствуют устойчивому развитию и снижают инвестиционную привлекательность страны, создавая риски для здоровья населения и социальной стабильности. Эффективное противодействие этим угрозам невозможно без комплексного подхода, охватывающего совершенствование законодательной базы, повышение эффективности правоохранительной деятельности, укрепление государственного регулирования и контроля, развитие межведомственного сотрудничества и активное вовлечение гражданского общества и бизнеса. Ключевыми направлениями являются цифровизация процессов контроля, внедрение риск-ориентированного подхода, усиление межведомственной координации, постоянное повышение квалификации специалистов и, что особенно важно, создание эффективных механизмов защиты продовольственного сектора от криминальных посягательств. Следует отметить, что обеспечение экономической безопасности, включая продовольственную безопасность государства, является непрерывным процессом, требующим постоянного

мониторинга, анализа новых тенденций и гибкой корректировки стратегий и тактик. Только системные, скоординированные и инновационные меры позволят Российской Федерации успешно противостоять криминальным угрозам и обеспечить стабильное экономическое развитие государства, способное обеспечить население качественным и безопасным продовольствием в долгосрочной перспективе.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (с учетом изм. от 4.10.2022 г.) // РГ. 1993. № 237.

2. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2902.

3. Противодействие киберпреступности в условиях трансформации вызовов и угроз экономической безопасности Российской Федерации / Ю. Г. Наумов, С. Н. Белова, В. В. Новиков и др. М. : Академия управления МВД России, 2025. 112 с. ISBN 978-5-907721-73-9.

4. Повышение эффективности антикоррупционного мониторинга в сфере продовольственной безопасности России : учебное пособие предназначено адъюнктам, слушателям и практическим работникам / Ю. Г. Наумов, М. А. Булгакова, К. А. Швецова и др. М. : Академия управления МВД России, 2024. 160 с. ISBN 978-5-907721-13-5.

5. Продовольственная безопасность России в условиях глобальных вызовов / А. И. Алтухов. М. : Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства, 2024. 576 с. ISBN 978-5-00227-311-9.

6. Обеспечение продовольственной безопасности Российской Федерации на современном этапе / М. Т. Бероев // Образование. Наука. Научные кадры. 2025. № 2. DOI 10.24412/2073-3305-2025-2-184-190.

7. Некоторые аспекты государственной политики в сфере продовольственной безопасности Российской Федерации / В. А. Клочихин, М. Т. Бероев // Правовая культура в современном обществе : сборник научных статей VIII Международной научно-практической конференции, Могилев, 23 мая 2025 г. Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2025.

8. Продовольственная безопасность Российской Федерации в условиях санкционного давления / М. Т. Бероев // Экономическая безопасность России: сборник научных статей. Волгоград : ИП Черняева Ю. И., 2025.

ДАНИЛ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ БУДКО,

адъюнкт

Академия управления МВД России

E-mail: danilbudko8@dbudko.ru

Современные вызовы, возникающие в результате развития нейросетевых технологий

Аннотация

В статье проведен анализ криминогенных рисков, возникающих в связи с массовым распространением нейросетевых (генеративных) технологий. Рассматриваются основные свойства нейросетей: высокая доступность; открытость исходного кода; автономность вычислительных процессов; способность имитировать человеческое поведение и их связь с новыми формами преступной деятельности.

***Ключевые слова и словосочетания:** искусственные нейросети; криминогенный риск; угрозы; криминогенные особенности.*

Развитие цифровых технологий значительно трансформирует общественную жизнь, экономику и систему правопорядка. Вместе с очевидными преимуществами цифровизации возникают новые криминогенные риски, связанные с использованием информационно-коммуникационных технологий и искусственных нейронных сетей (далее - ИНС). Под «нейросетевыми технологиями» понимаются программно-аппаратные комплексы, использующие методы машинного и глубокого обучения для обработки больших объёмов данных и генерации текстов, изображений, аудио- и видеоконтента.

По данным статистической отчетности, приводимыми ГИАЦ МВД России за январь-август 2025 года, общее количество зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, составляет 38,9 % от общего числа зарегистрированных преступлений [6]. Как точно отмечают М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин: «Современные криминогенные риски в значительной своей части — это новые риски, возникающие как теневое следствие бурного развития передовых технических, технологических и иных инновационных процессов» [2, с. 138].

Так, появление инновационных цифровых технологий и их производных, совершенствуют и создают новые формы преступной деятельности. В свою очередь, современная реальность представлена

быстрым развитием нейросетевых технологий, что несет за собой криминогенные риски и угрозы. Можно прогнозировать, что в конъюнктуру современной цифровой преступности активно встраиваются передовые нейросетевые технологии. Нейросети, в свою очередь, благодаря своим особенностям, создают условия для ведения незаконного промысла и совершенствуют формы и методы преступной деятельности.

Развитие искусственного интеллекта, в том числе, нейросетевых технологий, сегодня сопровождается стремительным упрощением доступа к соответствующим инструментам. Если раньше для внедрения и эксплуатации нейросетевых решений требовалась мощная вычислительная инфраструктура, то сегодня, благодаря многомиллиардным инвестициям в эту сферу, мощные модели стали доступны любому пользователю, даже без специальных знаний или ресурсов для их самостоятельного использования.

Эта доступность раскрывает двойственную природу цифровых генеративных технологий. С одной стороны, они становятся ключевым элементом цифрового суверенитета государства. С другой - превращается в потенциальный источник цифровых угроз для организаций, частных лиц и критически важной инфраструктуры. Как верно отмечает А.В. Аносов: «Изучение потенциальных рисков, которые могут возникнуть при внедрении нейросетевых решений, становится не просто актуальной, но и стратегически значимой задачей для российского научного и экспертного сообщества в области информационной безопасности» [1, с.23].

Современные вызовы, возникающие в результате развития нейросетевых технологий представлены в следующих криминогенных особенностях организации и функционирования ИНС:

Высокий уровень доступности ИНС: заключается в том, что для использования нейросетевых технологий не требуется технических знаний и большинство генеративных возможностей представлены для обычных пользователей. Так, нейросетевые технологии являются публичной технологией, доступные для любого желающего, а использование искусственных нейронных сетей, в виде чат-ботов, распознающих на высоком уровне естественный язык и знаки, для многих понятно на интуитивном уровне, что не требует от рядового пользователя каких-либо знаний в области программирования, тем самым открывая свои генеративные возможности для большинства желающих. Эта особенность выделяет ИНС среди других цифровых технологий, что повышает уровень её криминогенности, ввиду снижения порога входа для злоумышленника, использующего её для достижения преступных целей.

Распространение функциональных возможностей генеративных технологий, вероятно, приведёт также к снижению возраста цифровых преступников. Причина в том, что эти инструменты становятся доступны для полноценного использования на более ранних этапах.

Открытый код для создания нейросетевых продуктов. Это означает, что пользователи могут использовать открытый исходный код программы и её архитектуру для её модификации, то есть использования в личных целях. Криминогенные последствия представленной возможности могут нести за собой разрушительный характер. Их можно разделить на следующие категории:

- создание вредоносного программного обеспечения: нейросети могут использоваться для написания сложного кода вирусов, эксплойтов и ransomware, а также для поиска уязвимостей в существующем программном обеспечении;

- фишинг и социальная инженерия: генерация правдоподобных текстов, писем и голосовых сообщений для массового и персонализированного мошенничества. Это значительно снижает порог входа для киберпреступников;

- генерация дезинформации: массовое создание убедительных фейковых новостей, статей и постов в социальных сетях для манипуляции общественным мнением, дестабилизации обстановки в странах и влияния на выборы;

- атаки на модели (Adversarial Attacks): злоумышленники могут изучать открытые модели, чтобы найти их слабые места и обмануть систему. Например, заставить алгоритм распознавания объектов не «видеть» на изображении человека или изменить поведение модели;

- реконструкция данных: существуют методы, позволяющие частично восстановить тренировочные данные по весам готовой модели. Если модель обучалась на чувствительных данных (медицинские записи, персональная информация), это представляет огромную угрозу приватности.

- создание вредоносного контента: генерация deepfake-видео и фото для шантажа, клеветы, компрометации людей и создания порнографического контента с лицами известных людей или обычных граждан;

- автоматизация предвзятости и дискриминации: открытые модели могут наследовать и усиливать предвзятости, заложенные в их тренировочных данных (например, расовые, гендерные). Это ведёт к несправедливым решениям в области кредитования, найма или правосудия, если такие модели начинают использоваться повсеместно.

3. Автономность цифровых процессов. Цифровые системы ИНС обладают автономностью, что подразумевает проведение вычислительных процессов без контроля со стороны пользователя или оператора. Эта особенность порождает острую дискуссию об уголовной ответственности за решения и действия, совершённые генеративными системами. Ключевой вопрос заключается в следующем: кто несёт ответственность за криминальный результат - сама система ИНС, пользователь или

разработчик? Таким образом, на сегодняшний день возникают значительные сложности с определением субъекта преступления при совершении правонарушений с использованием технологий искусственного интеллекта.

Существуют различные юридические позиции по решению данного вопроса. На данный момент развития нейросетевых технологий наиболее актуальной видится позиция наделения ответственностью физических лиц, в зависимости от выполненных ими действий, приведших к причинению ущерба или вреда [3, с. 56].

Имитация человеческого проявление в цифровом пространстве. Генеративные возможности нейросетевых технологий позволяют генерировать цифровые материалы с высокой степенью идентичности оригинальных объектов, что создает криминогенные риски в следующих областях:

- социальная инженерия: злоумышленники могут создавать тысячи реалистичных профилей в соцсетях для построения доверительных отношений с жертвами или вербовки;

- усовершенствованный фишинг и мошенничество: нейросети могут генерировать неотличимые от человеческих тексты, голосовые сообщения и видео для кражи конфиденциальной информации, денег или доступа к системам;

- генерация фейковых новостей: возможность мгновенно создавать правдоподобные статьи, посты и комментарии, что позволяет манипулировать общественным мнением, влиять на выборы и т.п.;

- клевета и компрометация: Deepfake-технологии могут использоваться для создания компрометирующих фото или видео с целью шантажа, издевательств (буллинга) или унижения репутации человека.

На большую сложность в выявлении ложных сгенерированных цифровых материалов указывают множество исследований, направленных на решение данного вопроса. В частности, группы зарубежных ученых предлагают различные технические формы идентификации данного контента, функционирующие посредством процесса автоматизированного бенчмарка, основанном на работе автономных платформ, связанных с сопоставлением мимических особенностей человека (например: Face2Face, FaceSwap, NeuralTextures) [4]. Другие указывают на трудности в эффективной организации данной работы, ввиду необходимости множества датасетов (наборов данных) и уязвимостей к посторонним шумам в цифровом носителе, что искажает результат [5]. Таким образом, можно заключить, что для достижения приемлемого уровня идентификации сгенерированного контента предстоит объемная работа, в связи с организационными и техническими пробелами, а следовательно, обычный пользователь цифрового мира остается в незащищенном положении ещё на неопределенный срок.

Развитие нейросетевых технологий, обладающих такими свойствами, как высокая доступность, открытость исходного кода, автономность вычислений и способность к имитации человеческого поведения, создаёт принципиально новые криминогенные риски в цифровом пространстве. Эти технологии не только усовершенствуют традиционные формы киберпреступности, но и порождают качественно новые способы противоправной деятельности, такие как массовая генерация дезинформации, создание гиперреалистичных deepfake-материалов, автоматизация фишинга, разработка вредоносного ПО и т.д.

Ключевой проблемой является двойственный характер нейросетей: с одной стороны, они становятся элементом цифрового суверенитета и двигателем инноваций, с другой - превращаются в мощный инструмент для злоумышленников, значительно снижая порог входа в киберпреступность и потенциально омолаживая контингент правонарушителей.

Особую сложность представляет правовая неопределённость в вопросах ответственности за действия автономных систем, а также технические и организационные трудности в оперативном выявлении и нейтрализации генерируемого вредоносного контента.

Таким образом, противодействие криминогенным вызовам, порождаемым нейросетевыми технологиями, требует комплексного междисциплинарного подхода, включающего совершенствование законодательства, развитие специализированных технических средств детекции, а также формирование системы профилактики и реагирования на новые цифровые угрозы. Без этого обычный пользователь остаётся уязвимым перед лицом стремительно эволюционирующих рисков искусственного интеллекта.

Список литературы:

1. *Аносов А. В.* Современные нейросети в контексте угроз информационной безопасности // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Москва, 5 июня 2025 г. Академия управления МВД России, 2025. EDN LXYWHB.

2. *Бабаев М. М.* Феномен риска в контексте профилактической политики(криминальная рискология) / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2019. Т. 10. № 1. DOI 10.21638/spbu14.2019.110. EDN PPNJWZ.

3. *Будко Д. В.* К вопросу об уголовно-правовом статусе генеративных технологий // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 1 (70).

4. A. Rössler, D. Cozzolino, L. Verdoliva, C. Riess, J. Thies и M. Niessner, «FaceForensics++: Learning to Detect Manipulated Facial Images», Международная конференция IEEE/CVF по компьютерному зрению (ICCV) 2019 г., Сеул, Южная Корея, 2019 г., стр. 1–11, doi: 10.1109/ICCV.2019.00009.
5. Dang, Minh and Tan N. Nguyen. “Digital Face Manipulation Creation and Detection: A Systematic Review.” Electronics (2023): n. pag.
6. Статистические данные ГИАЦ МВД России. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 28.08.2025).

МАРИЯ АНДРЕЕВНА ВАНЕЕВА,

адъюнкт

Академия управления МВД России

E-mail: vaneeva.mariam@yandex.ru

Особенности предупреждения преступлений иностранных мигрантов в субъектах Северо-Кавказского федерального округа

Аннотация

В данной статье автором рассматриваются особенности как общего, так и специально-криминологического предупреждения преступлений, совершаемых иностранными мигрантами на территории субъектов Северо-Кавказского федерального округа. Особенности обеспечения превентивных мероприятий в отношении данной категории лиц на территории Северного Кавказа, среди прочего, являются аспекты межнационального и межконфессионального общения коренного и приезжего населения, участие и взаимодействие государственных органов и представителей национальных диаспор и общин, а также криминальная специализация и приверженность к радикальным взглядам иностранных мигрантов.

Ключевые слова и словосочетания: *иностраннный мигрант; специально-криминологическое предупреждение преступлений; Северо-Кавказский федеральный округ; национальные диаспоры; преступные формирования, созданные по этническому признаку.*

Предупреждение преступности или преступлений отдельного вида, в частности – преступных деяний иностранных мигрантов, буквально означает предохранение людей, общества, государства от преступных посягательств [1, с. 218]. Отечественными криминологами не раз признавалось, что решение задач профилактического воздействия должно носить характер комплексного анализа самых разноплановых причин, условий, факторов, а также учитывать разноуровневые характеристики того или иного вида преступности, должно осуществляться применительно к специфическим условиям развития и функционирования различных регионов нашей страны.

В настоящее время вопрос разработки и реализации наиболее эффективных, современных, и, самое главное, своевременных мер предупреждения преступлений иностранных мигрантов является достаточно актуальным и необходимым как для научно-теоретических разработок, так и для деятельности территориальных подразделений

органов внутренних дел субъектов Северо-Кавказского федерального округа (далее по тексту – СКФО). Согласно статистическим данным, в период с 2019 по 2024 годы количество преступлений, совершённых иностранными мигрантами на территории субъектов СКФО, медленно, но постепенно возрастает с каждым годом практически на 20 %: в 2019 г. – 1 тыс. 120, в 2020 г. – 740, в 2021 г. – 777, в 2022 г. – 880, в 2023 г. – 905, в 2024 г. – 1 тыс. 110 [2]. Данные показатели видятся весьма невысокими по сравнению с федеральными, однако доля тяжких и особо тяжких преступлений при этом лишь увеличивается, включая совершение преступлений экстремистского и террористического характера. Данное направление профилактической деятельности весьма актуально для городов-миллионников, привлекающих иностранных мигрантов возможностью высокого заработка, а также для приграничных, транзитных регионов нашей страны, в том числе такого региона, как СКФО, миграционные потоки в котором имеют свою специфику.

Разработка и реализация мер предупреждения, как общего, так и специально-криминологического характера, безусловно, должны быть детерминированы рядом особенностей конкретного субъекта Российской Федерации, а именно: при организации работы по профилактике этнической преступности на территории СКФО необходимо учитывать этнопсихологические и социальные особенности народов и наций, вновь прибывших в данные субъекты, их вероисповедания, языка и культуры [3, с. 7], национальный и социально-демографический состав населения и мигрирующих лиц, интенсивность миграционных потоков, степень участия национальных общин и диаспор в данном процессе, а также ряд криминологических особенностей самой преступности иностранных мигрантов в данных субъектах.

Учет культурных традиций и обычаев коренного населения и иностранных мигрантов при проведении профилактических мероприятий является центральным условием и особенностью такой работы на территории субъектов СКФО, поскольку без установления доверительных отношений, основанных на уважении и соблюдении традиций и обычаев иностранных мигрантов сотрудниками полиции невозможно обоюдное требование и исполнение ограничений, законов и норм, их содержащих, в целях установления общественного порядка и общественной безопасности. Сказанное можно обусловить тем, что, ведя речь о национальной принадлежности к той или иной стране Закавказского региона, выходцами из которого являются лица, совершающие преступления на территории СКФО (90 %), мы говорим не только об отметке в паспорте, но и о тех этнонациональных особенностях поведения и образа жизни иностранных мигрантов, реализация (проявление) которых может создавать конфликтные ситуации в иной этнонациональной среде [4, с. 168],

особенно среди многонационального населения регионов России, и таких федеральных округов, как Северо-Кавказский и Южный.

При этом, учитывая и изучая культуру данной категории лиц, субъектам профилактики необходимо принимать во внимание достаточно серьезную концентрацию и степень влияния национальных диаспор и общин на территории субъектов СКФО. Взаимодействие с национальными общинами, сформированными по этническому признаку в процессе предупреждения и пресечения преступлений иностранных мигрантов, во многом определяет и социально-экономическую, и политическую, и идеологическую региональную политику, проводимую высшими властными органами субъектов. Степень участия таких образований в культурно-массовых, спортивных, политических, а также иных мероприятиях на территории СКФО достаточно высока, а значит, и уровень влияния на сознание и поведение иностранных мигрантов также значителен. Данное обстоятельство не может не быть учтено при разработке специальных мер предупреждения, которые бы реализовались при посильной помощи данных субъектов, имеющих особое авторитетное влияние на иностранных мигрантов.

Любые меры предупреждения не могут быть разработаны и предложены для дальнейшей реализации в конкретном российском регионе без учета географического расположения его субъектов. Говоря о субъектах СКФО, прежде всего, необходимо понимать обусловленность характеристик преступности и субъектов данных преступлений близостью государственных границ Российской Федерации с иностранными государствами и отсутствием строгого контроля за перемещением лиц через нее. При наличии достаточно обширной сухопутной государственной границы субъектов СКФО обеспечение контроля за ее пересечением остается недостаточным, и факты пересечения границы с целью сокрытия следов преступления, а также избегания суда и следствия иностранными мигрантами все еще имеют место. Сказанное означает, что упор на обеспечение более качественного осуществления пограничного контроля должен быть учтен при разработке системы мер предупреждения преступлений иностранных мигрантов в данном регионе.

Прежде всего, общие, но также и специально-криминологические меры предупреждения преступлений иностранных мигрантов в конкретном регионе во многом зависят от наличия или отсутствия криминальной специализации преступных элементов, которая, в свою очередь, формируется в зависимости от специализации предприятий и уровня экономического развития региона России. Так, для субъектов СКФО характерны: развитие агропромышленного комплекса, рекреационного комплекса, животноводства, добычи полезных ископаемых (нефть, природный газ, руды цветных металлов, уголь), химической промышленности, машиностроения. Соответственно, и преступная

специализация, присущая данному региону России, по результатам экспертного опроса респондентов (63 %), соответствует именно сферам экономического развития промышленных предприятий и наиболее развитых секторов экономики конкретного субъекта СКФО. Среди прочего были названы также иные причины, обуславливающие наличие и специфику преступной специализации иностранных мигрантов в данных субъектах, такие как: наличие (отсутствие) крупных торговых площадок (15 %), этнический состав коренного населения и его народные промыслы (12 %), наличие (отсутствие) месторождений природных ресурсов (5 %), географическое расположение субъекта СКФО (5 %). Все вышеперечисленные обстоятельства также должны быть учтены при разработке мер предупреждения преступлений иностранных мигрантов.

Историческое развитие региона, а также территориальная близость иностранных государств, являющиеся детерминантами повышенной степени общественной опасности и несущие в себе высокую долю вероятности совершения преступлений экстремистского или же террористического характера [5, с. 69], также должны быть учтены при разработке и реализации мер предупреждения преступности иностранных мигрантов на территории субъектов СКФО. Данные меры в том числе должны быть нацелены на обеспечение антитеррористической защищенности в округе и недопущение развития экстремистских взглядов и воззрений среди иностранных мигрантов, вновь прибывших и проживающих на территории России.

Таким образом, подводя итог, можем констатировать, что процесс обеспечения предупреждения преступлений иностранных мигрантов на территории субъектов СКФО обладает рядом особенностей, учет которых необходим для качественной разработки и дальнейшей высокой эффективности таких мер. Превентивные мероприятия на территории субъектов СКФО в отношении иностранных мигрантов на сегодняшний день являются одним из самых злободневных аспектов региональной политики, а также одной из неотъемлемых составляющих обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Список литературы:

1. *Алексеев А. И.* Криминология : курс лек. М. : Изд-во «Щит-М», 1998.
2. Материалы сборников МВД ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» «Состояние преступности в России», январь – декабрь в период с 2019 по 2024 год. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 21.08.2025).
3. *Бражников Д. А.* К вопросу о предупреждении преступлений, совершаемых преступными группами, сформированных по этническому

признаку // Общество и государство. 2025. № 1 (49). DOI 10.24412/2224-9125-2025-149-6-8. EDN YNKAAS.

4. *Кобец П. Н.* Совершенствование предупреждения преступлений, совершаемых незаконными мигрантами из числа иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, на основе взаимодействия государственных органов и представителей национальных диаспор // Общество и право. 2008. № 2 (20). EDN ONTYGX.

5. *Сулейманов Р. Р.* Мигранты и их роль в распространении радикальных течений ислама в России: причины, проявления и последствия // Мусульманский мир: научный журнал. 2014. № 2 (апрель – июнь).

МАРИЯ ЛЕОНИДОВНА ГРИГОРЬЕВА,

адъюнкт

Академия управления МВД России

E-mail: grig-o-reva@yandex.ru

**Соотношение понятий цели и назначения уголовного
судопроизводства в контексте эффективности
уголовно-процессуальной деятельности**

Аннотация

В статье рассматриваются правовая природа и функциональное значение назначения уголовного судопроизводства; предпринята попытка сопоставления законодательно закрепленного назначения уголовного судопроизводства и доктринального понимания цели уголовного процесса в контексте эффективности уголовно-процессуальной деятельности.

***Ключевые слова и словосочетания:** назначение уголовного судопроизводства; цель уголовного процесса; эффективность уголовно-процессуальной деятельности; результат; справедливость.*

Эффективность уголовно-процессуальной деятельности напрямую зависит от определения ее целевых ориентиров, однако в УПК РФ закреплена не цель, а назначение уголовного судопроизводства (ст. 6). В этой связи особую актуальность приобретает анализ соотношения впервые введенного за всю историю российского уголовно-процессуального законодательства в современный УПК РФ назначения уголовного судопроизводства и цели уголовного процесса в ее доктринальном понимании. Представляется, что проведение данного анализа необходимо начать с осмысления сущности и функционального значения понятия «назначение уголовного судопроизводства».

Поскольку «назначение» – это «цель, предназначение (книжн.)» [3, 324], можно заключить, что законодательное использование данного понятия актуализирует его целеполагающий и функционально-определяющий характер в системе уголовного судопроизводства. Таким образом, исходя из трактовки назначения уголовного судопроизводства как предназначения, следует признать, что правовая природа данного понятия заключается в его понимании как системообразующей идеи, определяющей смысл существования и функционирования уголовного судопроизводства, что допустимо обозначить «миссией», задающей ориентиры для уголовно-процессуальной деятельности. Функциональное значение назначения уголовного судопроизводства, исходя из заложенной в

законодательной конструкции ст. 6 УПК РФ идеи справедливости, состоит в гарантии ее обеспечения государством (в лице правоприменителя) при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности.

В этой связи обоснованно утверждать, что назначение уголовного судопроизводства представляет собой концептуальную основу, определяющую смысл уголовно-процессуальной деятельности, которая интегрирует совокупность процессуальных действий, осуществляемых в ходе нее, в социально значимый механизм восстановления справедливости. Данный механизм обеспечивает установление достоверных обстоятельств по уголовному делу, а также придание итоговому процессуальному решению «акта публичного доверия» к государству, поскольку «роль, которую несет на себе уголовное судопроизводство как социальный институт, выполняющий потребности общества (системы более высокого уровня организации), заключается в предоставлении обществу инструментария, обеспечивающего справедливость» [2, 52].

В контексте изложенного возникает вопрос: позволяет ли правовая природа назначения, несмотря на его законодательное закрепление, выполнять функциональную роль цели в уголовном процессе? При рассмотрении данного вопроса существенный интерес представляет позиция Н.В. Азарёнка: «Цель, по сути, является продолжением назначения. Ее роль состоит в том, чтобы связать обезличенное назначение с «живым» производством по уголовным делам. Если коротко, то цель – это назначение, обращенное к исполнителю, или реализуемое назначение» [1, 613]; «...целью самой этой деятельности может быть только то, для чего она предназначена. [...] назначение уголовного судопроизводства – защита от преступных посягательств – определяет цель уголовно-процессуальной деятельности – осуществление самой этой защиты» [1, 614].

Безусловно, наличие разнообразных обстоятельств по конкретным уголовным делам обуславливает необходимость контекстуального подхода при реализации назначения уголовного судопроизводства, требующего преобразования провозглашенной правовой ценности в практический регулятив уголовно-процессуальной деятельности. При этом назначение выполняет роль статичной основы данной деятельности, задающей ее ориентиры. Цель же, являясь образом желаемого будущего результата, формируемого в рамках данной основы, направляет деятельность должностных лиц, ее осуществляющих и руководствующихся при этом назначением уголовного судопроизводства, на достижение данного результата, с учетом обстоятельств конкретного уголовного дела.

Данное понимание соотношения назначения и цели, на наш взгляд, объясняет решение законодателя закрепить в ст. 6 УПК РФ назначение как неизменную ценностную установку, сознательно оставляя цель в сфере доктринального толкования, что позволяет сохранить баланс между устойчивостью назначения и адаптивностью его реализации при

практическом воплощении, предоставляя правоприменителю возможность соотносить процессуальные механизмы с особенностями каждого уголовного дела, не выходя при этом за рамки назначения уголовного судопроизводства.

Вместе с тем, назначение уголовного судопроизводства как базовое предписание, определяющее ради чего существует уголовный процесс, какие ценности он призван защищать, отражает эволюцию научных представлений о его цели. Так, профессор Н.Н. Полянский указывал: «...уголовный процесс имеет двойную цель: он служит не только для того, чтобы государство могло осуществлять свою карательную власть, но также для того, чтобы оградить невинного от произвольного преследования и несправедливого обвинения» [5, 16]. Раскрывая сущность двойной цели, Н.Н. Полянский объясняет её через значение уголовного процесса, которое, по сути, предвосхищает современное понимание назначения судопроизводства: «Практическое значение уголовного процесса очень велико. Это значение двояко. С одной стороны, как государство в целом, так и все члены общества заинтересованы в том, чтобы преступления не оставались безнаказанными, чтобы уголовные законы соблюдались и применялись, а не оставались мертвой буквой. С другой стороны, граждане в высшей степени заинтересованы в том, чтобы деятельность органов уголовного правосудия была поставлена в такие условия, которыми предупреждалась бы возможность злоупотреблений с их стороны вверенною им властью» [4, 7].

Упомянутое тождество между научными представлениями о цели уголовного процесса и современным законодательным пониманием назначения уголовного судопроизводства прослеживается в работах и других видных процессуалистов.

Так, профессор М.С. Строгович писал, что «...цель советского уголовного процесса – установление истины по уголовному делу, изобличение и наказание совершившего преступление лица и ограждение невинного человека от неосновательного обвинения и осуждения» [6, 40].

Профессор М.А. Чельцов полагал, что «...основной целью уголовного процесса надо считать изобличение виновного в преступлении, назначение и применение к нему справедливого наказания. Против такого определения вовсе не говорят возможные оправдательные приговоры и те процессуальные институты, которые направлены на охрану прав обвиняемого. Целью советского социалистического процесса может быть осуждение и наказание только виновного. Значит, все, что может быть выяснено для установления невинности или смягчения степени вины, и должно быть выяснено» [7, 12].

Аналогичная точка зрения представлена профессором П.А. Элькинд: «никакими соображениями, например, в том числе – заботой об охране

прав и интересов личности от неосновательного привлечения и осуждения, нельзя оправдать нераскрытое преступление, необнаружение виновного или его неосновательное оправдание, впрочем, как и соображениями относительно устранения нераскрываемости преступлений или неустановления виновных нельзя оправдать привлечение и осуждение невиновных» [8, 43].

Приведенные научные позиции позволяют заключить, что представления о цели уголовного процесса нашли своё отражение в современной законодательной формулировке назначения уголовного судопроизводства, что подтверждает устойчивость его базовой сущности, состоящей в обеспечении справедливости.

Вместе с тем, несмотря на выявленное смысловое тождество доктринального понимания цели уголовного процесса и законодательно закрепленного назначения уголовного судопроизводства, представляется, что последнее как законодательная конструкция отражает более совершенное понимание уголовно-процессуальной деятельности: как системы гарантий, а не только как «проект» конкретного результата (что предполагает реализация цели), поскольку любое итоговое процессуальное решение как результат уголовно-процессуальной деятельности может быть признан эффективным. Это обусловлено тем, что эффективность уголовно-процессуальной деятельности определяется не только результативностью, но и обеспечением правовых гарантий участников уголовного судопроизводства, вовлеченных в него. Ведь в отличие от конкретной цели, требующей по своему определению единого результата, назначение задает ценностные рамки, в которых могут сосуществовать процессуально равнозначные, но содержательно различные результаты уголовно-процессуальной деятельности по каждому уголовному делу.

Представляется, что законодательная конструкция «назначение» позволяет перевести оценку данной деятельности в плоскость процессуальной «правильности», а не результативной полезности лишь для одной из сторон уголовного процесса, что соответствует принципу состязательности и идее справедливости, заложенной в ст. 6 УПК РФ.

Список литературы:

1. *Азаренок Н. В.* Методологические основы определения цели отечественного уголовного процесса // Всероссийский криминологический журнал. 2022. 16. № 5. DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(5).611-620.
2. *Володина Л. М.* Назначение уголовного судопроизводства и проблемы его реализации: монография. М. : Юрлитинформ, 2018. 289 с.
3. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. 18-е изд., стереотипное. М. : Русский язык, 1986. 797 с.

4. *Полянский Н. Н.* Уголовный процесс: Уголовный суд, его устройство и деятельность : лекции. М.: Типолитограф. Тов-ва И.Д. Сытина, 1911. 203 с.

5. *Полянский Н. Н.* Цель уголовного процесса. Ярославль : Тип. Ярослав. кредит. союза кооперативов, 1919. 36 с.

6. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Перераб. и доп. изд. М. : Наука, 1968–1970. 2 т. 470 с.

7. Уголовный процесс. Учебник для юрид. ин-тов и юрид. фак. ун-тов / проф. М. А. Чельцов; Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР. М. : Юрид. изд-во, 1948 (Л.: тип. «Печат. Двор»). 624 с.

8. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве / П. С. Элькин; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Л. : Ленинградский университет, 1976. 143 с.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ДОВЛАТОВ,
аспирант кафедры уголовного права
Кубанский государственный аграрный университет
имени И. Т. Трубилина
E-mail: aleksandr.dovlatov@mail.ru

**Современная уголовная политика в сфере противодействия
преступлениям, связанным с монополистическими действиями
и недобросовестной конкуренцией**

Аннотация

В статье излагаются результаты рассмотрения проблем современной уголовной политики в сфере регулирования общественных отношений, возникающих в связи с обеспечением свободной конкуренции. Обращено внимание на отрицательные аспекты либерализации российского уголовного законодательства в области экономической деятельности. Акцентируется внимание на имеющихся тенденциях возрождения отдельных ранее отмененных положений уголовного права, а также на необходимости продолжения уголовной политики в этом направлении. Сделаны выводы о целесообразности проработки вопросов криминализации большего количества проявлений антиконкурентной практики, в том числе в сфере торгов, а также заведомо ложной рекламы.

Ключевые слова и словосочетания: *уголовная ответственность; преступление; состав преступления; общественная опасность; уголовная политика; недобросовестная конкуренция; монополизм.*

Актуальность проблем противодействия монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции обусловлена вызовами глобальной экономики, базирующейся на принципах технологического развития и открытости. Устойчивость рыночной системы, выступающей фундаментом экономической стабильности государства, напрямую коррелирует с обеспечением условий для добросовестного соперничества. Противоправные действия, направленные на ограничение конкуренции, дестабилизируют эти основы, нанося значительный ущерб как экономике в целом, так и конечным потребителям и законопослушным субъектам предпринимательства.

Социально-экономическая опасность монополистических практик проявляется в системных нарушениях рыночных механизмов: искусственном поддержании высоких цен, сужении потребительского выбора и подавлении инновационной активности. Обладая рыночной

властью, доминирующие хозяйствующие субъекты получают возможность навязывать дискриминационные условия, блокировать вход на рынок новых компаний и, как следствие, действовать в ущерб публичным интересам. Уголовное преследование за подобные деяния является важным инструментом защиты конкуренции и поддержания справедливых цен [1, с. 13].

Недобросовестная конкуренция, включающая в себя широкий спектр противоправных действий, таких как распространение ложной информации, незаконное использование товарных знаков, промышленный шпионаж и другие формы неэтичного поведения, создает неравные условия для ведения бизнеса. Добросовестные предприниматели, соблюдающие нормы и правила конкуренции, оказываются в невыгодном положении по сравнению с теми, кто прибегает к незаконным методам. Уголовное преследование за недобросовестную конкуренцию способствует выравниванию условий экономической деятельности и защите прав предпринимателей.

Усиление глобализации и развитие цифровой экономики порождают новые формы и масштабы преступлений, связанных с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией [2, с. 38]. Транснациональные корпорации могут использовать сложные схемы для уклонения от антимонопольного регулирования, а цифровые платформы – злоупотреблять своим доминирующим положением в интернете. Противодействие этим новым угрозам требует постоянного совершенствования уголовного законодательства и правоприменительной практики.

В действующем отечественном уголовном законодательстве под запрет поставлено незначительное количество деяний, признающихся нарушением антимонопольных предписаний. Криминализованы ограничивающие конкуренцию соглашения, незаконное использование средств индивидуализации, а также противоправное обращение коммерческой тайны.

Однако охват уголовно-правовой охраны в этой сфере представляется недостаточным, учитывая разнообразие и сложность современных антиконкурентных практик. Многие виды нарушений, такие как злоупотребление доминирующим положением, антиконкурентные действия органов власти, манипулирование ценами и другие формы недобросовестной конкуренции, зачастую остаются за пределами уголовно-правового воздействия, ограничиваясь лишь административной ответственностью.

Отсутствие адекватного уголовно-правового реагирования на подобные деяния снижает сдерживающий эффект правовых норм и способствует распространению антиконкурентных проявлений, что, в свою очередь, негативно сказывается на экономическом развитии страны,

благополучию потребителей и конкурентоспособности отечественных предприятий. В связи с этим назрела необходимость расширения перечня деяний, признаваемых уголовно наказуемыми в сфере антимонопольного регулирования.

Следует отметить, что антимонопольным законодательством, в частности, запрещены согласованные действия хозяйствующих субъектов и широкий спектр деяний, связанных с недобросовестной конкуренцией, выражающейся в распространении заведомо ложной информации о товарах, работах, услугах.

Примечателен тот факт, что многие из этих деяний ранее признавались преступными в отечественном уголовном законодательстве, но были декриминализованы. Например, это касается злоупотребления доминирующим положением, проявления которого утратили статус криминального поведения в результате изменений УК РФ Федеральным законом от 08.03.2015 № 45-ФЗ. Именно в тот период и последующие годы в российском экономическом пространстве наблюдался рост крупных игроков в различных сферах предпринимательской деятельности. Также тогда интенсивно развивалась система торгов. И все это происходило на фоне ослабления ответственности за нарушения в этих сферах.

Действительно, декриминализация ряда экономических составов в УК РФ, произошедшая в середине 2010-х годов, породила дискуссии о ее влиянии на состояние конкурентной среды и соблюдение законности в сфере предпринимательства. Проведенная либерализация уголовного законодательства в экономической сфере была обоснована ее сторонниками необходимостью снижения репрессивного давления на бизнес, стимулирования деловой активности и сокращения объема уголовного преследования за хозяйственные нарушения. Критики данной реформы, в свою очередь, указывали на потенциальные риски, включая рост злоупотреблений и ослабление превентивного эффекта уголовного закона.

Важно подчеркнуть, что декриминализация не подразумевала полного исключения ответственности. Соответствующие деяния в большинстве случаев были переведены в разряд административных правонарушений или гражданско-правовых деликтов. Однако санкции этих отраслей права зачастую оказывались менее суровыми, что, в условиях превышения потенциальной выгоды над возможными издержками, могло создать предпосылки для увеличения количества экономических правонарушений.

Влияние реформы на сферу публичных торгов также оценивается неоднозначно. С одной стороны, смягчение ответственности могло способствовать росту числа участников, снизив их опасения перед уголовным преследованием. С другой – ослабление потенциала ответственности могло привести к увеличению количества

недобросовестных практик, направленных на получение незаконных преимуществ в ходе конкурентных процедур.

Таким образом, декриминализация отдельных экономических составов преступлений стала значимым фактором формирования новой правовой реальности, последствия которой носят комплексный и противоречивый характер. Данный опыт актуализировал потребность в дальнейшем поиске оптимального баланса между задачами либерализации экономики и необходимостью защиты охраняемых законом публичных интересов.

Позднее законодатель вернулся к ужесточению уголовной ответственности в отношении ряда хозяйственных преступлений, осознавая недостатки чрезмерной либерализации.

И отдельные из обозначенных трендов уже были развернуты. Так, Федеральным законом от 13.12.2024 № 467-ФЗ ч. 2 ст. 178 УК РФ дополнилась квалифицирующими признаками, связанными с повышенной ответственностью за ограничение конкуренции, если это повлекло повышение, снижение или поддержание цен на торгах [3, с. 111].

Другое направление, связанное с реализацией уголовной политики государства в сфере экономической деятельности и также очевидно пересматриваемое в настоящее время, – это сфера рекламы. В последние годы отчетливо проявляется тренд на ужесточение нормативного регулирования в сфере рекламы, в том числе и путем установления ответственности. В настоящее время оборот рекламы уже связан с требованиями ее маркировки, ведения реестров рекламодателей и рекламораспространителей.

Например, в настоящее время введены достаточно строгие правила в отношении рекламы финансовых услуг, в том числе тех, которые связаны с высоким уровнем риска для потребителя. В перспективе распространение подобных правовых требований на иные сегменты рынка представляется закономерным, особенно в областях, сопряженных с высокими рисками введения потребителя в заблуждение или причинения ему существенного вреда.

В настоящее время уголовно-правовые средства противодействия противоправной рекламе преимущественно ограничиваются составами преступлений, связанными с мошенничеством и обманом потребителей. Однако усложнение рекламных технологий и манипулятивных методик актуализирует вопрос о целесообразности формирования специальных уголовно-правовых норм, непосредственно направленных на квалификацию недобросовестной и заведомо ложной рекламы.

Особую сложность представляет правовое регулирование рекламы в цифровой среде. Сеть Интернет, с одной стороны, является мощным каналом ее распространения, а с другой – создает значительные препятствия для эффективного контроля за содержанием рекламных

материалов и привлечения нарушителей к ответственности ввиду трансграничного характера и высокой степени анонимности.

В связи с этим представляется необходимым дальнейшее совершенствование законодательства в сфере рекламы, в том числе и в части установления уголовной ответственности за наиболее опасные формы ее неправомерного использования. При этом важно учитывать как международный опыт, так и существующие особенности российской экономики и правовой системы.

Следует также отметить, что российскому уголовному законодательству уже известен опыт нормативного установления ответственности за заведомо ложную рекламу (ст. 182 УК РФ) [4, с. 314]. Данная статья была исключена Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ. С уверенностью можно утверждать, что назрела необходимость возрождения данного уголовно-правового предписания, безусловно, в новой форме и с новым содержанием, отвечающим реалиям сегодняшнего дня.

Список литературы:

1. *Сегал (Решетникова) С. Б., Маслов А. О.* Антимонопольное законодательство в контексте конституционного контроля: новеллы правоприменительной практики // Российское конкурентное право и экономика. 2024. № 2.
2. *Казачкова З. М., Казачков В. А.* Проблемы противодействия антиконкурентным соглашениям в условиях цифровой экономики: некоторые экономико-правовые императивы в сравнительно-правовом ключе // Конкурентное право. 2021. № 4.
3. *Шевелева С. В.* Трансформация уголовного законодательства на современном этапе // Журнал российского права. 2024. № 3.
4. *Нудель С. Л., Печегин Д. А.* Тенденции уголовной политики в области охраны экономической деятельности в условиях цифровизации // Вестник Пермского университета. 2022. № 2.

ОКСАНА ВИКТОРОВНА ЕГОРОВА,

слушатель

Академия управления МВД России

E-mail: egor_196868@mail.ru

**Проблемы правового регулирования
информационной безопасности
и пути их решения**

Аннотация

В данной статье анализируются существующие трудности в национальном и международном законодательстве, включая недостаточную гармонизацию норм, отсутствие четких стандартов и сложность адаптации правовых актов к быстро меняющимся условиям. Рассматриваются ключевые направления для улучшения правового регулирования.

Ключевые слова и словосочетания: информационная безопасность; правовое регулирование; киберугрозы; законодательство; международное сотрудничество; стандарты безопасности; мониторинг; защита данных.

В эпоху глобализации информационных технологий важную роль играет современное правовое регулирование информационной безопасности. Поскольку под влиянием процессов компьютеризации претерпевают изменения все сферы жизнедеятельности человека. Доминантами развития общества становятся знания и информационные технологии [5, с. 107].

В современном мире информационная безопасность представляет собой одно из приоритетных направлений развития национальных интересов граждан Российской Федерации в связи с постоянной модернизацией информационно-телекоммуникационных технологий. В связи с этим основополагающее значение имеют нормы действующего Российского законодательства, которые определяют основные задачи, связанные с информационной безопасностью государства. Нормативно-правовую основу информационной безопасности Российской Федерации составляют: указы и распоряжения Президента РФ, федеральные законы, локальные нормативные акты и иные правовые документы.

В действующую стратегию национальной безопасности Российской Федерации также включены вопросы, связанные с приоритетным развитием информационной безопасности [2].

Важно отметить, что проблематика обеспечения информационной безопасности выступает достаточно важным феноменом, подлежащем своевременному решению. На сегодняшний день одним из основополагающих нормативно-правовых документов в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации является Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы, утвержденная Указом Президента РФ от 09 мая 2017 года № 203, основными целями которой являются:

- обеспечение прав граждан на объективную, достоверную, безопасную информацию и создание условий для удовлетворения их потребностей в постоянном развитии, получении качественных и достоверных сведений, новых компетенций, расширении кругозора;

- обеспечение свободного доступа граждан и организаций, органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления к информации на всех этапах ее создания и распространения;

- повышение качества жизни граждан на основе широкого применения отечественных информационных и коммуникационных технологий, направленных на повышение производительности труда, эффективности производства, стимулирование экономического роста, привлечение инвестиций в производство инновационных технологий, повышение конкурентоспособности Российской Федерации на мировых рынках, обеспечение ее устойчивого и сбалансированного долгосрочного развития [1].

Применительно к каждой цели в Стратегии разработан план задач, необходимых для выполнения. Так, действующая стратегия информационной безопасности включает в себя основные понятийные положения данной сферы. Немало важное значение имеет тот факт, что в действующей Доктрине информационная безопасность рассматривается в качестве приоритетного стратегического направления развития Российской Федерации. Вследствие чего в действующей Доктрине актуализированы угрозы, посягающие на информационную безопасность Российской Федерации.

Ввиду того, что основной из угроз информационной безопасности являются кибератаки, в рамках действующей доктрины разработан и принят Федеральный закон от 26 июля 2017 года № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», в котором отражены основные положения по обеспечению безопасности критической информационной структуры.

В рамках реализации Доктрины также были внесены изменения в Федеральный закон от 29 июля 2017 № 276-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», согласно которым были внесены дополнения и

изменения в порядок идентификации информационных ресурсов, противодействия предоставления доступа к информационным ресурсам, которым ограничен доступ на территории Российской Федерации, а также иные.

Несмотря на позитивную реализацию положений Доктрины информационной безопасности, в настоящее время остается существенное количество практических проблем, которые подлежат правовому решению. Информационная безопасность в большей степени связана с преступной деятельностью, потому что её составляющие такие как сеть «Интернет» становятся активным способом совершению преступления.

Детская киберпреступность выступает достаточно важной проблемой информационной безопасности как составляющей национальной безопасности Российской Федерации.

Для предотвращения её распространения и минимизации противоправных последствий предлагается разработать Доктрину информационной безопасности против детской киберпреступности, в которую будут включены следующие составляющие:

- основные понятия, связанные с информационной безопасностью в области киберпреступности;
- профилактические меры, направленные на предотвращения появления и распространения детской киберпреступности;
- положения, направленные на развитие «чистой» интернет-среды, блокирующей распространение противоправной информации о призывах к совершению киберпреступности;
- развитие политики детского Интернета с установлением 16-летнего ограничительного возраста.

Несмотря на то, что понятие «киберпреступления» активно используется в сферах жизнедеятельности общества, в законодательстве Российской Федерации отсутствует легально установленное определение, что выступает значительным правовым пробелом на фоне активной правовой и организационной деятельности по обеспечению информационной безопасности государства как составляющей национальной.

Как указывает А.С. Черепашкин, киберпреступления – это новый вид преступных действий, который появился под влиянием процессов модернизации и улучшения компьютерной техники, глобальных информационных сетей [6, с. 66].

И.Э. Жадан считает, что киберпреступления – это преступления, для раскрытия которых требуются специализированные сотрудники, обладающие особыми знаниями и опытом [4, с. 169].

Некоторые авторы приравнивают киберпреступления к преступлениям против информационной безопасности, указывая, что это смежные понятия. А.В. Аносов по этому поводу отмечает,

что понятийный аппарат в данной сфере еще находится в стадии формирования, поэтому подобные терминологические разночтения является закономерными [3, с. 54].

Для полноценного обеспечения информационной безопасности государства необходимо нормативно закрепить определение термина «киберпреступления» в статье 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации», в следующей редакции: «киберпреступление – это противоправное действие, затрагивающее интересы граждан в сфере информационно-телекоммуникационных систем, объектом которого является информационная безопасность».

На основании проанализированных проблем, можно определить следующее. Проблемы правового регулирования информационной безопасности остаются актуальными в условиях стремительного развития цифровых технологий и увеличения количества киберугроз. Основные трудности заключаются в недостаточной гармонизации национального законодательства, отсутствии четких стандартов и критериев безопасности, а также в сложности адаптации правовых норм к быстро меняющимся условиям информационной среды.

Список литературы:

1. Указ Президента Российской Федерации от 09 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.
2. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.
3. *Аносов А. В.* Некоторые аспекты понятийного аппарата цифровой криминологии // Цифровая трансформация системы МВД России : сборник научных статей по материалам международного форума: в 2-х ч. , Москва, 20 октября 2022 г. / под редакцией И. Г. Чистобородова. Ч. 1. М. : Академия управления МВД России, 2022.
4. *Жадан И. Э.* Киберпреступность как угроза международной безопасности // Математическое и компьютерное моделирование в экономике, страховании и управлении рисками. 2020. № 5.
5. *Носова Н. П.* Формирование правовой модели информационной безопасности граждан в условиях складывания новой парадигмы государственного управления в Российской Федерации / Н. П. Носова, Я. С. Бударин // Вестник Тюменского государственного университета. 2018. Т. 4. № 4.

6. *Черепашкин А. С.* Противодействие киберпреступности в России: уголовно-правовые и криминологические аспекты // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2021. Т. 4. № 12-2.

ЭЛЬВИРА РАМИЛЕВНА ЕНИКЕЕВА,
магистрант кафедры гражданского права
Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена
E-mail: ramilenickeev@yandex.ru

Ятрогенные преступления: понятие, сущность, квалификация и проблемы доказывания

Аннотация

Настоящая статья посвящена актуальной и недостаточно разработанной в отечественной юридической науке проблематике ятрогенных преступлений. Рассматривается эволюция понятия “ятрогения” как термина от психогенных последствий до широкого понимания как любых нежелательных эффектов медицинских вмешательств. Анализируются различные представленные в научных трудах подходы к трактовке понятия «ятрогенные преступления», при этом акцентируется внимание на отсутствии его унифицированного законодательного закрепления и на дискуссионном характере самого правового института. Раскрывается сущность ятрогенных преступлений как деяний с повышенной общественной опасностью. Выделяются основные ключевые составляющие их состава, а именно объект, субъект, а также объективная и субъективная стороны. В заключение констатируется необходимость дальнейшей научно-теоретической разработки уголовно-правовых аспектов ятрогенных преступлений ввиду их системной опасности для безопасности здоровья и жизни граждан и актуальности проблемы.

***Ключевые слова и словосочетания:** ятрогенные преступления; медицинские преступления; врачебная ошибка; уголовная ответственность врача; ненадлежащее оказание медицинской помощи; медицинское право.*

Термин «ятрогенные преступления» получил широкое распространение в последнее время, отражая растущую озабоченность общества последствиями медицинской деятельности. Истоки данного термина восходят к понятию «ятрогения», которое было введено в научный оборот в 1925 году немецким психиатром Освальдом Бумке с целью обозначить вред, наносимый пациенту неосторожным высказыванием врача [7, с. 385–393]. Первоначально под ятрогией подразумевалось психогенное расстройство, спровоцированное влиянием со стороны доктора [3].

Тем не менее, со временем значение этого термина претерпело значительные изменения. В современной трактовке, согласно Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10), ятрогенія определяется как любые неблагоприятные или нежелательные последствия медицинских вмешательств профилактического, диагностического или лечебного характера, которые влекут за собой расстройство функций организма, установление инвалидности или летальный исход, причем не имеет значения, были ли эти последствия итогом правильных или ошибочных действий специалиста [7, с. 385–393; 3]. Это расширенное понимание преобладает в современной медицине и праве [8]. Значительный рост нежелательных последствий связан с развитием медицинских технологий, появлением новых методик и фармацевтических препаратов на рубеже XX-XXI веков [3].

Переход понятия «ятрогенія» из чисто медицинской сферы в медицинско-правовую и затем в уголовно-правовую обусловил необходимость государственного реагирования и установления ответственности за причиненный вред [3]. Так появился термин «ятрогенные преступления», хотя до настоящего времени ни один отечественный нормативно-правовой акт не содержит его определения [7, с. 385–393; 1]. В научных кругах также не сложилось единого мнения относительно определения этого понятия [7, с. 385–393].

Так, группа исследователей, включая М.А. Галимову, С.В. Наветова и В.В. Черного, рассматривает ятрогенные преступления как уголовно наказуемые, противоправные и виновные деяния, представляющие общественную опасность, которые совершаются медработниками при исполнении профессиональных функций и результатом которых становятся ятрогенные последствия в виде вреда здоровью или смерти [7, с. 386]. В свою очередь, И.О. Никитина трактует их как общественно опасные деяния медработников с умышленной или неосторожной формой вины, нарушающие установленные законодательством принципы и условия предоставления медпомощи и тем самым создающие угрозу либо наносящие вред жизни, здоровью или другим законным правам пациента [7, с. 385–393]. С.В. Замалеева формулирует определение, которое охватывает виновное несоблюдение стандартов и/или правил оказания медпомощи, совершенное лицом со статусом медицинского работника в процессе выполнения им своих обязанностей и повлекшее за собой смерть, вред для здоровья или возникновение угрозы наступления таких последствий. По оценке Т.И. Рыбаковой, именно эта дефиниция является наиболее исчерпывающей [7, с. 385–393]. А.Ф. Блинова определяет данное явление как действие (или бездействие) медработника с умышленной или неосторожной формой вины, совершенное в ходе его профессиональной деятельности и приведшее к причинению вреда жизни и здоровью пациента [1].

Следовательно, прослеживаются две ключевые тенденции в подходе к определению как ятрогении, так и ятрогенных преступлений: одна из них акцентирует внимание на последствиях действий медработников, а вторая — непосредственно на самих действиях (нарушениях), которые повлекли негативный исход [3].

В категории преступлений, направленных против жизни и здоровья, ятрогенные преступления занимают специфическую нишу. Их отличительной чертой является наличие специального субъекта — медицинского работника, чья профессиональная деятельность по своей сути призвана охранять и восстанавливать здоровье. Именно этот аспект сообщает подобным деяниям повышенную степень общественной опасности, так как недобросовестное исполнение медицинских обязанностей способно нанести существенный ущерб не только конкретной личности, но и интересам общества в целом [7, с. 385–393]. Случаи несоблюдения медицинских стандартов и правил, которые приводят к негативным результатам, закономерно привлекают пристальное внимание общества и вызывают интерес у правоохранительных структур [7, с. 385–393].

В то же время для ятрогенных преступлений характерен высокий уровень латентности. Данные официальной статистики оказываются значительно ниже реальных показателей, что объясняется факторами корпоративной солидарности в медицинской среде и низкой активностью самих граждан при подаче заявлений о таких инцидентах. Все это создает серьезные препятствия для их предупреждения, а также для эффективного выявления и расследования [7, с. 385–393].

Ключевым аспектом для юридической квалификации ятрогенных преступлений является установление степени тяжести вреда, причиненного здоровью пациента. В этом контексте важное значение приобретает новый нормативный акт — Приказ Минздрава России от 08.04.2025 № 172н, который вступает в силу с 1 сентября 2025 года и заменяет ранее действовавшие критерии. Данный документ утверждает обновленный Порядок определения степени тяжести вреда и однозначно закрепляет, что эта процедура проводится исключительно в рамках судебно-медицинской экспертизы. Проводить такую экспертизу уполномочен врач — судебно-медицинский эксперт, обладающий соответствующей квалификацией, что подчеркивает особую сложность оценки последствий ненадлежащего оказания медицинской помощи и необходимость специальных познаний для объективного установления фактов по делу [6].

Проблема ятрогенных преступлений и врачебных ошибок является актуальной и имеет серьезные глобальные масштабы. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), ежегодно около 3 миллионов человек в мире погибают вследствие небрежности или недосмотра медицинского персонала, а вероятность смерти в результате

несчастливого случая в медицинской практике значительно превышает риски, например, дорожно-транспортных происшествий (1:300 против 1:3 000 000) [2]. Вред различной степени наносится каждому десятому пациенту, при этом более половины таких случаев могли бы быть предотвращены [2].

Особую значимость имеют ошибки в медицинской диагностике, которые, по международным данным, озвученным министром здравоохранения РФ Михаилом Мурашко, выступают причиной до 10% всех летальных исходов в мире. В амбулаторных условиях с диагностическими ошибками сталкивается примерно 5% пациентов. Анализ причин диагностических дефектов показывает, что к ним наиболее часто приводят некорректная оценка состояния пациента (около 63%), отсутствие приверженности пациента лечению (24%), а также проблемы с коммуникацией между врачами и преемственностью информации (20%) [9]. Среди других видов врачебных ошибок, приводящих к вреду, отмечаются осложнения хирургических вмешательств, нежелательные последствия применения лекарственных средств, внутрибольничные инфекции и падения пациентов [2]. Негативные последствия медицинских ошибок также выражаются в колоссальных экономических потерях, исчисляемых миллиардами и даже триллионами долларов США в год в мировом масштабе [2].

В научной среде наряду с понятием «ятрогения» также применяются такие определения, как «врачебная ошибка», «медицинская ошибка» и «дефект оказания медицинской помощи» [7, с. 385–393]. При этом вопрос об использовании самого термина «ятрогенные преступления» продолжает оставаться предметом дискуссии. Например, Н.В. Иванцова считает его необоснованным, предлагая использовать более точное, по ее мнению, понятие «медицинские преступления», поскольку речь идет о нарушениях правил оказания помощи медицинским работником [7, с. 385–393]. Однако сторонники термина «ятрогенные преступления» указывают на эволюцию значения «ятрогении», которая теперь охватывает любые нежелательные последствия медицинских вмешательств, а не только психогенные [7, с. 385–393].

Сущность ятрогенных преступлений тесно связана с тяжестью причиненного пациенту вреда, которая определяет вид юридической ответственности – гражданско-правовую, дисциплинарную или уголовную. Для наступления уголовной ответственности требуется причинение смерти или вреда здоровью [7, с. 385–393].

Анализ элементов состава ятрогенных преступлений, основываясь на критериях, предложенных исследователями, позволяет выделить следующие признаки [7, с. 385–393; 1]. Ключевые элементы состава ятрогенных преступлений включают в себя следующие компоненты. В качестве объекта преступного посягательства, основного или

дополнительного, выступают общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни и здоровья граждан [7, с. 385–393; 1]. Непременным условием является наступление специфических ятрогенных последствий, а именно причинение вреда здоровью или жизни пациента [7, с. 385–393]. Субъект такого преступления является специальным и строго определённым: это исключительно медицинский работник, исполняющий свои профессиональные функции [7, с. 385–393]. По уточнению А.Ф. Блиновой, данный субъект должен обладать медицинским образованием и иметь соответствующий сертификат специалиста [1]. Объективная сторона представляет собой деяние, которое совершается в контексте профессиональной деятельности по оказанию медицинских услуг и помощи [7, с. 385–393]; при этом, согласно Федеральному закону «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», понятие медицинской помощи включает в себя и предоставление медуслуг [5]. Зачастую объективная сторона проявляется в форме ненадлежащего выполнения медработником своих обязанностей, например, в отступлении от правил оказания помощи или нарушении медицинских технологий [1]. Признак противоправности таких деяний трактуется расширительно, охватывая несоблюдение не только законов и подзаконных нормативных актов (стандартов, порядков), но и научно обоснованных принципов врачебной практики, включая клинические рекомендации [7, с. 385–393; 5]. Само ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей рассматривается как поведение, которое полностью или частично не отвечает официальным требованиям и предписаниям и является необходимым условием для наступления негативных последствий. Для установления состава преступления требуется определить конкретные правовые предписания, регламентирующие деятельность медицинского работника, которыми могут служить приказы Минздрава и Минтруда, профессиональные стандарты, а также локальные акты работодателя и должностные инструкции [5]. Вина медицинского работника является субъективной стороной. Она может проявляться в форме умысла, но чаще – в форме неосторожности, описываемой как недобросовестность, халатность или профессиональная небрежность [7, с. 385–393; 1]. Вина является ключевым элементом доказывания по таким делам [1].

Дискуссионным остается вопрос о том, какие конкретные составы преступлений, предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации, следует относить к ятрогенным [7, с. 385–393]. Уголовное законодательство РФ не содержит специальных норм для ятрогенных преступлений [1]. Квалификация осуществляется по общим статьям, что создает сложности в доказывании и определении оснований и пределов ответственности [1].

С.И. Улезько причисляет к ятрогенным деяниям преступления, которые предусмотрены статьями 109 (Причинение смерти по

неосторожности), 118 (Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности), 122 (Заражение другого лица ВИЧ-инфекцией), 123 (Незаконное производство аборта), 124 (Неоказание помощи больному), 238 (Выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности), 235 (Незаконное занятие частной медицинской практикой) и 236 (Нарушение санитарно-эпидемиологических правил) Уголовного кодекса РФ [7, с. 385–393]. С.В. Замалеева, в свою очередь, уточняет, что непосредственно ятрогенными следует считать деяния, подпадающие под квалификацию ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118 и ч. 4 ст. 122 УК РФ. Вместе с тем она отмечает, что медицинские работники при наличии определённых обстоятельств могут выступать субъектами и других преступлений против личности, в частности тех, что указаны в статьях 105, 111, 112, 115, 120, 124 УК РФ [7, с. 385–393]. М.А. Иванченко и В.А. Заряев высказывают мнение о целесообразности отнесения к криминальным ятрогениям деяния по ст. 238 УК РФ, исходя из того, что медицинская помощь по своей природе является услугой, а в правоприменительной практике уже существуют прецеденты использования этой нормы для оценки действий медработников [5]. Таким образом, юридическая оценка ятрогенных преступлений в России производится с использованием общих составов преступлений против личности либо в сфере оказания услуг, что порождает определённые сложности в правоприменительной деятельности.

Подходы к криминализации медицинской халатности различаются в зарубежных странах. В немецком уголовном законодательстве не предусмотрено специальных составов для медицинских работников; их ответственность наступает на общих основаниях согласно нормам о причинении смерти (§ 222) или телесных повреждений (§ 229) по неосторожности [5]. В правовой системе Великобритании условием для наступления уголовной ответственности является совершение «достаточно серьёзной» медицинской ошибки, повлекшей за собой летальный исход для пациента (так называемое «непредумышленное медицинское убийство»). При этом иные неосторожные действия, которые не привели к фатальным последствиям, не криминализованы. Уголовное преследование осуществляется только при наличии «грубой небрежности», однако отсутствие формального определения этого понятия в английском праве и его субъективная интерпретация правоприменителем вызывают критику со стороны юридического сообщества [5]. Во Франции сфера криминализации неосторожного поведения, включая медицинскую халатность, значительно шире благодаря материальному уголовному праву, которое охватывает широкий спектр неосторожных проступков (*délit*), определяемых как безрассудство, небрежность или несоблюдение обязательств должной заботы, если лицо не выполнило свои обязанности с учетом их характера, своих функций и компетенции [5].

Несмотря на существующую правоприменительную практику и наличие официальной статистики, институт преступлений, связанных с врачебными ошибками, в уголовном законодательстве Российской Федерации нельзя охарактеризовать как полностью сформированный. В частности, отсутствуют чётко прописанные в законе критерии, позволяющие отнести деяние медработника к категории преступных, а также не проведено ясного разграничения между уголовно наказуемым поведением, дисциплинарным проступком и административным правонарушением [1].

Ятрогенные преступления представляют собой системную проблему безопасности здоровья и жизни граждан при оказании медицинской помощи, что обуславливает необходимость уголовно-правового воздействия. Однако, как констатируется исследователями, существует недостаточная научно-теоретическая разработанность уголовно-правовых аспектов данной проблематики [4]. Для эффективной борьбы с этим явлением требуется дальнейшее осмысление понятия, сущности, проблем квалификации и доказывания ятрогенных преступлений на доктринальном уровне и, возможно, совершенствование законодательства.

Список литературы:

1. *Блинова А. Ф.* Ятрогенные преступления в Российской Федерации: понятие и значение в современной правовой деятельности. Особенности квалификации и доказывания по уголовным делам, связанным с оказанием медицинской помощи // Вестник ЧелГУ. 2022. № 4 (20). DOI: <https://doi.org/10.24411/2409-4102-2022-10405>.
2. Врачебные ошибки уносят миллионы жизней и стоят триллионы долларов // Коммерсантъ. 2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6211993> (дата обращения: 28.06.2025).
3. *Галимова М. А., Наветов С. В., Черный В. В.* Ятрогенные преступления: к вопросу о понятии и содержании // Научный компонент. 2023. № 2 (18).
4. *Гибатов Р. В.* Актуальность исследований ятрогенных преступлений: понятие, сущность, законодательное регулирование // Социальное управление: Студенческая наука. 2024. Т. 6. № 1S.
5. *Иванченко Р. Б., Заряев В. А.* Уголовно-правовой анализ ятрогенных преступлений и практика применения норм уголовного законодательства об ответственности за их совершение // Правосудие. 2020. Т. 2. № 3.
6. Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека : приказ Минздрава России от 08.04.2025 № 172н (зарегистрировано в Минюсте России 02.06.2025 № 82483).

7. *Рыбакова Т. И.* Ятрогенные преступления: понятие, сущность, законодательное регулирование // Вопросы российской юстиции. 2023. № 26.

8. *Хачатурова А. В.* Понятие ятрогенных преступлений // Научное обозрение. 2019. № 4 (ч. 2).

9. *Шамардина Л.* Мурашко назвал статистику смертей из-за ошибок в медицинской диагностике // Медвестник. 2024. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Murashko-nazval-statistiku-smertei-iz-za-oshibok-v-medicinskoi-diagnostike.html> (дата обращения: 28.06.2025).

АЛЕНА ДМИТРИЕВНА ИСАЕВА,

адъюнкт

Академия управления МВД России

E-mail: alena.isaeva2000@yandex.ru

К вопросу о понятии уголовно-правовой охраны и соотношении с предупреждением

Аннотация

В статье рассматривается понятие уголовно-правовой охраны как фундаментального механизма защиты наиболее значимых общественных отношений, закрепленного в статье 2 УК РФ. Автор анализирует семантику термина «охрана», его структурные элементы: объект охраны, источник угрозы, субъект охранительной деятельности и правовые основания её осуществления. Особое внимание уделяется соотношению уголовно-правовой охраны и предупреждения преступлений. Доказывается, что охрана, реализуемая через криминализацию деяний, установление наказаний и их применение, служит основой для общего и частного предупреждения. В то же время предупреждение выступает шире, чем уголовно-правовая охрана и включает не только уголовно-правовые, но и социальные, экономические и воспитательные меры. Таким образом, уголовно-правовая охрана представляет собой ядро механизма противодействия преступности, а предупреждение использует этот механизм в качестве одного из своих инструментов.

Ключевые слова и словосочетания: *уголовно-правовая охрана; предупреждение преступлений; задачи уголовного права; общественные отношения; уголовный закон; общее предупреждение; частное предупреждение.*

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) в статье 2 провозглашает задачи, решаемые уголовным законодательством в рамках правоприменительной деятельности. К их числу отнесена охрана наиболее социально значимых общественных отношений, ценностей (благ) и интересов, обеспечивающих не только стабильное существование социума, но и бесперебойное функционирование институтов государственной власти, а также предупреждение преступных посягательств. Для надлежащего понимания указанных целей первостепенное значение приобретает четкое определение юридической категории «уголовно-правовая охрана», выступающей фундаментальным инструментом реализации закрепленных законодательных предписаний.

Науке уголовного права известно положение, согласно которому законодатель обозначил охрану общественных отношений в качестве одной из приоритетных задач правового регулирования посредством института уголовной ответственности. Вместе с тем, содержательное наполнение понятия охраны, её процессуальные формы реализации, равно как и специфика соотношения категории охраны с категорией предупреждения преступности, остаются спорными и требуют дальнейшего научного осмысления.

Прежде, чем говорить об уголовно-правовом значении рассматриваемого понятия, есть смысл остановиться на его семантике. Охранять – это «оградить, защищать кого-либо; что-либо от чьих-либо нападений, посягательств, враждебных действий и т.п.» [1, с. 652].

Семантический анализ рассматриваемого термина выявляет совокупность ключевых элементов, констатирующих его юридическое значение. Основным компонентом является объект охраны, выступающий предметом защищаемых правомочий. Под объектом подразумевается имущество, территория либо иной элемент, нуждающийся в обеспечении сохранности посредством реализации комплекса правовых мер. Следующим необходимым звеном выступают потенциальные нарушители охраняемого блага, именуемые источниками опасности или угроз. Данные субъекты представляют собой индивидов, организации либо природные факторы, способные нанести ущерб охраняемым интересам путем совершения противоправных деяний, нарушений установленных норм поведения. Третьим обязательным структурным элементом системы охраны являются субъекты охранительной деятельности, выполняющие роль агентов защиты объектов собственности, общественного порядка и иных ценностей, закрепленных законом. Они наделяются соответствующими полномочиями, компетенциями и функциями, направленными на предотвращение и пресечение возможных посягательств на законные интересы субъектов правоотношений. Наконец, важным аспектом выступает наличие четко сформулированных прав и обязанностей указанных субъектов, определяющих порядок осуществления охранительных мероприятий и гарантирующих эффективность мер по обеспечению правопорядка и безопасности. Исходя из изложенного, структура понятия «охрана» включает в себя взаимосвязанные компоненты: предмет охраны, источник угрозы, субъект охранительной деятельности и правовые основания его функционирования.

Детальное исследование данного понятия и формирование концепции уголовно-правовой охраны получили в работах профессора Б.Т. Разгильдиева [2] и его последователей. Б.Т. Разгильдиев определяет уголовно-правовую охрану как «уголовно-правовое сохранение личности, общества, государства, мира и безопасности человечества от возможного преступного воздействия на них, осуществляемое на определенной

территории и за определённый отрезок времени посредством неперсонифицированной угрозы наказанием» [3]. В данном определении акцент сделан на сохранении определенных объектов от возможных преступных посягательств. Вместе с тем в словарях охрана определяется как действие по глаголу охранять [4]. Очевидно, с учетом этого А.Н. Сайгашкин определяет уголовно-правовую охрану как объективно необходимую общественно полезную деятельность специально уполномоченных государственных органов по обеспечению безопасности охраняемых объектов посредством реализации уголовно-правовых предписаний [5].

Охрана выступает одним из ключевых элементов правового механизма противодействия преступлениям, включающего также меры профилактики правонарушений и организацию эффективного расследования уголовных дел. Таким образом, охрана представляет собой комплекс мероприятий, направленных на сохранение существующего правопорядка и восстановление социальной справедливости. Таким образом, понятие «охранительный механизм» включает не только реакцию на уже произошедшие события, но и активно влияет на предупреждение будущих нарушений закона. Эта предупредительная функция выражается в сдерживающем эффекте угрозы наказания, способствующем предотвращению новых преступлений.

Так, профессор Наумов А.В. пишет: «Можно сформулировать и иные задачи уголовно-правового регулирования, более отвечающие специфики уголовно-правового запрета. Они относятся к сфере обще предупредительного и воспитательного воздействия уголовно-правовых норм: воспитание граждан в духе точного исполнения законов и уважения к правилам общежития, а также предупреждение совершения преступлений» [6, с. 18]. Если согласится с автором, тогда задачами уголовного законодательства будут выступать: охрана соответствующих общественных отношений от преступных посягательств; предупреждение совершения преступлений; воспитание граждан. Предупредить — значит «заранее принятыми мерами помешать чему-либо осуществиться, наступить, предотвратить. Предупредить болезнь, предупредить преступление» [7, с. 472]. То есть предупреждение — это недопущение. Следовательно, предупреждение преступлений — это не что иное как недопущение их совершения. Функция уголовного права, как мы уже говорили, является регулятивно-сдерживающей, то есть не допускающей совершения лицом преступления. С учетом этого, охраняя соответствующие общественные отношения посредством удержания лиц от совершения преступления, и происходит предупреждение преступлений. Поэтому, определяя задачу уголовного законодательства на уровне охраны общественных отношений, тем самым предполагается именно предупреждение совершения преступлений. И если согласиться с

данным предложением А.В. Наумова о включении в задачи уголовного законодательства - предупреждение преступлений, - тогда под понятием «охрана» следует усматривать нечто иное, нежели есть на самом деле.

Таким образом, предупреждение преступлений и охрана указанных в уголовном законе объектов от преступных посягательств, по сути, представляют собой тождественные понятия. Вместе с тем уголовно-правовая охрана — это фундаментальный механизм защиты наиболее важных общественных отношений (жизни, здоровья, собственности, общественной безопасности и т.д.) путем установления четких правовых последствий за их нарушение. Её суть сводится к трём действиям: криминализации (объявлению деяния преступлением и занесению его в Уголовный кодекс), установлению наказания за него и непосредственному применению этих санкций к виновному лицу через систему правосудия.

В то же время, предупреждение преступлений — это комплексная, проактивная цель, направленная на то, чтобы не допустить сам факт совершения преступления в будущем. Оно работает до возможного правонарушения и использует для этого гораздо более широкий арсенал средств. Предупреждение реализуется в двух основных формах. Во-первых, это общее предупреждение, которое действует на всех членов общества через устрашающую силу уголовного закона: знание о неотвратимости наказания удерживает граждан от противозаконных поступков. Во-вторых, это частное предупреждение, которое направлено на конкретного преступника с целью его исправления и изоляции, чтобы лишить его возможности совершать новые преступления.

Таким образом, уголовно-правовая охрана с её запретами и санкциями создаёт основу для общего и частного предупреждения, выступая их главным правовым обеспечением. Однако предупреждение как понятие не ограничивается рамками уголовного права. Оно включает в себя также профилактическую деятельность правоохранительных органов, социальные и экономические меры по снижению уровня преступности (борьба с бедностью, безработицей), воспитательную и образовательную работу, формирование правосознания и многое другое.

Таким образом, уголовно-правовая охрана – это «ядро», механизм реакции на уже случившиеся деяния, а предупреждение – использует этот механизм в качестве инструмента.

Список литературы:

1. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка : 180 000 сл. и словосочетаний / Д. Н. Ушаков ; глав. ред. Ю. И. Семенец. М. : Альта-Принт, ООО Изд. «Дом XXI век», 2008. 1239 с.

2. *Разгильдиев Б. Т.* Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация: монография. Саратов: Саратовский университет, 1993.

3. Уголовное право России: курс лекций в 6 т. / под ред. Б. Т. Разгильдиева. Саратов: Саратовская государственная академия права, 2004. Т. 1. Кн. 1. Автор главы Б. Т. Разгильдиев.

4. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. Т. 1. М. : Русский язык, 2000; Большой толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : АСТ: Астрель, 2004.

5. *Сайгашкин А. Н.* Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.

6. *Наумов А. В.* Применение уголовно-правовых норм : (по материалам следств. и прокурорско-судебной практики) : учебное пособие. Высш. следств. школа МВД СССР. Волгоград : [б. и.], 1973. 176 с.

7. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. Около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений : справочное издание / С. И. Ожегов; ред. Л. И. Скворцов. 27-е изд., испр. М. : АСТ: Мир и Образование, 2017. 736 с.

МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА КРУГЛОВА,

слушатель

Академия управления МВД России

Особенности вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность с помощью современных технологий

Аннотация

В данной статье рассматриваются особенности вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность с помощью современных технологий, а также её проблемы и пути решения.

***Ключевые слова и словосочетания:** несовершеннолетние; современные технологии; совершение преступлений.*

Юридическая доктрина обращает внимание, что общественная опасность вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность выражена в деформировании и разрушении нравственно ценностных ориентиров молодежи, извращении цели воспитания в результате которой вместо полноценных членов общества вырастает «новая смена» поколению действующих преступников. Данные обстоятельства угрожают нормальному функционированию нации, посредством маргинализации молодого поколения с ранних лет [4, С. 566].

За последние семь лет наблюдается тенденция снижения преступлений, совершаемых несовершеннолетними. В то же время проблемным вопросом остается вовлечение в преступность несовершеннолетних взрослыми преступниками.

Одной из мер борьбы с тенденцией вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность является криминализация данного явления посредством его отражения в ст. 150 УК РФ [3, С. 123].

Особенность субъекта преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, заключается в факте ведения специального правила. В отличие от положений ст. 20 УК РФ, устанавливающих, что возраст уголовной ответственности по общему правилу наступает с 16 лет виновным в совершении преступления предусмотренным ст. 150 УК РФ может быть признано исключительно лицо, достигшее на момент совершения преступления возраста восемнадцати лет. Данное обстоятельство обусловлено фактом, что озвученное преступление может быть совершено только с прямым умыслом.

В ситуации, когда одно несовершеннолетнее лицо подталкивает другое несовершеннолетнее лицо на совершение преступления оно не

всегда осознает общественную опасность данного преступления, выраженную в вовлечение в преступную деятельность до конца не сформировавшаяся личность.

Лицо, достигшее возраста восемнадцати лет, понимает, что своими действиями он получает себе покорного, ведомого подельника, который будет делать все что он ему скажет. По сходной логике законодатель ужесточил уголовную ответственность по данной категории преступлений в отношении лиц, в обязанности которых в силу закона или должностных инструкций входит воспитание несовершеннолетних лиц (родители, законные представители, опекуны, попечители, учителя, воспитатели садилов).

Вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность при помощи современных технологий может осуществляться посредством убеждения, принуждения, запугивания несовершеннолетнего, с целью заставить его совершить преступление. Данные действия реализуются с использованием современных технологий в удаленном режиме, когда подстрекатель и вовлекаемое в преступную деятельность лицо могут проживать в разных городах, субъектах Российской Федерации и даже странах [5, с. 38].

Лицами, осуществляющими вербовку несовершеннолетних в преступную деятельность могут являться как их будущие соисполнители, так и иные представители преступных формирований, в функции которых входит организация преступления и распределения ролей между различными членами преступной группы, а также поиск новых членов преступной группы, в том числе и среди несовершеннолетних лиц [2, с. 98].

В настоящее время для вербовки несовершеннолетних в преступную деятельность широко используются групповые чаты онлайн игр. Познакомившись с несовершеннолетним в общем чате определённой игры и разговаривавшись с ним, подстрекатель предлагает перейти несовершеннолетнему лицу в закрытый чат, где на него более полно будет оказываться психическое воздействие несколькими членами преступной группировки с целью склонить его к совершению преступления.

Сложность пресечения такой вербовки заключается в невозможности контролировать все групповые чаты различных онлайн игр, виду их большого количества, а также факта, что ряд серверов является закрытыми. Так же у сотрудников правоохранительных органов отсутствует информация касательно того в каких именно онлайн играх чаще всего происходит вербовка несовершеннолетних, а мониторить абсолютно все игровые чаты не представляется возможным из-за того, что личный состав на выполнение данных функций ограничен.

Как отмечает А.В. Аносов, только методами контроля и ограничений работы мессенджеров предупреждение цифровых преступлений

осуществить затруднительно [1, с. 16]. В настоящий момент для оптимизации процессов вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность взрослыми преступниками используются технологий Big date, социального скоринга, а также покупки баз данных в Dark-net, может осуществляться формирование теневой базы данных в которых будет содержаться информация о наиболее восприимчивых к внушению и склонению к преступной деятельности подростков с указанием субъекта Российской Федерации где они проживают, домашнего адреса, социальных сетей через которые с подростком можно связаться.

В ходе осуществления попыток вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность могут собираться материалы, упрощающие процесс вовлечения подростка в преступную деятельность. Так если в ходе ведения переписки несовершеннолетнего лица с взрослым преступником, вербующих несовершеннолетних в преступные группы последний путем обмана и злоупотребления доверием получил от подростка видеозаписи или фотографии порнографического или эротического характера, на которых изображен подросток, он может использовать данные видео и фото как средства шантажа для последующего вовлечения подростка в преступную деятельность.

Подстрекателями несовершеннолетних к преступной деятельности могут быть похищены материальные средства несовершеннолетних с их банковских счетов или профили компьютерных игр с высокоуровневыми персонажами. В данном случае взрослые преступники обещают вернуть несовершеннолетним их денежные средства, профили от компьютерных игр после того как они совершат определенные уголовно наказуемые деяния.

Для криминологии важным аспектом вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность при помощи современных технологий является факт, что в данном случае лицо, подстрекающее несовершеннолетнего к совершению преступления, является анонимным и в большинстве случаев никогда не виделось с подростком, вовлекаемым в преступную деятельность. При общении с взрослыми преступниками несовершеннолетнему не будет известно их настоящее имя, возраст место жительства. В ходе общения с подростками злоумышленниками может использоваться выдуманная история жизни, не соответствующая действительности. Подростку при общении с такими лицами будет известен только их аккаунт и выдуманное имя или никнем. В тоже время, данный аккаунт, может быть, в любой момент удален злоумышленником.

Так же в ряде случаев противоправная деятельность по склонению несовершеннолетних к преступной деятельности осуществляется из других стран, с которым у Российской Федерации в настоящий момент недружественные отношения, в связи с чем усложнено взаимодействие

между собой правоохранительных органов двух государств, что позволяет преступникам, избежать привлечение к уголовной ответственности.

Проблемой является формирование мер противодействия вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность при помощи современных технологий в удалённом режиме, ранее в работе уже были озвучены примеры данного деструктивного социального явления. Можно предложить следующие меры для разрешения данной проблематики (Распространение различных мессенджеров и социальных сетей в Российской Федерации) объективно предполагает использование возможностей, данных платформы лицами вербующим несовершеннолетних в преступную деятельность.

При этом вербовщики несовершеннолетних, с одной стороны, применяет абсолютно аморальные методы, включая координацию посредством различных мессенджеров террористических актов против гражданских лиц, вербовку и вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, с другой – пытается загерметизировать собственное информационное пространство, требуя от администрации мессенджера принятия мер по блокировке неугодных каналов.

Профильным службам РФ также следует активизировать работу с администрацией социальных сетей с целью оперативного выявления, блокировки и удаления преступных сообществ. Также перспективными выглядят усилия МИДа Российской Федерации по принятию рамочной конвенции ООН в области противодействия использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях, что является стратегической задачей для всего мирового сообщества. Отдельного внимания заслуживает процесс разработки и приобретения программного обеспечения (например, ПО «Охотник»), способствующего своевременному выявлению «анонимных» авторов преступных интернет-сообществ с последующим привлечением данных лиц к установленной законом ответственности. Необходимо отметить определенные успехи ФСБ и МВД РФ в данном направлении.

В части, касающейся профилактики противоправных настроений в обществе, особенно в молодежной среде, необходимо принять действенные меры по повышению цифровой и политической грамотности, развитию навыков информационной гигиены. Заслуживающим внимания выглядит предложение о необходимости создания в российских университетах специальных центров, исследующих студенческие настроения и изучающих социальные конфликты в молодежной среде.

Таким образом, проблематика использования современных технологий для привлечения несовершеннолетних лиц к преступной деятельности остается значимым вопросом поддержания нормальной криминогенной ситуации в обществе, решение которого находится в поле зрения как соответствующих органов власти и правоохранительных

структур, так и профильного научного сообщества. Применение комплекса информационно-политических (борьба с фейками и дезинформацией), административных (работа Роскомнадзора с собственниками платформы), образовательных, дипломатических (продвижение международных норм, ограничивающих использование ИКТ в преступных целях) мер способно в значительной степени купировать данную проблему.

Список литературы:

1. *Аносов А. В.* Предупреждение соучастия несовершеннолетних в преступлениях в цифровую эпоху // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 2 (48).

2. *Гавло В. К.* Криминалистическая методика предварительного расследования и судебного разбирательства вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) / В. К. Гавло, О. В. Яцечко. М. : Юрлитинформ, 2011. 230 с.

3. *Купирова Ч. III.* Вовлеченность несовершеннолетних в преступные деяния: уголовно-правовой и криминологический аспекты проблемы // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 4 (42).

4. *Майоров А. В.* Криминализация вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность // Социальное управление. 2023. Т. 5. № 12.

5. *Макаренко И. А.* Цели и методы исследования информации о личности несовершеннолетнего обвиняемого // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 2 (36).

МАКСИМ РОМАНОВИЧ ЛЁКСИН,

адъюнкт

Академия управления МВД России

E-mail: mlyoksin@yandex.ru

**Социальная обусловленность и правовая необходимость
криминализации деяний в сфере незаконного обращения
цифровых финансовых активов**

Аннотация

В данной статье автором рассматриваются социальные и правовые предпосылки для криминализации противоправных деяний, связанных с оборотом цифровых финансовых активов (далее – ЦФА). Анализируются угрозы, которые представляет незаконное использование криптоактивов для экономической безопасности, прав граждан и стабильности финансовой системы. Обосновывается необходимость дальнейшего развития уголовного законодательства для адекватного противодействия новым вызовам цифровой эпохи.

***Ключевые слова и словосочетания:** криминализация; цифровые финансовые активы; социальная обусловленность; уголовная ответственность.*

Стремительная цифровая трансформация экономики привела к появлению нового класса активов – цифровых финансовых активов, к которым относятся криптовалюты, токены и иные аналогичные инструменты. Их децентрализованная природа, псевдоанонимность и трансграничный характер создали не только новые возможности для инвестиций и расчетов, но и широкое поле для противоправной деятельности. В этих условиях вопрос о социальной обусловленности и правовой необходимости криминализации соответствующих деяний становится одним из ключевых в повестке законодателя и правоприменителя.

По мнению Долгиевой М.М. социальная обусловленность означает, что введение уголовной ответственности за то или иное деяние является ответом на реально существующую общественную потребность, вызвано наличием значительной социальной вредности [2, с. 225].

Ученый считает, что социальная обусловленность уголовно-правовой охраны информационной безопасности определяется совокупностью социально-экономических, исторических, политических и социально-правовых факторов. Указанные факторы выступают в качестве

предпосылок криминализации деяний, посягающих на информационную безопасность государства.

Как отмечает Русскевич Е.А., мошенничества с использованием ЦФА приобрели масштабы эпидемии. Создание финансовых пирамид, фишинговые атаки, взломы криптокошельков и бирж наносят миллиардные ущербы гражданам по всему миру. Высокая доходность, которую сулят мошенники, привлекает широкий круг неподготовленных инвесторов, что делает такие преступления социально значимыми, подрывая доверие к любым финансовым инновациям [7, с. 77].

Как отмечает Ображиев К.В., в практике оборота криптоактивов встречаются и более сложные схемы мошеннического хищения цифровой валюты, в частности, путем:

- создания интернет-сайтов или мобильных программ для осуществления операций по обмену криптовалютой (криптообменники), торговле цифровой валютой (криптовбиржи). Потерпевший, не понимая, что использует созданный мошенниками сайт (программу), например, «клон» существующего криптообменника или легальной криптовалютной биржи, совершает транзакцию по переводу криптовалюты на криптокошелек злоумышленников;

- создания «финансовой пирамиды», в рамках которой обманутые граждане инвестируют криптовалюту в финансовый проект с доходностью в десятки процентов в месяц, некоторое время получают определенную прибыль за счет новых «инвесторов», а затем привлеченная под видом инвестиций криптовалюта похищается мошенниками;

- организации мошеннического ICO (Initial coin offering), т.е. первичного предложения (эмиссии) «монет» (новой криптовалюты или токенов). Мошенники запускают ICO, чтобы продать инвесторам выпущенную ими новую цифровую валюту, инвестиционные токены, принимая в качестве оплаты безналичные денежные средства или криптовалюту [5, с. 75].

Анализируя динамику преступлений в сфере незаконного обращения цифровых финансовых активов за 2019-2024 гг., можно сделать следующие ключевые выводы:

1. Значительный рост киберпреступлений и мошенничества. Резко увеличилось количество преступлений по ст. 159 (мошенничество) – рост на 275,73% (с 90 664 до 249 984 ед.). Существенный рост неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272) – увеличение на 528,56% (с 1 761 до 9 308 ед.). Рост манипуляций с платежными средствами (ст. 187) – увеличение в 13 раз (с 203 до 2 647 ед.).

2. Снижение отдельных видов преступлений. Сократилось количество преступлений по ст. 110 (доведение до самоубийства) — снижение на 92,31% (с 13 до 1 ед.). Уменьшилось нарушение авторских прав (ст. 146) – снижение на 53,45% (с 406 до 189 ед.).

3. Увеличение преступлений против личности и общественной безопасности. Рост вымогательства (ст. 163) – увеличение на 352,93% (с 1 621 до 5 721 ед.). Увеличение склонения к потреблению наркотиков (ст. 230) – рост на 20% (с 5 до 6 ед.). Рост незаконного оборота наркотиков (ст. 228.1) – увеличение на 330,81% (с 18 805 до 62 209 ед.).

4. Изменения в сфере терроризма и экстремизма. Появление новых составов преступлений (ст.ст. 205.1, 207) в 2022 году. Рост публичных призывов к терроризму (ст. 205.2) – увеличение на 289,94% (с 169 до 490 ед.).

5. Технологические и информационные преступления. Существенный рост нарушений неприкосновенности частной жизни (ст. 137) – увеличение на 199,54% (с 432 до 862 ед.). Отмечается увеличение нарушений тайны переписки (ст. 138) – рост на 246,85% (с 143 до 353 ед.). [1]

Исходя из анализа судебной практики, где так или иначе фигурирует криптовалюта и ЦФА, можно заключить, что наибольшее количество приговоров связано с привлечением к уголовной ответственности за мошенничество или покушение на него, предусмотренное ст. 159 УК РФ (приговор Калининского районного суда г. Чебоксары Чувашской Республики от 6 февраля 2018 г. по делу № 1-46/2018; приговор Кировского районного суда г. Казани от 25 июня 2019 г.; приговор Октябрьского районного суда г. Тамбова от 15 февраля 2019 г. по делу № 1134/19; приговор Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа от 13 ноября 2017 г. по делу № 1-762/2017) [4, с. 58].

По мнению Ефремовой М.А. в последние годы наблюдается переориентация преступной деятельности в цифровую сферу, что связано с развитием технологий и увеличением онлайн-взаимодействий. При этом традиционные преступления (кражи, мошенничество) адаптируются к новым реалиям, приобретая цифровые формы. Рост преступлений, связанных с нарушением конфиденциальности и кибербезопасности, указывает на необходимость усиления мер защиты в информационной сфере [3, с. 222].

Пинкевич Т.В. в своих работах подчеркивает, что анонимность криптовалют активно используется для отмывания доходов, полученных преступным путем: вследствие финансирования терроризма, торговли оружием и наркотиками. Это создает прямую угрозу национальной и международной безопасности, затрудняя работу правоохранительных органов по пресечению деятельности организованных преступных групп [6, с. 82].

Ушаков Р.М. отмечает, что оборот ЦФА зачастую выводится из-под действия традиционных налоговых механизмов. Это не только наносит ущерб бюджетной системе государства, лишая его доходов, но и создает неравные условия для ведения бизнеса, дискредитируя принципы

справедливости и верховенства закона [10, с. 53]. Ученый считает, что неконтролируемый оборот ЦФА может ослабить способность центральных банков проводить эффективную денежно-кредитную политику, что создает риски для макроэкономической стабильности. Это является угрозой экономической безопасности страны, что, безусловно, относится к вопросам высшей социальной значимости [10, с. 53].

Таким образом, общество объективно нуждается в защите от новых цифровых угроз, что и составляет социальную базу для криминализации.

Правовая необходимость заключается в том, что существующие правовые нормы оказываются недостаточными или неприспособленными для эффективной борьбы с новыми видами преступлений.

До недавнего времени в большинстве стран, включая Россию, отсутствовало четкое определение правового статуса ЦФА. Это создавало правовой вакуум, в котором многие противоправные действия с криптоактивами не попадали под состав традиционных преступлений (например, «хищение» электронных ключей доступа или «неправомерное обращение в свою собственность» токенов). Даже после принятия базового законодательства о ЦФА (например, Федерального закона № 259-ФЗ в России) многие составы требуют конкретизации [9, с. 106].

Традиционные составы преступлений часто не учитывают технологические особенности ЦФА. Доказать факт хищения, когда активы не «изымаются» в классическом понимании, а переводятся на другой кошелек с помощью сложной цифровой процедуры, крайне затруднительно. Требуются специальные нормы, которые бы учитывали специфику объекта посягательства [8, с. 153].

Ображиев К.В. подчеркивает, что преступления в сфере ЦФА часто совершаются с использованием инфраструктуры, расположенной в разных юрисдикциях, что делает традиционные механизмы правовой помощи неэффективными и медленными. Это требует развития международного сотрудничества и создания новых правовых инструментов для конфискации и розыска цифровых активов [5, с. 75].

Четкое закрепление в уголовном законе составов преступлений, связанных с ЦФА, создает правовую определенность как для граждан, так и для правоприменителей. Это позволяет добросовестным участникам рынка понимать границы допустимого поведения, а правоохранительным органам – иметь эффективный инструмент для борьбы с преступностью [10, с. 53].

Криминализация деяний в сфере незаконного обращения цифровых финансовых активов является не просто желательной, а объективно необходимой мерой. Она социально обусловлена масштабом и общественной опасностью новых угроз, которые затрагивают основы экономической безопасности, права граждан и стабильность финансовой системы. С правовой точки зрения она необходима для ликвидации

законодательных пробелов, обеспечения адекватной квалификации преступлений и создания эффективного механизма защиты прав в условиях цифровой экономики.

В свою очередь правовая необходимость криминализации обусловлена пробелами в законодательстве, проблемами квалификации и доказывания, трансграничным характером преступлений и необходимостью правовой определенности. Для адекватного ответа на вызовы необходима реализация следующих мер:

1. Стимулирование внедрения передовых технологий в правоохранительную деятельность. Опыт Генпрокуратуры по созданию специализированного подразделения по внедрению искусственного интеллекта и использование Росфинмониторингом инструмента «Прозрачный блокчейн» демонстрируют позитивный вектор развития;

2. Законодатель должен закрепить правовые основания для использования данных технологий, включая вопросы деанонимизации криптовалютных транзакций, что особенно актуально в свете планов Росфинмониторинга по выделению 10,61 млрд. рублей на развитие соответствующей цифровой платформы; [10, с. 59].

3. Развитие превентивных мер и «цифрового суверенитета». Как показывает практика Роскомнадзора, точечное блокирование опасных функций (например, голосовых звонков в мессенджерах) может давать хорошие результаты в части предотвращения мошенничеств;

4. Дальнейшая работа должна быть направлена на создание полноценной и безопасной цифровой экосистемы в России, что включает регулирование оборота SIM-карт, повышение ответственности цифровых платформ и просвещение населения;

5. Поскольку значительная часть противоправного контента размещается на зарубежных платформах, игнорирующих российское законодательство, необходимо активное участие России в разработке международных конвенций по борьбе с киберпреступностью, подобно уже созданной рабочей группе на площадке ООН [4, с. 59].

Таким образом, подводя итог, можем констатировать, что социальная обусловленность криминализации деяний в сфере незаконного обращения цифровых финансовых активов характеризуется следующими составляющими:

1. Массовым характером и высокой общественной опасностью данных преступлений.

2. Финансированием преступной деятельности.

3. Уклонением от уплаты налогов.

4. Подрывом финансового суверенитета государства.

Дальнейшее развитие уголовного законодательства в этой сфере должно быть направлено на точное определение объектов и субъектов преступления, разработку специальных составов, учитывающих

технологическую специфику ЦФА, и укрепление международно-правовой базы для борьбы с транснациональной киберпреступностью. Только комплексный и опережающий подход позволит обеспечить безопасность цифрового будущего.

Список литературы:

1. Материалы сборников МВД ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» «Состояние преступности в России», январь – декабрь в период с 2019 по 2024 год. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 21.08.2025).
2. *Долгиева М. М.* Социальная обусловленность возникновения уголовно-правовых запретов нарушений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10.
3. *Ефремова М. А.* Социальная обусловленность уголовно-правовой охраны информационной безопасности Российской Федерации // Вестник Пермского университета. 2017. № 2.
4. *Мочалкина И. С.* Классификация преступлений против собственности, предметом которых являются цифровая валюта и цифровые права // Российский следователь. 2021. № 10.
5. *Ображиев К. В.* Преступные посягательства на цифровые финансовые активы и цифровую валюту: проблемы квалификации и законодательной регламентации // Журнал российского права. 2022. № 2.
6. *Пинкевич Т. В.* Предупреждение преступлений, совершаемых в сфере оборота цифровой валюты (криптовалюты) // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 4 (66).
7. *Русскевич Е. А.* О совокупности преступлений в сфере компьютерной информации с другими преступлениями // Уголовное право. 2025. № 4.
8. *Русскевич Е. А.* Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения: Монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2022. 352 с.
9. *Русскевич Е. А., Малыгин И. И.* Преступления, связанные с обращением криптовалют: особенности квалификации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3.
10. *Ушаков Р. М.* Квалификация хищений, совершаемых с использованием информационных технологий : монография. М. : Юстицинформ, 2023. 160 с.

АНЧИГ ЧИНГИЗОВИЧ НАМСАРАЕВ,

адъюнкт

Академия управления МВД России

E-mail: Anchikne@mail.ru

Борьба с кражами из жилищ с помощью беспилотных летательных аппаратов (БПЛА): новые возможности и вызовы

Аннотация

В рамках проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что в настоящее время практика испытывает недостаток в научно-методических материалах в борьбе с кражами из жилищ, с помощью беспилотных летательных аппаратов. Предметом настоящего исследования являются особенности деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации по выявлению, пресечению, предупреждению и раскрытию краж из жилищ, с помощью беспилотных летательных аппаратов. Цель исследования заключается в выявлении некоторых проблем и путей решения по улучшению раскрываемости краж из жилищ, а также необходимость эффективного внедрения БПЛА в организацию оперативно-розыскной деятельности по их предупреждению, пресечению, и раскрытию.

Ключевые слова и словосочетания: анализ преступности; квартирная кража; БПЛА; организация оперативно-розыскной деятельности; наблюдение.

В настоящее время кража с незаконным проникновением в жилище остаётся актуальной проблемой для органов внутренних дел, так как не смотря на комплекс мер борьбы с этими преступлениями, данная проблема так и окончательно не решена. Последствия краж – как правило, значительный материальный ущерб потерпевшим. Но не только, они также вызывают эмоциональные и психологические последствия, нарушая личное пространство и чувство безопасности. Поэтому предупреждение этих преступлений, а также их раскрытие требует большого внимания правоохранительных органов. Общеизвестно, что раскрытие краж с незаконным проникновением в жилище требует комплексного подхода. Этот подход включает использование сил, средств органов внутренних дел и оперативно-розыскных методов как для предотвращения, так и для раскрытия краж. Как уже говорил профессор Горяинов К.К. в зависимости от стадии развития преступной деятельности, при помощи оперативно-розыскных средств и методов возможно и иногда необходимо провести

предупреждение конкретного замышляемого или готовящегося преступления [4, с. 14].

Представляется, что при реализации данного комплекса в рамках оперативно-розыскной деятельности необходимо руководствоваться не только уже имеющимся практическим опытом, но и положениями научных трудов ученых, исследовавших ранее проблемы в обозначенной сфере правоохранительной деятельности и предлагавшие свои варианты их решения. Однако, стоит признать, что в веке больших технологий за короткое время происходят колоссальные изменения, которые имеют свое влияние и на трансформацию способов (методы) совершения преступлений, и некоторые методы раскрытия этих преступлений теряют свою актуальность. Таким образом, перед правоохранительными органами стоит задача по усовершенствованию методов раскрытия краж с незаконным проникновением в жилище.

Проанализируем динамику раскрываемости краж с проникновением в жилище в Российской Федерации за шесть лет:

- по итогам 2018 года было зарегистрировано 117205 краж с проникновением в жилище, раскрываемость составила 50,7%
- по итогам 2019 года было зарегистрировано 102290 краж с проникновением в жилище, раскрываемость составила 49,2%;
- по итогам 2020 года было зарегистрировано 79440 краж с проникновением в жилище, раскрываемость составила 55,6%
- по итогам 2021 года было зарегистрировано 65613 краж с проникновением в жилище, раскрываемость составила 56,1%;
- по итогам 2022 года было зарегистрировано 61315 краж с проникновением в жилище, раскрываемость составила 56,7%;
- по итогам 2023 года было зарегистрировано 46043 кражи с проникновением в жилище, раскрываемость составила 60,4%.
- по итогам 2024 года было зарегистрировано 31799 кражи с проникновением в жилище, раскрываемость составила 61,1%¹.

Из анализа статистики можно сделать вывод, о том, что в целом работу раскрытию краж, совершенных с незаконным проникновением в жилище можно оценить как положительную, так как на протяжении последних семи лет имеет место снижение преступлений данной категории, однако с 2018 года более 230900 краж с проникновением в жилище остаются не раскрытыми.

Современные технологии кардинально изменили подходы к обеспечению общественной безопасности и раскрытию преступлений. Одним из наиболее значимых инновационных инструментов стали беспилотные летательные аппараты (БПЛА), которые находят все более широкое применение в деятельности правоохранительных органов.

¹ Состояние преступности в России за 2018–2023 год. Москва, с. 2.

Особую актуальность использование дронов приобрело в борьбе с кражами из жилищ - одним из самых распространенных видов имущественных преступлений в городской среде и сельской местности. Однако те же технологии используются и злоумышленниками, что создает новые вызовы для системы безопасности. В статье рассмотрены ключевые аспекты применения БПЛА в борьбе с квартирными кражами, примеры успешных операций и меры противодействия криминальному использованию дронов.

Беспилотный летательный аппарат представляет собой квадрокоптер, который может быстро менять свою траекторию – двигаться практически в любом направлении без необходимости выполнять дополнительные маневры [2, с. 46].

Одной из наиболее сложных задач, стоящих сегодня перед правоохранительными органами, является интеграция беспилотных летательных аппаратов для мониторинга противоправных действий и оперативного реагирования на них.

Хотя потенциал дронов многогранен, а их преимущества очевидны, критики нередко преувеличивают риски, связанные с возможным некорректным применением этой технологии.

Между тем, функциональные возможности БПЛА превосходят ограниченное человеческое зрение. Стандартное оснащение многих моделей позволяет эффективно противодействовать различным видам преступлений, обеспечивая обзор и мобильность, недоступные традиционным методам наблюдения.

Современные дроны, оснащенные множеством пропеллеров, обладают высокой скоростью и исключительной маневренностью, что делает их ценным инструментом в арсенале правоохранительных органов.

Использование БПЛА в расследованиях дает возможность оперативно реагировать на инциденты: благодаря их маневренности можно значительно сократить время на выявление и прибытие на место событий. Они могут осуществлять видеонаблюдение, фиксировать действия подозреваемых и передавать информацию в режиме реального времени. Это создает предпосылки для более эффективного взаимодействия правоохранительных органов и своевременного принятия мер.

Согласимся с мнением Зыбенской Е.Т., которая считает, что главным преимуществом дрона-беспилотника является возможность съемки в труднодоступных местах, в местах, в которых возможности сотрудника органов внутренних дел ограничены. Примером таких мест могут служить не только скалы, крыши, поля, леса, различные водоёмы, но и городские и сельские застройки. Ведь значительное количество преступлений совершается именно в подобных местах. Наличие дрона-беспилотника в таких ситуациях является уже необходимостью, ведь крайне важно получить грамотно построенные кадры, отражающие действительность [1, с. 151].

Дроны могут вести наблюдение без риска обнаружения. Позволяют быстро реагировать на подозрительную активность. Запись видео может служить доказательством в суде.

В крупных городах кражи часто совершаются в спальных районах с недостаточным видеонаблюдением, а также в садовых и дачных некоммерческих товариществах и дроны могут патрулировать такие зоны, фиксируя попытки проникновения.

Солидарны с мнением Горшеневой И.А., о том, что дроны делают работу сотрудников правоохранения существенно безопаснее и это является неоспоримым преимуществом их использования. Операторы дронов могут находиться на безопасном расстоянии от места действия, пока устройство работает в пределах допустимых параметров его рабочего диапазона. Это приводит к значительному повышению качества работы сотрудников служб реагирования, которые должны присутствовать на месте происшествия, т. е. БПЛА являются отличной заменой в ситуациях, связанных с высокой опасностью [3, с. 85].

Практика показывает высокую эффективность БПЛА в раскрытии краж из жилищ. В Краснодарском крае в 2023 году с помощью дронов была задержана группа воров, совершавших серию краж. В Москве после внедрения системы дрон-патрулирования удалось снизить количество краж из жилищ на 15%. Дроны используются для скрытого наблюдения, оперативного перехвата преступников и фиксации следов преступления.

В 2024 году в России введена обязательная регистрация дронов массой от 250 грамм. Однако в законодательстве сохраняются пробелы, особенно в вопросах перехвата преступных БПЛА и использования полученных с их помощью доказательств. К сожалению, технологический прогресс используется и преступными элементами. Зафиксированы случаи, когда злоумышленники применяют дроны для разведки квартир перед ограблением, изучения распорядка дня жильцов и даже для доставки взломщиков на верхние этажи зданий. В Ереване в 2023 году была раскрыта преступная группа, активно использовавшая БПЛА для подготовки к кражам из жилищ.

При этом необходимо иметь в виду, что для борьбы с незаконным использованием дронов разрабатываются специальные антидрон-системы, включая устройства радиоподавления, сети-ловушки и экспериментальные лазерные установки. Важное значение имеет совершенствование городской инфраструктуры - установка защитных сеток на окнах первых этажей, внедрение "умных" домофонов с функцией детекции БПЛА.

Для эффективного внедрения БПЛА в процессы раскрытия краж из жилищ необходимо разработать качественную правовую базу, который будет защищать права граждан и одновременно способствовать обеспечению общественной безопасности. Такой подход должен включать в себя:

1. Создание четких правил о применении БПЛА. Необходимо установить рамки применения дронов, четко определяя случаи, когда их использование возможно без нарушения прав граждан;

2. Обучение сотрудников правоохранительных органов. Сотрудники органов внутренних дел должны получать квалифицированное обучение в области применения БПЛА, чтобы максимально эффективно использовать эти технологии;

3. Прозрачность и подотчетность. Важно обеспечить общественное обозрение и отчетность по вопросам использования БПЛА, чтобы минимизировать риски ущемления прав человека.

4. Участие граждан в обсуждении и формулировке норм использования БПЛА может помочь в выработке баланса между правами и интересами.

Использование беспилотных летательных аппаратов в предупреждении и раскрытии краж из жилищ несет в себе как значительные возможности, так и немалые вызовы. Тщательное регулирование, а также этическое и правовое обоснование применения технологий позволит эффективно использовать инновации в обеспечении безопасности, не нарушая прав граждан. Разработка комплексной стратегии становится необходимостью в эпоху быстрого технологического прогресса.

Список литературы:

1. Зыбенская Е. Т. Использование устройства дрон-беспилотник при производстве следственных действий // StudArctic forum. 2017. № 1 (5).

2. Лашкевич Д. Д. Навигация беспилотного летательного аппарата с помощью видеосистемы / Д. Д. Лашкевич, В. В. Мельченко // Исследования и разработки в области машиностроения, энергетики и управления : сборник статей по материалам XXIV Международной научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Гомель, 25–26 апреля 2024 г. Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, 2024.

3. Горшенева И. А. Предупреждение преступности с помощью технологий: беспилотные летательные аппараты против преступности / И. А. Горшенева, У. С. Быстрова // Правопорядок в России: проблемы совершенствования : сборник научных статей по материалам XVIII Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 18–22 марта 2024 г. Московский университет МВД РФ имени В. Я. Кикотя, 2024.

4. Горяинов К. К., Овчинский В. С. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник (издание 5-е). М. : Норма: ИНФРА-М, 2021.

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА НЕБОГАТИКОВА,

адъюнкт

Академия управления МВД России

E-mail: swesda_1@mail.ru

Прекращение гражданства Российской Федерации как иная мера уголовно-правового характера: теоретико-правовое обоснование

Аннотация

Статья посвящена теоретико-правовому анализу возможности отнесения прекращения гражданства Российской Федерации к иным мерам уголовно-правового характера. На основе анализа признаков иных мер уголовно-правового характера, сформулированных в доктрине уголовного права, автор приходит к выводу, что прекращение гражданства, сохраняя конституционно-правовую природу, может быть эффективно включен в уголовно-правовую систему для усиления защиты государственного суверенитета при условии законодательного закрепления судебной процедуры ее назначения.

***Ключевые слова и словосочетания:** прекращение гражданства; иные меры уголовно-правового характера; уголовная ответственность; национальная безопасность; конституционно-правовая ответственность; лишение гражданства; уголовное право; государственный суверенитет.*

Историческое развитие российского уголовного права демонстрирует, что со временем меняются не только представления о том, что считать преступлением, но и сами подходы к правовому воздействию. Помимо расширения перечня наказаний, формируются иные меры уголовно-правового характера, которые, не будучи наказанием, тем не менее выступают правовым последствием совершения преступления [5, 283].

Формулируя «Принцип законности» (ст. 3 УК РФ), российский законодатель использовал конкретный термин — «иные уголовно-правовые последствия». Несмотря на иное значение, этот термин используется в одном контексте с наказанием. Это дает правоведам основания полагать, что «иные меры уголовно-правового характера» применяются именно к конкретным виновным в совершении преступления лицам [8, 3].

Поскольку понятие «иные меры уголовно-правового характера» не закреплено законодательно, его содержание и правовая природа остаются предметом научных дискуссий [7, 4]. В данной статье мы не ставим своей задачей освещение различных мнений ученых по факту определения

правовой природы иных мер уголовно-правового характера и в качестве методологической основы мы принимаем трактовку, разработанную Н.Э. Мартыненко и Э.В. Мартыненко в их монографии «Иные меры уголовно-правового характера».

«Иные меры уголовно-правового характера – это определенная часть конкретных уголовно-правовых мер, которые выступают непосредственно формой качественной реализации справедливой, законной и неотвратимой уголовной ответственности виновных лиц, преступивших уголовный закон; и которые являются специальными принудительными мерами; и которые назначаются только от имени суда и только по своему усмотрению; и применяемые к лицам, совершившим преступные деяния; которые не содержатся в санкциях статей УК РФ; по своей сути и содержанию которые связаны с определенными в соответствии с законодательством правоограничениями, но не имеющие непосредственно карательного свойства; и которые направлены на полное и качественное восстановление нарушенных преступным деянием общественных отношений, а также направленных на предупреждение и недопущение совершения виновными лицами новых преступных деяний» [8, 15].

В современной правовой доктрине распространена позиция, признающая за мерами государственного принуждения возможность обладания двойственным (или множественным) правовым статусом, сочетающим, к примеру, черты административного и уголовного права [2, с. 234]. Его трансформация должна соответствовать последствиям практического применения каждой меры, а также её уголовно-правовой или уголовно-процессуальной природе, которая определяется целью применения и конкретными обстоятельствами [9, с. 84].

Эффективность применения этих мер в деле предупреждения преступности зависит от двух ключевых факторов: характера деяний, за которые они назначаются, и тяжести совершаемых преступлений. Учитывая высокую степень общественной опасности многих современных посягательств, в частности их направленность на охраняемые законом объекты, существующей системы наказаний, предусмотренной ст. 44 УК РФ, зачастую оказывается недостаточно, что требует разработки иных правовых подходов [1, с. 159].

Нормативной основой для отнесения прекращения гражданства Российской Федерации к иным мерам уголовно-правового характера служит прямая законодательная связь между утратой гражданского статуса и совершением общественно опасного деяния.

Так, п. 2 ч. 1 ст. 22 Федерального закона от 28 апреля 2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» устанавливает прекращение гражданства Российской Федерации при выявлении факта сообщения ложных сведений при его получении, что включает в себя совершение преступления, включая приготовление и покушение [11]. Более того, ст. 24

ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» конкретизирует перечень из около 80 составов преступлений, влекущих эту меру, охватывая особо опасные деяния против основ конституционного строя и безопасности государства: терроризм (ст. 205 – 205.5 УК РФ), госизмену (ст. 275), экстремизм (ст. 282.1 – 282.3), наркопреступления в крупном размере (ч. 2 – 5 ст. 228.1).

Эта нормативная корреляция «преступление и утрата статуса» формирует ключевой материальный признак, сближающий данную меру с классическими ИМУПХ, такими как конфискация имущества (ст. 104.1 УК РФ), где основанием также выступает совершение конкретного преступления.

Главная отличительная черта ИМУПХ состоит в следующем: данные меры не представляют собой возмездие за преступление и не направлены на причинение страданий виновному лицу. Их фундаментальная цель, четко обозначенная российским законодателем, — это:

1. Предотвращение преступных деяний;
2. Справедливое и законное восстановление общественных отношений, нарушенных преступлением.

Н.Э. Мартыненко и Э.В. Мартыненко аргументируют, что постоянное использование термина «иные меры уголовно-правового характера» в связке с понятием наказания указывает на их потенциальную применимость к виновным лицам — аналогично самому наказанию. Таким образом, на практике данные меры могут выступать заменой наказанию либо его дополнением [1, с. 160].

Выделенные ими ключевые признаки ИМУПХ базируются на системном анализе Уголовного кодекса Российской Федерации и правоприменительной практики и заключаются в следующем: 1) специальные принудительные меры, назначаемые исключительно судом на основе уголовной ответственности за преступное деяние; 2) не входят в санкции статей УК РФ; 3) сочетающие правоограничения без карательной сущности; 4) направленные на восстановление нарушенных общественных отношений и предупреждение новых преступлений.

Рассмотрим соответствие прекращения гражданства Российской Федерации каждому из указанных признаков.

1) Прекращение гражданства Российской Федерации за совершение тяжких преступлений представляет собой специальное принудительное воздействие, назначаемое за преступные деяния (терроризм, госизмена, экстремизм), что непосредственно связывает её с реализацией уголовной ответственности. Однако действующая процедура, при которой решение принимается МВД России или Президентом Российской Федерации (ст. 22 ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»), не соответствует ключевому требованию назначения исключительно судом. Для устранения этого противоречия требуется законодательная коррекция: включение института

в Раздел VI УК РФ и установление судебного порядка рассмотрения в рамках уголовного процесса, например, через ходатайство прокурора после вынесения обвинительного приговора с обязательной оценкой соразмерности и риска безгражданства.

2) Прекращение гражданства полностью удовлетворяет критерию отсутствия в санкциях статей УК РФ. Оно не упоминается в ст. 44 УК РФ (перечень наказаний) и применяется дополнительно к основному наказанию на основании самостоятельной нормы.

3) Третий признак – сочетание правоограничений без карательной сущности – также находит полное подтверждение. Мера влечет серьезные ограничения: запрет на въезд в Российскую Федерацию, утрату избирательных прав, лишение социальных гарантий. Но в отличие от наказаний, эти последствия носят инструментально-превентивный характер, а не карательный: например, выдворение организатора террористической ячейки физически исключает рецидив, а не преследует цель возмездия.

4) Четвертый признак (восстановительно-предупредительная направленность) реализуется через двуединую функцию. Восстановление нарушенных общественных отношений достигается нейтрализацией угроз национальной безопасности, что устраняет последствия подрыва конституционного строя. Предупредительный эффект проявляется в индивидуальном аспекте (изоляция источника опасности) и общем (сдерживающее воздействие на натурализованных граждан России, планирующих преступления).

Таким образом, институт соответствует трем из четырех признаков иных мер уголовно-правового характера, а расхождение по первому признаку (судебный порядок) носит процедурный характер и устраним.

Прекращение гражданства выступает институтом конституционно-правовой ответственности, а конституционно-правовая санкция является «*продолжением*» уголовного наказания [6]. Расширив в новом Законе о гражданстве перечень преступлений (до 64 составов) и отдельно перечислив действия, посягающие на национальную безопасность, за совершение которых лицо может быть лишено гражданства, законодатель определил главные цели и задачи уголовной политики, направленные на сохранение основ конституционного строя и общественной безопасности. Отношение государственной власти к уголовно наказуемым нарушениям конкретных норм новыми гражданами Российской Федерации свидетельствует о том, что такие лица представляют явную угрозу для правопорядка, что, в свою очередь, должно иметь обоснованные и справедливые последствия [3].

Либерализация федерального законодательства, выразившаяся в экспансии оснований для принудительного прекращения гражданства Российской Федерации посредством расширения перечня уголовно

наказуемых деяний, инициировала в научном сообществе дискурс относительно дальнейшей траектории развития данной правовой категории. В рамках данного дискурса поднимается вопрос о необходимости трансформации подходов к модернизации законодательства и формирования целостной уголовно-правовой политики в сфере прекращения гражданства [6].

Прекращение гражданства как мера, предназначенная для защиты национальной безопасности, несомненно, является способом концептуализации государственной власти, при котором лишение отдельных лиц их гражданского статуса фактически представляет собой дополнительное наказание, не предусмотренное уголовным законом, но вместе с тем состоящее в прямой взаимосвязи с совершаемыми посягательствами на общественную и государственную безопасность [3].

На взгляд автора Пронякиной С.Ю., лишение гражданства можно рассматривать как способ защиты государственного суверенитета, который реализуется в виде ответственности лица за совершение противоправных действий против государственной и общественной безопасности. При этом автор статьи указывает, что важность законодательного закрепления правовых оснований и пределов применения вышеуказанного способа прекращения гражданства связана с возникновением проблем злоупотребления данным правом со стороны представителей власти, а как следствие, с увеличением числа апатридов [13, с. 59]. По мнению автора данной статьи аргументы законодательного закрепления прекращения гражданства заключаются в следующем:

1) согласно статье 3 УК РФ преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом;

2) согласно статье 43 УК РФ наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений.

Конституционно-правовая мера, такая как прекращение гражданства, содержит инструменты воздействия на виновного и, в большей степени, средства контроля. Данный потенциал может быть успешно заимствован уголовным законодательством для предупреждения различных видов преступных посягательств [1, с. 160].

Эти ограничительные меры зачастую демонстрируют большую эффективность по сравнению с отдельными видами наказаний, предусмотренных ст. 44 УК РФ. В ситуациях, когда традиционное наказание не достигает необходимого уровня репрессивности для обеспечения устрашения или физической нейтрализации правонарушителя, на первый план закономерно выходят меры контроля и ограничения [1, 159].

Таким образом, прекращение гражданства, сохраняя свою конституционно-правовую природу, могут быть интегрированы в систему уголовно-правовых средств. Ключевой вопрос заключается не столько в технической интеграции, сколько в разработке корректного механизма их межотраслевого применения.

В системе уголовно-правовой охраны, помимо универсальности применяемых средств, критически важен их правовой статус и конкретные критерии его определения. Например, применение меры, обладающей уголовно-правовым содержанием (такой как пожизненный запрет на восстановление гражданства Российской Федерации и возвращение на её территорию), должно быть абсолютно исключительным [1, с. 161]. Подобная санкция предназначена для лиц, совершивших преступления строго определённой законодателем категории, и заключается в полной нейтрализации способности виновного оказывать какое-либо влияние на общество внутри России, используя для этого все доступные организационные и технические ресурсы.

Применение исследуемых средств должно происходить только в случаях совершения преступлений, указанных в ФЗ о гражданстве. Сама репрессия при этом тоже необходима, а прекращение гражданства способны выступить в качестве иной меры уголовно-правового характера. Однако это не исключает так называемого двойного использования данного средства государственного принуждения как в конституционном законодательстве, так и в уголовном: в одном случае – в качестве наказания за определенные категории правонарушений (прекращение гражданства), а в другом — в качестве иного воздействия, дополняющего наказание.

Прекращение гражданства в настоящее время в рамках конституционно-правового характера не создает оснований для депортации иностранного гражданина, а следовательно, не решает цели уголовного наказания, как предупреждения рецидива преступлений. Согласно статье 2 Федерального закона от 25 июля 2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» «депортация - принудительная высылка иностранного гражданина из Российской Федерации в случае утраты или прекращения законных оснований для его дальнейшего пребывания (проживания) в Российской Федерации» [12].

Таким образом, в настоящее время депортировать иностранного гражданина возможно, только если отсутствуют легальные основания для пребывания (проживания) в России. Закрепление возможности прекращения гражданства по решению суда потребует расширения перечня оснований для депортации иностранных граждан, лишенных гражданства Российской Федерации [14, с. 59].

Следовательно, в целях реализации принципа законности, предлагается включить прекращение гражданства в УК РФ в качестве иной меры уголовно-правового характера, учитывая, что прекращение

гражданства обладает всеми признаками иных мер уголовно-правового характера.

Анализ российского подхода к прекращению гражданства как мере конституционно-правовой ответственности, тесно связанной с уголовной политикой государства, закономерно обращает к исследованию международного опыта в данной сфере. Российская практика расширения оснований для принудительного прекращения гражданства, как и ее дискурс о возможной интеграции данной меры в уголовное законодательство, не является уникальной. Анализ законодательства стран СНГ показывает, что возможность лишения гражданства за действия, противоречащие национальным интересам, закреплена в Беларуси, Азербайджане, Казахстане и Узбекистане. Особенность Казахстана заключается в том, что данная мера регламентирована не только иммиграционным, но и уголовным законодательством, где лишение гражданства является видом наказания за терроризм и иные преступления, наносящие тяжкий вред жизненно важным интересам страны¹.

Выводы: Проведенный анализ свидетельствует, что прекращение гражданства Российской Федерации за совершение тяжких и особо тяжких преступлений лицами, приобретшими данный статус в процессе натурализации, обладает значительным сходством с иными мерами уголовно-правового характера (ИМУПХ) по своей сущности и целевому назначению. Данная мера соответствует ключевым материальным признакам ИМУПХ: она применяется за совершение конкретного преступления, не входит в санкции статей УК РФ, сочетает правоограничения без карательной сущности и направлена на восстановление нарушенных общественных отношений и предупреждение новых преступлений.

Ключевым отличием и препятствием для ее безусловного отнесения к системе ИМУПХ в ее действующем виде является внесудебный порядок принятия решения (МВД, Президент РФ). Для полной легитимации прекращения гражданства в качестве полноценной ИМУПХ необходима его интеграция в систему уголовного права. Это требует:

1. Включения в Раздел VI УК РФ с четким определением оснований применения, процедуры и гарантий.
2. Установления обязательного судебного порядка рассмотрения вопроса о прекращении гражданства в рамках уголовного процесса с обязательной оценкой соразмерности и недопущения безгражданства.

Такое законодательное изменение согласует прекращение гражданства Российской Федерации с уголовно-правовой доктриной, усилит защиту государственного суверенитета и обеспечит необходимый баланс между интересами общества и правами личности в соответствии с международно-правовыми стандартами.

¹ Разд. 3 Уголовного кодекса Республики Казахстан (введен Законом РК от 11.07.2017 № 91-VI). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 10.07.2025).

Список литературы:

1. *Бавсун М. В.* Выдворение, депортация и режим высылки как иные меры уголовно-правового характера // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31. № 2(97).
2. *Булатов Б. Б.* Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2003. 320 с.
3. *Долгиев М. М., Долгиева, М. М.* Прекращение гражданства Российской Федерации вследствие совершения преступлений или действий, создающих угрозу национальной безопасности: сравнительно-правовой аспект // Lex Russica. 2024. № 3 (208).
4. *Звечаровский И.* Понятие мер уголовно-правового характера // Законность. 2007. № 1 (867).
5. *Келина С. Г.* «Иные меры уголовно-правового характера» как институт уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XX веке: сборник статей по материалам 4-й Международной конференции (25-26 ноября 2007 г.). М., 2007.
6. *Коновалов Д. Д.* Прекращение гражданства как мера конституционно-правовой ответственности // Вестник Московского университета. 2024. № 3.
7. *Лопашенко Н. А.* Основы уголовно-правового воздействия. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 480 с.
8. *Мартыненко Н. Э.* Иные меры уголовно-правового характера / Н. Э. Мартыненко, Э. В. Мартыненко. М. : Проспект, 2022. 152 с.
9. *Муравьев К. В.* Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация : монография. Омск, 2017.
10. *Наумов А. В., Флетчер Дж.* Основные концепции современного уголовного права. М., 1998.
11. О гражданстве Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 18. Ст. 3125.
12. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032.
13. *Пунигов А. С.* Иные меры уголовно-правового характера (понятие, виды, общая характеристика). Владимир, 2007. 188 с.
14. *Пронякина С. Ю.* Лишение гражданства как особое основание прекращения правовой связи с государством // Юридические исследования. 2021. № 10.

ВИКТОРИЯ САЙДУЛЛОЕВНА РЕБРОВА,

адъюнкт

Академия управления МВД России

E-mail: vivivierma@yandex.ru

**Эволюция упрощенных процедур досудебного производства:
от протокольной формы к дознанию в сокращенной форме**

Аннотация

В статье проводится сравнительно-правовой анализ двух моделей ускоренного досудебного производства: протокольной формы досудебной подготовки материалов по УПК РСФСР и современной формы сокращенного дознания по УПК РФ. Исследуются процессуальные условия, особенности доказывания и порядок реализации данных институтов, направленных на оптимизацию производства по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, совершенных в условиях очевидности. На основе проведенного анализа обосновывается необходимость формирования дифференцированной системы упрощенных производств в современном уголовном процессе.

Ключевые слова и словосочетания: дознание в сокращенной форме; протокольная форма досудебной подготовки материалов; дифференциация уголовно-процессуальной формы; сроки расследования.

На протяжении более десяти лет в системе российского уголовного судопроизводства функционирует институт дознания в сокращенной форме, введенный Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. Несмотря на продолжительный период действия, его анализ сохраняет свою научную и практическую актуальность. Это обусловлено непрекращающимся в доктрине уголовно-процессуального права поиском оптимальной модели ускоренного производства по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, совершенных в условиях очевидности и не представляющих значительных сложностей в расследовании.

В современной юридической литературе нередко проводится тезис о значительном сходстве дознания в сокращенной форме с протокольной формой досудебной подготовки материалов, регламентировавшей главой 34 УПК РСФСР. В этой связи для всестороннего понимания процессуальной природы современного упрощенного производства представляется методологически верным провести сравнительно-правовой анализ этих двух институтов.

Протокольная форма досудебной подготовки материалов применялась по ограниченному кругу составов преступлений, исчерпывающе перечисленных в ст. 414 УПК РСФСР. Как обосновывалось в советской правовой доктрине, включение конкретных деяний в данный перечень детерминировалось их особой процессуальной характеристикой, а именно относительной простотой установления фактических обстоятельств, что исключало необходимость производства полноформатного предварительного расследования. Как подчеркивал В.И. Басков, при очевидном характере преступления доказательственный процесс не требует сложной процедуры доказывания и производства следственных действий, что создает объективные предпосылки для применения протокольной формы проверки [1].

Процедура протокольной подготовки была ориентирована на фиксацию обстоятельств преступления и данных о личности правонарушителя посредством получения объяснений, истребования необходимых документов (характеристик, справок о судимости и т.п.). Важной процессуальной особенностью являлось то, что уголовное дело на этом этапе не возбуждалось, а производство следственных действий (за исключением осмотра места происшествия) не допускалось. К подозреваемому не применялись меры процессуального принуждения, за исключением отобрания обязательства о явке по вызовам и сообщении о смене места жительства.

Завершающим этапом была подготовка протокола об обстоятельствах преступления, который после утверждения начальником органа дознания служил основанием для возбуждения уголовного дела, формулирования обвинения и направления материалов прокурору. Прокурор, в свою очередь, обладал дискреционными полномочиями и мог принять одно из трех ключевых решений: о направлении дела в суд; о возвращении его для производства дознания или предварительного следствия, тем самым иницируя переход от упрощенной к общей форме расследования; или о прекращении уголовного дела.

При поверхностном рассмотрении протокольная форма досудебной подготовки материалов и дознание в сокращенной форме демонстрируют ряд сходных черт, таких как сбор информации путем получения объяснений, сокращенные сроки производства, а также наличие схожего перечня обстоятельств, исключающих применение упрощенной процедуры (например, несовершеннолетие подозреваемого или его неспособность осуществлять право на защиту в силу физических или психических недостатков) [2]. Однако при системном анализе становится очевидным, что данные институты обладают фундаментальными различиями в своей процессуальной природе и порядке производства.

Так, дознание в сокращенной форме сможет применяться только при наличии одновременно следующих условий:

1. Уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица по признакам преступления, подследственного органам дознания.

2. Подозреваемый в полном объеме признает свою вину, характер и размер причиненного вреда и не оспаривает правовую оценку содеянного, изложенную в постановлении о возбуждении уголовного дела.

3. Подозреваемый, после консультации с защитником заявил ходатайство о применении сокращенной процедуры.

Законодатель устанавливает исчерпывающий перечень ограничений для производства в сокращенной форме. Она недопустима в отношении несовершеннолетних; лиц, пользующихся иммунитетом в рамках особого порядка уголовного судопроизводства; лиц, подозреваемых в совершении нескольких преступлений, если хотя бы одно из них не отнесено к подследственности дознания; лиц, не владеющих языком судопроизводства, а также в случаях, требующих применения принудительных мер медицинского характера. Важным элементом состязательности является право «вето» со стороны потерпевшего, чье возражение против упрощенного порядка исключает его применение.

Процессуальным актом, запускающим данную форму расследования, служит мотивированное постановление дознавателя об удовлетворении ходатайства подозреваемого. При этом диспозитивность и состязательность процедуры подчеркиваются правом любой из сторон (подозреваемого/обвиняемого, потерпевшего или его представителя) в любой момент до удаления суда в совещательную комнату заявить ходатайство о прекращении дознания в сокращенной форме.

Проведенный сравнительный анализ позволяет выявить фундаментальные различия в процессуальной конструкции протокольной формы досудебной подготовки материалов и современного дознания в сокращенной форме, которые свидетельствуют о различной правовой природе этих институтов.

Во-первых, кардинально различаются основания для применения упрощенного порядка. Протокольная форма не ставила свое применение в зависимость от признания вины правонарушителем, а также осуществлялась до формального возбуждения уголовного дела, что придавало ей характер доследственной проверки. В отличие от этого, дознание в сокращенной форме инициируется после возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица и носит ярко выраженный диспозитивный характер, будучи обусловлено исключительно ходатайством подозреваемого, полностью признающего свою вину и правовую оценку содеянного.

Во-вторых, наиболее существенное различие заключается в методологии доказывания. Современный законодатель в ч. 1 ст. 226.5 УПК РФ сознательно ограничивает предмет доказывания при сокращенном дознании установлением события преступления, характера и

размера вреда и виновности лица. Данный подход, по сути, представляет собой целенаправленное редуцирование системы обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ), и является главным инструментом процессуальной экономии. Напротив, протокольная форма, регламентированная УПК РСФСР, не предполагала подобного упрощения и предписывала устанавливать все обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу (ст. 68 УПК РСФСР), в полном объеме, что, безусловно, обеспечивало более всестороннее исследование обстоятельств дела, хотя и в рамках иной системы уголовно-процессуального доказывания.

В-третьих, различаются процессуальные режимы начала производства и сроки производства. Переход на сокращенное дознание начинается с ходатайства защиты, а его срок (15 суток, с продлением до 20 суток) отсчитывается с момента вынесения соответствующего постановления. В протокольной же форме решение о форме производства принималось единолично начальником органа дознания, а 10-суточный срок исчислялся с момента поступления сообщения о преступлении. Таким образом, несмотря на сужение предмета доказывания, срок современного сокращенного дознания оказался продолжительнее.

В заключение можно констатировать, что, несмотря на внешнее сходство, направленное на ускорение производства, протокольная форма и дознание в сокращенной форме основаны на различных принципах. Протокольная форма была упрощенной моделью установления обстоятельств дела без изменения его полноты, в то время как сокращенное дознание — это упрощенная модель окончания расследования за счет сужения предмета доказывания и акцента на диспозитивности. Это различие определяет их различное место и значение в системе уголовного судопроизводства.

Таким образом, при всей внешней схожести процессуальных конструкций, теоретическая модель протокольной формы демонстрирует существенные отличия в процессуальном режиме по сравнению с производством дознания в сокращенной форме. Это не позволяет в полной мере согласиться с позицией Д.А. Григорьева, утверждающего почти полную аналогию между дознанием в сокращенной форме и протокольной формой досудебной подготовки материалов, которая функционировала в рамках УПК РСФСР [3].

В рамках современной процессуальной доктрины наблюдается активный научный поиск, направленный на конструирование теоретических основ для создания качественно новых моделей упрощенного досудебного производства [4,5]. В качестве историко-правового прототипа для таких моделей закономерно рассматривается институт протокольной формы досудебной подготовки материалов, который, доказав свою оперативность и эффективность в советский

период, представляет значительный интерес для адаптации к современным правовым реалиям – как в своем исходном, так и в модифицированном виде.

Научный анализ позволяет утверждать, что действующее уголовно-процессуальное законодательство остро нуждается в реинтеграции аналога протокольного производства. Однако наиболее перспективным представляется формирование дуалистической, двухуровневой системы упрощенных процедур. Данная модель предполагает:

1. Введение в уголовно-процессуальное законодательство протокольной формы на стадии возбуждения уголовного дела. Это позволило бы оперативно завершать производство по делам о малозначительных и очевидных преступлениях без перехода к полноформатному предварительному расследованию.

2. Сохранение и совершенствование института упрощенного производства в стадии предварительного расследования по аналогии с действующим дознанием в сокращенной форме, но при условии проведения значительных законодательных преобразований. Целью таких преобразований должно стать повышение эффективности процедуры и усиление гарантий прав участников процесса.

Необходимость создания подобной дифференцированной системы обусловлена объективной потребностью реагирования на разнородные «процессуальные ситуации». Завершение производства в протокольной форме на начальной стадии возможно далеко не всегда – например, в случаях, когда для установления всех обстоятельств дела требуется производство следственных действий, невозможных до возбуждения уголовного дела.

Таким образом, формирование гибкой, двухуровневой системы упрощенных производств, интегрированной в различные стадии досудебного процесса, представляется необходимым условием для построения оптимальной модели уголовного судопроизводства, отвечающей критериям эффективности, процессуальной экономии и справедливого баланса интересов личности и государства.

Список литературы:

1. Басков В. И. Протокольная форма уголовного судопроизводства // Советское государство и право. 1985. № 10.
2. Герасимова В. А. Дознание в сокращенной форме: новелла российского законодателя или возвращение к старым истокам? // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 5.
3. Григорьев Д. А. От протокольной формы досудебного производства до сокращенного дознания // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 2.

4. *Гаврилов Б. Я.* Протокольная форма досудебного производства – генезис, современное состояние, перспективы развития // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5.

5. *Гирько С. И., Костылева Г. В., Осипов Д. В., Цоколова О. И.* Проект федерального закона о протокольной форме расследования преступлений // Научный портал МВД России. 2014. № 3.

АНАСТАСИЯ ЕВГЕНЬЕВНА СОБОЛЕВА,

адъюнкт

Академия управления МВД России

E-mail: Soboleva.nastya2009@yandex.ru

Целесообразность в уголовном судопроизводстве: эволюция взглядов

Аннотация

В статье рассматривается понятие целесообразности в уголовном судопроизводстве в исторической и современной перспективе. Показывается, как дореволюционные юристы заложили основы осмысления этой категории, как советская доктрина по-разному трактовала её соотношение с законностью и какие акценты преобладают сегодня в отечественной и зарубежной литературе. На основе анализа судебной практики иллюстрируется, как идеи целесообразности находят выражение в решениях судов и следственных органов. Делается вывод о том, что целесообразность не является альтернативой законности, а служит её необходимым продолжением, обеспечивающим гибкость, гуманность и эффективность уголовного процесса.

Ключевые слова и словосочетания: *уголовный процесс; целесообразность; усмотрение; законность; оппортунистическое преследование; диспозитивность; досудебное соглашение; меры пресечения; прекращение дела; судебный контроль.*

Проблема целесообразности в уголовном судопроизводстве на протяжении более века остаётся предметом научных дискуссий. Вопрос о том, где проходит граница между строгим следованием букве закона и необходимостью учитывать конкретные обстоятельства дела, неизменно вызывает интерес у юристов разных поколений. История российской процессуальной мысли позволяет проследить постепенное развитие подходов — от осторожных рассуждений дореволюционных учёных до современных концепций, в которых целесообразность рассматривается как органичная часть законности.

От дореволюционных исканий к формированию концепции

П.И. Люблинский одним из первых обратил внимание на ограниченность законодательного регулирования. Он утверждал, что закон лишь задаёт общую рамку, а конкретное решение всегда требует индивидуального подхода. При этом Люблинский предостерегал от произвола: целесообразность допустима только в пределах закона и должна сопровождаться обоснованием [1]. Эта идея во многом созвучна

взглядам С.В. Познышева. Однако, если Люблинский акцентировал внимание на необходимости здравого смысла и профессионального опыта, то Познышев обращал взор к зарубежным правовым системам, где прокурору предоставлялось право отказа от преследования по соображениям нецелесообразности. В отличие от Люблинского, он прямо говорил о гуманистическом потенциале целесообразности, способной смягчать излишне формальный характер уголовного процесса [2]. Развивая эту линию, В.К. Случевский ставил во главу угла последствия принимаемых решений. Если Люблинский говорил о законности как рамке, а Познышев — о возможности гибкого усмотрения, то Случевский настаивал: ценность решения определяется тем, как оно отражается на судьбе личности и общества. В этом смысле он предвосхищал современную дискуссию о практической результативности правосудия [3]. Д.Г. Тальберг, в свою очередь, подчеркивал, что усмотрение правоприменителя особенно значимо там, где закон предоставляет несколько вариантов. Его позиция оказалась промежуточной между осторожностью Люблинского и практической направленностью Случевского: он признавал гибкость необходимой, но строго ограниченной пределами закона [4]. Наиболее ёмко дореволюционную дискуссию завершил И.Я. Фойницкий. Он, как и Люблинский, предупреждал о рисках механического применения норм, но одновременно соглашался со Случевским в том, что именно результат и справедливость должны быть критериями оценки решений. Его знаменитая мысль о том, что «там, где закон предоставляет выбор, должен действовать разум, а не буква», объединила ключевые интуиции дореволюционных исследователей [5].

Таким образом, дореволюционная школа создала теоретическую основу: целесообразность — это не произвольная воля правоприменителя, а форма разумного выбора внутри законности, ориентированного на справедливый результат.

Советская наука: колебания между политикой и правом

С установлением советской власти акценты сместились. А.Я. Вышинский рассматривал законность прежде всего как инструмент государственной политики. Если Фойницкий говорил о разуме и справедливости, то Вышинский подчинял правоприменение задачам социалистического строительства. В его концепции целесообразность фактически отождествлялась с политической выгодой, что открывало простор для произвольной интерпретации закона [6]. Совсем иным было понимание у М.С. Строговича. Полемизируя с Вышинским, он подчеркивал, что целесообразность не должна подменять законность, а является её частью. Для него форма процесса — это средство достижения целей правосудия, а не самоцель. В отличие от политизированной концепции Вышинского, у Строговича целесообразность превращалась во внутренний элемент законности, придающий ей гибкость [7]. Эту позицию

развивал М.А. Чельцов. Если Строгович видел в целесообразности инструмент сохранения справедливости в рамках закона, то Чельцов более детально обосновал роль процессуального усмотрения. Он подчеркивал, что сухое применение норм способно подорвать доверие к правосудию, а значит, целесообразность необходима для поддержания его авторитета [8]. П.С. Элькинд обращала внимание на индивидуальный подход, она подчеркивала: не всякое законное действие будет одновременно и целесообразным, если оно не учитывает конкретных обстоятельств дела [9].

Таким образом, советская наука прошла путь от политической трактовки Вышинского к более взвешенным подходам Строговича, Чельцова, Элькинд. Их объединяло стремление встроить целесообразность в систему законности, превратить её в управляемый и проверяемый элемент процесса.

Современные подходы: институционализация гибкости

Современная отечественная доктрина продолжает искать баланс между законностью и целесообразностью. Так, А.С. Александров говорит об «институциональной целесообразности» — то есть о такой гибкости, которая встроена в сам механизм уголовного процесса. В отличие от Элькинд, акцентировавшей внимание на индивидуальном подходе, Александров рассматривает целесообразность как системное явление, опирающееся на функциональную автономию процессуальных органов [10]. М.В. Бавсун развивает эту мысль, предлагая концепт «правовой целесообразности». В отличие от Александрова, он делает упор на необходимость внешнего контроля: любое отклонение от буквального применения нормы должно быть мотивировано и проверяемо [11]. Л.В. Головкин же сопоставляет российскую практику с зарубежной, где давно действует принцип «общественного интереса». Он показывает, как институционализированные механизмы отказа от преследования помогают разгрузить систему и повысить её эффективность [12].

Практическое измерение

В современной российской практике идеи целесообразности проявляются во множестве институтов: прекращение дела по примирению сторон, выбор «мягкой» меры пресечения, досудебное соглашение о сотрудничестве, прекращение дел в отношении несовершеннолетних. Во всех этих случаях правоприменитель стоит перед выбором, и именно целесообразность позволяет найти решение, которое не только соответствует закону, но и отвечает интересам правосудия и общества.

В заключение хотелось отметить: история развития представлений о целесообразности в уголовном судопроизводстве напоминает о том, что закон не существует в отрыве от жизни. Сначала юристы начала XX века говорили о необходимости разумного выбора, советские теоретики искали баланс между политикой и правом, обсуждали баланс между формой и

содержанием, а современные исследователи ищут способы институционализировать гибкость и сделать её управляемой и подконтрольной.

Сегодня ясно: целесообразность — не враг законности, а её естественное продолжение. Она придаёт правосудию человеческое измерение, позволяет учитывать обстоятельства конкретного дела и интересы всех участников. Но её сила проявляется только тогда, когда она ограничена законом, мотивирована и подлежит контролю. В этом и заключается путь к справедливому и эффективному уголовному процессу.

Список литературы:

1. Люблинский П. И. Уголовный процесс. М., 1910.
2. Познышев С. В. Учебник уголовного судопроизводства. М., 1910.
3. Случевский В. К. Очерки уголовного процесса. СПб., 1904.
4. Тальберг Д. Г. Русское уголовное судопроизводство. Киев: тип. И. Н. Кушнерева и К°, 1889–1891.
5. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1912.
6. Вышинский А. Я. Курс уголовного процесса. М., 1927.
7. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968.
8. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М. : Юрид. изд., 1951.
9. Элькинс П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л.: Юрид. изд., 1963.
10. Александров А. С. Диспозитивность в уголовном процессе. Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1997.
11. Бавсун М. В. Целесообразность в уголовном праве : монография. Омск: Омская академия МВД России, 2004.
12. Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию как форма процессуальной дифференциации (современные тенденции развития) М., 2003.

АНАСТАСИЯ ВАЛЕРЬЕВНА ТИШИНА,

адъюнкт

Академия управления МВД России

E-mail: nastya.tishina.99@bk.ru

Обстоятельства, исключающие преступность деяния, как уголовно-правовые гарантии деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации

Аннотация

В данной статье рассматривается вопрос об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, как уголовно-правовых гарантиях деятельности сотрудников органов внутренних дел. Проанализированы взгляды научных работников советского уголовного права. Рассмотрены вопросы, обозначенные современными учеными в области уголовного права.

Ключевые слова и словосочетания: *обстоятельства, исключающие преступность деяния; уголовно-правовые гарантии; сотрудник полиции; органы внутренних дел.*

Выбор данной темы детерминирован обострением определения проблем обстоятельств, исключающих преступность деяния, сотрудников правоохранительной системы, в особенности это касается сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД). В заданном контексте требуется обращение к исследованию различных научных изысканий, в этой связи необходимо, проанализировать взгляды научных работников советского уголовного права, так как содержание и направление смысла их идей являются необходимыми и актуальными.

Обратим внимание, что не поддается сомнению направленность центральной функции ОВД на гарантию и обеспечение охраны личности, общества и государства от общественно опасных посягательств. Реализует данную функцию Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ).

Являясь ключевым звеном, по обеспечению данной функции, сотрудник ОВД зачастую переступает грань и черту безопасных действий, реализуя свои служебные обязанности. И здесь начинается анализ причин и следствий, гуманность и необходимость применения того или иного средства, оружия или физической силы. Несомненно, на практике существуют случаи незаконного применения или злоупотребления правом применения физической силы, специальных средств, тем более табельного

оружия. Однако, предоставление и возможность использования таких средств для защиты личности, общества и государства от общественно опасных посягательств, а также и самого себя должно подкрепляться регламентированной правовой нормой обстоятельств, исключающих преступность деяния, что даёт уголовно-правовую гарантию деятельности сотрудников органов внутренних дел.

На сегодняшний день распространена такая практика, что львиная доля сотрудников полиции предпочитает уклоняться от применения физической силы, специальных средств, тем более табельного оружия. Почему это происходит? От незащищенности сотрудника правоохранительного органа, из-за отсутствия уголовно-правовых гарантий представителя государственной власти. К уголовно-правовым гарантиям в Уголовном кодексе Российской Федерации можно отнести обстоятельства, исключающие преступность деяния. Данные уголовно-правовые нормы создают основания правомерности причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

Так, необходимая оборона является субъективным правом причинения вреда нападающему лицу, при защите от общественно опасного посягательства, однако существуют отдельные категории граждан, для которых вышеуказанное обстоятельство-служебная обязанность.

Советская теория уголовного права в данном вопросе представляется наиболее правильной. Н.Н. Паше-Озерский писал, что «закон не может предоставлять гражданам права входить в оценку распоряжений власти по существу. Единственное условие, которому должно удовлетворять обязательное к исполнению распоряжение власти, заключается в его формальной законности» [5]. Так, позиция Н.Н. Паше-Озерского находит своё подтверждение в судебной практике (Постановление Пленума Верховного суда СССР «О судебной практике по применению законодательства об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников от 3 июля 1963 г. № 7) и заключается в том, что ответственность за преступления, предусмотренные статьями 191.1, 191.2, 191.3 Уголовного кодекса РСФСР наступает при противодействии законной деятельности работников милиции и народных дружинников по охране общественного порядка. При этом следовало учитывать действовало ли должностное лицо в соответствии с установленным законом порядком.

Обратимся к анализу научной работы Н.Э. Мартыненко. Не вызывает сомнений следующее утверждение: «особое место в структуре ОВД занимает полиция, основным предназначением которой является защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан РФ, иностранных граждан, лиц без гражданства, противодействие преступности, охрана общественного порядка, собственности, обеспечения общественной

безопасности (ст.1 ФЗ «О полиции»). Но сотрудники полиции при выполнении своих служебных обязанностей, сами нередко становятся потерпевшим от преступлений и нуждаются в охране и защите» [4].

В свою очередь, профессор Н.Э. Мартыненко считает, что правовая и социальная обеспеченность являются средствами на пути к эффективной деятельности сотрудника полиции. Действительно, недостаточный уровень правового регулирования, отсутствие правовой согласованности положений нормативно-правовых актов с нормами УК РФ приводит к затруднению использования сотрудниками ОВД своих прав, в частности, в сфере охраны общественного порядка и обеспечении общественной безопасности.

Таким образом, хочется резюмировать, что забота о безопасности людей, сохранении порядка и стабильности становится первоочередной задачей, ведь именно через эффективную защиту государство формирует условия для развития и спокойной жизни каждого человека. Но, сотрудник ОВД нуждается также в гарантии обеспечения своих прав в частности при исполнении своего служебного долга, так проблема уголовно-правовых гарантий деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации остаётся значимой в настоящее время, и требующей комплексного подхода на пути к её решению.

Список литературы:

1. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.
2. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 14 // Рос. газ. 2023. 9 июня.
3. Баглай Ю. В. Уголовно-правовая охрана сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности (по данным Приволжского округа) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 254 с.
4. Мартыненко Н. Э. Сотрудники полиции как потерпевшие от преступлений и их охрана уголовно-правовыми средствами. Уголовно-правовые гарантии охраны потерпевшего сотрудника полиции // Право и государство: теория и практика. 2024. № 12 (240).
5. Паше-Озерский Н. Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость. М., 1962.

АННА МИХАЙЛОВНА ЧЕРНОВА,

адъюнкт

Академия управления МВД России

E-mail: annachernova557@gmail.com

**Предупреждение преступлений, предусмотренных статьями
264.1; 264.2; 264.3 УК РФ: особенности и современное состояние**

Аннотация

Предметом исследования в данной статье выступили проблемы криминализации отдельных сфер общественных отношений, а также выделены некоторые актуальные направления предупреждения преступности. Проанализирована статистическая информация, представленная в ежегодных сборниках Главного информационного центра МВД России (ГИАЦ МВД) за 2020-2024 гг.

Автором сделан вывод о том, что введение в действие статей 264.1, 264.2 и 264.3 УК РФ отражает позиции законодателя по усилению уголовно-правовых мер борьбы с преступными посягательствами в отношении безопасности движения и эксплуатации транспорта: установлена уголовная ответственность для лиц, неоднократно совершающих административные правонарушения, посягающие на безопасность движения и эксплуатацию транспорта. Именно с данным решением законодателя можно связывать современный этап признания административной преюдиции в качестве уголовно-правового средства предупреждения нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Ключевые слова и словосочетания: криминогенная обстановка; национальная безопасность; предупреждение; дорожно-транспортное преступление; профилактика.

Предупреждение преступности в Российской Федерации в настоящее время является комплексной задачей, поставленной перед правоохранительными органами тенденциями развития правового пространства, социально-экономических отношений, а также необходимостью защиты общества от противоправных посягательств. Основу предупреждения преступности в нашей стране составляют, прежде всего, ряд профилактических и воспитательных мер воздействия на ряд неблагоприятных факторов и последствий их реализации.

Рассмотрение современного состояния и проблем предупреждения преступности в России, как видится, следует увязать с динамикой

криминогенности отдельных видов преступных посягательств, которые оказывают непосредственное влияние на общий уровень криминогенной обстановки в стране, а также на стратегии предупреждения преступности.

Одной из негативных тенденций, являющихся лакмусом для определения высокого уровня проблем современного механизма предупреждения и профилактики преступности в нашей стране, является рост отдельных категорий преступлений. Так, например, очевидны для исследователя проблемы предупреждения преступлений в сфере безопасности дорожного движения, борьба с которыми представляет собой в настоящее время важную задачу государства, наряду с такими, как защита личности и всех форм собственности от противоправных посягательств (п.25 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2.07.2021 г. № 400) [6].

Анализ статистических данных ГИАЦ МВД России за 2020-2024 гг. [10-14], свидетельствует о том, что в 2023-2024 гг. увеличивается количество преступных нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ), а также количество преступно наказуемого управления транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость (ст. 264.1 УК РФ) (таблица 1).

Таблица 1

Динамика и удельный вес преступлений, предусмотренных ст. 264 и 264.1 УК РФ за 2020-2024 гг., в структуре преступности

Показатель	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Темп роста, %
Общее количество зарегистрированных преступлений в стране в т.ч.:	2044221	2004404	1966795	1947161	1911258	93,50
- нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ)	18629	18217	17595	17865	18261	98,02
удельный вес в структуре преступности, в %	0,91	0,91	0,89	0,92	0,96	104,84
- управления транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или	68438	66327	61208	54768	46569	68,05

имеющим судимость (ст. 264.1 УК РФ).						
удельный вес в структуре преступности, в %	3,35	3,31	3,11	2,81	2,44	72,78

Таким образом, рассматривая тенденцию уголовно наказуемых нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств и управления транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость, можно отметить увеличение в 2023-2024 гг. преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ, а также увеличение их удельного веса в структуре регистрируемой в России преступности.

Помимо этого, в таблице 2 представлена информация о количестве лиц, осужденных по ст. 264-264.3 УК РФ за период 2020-2024 гг. [10-14].

Таблица 2

Количество лиц, осужденных по ст. 264-264.3 УК РФ в Российской Федерации за период 2020-2024 гг.

Всего осуждено лиц	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Ст. 264 УК РФ	7698	8074	8370	8118	8915
Ст. 264.1 УК РФ	57731	56774	55602	48655	41112
Ст. 264.2 УК РФ	-	-	35	54	50
Ст. 264.3 УК РФ	-	-	-	871	1409

Таким образом, очевидно, что на рассматриваемый период времени произошло увеличение числа лиц, осужденных по ст. 264 УК РФ, а также по ст. 264.2 и 264.3 УК РФ.

Данные обстоятельства, как полагаем, свидетельствуют о повышении степени общественной опасности нарушений правил дорожного движения и эксплуатацией транспортных средств, усилении законодательства и мер ответственности за совершение преступлений и правонарушений, посягающих на безопасность движения и эксплуатацию транспорта, а также о неэффективности действующих мер наказания, т.к. в соответствии с доктриной уголовного права количество преступлений, динамика их роста и процент повторности указывают на это.

Признавая актуальность и значимость проблемы повышения качества предупредительного воздействия на сферу безопасность дорожного движения, следует согласиться с учеными, которые особое место в данном предупредительном механизме отводят уголовно-правовым средствам, оказывающим непосредственное влияние на количество нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, которые и приводят в конечном счете к росту

аварийности и смертности в дорожно-транспортной сфере. Так, например, в исследовании Ю.И. Саяпиной выделены общие и специальные меры предупреждения нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. При этом, именно специальные меры направлены на исключение возможности повторного совершения таких правонарушений [15, с. 874-877].

В диссертационном исследовании А.Ю. Кравцова при рассмотрении автором особенностей общей и специальной криминологической профилактики дорожно-транспортной преступности предложены ряд мер совершенствования предупредительной деятельности, в том числе реализуемых в уголовно-правовой сфере [8, с. 11].

Для современного этапа правового регулирования уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств актуальным явилось введение рядом законодательных актов [3-5] статей 264.1, 264.2 и 264.3 УК РФ, что свидетельствует о совершенствовании законодательства в сфере преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств и отражает решение законодателя, вектором которого выступает усиление уголовно-правовых мер борьбы с преступными посягательствами в отношении безопасности движения и эксплуатации транспорта, об установлении уголовной ответственности для лиц, неоднократно совершающих административные правонарушения. Следовательно, можно утверждать, что именно с данным решением законодателя можно связывать современный этап признания административной преюдиции в качестве уголовно-правового средства предупреждения нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

В качестве обоснования такого утверждения можно привести доводы М.В. Баранчиковой, которая указывает, что «статья 264.1 УК РФ предусматривает первичную повторность нарушения, т.к. уголовно наказуемым считается второй по счету факт указанного в статье нарушения» [7, с. 55].

Итак, введение в действие статей 264.1, 264.2 и 264.3 УК РФ отражает позиции законодателя по усилению уголовно-правовых мер борьбы с преступными посягательствами в отношении безопасности движения и эксплуатации транспорта: установлена уголовная ответственность для лиц, неоднократно совершающих административные правонарушения, посягающие на безопасность движения и эксплуатацию транспорта. Именно с данным решением законодателя можно связывать современный этап признания административной преюдиции в качестве уголовно-правового средства предупреждения нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

В качестве перспектив совершенствования уголовно-правовых средств борьбы с дорожно-транспортной преступностью и в сфере предупреждения нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, как полагаем, могут быть определены: во-первых, повышение профилактического потенциала уголовно-правовых средств борьбы с дорожно-транспортной преступностью; во-вторых, повышение дорожно-транспортной дисциплины и снижение аварийности путем усиления ответственности водителей, демонстрирующих склонность к систематическому нарушению правил дорожного движения. Только в данном случае, как полагаем, будет снижен темп роста числа «неоднократных» нарушителей правил дорожного движения, который зафиксирован по итогам последних лет правоохранительной практики, а также будут разработаны новые принципиально новых подходы к минимизации аварийности и смертности в результате нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (с учетом изм. от 4.10.2022 г.) // РГ. 1993. № 237.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 28.02.2025 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения : Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 1 (ч. I). Ст. 81.

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 458-ФЗ // СЗ РФ. 2022. № 1 (ч. I). Ст. 27.

5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 258-ФЗ // СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. II). Ст. 5225.

6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерациити от 2 июля 2021 г. № 400 URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 10.08.2025).

7. Баранчикова М. В. Административная наказанность как признак субъекта дорожно-транспортного преступления // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39).

8. *Кравцов А. Ю.* Криминологическая характеристика и предупреждение дорожно-транспортной преступности в условиях крупного города: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. [Место защиты: Акад. Генер. прокуратуры РФ]. М., 2014.

9. *Лопашенко Н. А.* Составы преступлений с административной преюдицией – «свои среди чужих»? // Российский следователь. 2022. № 5.

10. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2020 года. М. : ГИАЦ МВД России, 2021.

11. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2021 года. М. : ГИАЦ МВД России, 2022.

12. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2022 года. М. : ГИАЦ МВД России, 2023.

13. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 года. М. : ГИАЦ МВД России, 2024.

14. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года. М. : ГИАЦ МВД России, 2025.

15. *Саяпина Ю. И.* Предупреждение в административном праве: понятие и значение как инструмента воздействия на человека и общество // Аллея науки. 2018. № 5.

ЯНА АНДРЕЕВНА ЭЙСМОНТ,
адъюнкт
Сибирский юридический институт МВД России
E-mail: yana.eismont1608@gmail.com

**Значение дифференциации уголовной ответственности для
современной уголовно-правовой политики
Российской Федерации**

Аннотация

В статье исследуется значение дифференциации уголовной ответственности для современной уголовно-правовой политики Российской Федерации. Анализируется её роль как ключевого инструмента реализации стратегических целей государства в сфере противодействия преступности. Рассматриваются проблемы отсутствия законодательного закрепления дифференциации при её фактическом использовании в правотворческой и правоприменительной практике. Выявлены и систематизированы ключевые значения дифференциации для уголовно-правовой политики в условиях десистематизации уголовного закона. Доказывается необходимость законодательной институционализации дифференциации уголовной ответственности для обеспечения сбалансированности уголовно-правового регулирования.

***Ключевые слова и словосочетания:** уголовно-правовая политика; дифференциация уголовной ответственности; систематизация законодательства; гуманизация уголовного права; принцип справедливости.*

Уголовная политика вбирает в себя большой пласт государственной деятельности в сфере борьбы с преступностью, поэтому её определяют как «главное направление борьбы с преступностью в целом, которое базируется на таких дисциплинах, как уголовное право, уголовный процесс, криминология» [3, с.247]. Будучи стержневым элементом правовой системы, она задает стратегические ориентиры для законодателя, правоприменителя в сфере противодействия преступности. Эффективность такой борьбы напрямую зависит от того, насколько гибко и рационально государство использует имеющиеся в его распоряжении правовые инструменты. Ключевым из таких инструментов, обеспечивающим точность, справедливость и целесообразность уголовной репрессии, выступает дифференциация уголовной ответственности. Исследование её

значения в реализации уголовно-правовой политики является фундаментально важным для понимания тенденций развития всего уголовного права и выработки научно обоснованных путей развития.

В настоящее время в уголовном законодательстве нет закрепления дифференциации уголовной ответственности как категории. Её закрепление находило отражение лишь в нескольких стратегических документах. Так, разработанная представителями Общественной палаты Российской Федерации в 2013 году Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации содержала указание на то, что дифференциация уголовной ответственности при формировании санкций уголовно-правовых норм Особенной части является направлением современной уголовно-правовой политики¹. Однако, хотелось бы отметить, что в научной доктрине имеются предложения закрепления дифференциации уголовной ответственности в качестве принципа уголовной ответственности [5, с. 11]. Также в доктрине уголовного права существует подход, согласно которому дифференциация уголовной ответственности является принципом уголовно-правовой политики [4, с. 41]. Такой подход подчеркивает важное значение дифференциации уголовной ответственности как основополагающего начала в уголовно-правовой политике при конструировании норм, благодаря которому осуществляется механизм привлечения к уголовной ответственности.

На данный момент курс на дифференциацию уголовной ответственности прослеживается в современных законодательных инициативах. Так, например, в 2025 году Верховный Суд Российской Федерации внес в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проект федерального закона о внесении изменений в УК РФ, который в рамках реализации современной уголовной политики направлен на расширение средств дифференциации уголовной ответственности за наркопреступления. Предложения в части изменения законодательства являются практической реализацией дифференцированного подхода в области уголовного законодательства.

Несмотря на отсутствие законодательного закрепления, дифференциация уголовной ответственности напрямую является действующим и перспективным инструментом уголовно-правовой политики.

Современное состояние уголовно-правовой политики характеризуется внесением многочисленных изменений в законодательство, которые не всегда являются обоснованными и необходимыми. Происходит десистематизация уголовного закона, которая приводит к внутренней разбалансированности. Это подчеркивается

¹ Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации, разработанная общественной палатой Российской Федерации (2013 г.) // URL: <https://fondpp.org/news/krupnym-planom/koncepciya-ugolovno-pravovoj-politiki-rossijskoj-federacii/> (дата обращения 27.08.2025).

многими исследователями в области уголовного права. Так, М.В. Бавсун отмечает, что «уголовный кодекс в силу во многом бессистемно вносимых в него изменений и дополнений все больше начинает напоминать «лоскутное одеяло», а не цельный и систематизированный нормативный правовой акт» [1, с. 3]. Законодательство изменяется ввиду объективной необходимости адекватного реагирования на новые и трансформирующиеся угрозы, которые обусловлены прогрессом технологии, экономики и социальных отношений. Фактор изменчивости мира не оправдывает хаотичного нормотворчества, а напротив, подчеркивает потребность в научно обоснованной, системной оптимизации уголовного закона с помощью последовательной и концептуальной дифференциации уголовной ответственности.

Дифференциация уголовной ответственности относится к сфере правотворческой деятельности и заключается в «разделении мер уголовно-правового характера, применяемых за совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, на основании характера и степени общественной опасности преступления и личности виновного в целях достижения баланса между строгостью ответственности за тяжкие преступления и мягкостью за преступления, не представляющие большой общественной опасности» [6, с. 31]. Следовательно дифференцированный подход к уголовной ответственности, учитывая разную общественную опасность преступлений, позволяет через единые критерии градации ответственности, специальные правовые средства достигать системности законодательства. Любое изменение, вводящее новый квалифицирующий признак, особый состав или изменяющее санкции нормы, должно способствовать достижению общего баланса правового поля и борьбе с преступностью путем закрепления соразмерного и справедливого наказания.

Тем самым, одним из значений дифференциации уголовной ответственности для современной уголовно-правовой политики является способствование построению логичной и обоснованной системы уголовно-правовых норм, обеспечивающей упорядоченность правового поля.

Следующее значение заключается в сбалансированности гуманизации и репрессии. Одним из векторов уголовно-правовой политики является либерализация и гуманизация [2, с. 133]. Законодатель стремится максимально гуманизировать уголовный закон, что не всегда является обоснованным и может приводить к нивелированию различий между общественной опасностью деяний и, как следствие, к неэффективности противодействия наиболее серьезным преступлениям. В таком случае следует разноуровненно подходить к уголовной ответственности. Разрабатывать строгие меры уголовно-правового характера к тяжким и особо тяжким преступлениям, менее строгие меры к преступлениям небольшой и средней тяжести, концентрируя усилия с учетом принципа

экономии уголовно-правовой репрессии. Так, в полной мере будет реализован принцип справедливости.

Следует подчеркнуть стратегическое значение – дифференциация уголовной ответственности выступает стратегическим ориентиром для законодателя на пути развития уголовно-правовой политики. Она является ответом на новые вызовы, а также основой для реформ в области законодательной техники и оптимизации мер уголовно-правового воздействия. Общеизвестно, что незаконный оборот наркотических средств представляет серьезную опасность национальной безопасности. Согласно п. 9 Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 года № 773, к числу угроз в сфере оборота наркотиков относятся: расширение глобального ранка наркотиков, появления новых видов наркотиков и формирования рынков их сбыта, увеличения объемов незаконного производства, появление новых форм противоправной деятельности и усиление конспирации, масштабное использование сети «Интернет»¹. На масштабируемость наркоугроз и их деструктивное влияние обращается внимание также и в специальных исследованиях [7; 8].

Именно как ответ на новые угрозы, по итогам заседания Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека, состоявшегося 4 декабря 2023 года, Президент Российской Федерации Владимир Путин поручил подготовить новые меры по совершенствованию законодательства в сфере противодействия обороту наркотиков, направленных на повышение эффективности государственной антинаркотической политики².

Законодательная конструкция нормы, построенная с учетом градации уголовной ответственности на основе общественной опасности, позволяет более точно воздействовать на различные формы преступного поведения.

Таким образом, дифференциация уголовной ответственности представляет собой системообразующий элемент современной уголовной политики Российской Федерации, выступая ключевым инструментом реализации ее стратегических целей и тактических задач. Её законодательное закрепление в качестве принципа или, как минимум, центральной идеи концепции уголовно-правовой политики, стало бы важным шагом к стабилизации и систематизации уголовного закона.

¹ Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года : утв. Указом Президента РФ от 23.11.2020 №733 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.08.2025).

² Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/73277> (дата обращения: 27.08.2025).

Список литературы:

1. *Бавсун М. В.* Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: современное состояние и перспективы развития // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2016. № 6.
2. *Грудинин Н. С.* Содержание и основные направления уголовно-правовой политики российской федерации // *Вестник Московского государственного лингвистического университета.* 2023. № 2 (847).
3. *Коробеев А. И.* Уголовная политика современной России: состояние и перспективы // *Вестник Нижегородской академии МВД России.* 2016. № 3 (35).
4. *Коробеев А. И.* Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса : монография. М. : Юрлитинформ, 2019. 342 с.
5. *Лесниевски-Костарева Т. А.* Дифференциация уголовной ответственности : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 1999. 48 с.
6. *Рогова Е. В.* Учение о дифференциации уголовной ответственности : дис. ... д-ра юрид. : 12.00.08. М., 2014. 48 с.
7. *Тепляшин П. В.* Наркопреступность в Российской Федерации: современные статистические закономерности / П. В. Тепляшин, В. В. Молоков // *Всероссийский криминологический журнал.* 2024. Т. 18. № 6.
8. *Тепляшин П. В.* Криминологический анализ наркоситуации в Российской Федерации (с учетом итогов 2024 года) // *Научный компонент.* 2025. № 2 (26)

Научное издание

**УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ
(ПАМЯТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КАФЕДРЫ УГОЛОВНОЙ
ПОЛИТИКИ АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ –
УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)
(24 октября 2025 г.)**

Сборник статей

В авторской редакции

Подписано в печать 23.10.2025. Формат 60х84 ^{1/16}.
Усл. печ. л. 22,1. Уч.-изд. л. 21,3. Тираж 100 экз. Заказ № 51у

Академия управления МВД России
125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

ISBN 978-5-908091-17-6

